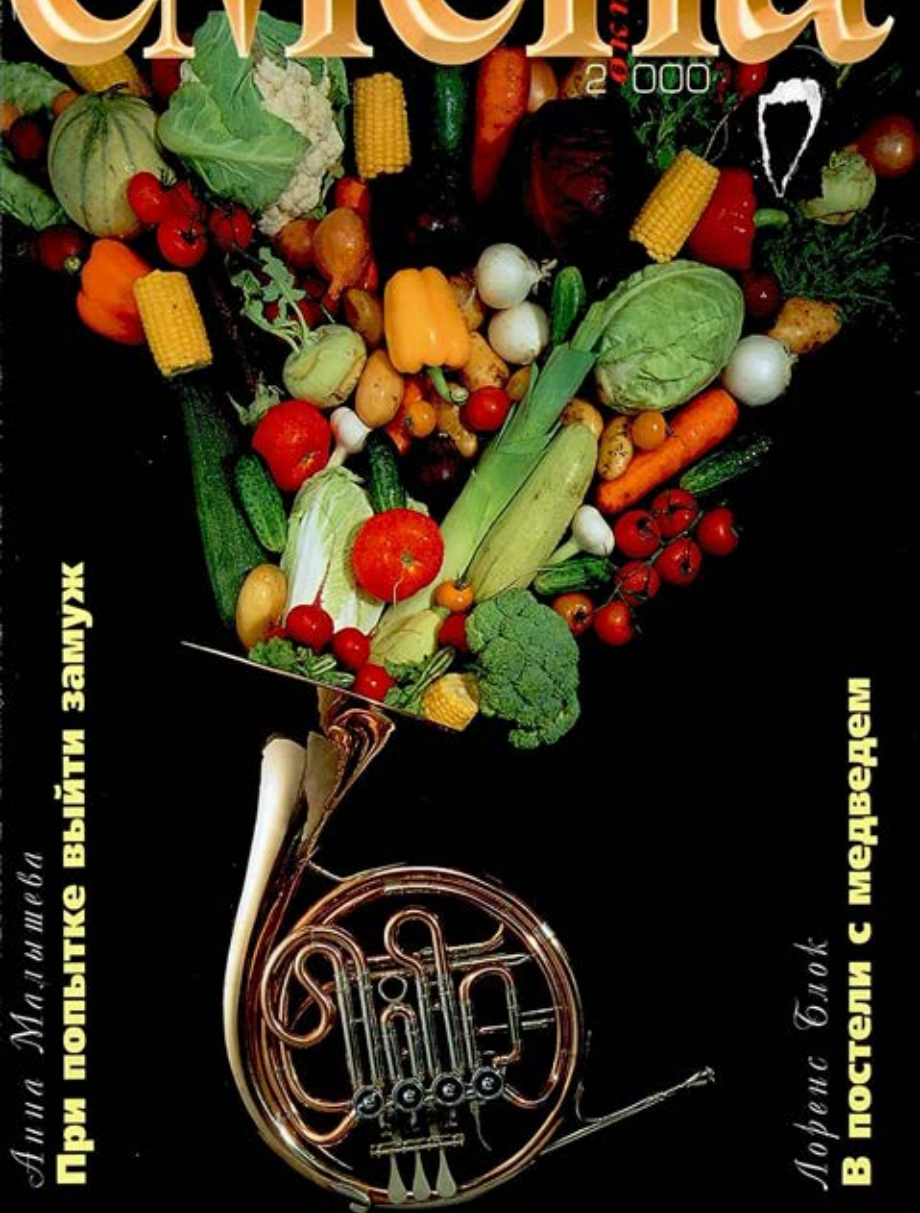


СМЕНА

2000



Анна Малышева

При попытке выйти замуж

Лоренс Блок

В постели с медведем

НЕ БЕРИ
КОТА В МЕШКЕ —

ПОДДЕЛКА



**БЕРИ
НАСТОЯЩЕЕ**

ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ ФАСОВАННЫХ МАСЕЛ «ЛУКОЙЛ»
ОБРАЩАТЬСЯ ПО МНОГОКАНАЛЬНОМУ ТЕЛЕФОНУ: (095) 933-4815

ЛУКОЙЛ

Масло ЛУКОЙЛ покупайте только у официальных дилеров

Главный редактор

Михаил Кизилов

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Данюшевский

Николай Левицел

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

редактор отдела

литературы и искусства

Шамара Чинна

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

10 **2000**
октябрь (1632)

Сдано в набор 17.8.2000.
Подписано к печати 14.9.2000.
Печать офсетная.
Заказ № 2258
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
Факс (095) 250-59-28.
E-mail: smena@garnet.ru
Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Per. № 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"
Отпечатано в типографии
ОАО ПО "Пресса-1"
В случае полиграфического брака
обращаться в типографию
ОАО ПО "Пресса-1"
257-42-29
257-41-03

Журнал распространяется
на самолетах "Аэрофлота".

**Журнал выходит
12 раз в год.**

© "Смена", 2000.

34 *Лоренс Блок*
**В ПОСТЕЛИ
 С МЕДВЕДЕМ**
 Зарубежный рассказ

130 *Анна Малышева*
**ПРИ ПОПЫТКЕ
 ВЫЙТИ ЗАМУЖ**
 Остросюжетный роман

4 *Галина Калинина
 Михаил Михайлов*
**ПРИОРИТЕТЫ
 ЛЕОНИДА ЛОЗБЕНКО**

14 *Леонид Лернер*
**ЧЕЛОВЕК
 С "ОСТРОВА
 СПАСЕНИЯ"**

26 *Светлана
 Бестужева-Лада*
**СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ
 СКЕПТИК**

53 *Виктория Мурашова*
КРОВАВАЯ МЕСТЬ

60 *Ольга Чайковская*
ЗАПЕРТАЯ ДВЕРЬ

94 *Евгений Пятунин*
**ПО ДРЕВНИМ
 РЕЦЕПТАМ**

248 *Галина Калинина*
**В СЕМЬЕ
 НЕ БЕЗ УРОДА**

258 *Владимир Захаров*
**"ЛИНИИ НЕТ,
 РЕБЯТА!"**

стр. 264



стр. 46

На 1-ой обложке:
 фотозод.
 Фотоагентство АЛМИН



46 *Андрей Соколов:*
**"МНЕ ЖАЛКО
 ТРАТИТЬ ВРЕМЯ
 НА ТУСОВКИ"**

80 *Любовь Русева*
**ФАНАТ
 ДИПЛОМАТИИ**

100 *Всеволод Дмитриев*
НИКОЛАЙ ГЕ

120 *Наташья Дроботыко*
**ЛИЦО,
 ЗАСЛОНИВШЕЕ МИР**

264 *Галина Сирик*
"ДЕВОЧКИ"

23 *Шатъяна Котти*

Борис Сопельняк
**НЕЗРИМЫЕ
 СЛУГИ ЗАКОНА**

Во втором очерке о работе Экспертно-криминалистического центра МВД РФ рассказывается о серьезных и запутанных, порою даже анекдотических делах, когда сыщикам удавалось отправить на скамью подсудимых целые банды фальшивомонетчиков и авторов гениальных подделок.

Урсула Кертис
**УБИЙЦА ИЗ
 АЛЬБУКЕРКЕ**

Маленькая Долина жила мирно и спокойно. Но однажды тишину полусонного городка, где самым страшным преступлением были пьяные драки да изредка супружеские разборки, взорвало жестокое убийство двух сестер. По мере расследования круг подозреваемых все расширяется, кроме того, и в прошлом сестер существовала какая-то загадочная тайна. А, может, в городке появился маньяк, ненавидящий весь род человеческий? На самом деле все оказывается намного проще и, одновременно, сложнее и неожиданней...

ноябрь '2000



АНОНС:



стр. 100

Приоритеты Леонида Лозбенко

**Галина КАЛИНИНА
Михаил МИХАЙЛОВ**

На боевом вертолете он пикировал на судно контрабандистов, ошестинившееся стволами крупнокалиберных пулеметов. Он пел solo в Иранской пустыне, прощаясь со своим хором, который рукоплескал ему стоя. Он не один раз обогнул планету, догоняя свою фамилию, блуждающую в многочисленных сайтах Интернета. Лучшие университеты приглашают его читать лекции. Президенты и премьер-министры прислушиваются к его прогнозам.

Леонид Аркадьевич ЛОЗБЕНКО — наш человек в клубе высших мировых руководителей. Он — заместитель Генерального секретаря Всемирной Таможенной Организации. Скажем сразу, эта должность — выборная. Для того, чтобы занять ее, надо, чтобы тебя выбрали — тайным голосованием — представители ста пятидесяти стран мира, иного пути нет.



“Я сказал “да” и поехал”

Самое поразительное — он сам никогда нигуда не “пробивался”, доверчиво двигаясь по силовым линиям судьбы, и она его не подводила. Ему, окончившему МГИМО с красным дипломом, предложили самое лучшее распределение на курсе — Институт общественных наук при ЦК КПСС. Тогда это было более, чем лестное предложение. Тем более — для провинциала, не имевшего московской прописки. Все как будто уже решилось, однако его нигуда не вызывали. И тогда нашелся порядочный человек, который откровенно сказал парню: “Сынок, ты этого распределения не жди, пото-

му что в самых высших кругах общества есть люди, детей которых надо устраивать”. Сын слесаря и медсестры из Донбасса, он все понял и спросил, какие еще есть варианты распределения. Ничего уже не было. Правда, министерство геологии искало переводчика в Иран. “Я сказал “да” и поехал”, — вспоминает Леонид.

В Тегеране, в центральном офисе, для Лозбенно тоже “ничего уже не было”. И тогда он поехал переводчиком в геологическую партию, которая искала железную руду в центральной иранской пустыне Дашт-э-Невир. До ближайшего населенного пункта — сто десять километров. Однако место ссылки Александра Манедонского обернулось для

Лозбенко отнюдь не ссылкой. "Это был самый счастливый год нашей жизни". Там, в иранской пустыне, впервые произошло "воссоединение семьи".

Чета Лозбенко относится к той редкой категории счастливых пар, которым суждено, встретившись в юности, пронести через годы свои чувства, выдержавшие испытания и временем, и расстояниями. Он ее встретил еще в школе. А поженились одноклассники, когда Леонид пришел из армии. Виктория окончила институт иностранных языков в Горловке и поехала работать в деревню в Харьковской области, а он учился в Москве, в МГИМО. Когда Леонид был на втором курсе, родилась Юлия. И впервые они зажили своим домом там, в Иране, который он потом исполесит вдоль и поперек. Воспоминания? Глубокое небо с мириадами звезд. Воюющие шакалы за Красной горой. Небольшой оазис в пустыне. Искусственная роща. Розы. Подземный ресторанчик. Павлины. Словом — счастье. Только сейчас, вспоминая то благословенное время, он понимает, какие они с женой, однако, отчаянные люди. Там, в Иранской пустыне, Лозбенко с друзьями организовал... русский хор. Ну, и сам пел, конечно. Говорит, он большой любитель этого дела. Нетрудно догадаться, что его "коронна" — "Вышел в степь донецкую парень молодой". (Последний раз пел ее дуэтом с Иосифом Кобзоном на свадьбе дочери.)

Через год работы в иранском захолустье в жизни Лозбенко произошёл крутой поворот.

У генерального директора национальной Иранской металлургической корпорации доктора Шей-

бани заболел переводчик. Когда Шейбани приехал проводить большую конференцию в той самой геологической партии, где работал Лозбенко, Леонида Арнадьевича попросили заменить переводчика.

— Помогая проводить конференцию, я, естественно, видел некоторые ошибки, которые допускали выступающие, когда говорили о горно-геологических проблемах, — рассказывает Лозбенко. — В свое время я окончил горный техникум и прекрасно понимал, о чем идет речь. Мне пришлось деликатно поправлять ораторов, что привело в изумление доктора Шейбани... В конце конференции он сказал главному советскому эксперту по геологии: "Я хотел бы, чтобы этот человек работал с нами постоянно у нас в центре". Меня перевели в Тегеран помощником главного эксперта по надрам — заниматься всеми советскими тогда еще специалистами в Иране по линии министерства геологии. Это позволило исполесить Иран вдоль и поперек.

Точно так же — "вдоль и поперек" — он потом исполесит весь мир. Если Лозбенко о чем-то рассказывает, будьте уверены — он знает это не понаслышке: сам видел, разговаривал, участвовал... В Иране же ситуации случались — не дай Бог! Как-то из одного городка в предгорьях они с экспертом решили выехать совсем рано поутру, чтобы заскочить еще в какую-то геологическую "точку" на пути в Тегеран. Днем включили в машине радио и поняли, что в Тегеране их уже мысленно похоронили, — тот городок через пятнадцать минут после их отъезда перестал существовать. Землетрясение. Пятнадцать тысяч погибших.

Как перевернуть таможню с головы на ноги?

— Леонид Арнадьевич, вы верите в судьбу?

— А как иначе объяснить то, что я попал в таможенную службу?

В 1985-м тамоння ассоциировалась лишь с ритуальной проверкой чемоданов на границе. Собственно, так оно в Советском Союзе и было. Да и могло ли быть иначе при централизованной экономике и Госплане, когда никто, кроме государства, не мог выйти на внешний рынок? Что там было контролировать на границе, кроме баулов?

Когда барьеры были сняты, таможню выделили в самостоятельное ведомство — Главное управление государственного таможенного контроля, которое подчинялось непосредственно Совмину страны. Речь шла не столько о реорганизации, сколько о создании, по сути, с нуля настоящей таможни — в международном понимании этого ведомства. Руководить ее международным отделом и предложили Лозбенно, который в то время работал в ЦК комсомола.

Он раздумывал над предложением один день.

Его согласие для семьи стало шоком ("Зачем ты все бросаешь и уходишь в никуда?"). На новой службе у него не онаялось даже стула. Через пять лет Леонид Арнадьевич был уже первым заместителем председателя ГТН.

— Таможенной службой тогда руководил Виталий Константинович Бояров, — рассказывает Лозбенно. — Это историческая фигура. Он юрист, профессиональный работник спецслужб. (Кстати, Боя-

ров — прототип генерала Константинова из книги Юлиана Семенова "ТАСС уполномочен заявить".) При Боярове был совершен колоссальный рывок в понимании того, как должна развиваться наша служба. Вы не представляете себе, как тяжело в такой огромной стране создать фактически новое ведомство, которое обязано контролировать всю внешнюю торговлю в условиях отсутствия соответствующих законов. Мы долго спорили, с чего начать, за какую ниточку потянуть, за какое звено взяться? Нам говорили, ребята, надо обустроить границы, очень важно законодательство, обучение кадров... Обустройство границ — это то, что всем понятно, а вот где то, что объединило бы идейно все эти вещи, где ключ?

— И вот однажды звонит Бояров и говорит, ты знаешь, Леонид, у меня есть идея, — вспоминает Лозбенно. — Он предложил начать с грузовой таможенной декларации. Я скривился — "это неинтересно". Он отвечает, все важно в таможне, возьми грузовую таможенную декларацию (у нас в стране ее не было в принципе), в ней 53 позиции, каждая — целое направление, огромный раздел, а все вместе — технология оформления грузов. Сколько лет уже прошло, а продолжаю восхищаться Бояровым: как это пришло в голову ему, юристу, а не мне, экономисту-международнику? Сейчас для молодого поколения таможенников все это кажется таким ясным, понятным. Когда им рассказываешь, как все начиналось "с ничего", они не верят. Надо было бунвально за месяцы поставить таможню с головы на ноги — с контроля пассажиров перейти на контроль грузов, причем, с

оформлением не на границе, а внутри страны.

Но не зря они с Бояровым набивали синяки и шишки, проходя этот путь. Тот поистине уникальный опыт сегодня востребован, он — фундамент отношений Лозбенко с руководителями таможенных служб всего мира.

"Качество я вам гарантирую!.."

Интересно, как ему вообще тогда, в начале девяностых, пришла в голову мысль, что он может представлять Россию на таком уровне — во Всемирной таможенной организации? Впереди маячили хорошие перспективы в Москве и вдруг — Брюссель, чиновник...

— Нет, впереди "маячил" распад Советского Союза... — *размышляет Леонид Арнадьевич.* — У нас в стране находился с визитом генеральный секретарь Всемирной таможенной организации Том Хейес, австралиец. Мы с ним много говорили о жизни, об экономике, о таможене. Уезжая, он поинтересовался моими планами на будущее и посоветовал поучаствовать в закрытом конкурсе на замещение вакантной должности директора департамента людских ресурсов и планирования (конкурс в это время как раз проводился в Брюсселе). Мы не так давно стали членами этой организации и, казалось бы, у нас не было шансов прорваться туда... Отправили документы в Брюссель и вдруг неожиданно узнаем, что я выиграл конкурс. Вот вы спрашивали, верю ли в судьбу. А как не верить?

За пять лет на посту директора департамента кое-что удалось сделать. Была разработана комплексная система модернизации тамо-

женных служб. Ее опробовали в разных регионах земли, особенно в развивающихся странах и странах с переходной экономикой — пришлось много ездить. А когда заканчивался мой срок, объявили конкурс на замещение вакантной должности заместителя генерального секретаря Всемирной таможенной организации. А эта должность — второй человек в таможенном мире — уже выборная. Выборы проходили в Гонконге. Все считали, что победит Франция, даже речи о другом не было — "туда там русским". 150 стран участвуют в тайном голосовании, каждому раздается бюллетень, все делается в один день, моментально, при вас, поэтому подтасовать что-то нереально. Подсчеты ведутся в президиуме на глазах у всех. Мы, пятеро претендентов, сидим сзади, я звездочки считаю на ковре. Перед последним туром нас осталось двое — я и француз. И вдруг неожиданно арабские страны просят технический перерыв для консультации. Президиум посоветался и, поскольку разгорелся нешуточный сыр-бор, разрешили пятнадцатиминутный перерыв, но нас, претендентов, из зала не выпустили. Все ушли группами: там Европа — шу-шу-шу, там Азия — ля-ля-ля, там арабские страны — та-та-та... Все вернулись обратно. Последний тур, где решается наша судьба. Начинается голосование, а потом — мертвая тишина. Муху слышно в зале. Смотрю, как президиум реагирует на итоги голосования и вижу, что у генерального секретаря, американца, вытягивается физиономия, — произошло что-то неожиданное. Я победил подавляющим большинством голосов. В зале поднялся гвалт. Причем первыми всно-

чили страны СНГ и, что удивительно, прибалты начали кричать: "Мы победили!" Поднимаюсь в президиум. После такого диного напряжения ничего не приходит в голову, крутится на языке только слоган из рекламы, которую тогда показывали у нас по телевидению, про то, что качество будет гарантировано. Вот я и сказал, поблагодарив зал, что, мол, качество вам гарантируется. Хохот, аплодисменты — попал в точку. Так началась моя судьба как заместителя генерального секретаря, и вот уже остается полтора года до окончания моего срока.

"Бедный таможенник — страшная угроза для государства"

— Леонид Арнадьевич, сейчас в России и на огромной территории бывшего СССР работает много ваших друзей, воспитанников, учеников. Как складывались их судьбы в этот период?

— Очень непросто. Во времена перестройки была допущена стратегическая ошибка. Еще не было никаких законов, но уже сняли барьеры и все начали выходить на внешние рынки, многие становились миллионерами за две-три сделки. Мы предлагали: давайте не спешить, давайте сначала создадим правоохранительный наряд из таможни, МВД, КГБ, других структур и не дадим разворовать страну. В рамках этого наряда давайте, что хотите, пишите любые законы, а мы просто не дадим разворовать. Но в тот период посыл был один — "Рынок все расставит по своим местам". Вот он и "расставил": в первые два-три года вывезли чуть ли не половину нацио-

нального достояния. Нарнаса-то не было, и когда мне звонили таможенники с границ в начале 90-х, они, воспитанные в советский период в духе любви к Родине, плакали в телефонную трубку: "Леонид Арнадьевич, уходят эшелоны". Но тогда был провозглашен лозунг "Разрешено все, что не запрещено". Вы можете себе представить моральное состояние таможенников в этой ситуации, когда еще нет разрешенной к вывозу номенклатуры, нет законов — ну ничего еще нет! — а им говорят "ну-ну" и уходят, попробуй, мол, меня тронь. Это тогда очень сильно ударило по нам... Потом мне говорили, что я был прав, я же отвечал: а теперь вы начнулись совершенно в другую сторону — начали закручивать маховик, когда парто уже весь вышел.

— Вот где начало нынешних проблем, — продолжает Лазбенко. — Зарплата таможенника как была, так и осталась мизерной. Если урежут зарплату шахтеру, металлургу, например, эти люди пойдут с транспарантами на Горбатый мост стучать насками, но денег им взять негде (разве что грузчиками подработать). А вот если таможенника оставить без средств, ему есть где их взять. И взять много. Он не будет стучать наской на Горбатом мосту, он найдет деньги. У государства. Он возьмет у нас с вами. Поймите, бедный таможенник — это страшная угроза для страны. Люди, которые стоят на защите главных экономических интересов государства и дают сороч процентов доходной части бюджета, должны быть неуязвимыми для взятки. Представить трудно, наной ущерб нанесет нам взявший взятку таможенник, через которого

идет миллиардное дело. Общество должно понимать, что налоговая служба работает внутри страны, а таможня своим острием во многом обращена вовне — это единственное ведомство, которое является мостом между государствами. Это самое главное.

У нас сейчас очень хорошие ребята работают в таможенной службе, но перед страной стоит такое огромное количество задач, что, боюсь, не все знают, как правильно выбрать приоритеты. Это поражает везде, не только у нас, когда встречаюсь с высшими должностными лицами государств. На простой вопрос "Что для вас важнее всего?" многие затрудняются ответить, особенно, если речь идет о таможне.

— А что для таможни — главный приоритет?

— Это определяем не мы, а правительство страны. Сегодня приоритет ясен — деньги. Таможне дана задача собрать их как можно больше. И бедные наши ребята стараются изо всех сил для того, чтобы вывернуть все карманы и пополнить бюджет. Сейчас они дают сорос процентов его доходной части. Мне говорят, а нельзя ли больше? Отвечаю: можно, но нельзя доводить это до абсурда. Правительство любой страны стоит на двух ногах — налоговой и таможенной. Американцы в конце прошлого-начале нынешнего века не имели хорошо развитой налоговой службы, и у них весь стопроцентный доход шел в бюджет за счет таможенных сборов. А потом они выстроили отличную налоговую систему, и теперь таможня дает 3-4 процента, но это составляет примерно годовой бюджет России. Их таможня делает все это в автома-

тическом режиме и при этом выполняет другую важнейшую функцию — обеспечивает применение законодательства от имени 50 федеральных ведомств США. Вот что надо объяснять и президенту, и премьеру, и совету безопасности, потому что эти вещи важно понять людям, определяющим стратегию развития государства.

— Леонид Арнадьевич, а что будет происходить с мировым таможенным пространством через 15-20 лет?

— Многие спрашивают о том, что будет дальше. Недавно в Вашингтоне вместе с Международным Валютным Фондом и Всемирным Банком мы обсуждали наши будущие программы. Было проведено анкетирование большинства таможенных администраций — как они видят будущее? Многие считают, что не нужны новые международные конвенции, что существующего правового инструментария достаточно. Нужно просто правильно встроить таможенную систему в архитектуру международных организаций и взаимоотношений. Что имеется в виду? Во-первых, многие высшие должностные лица, как это ни парадоксально, неправильно понимают сущность таможни. Сейчас в результате многосторонних переговоров уровень таможенного обложения снижается, а уровень элекронной коммерции резко идет вверх, вот многие и говорят: "А зачем таможня в такой ситуации?" Это большое заблуждение, потому что, во-первых, грузы все равно будут пересекать границы. Во-вторых, как бы уровень тарифов ни понижался, мы еще очень далеки от того дня, когда таможенные сборы не будут иметь принципиального значения. Да, в

дюжине стран это так, но поди за-
бери из бюджета США эти 3-4 про-
цента — ого, как взвоют. А в це-
лом ряде развивающихся стран на-
ши сборы вообще дают до 70 про-
центов доходной части бюджета.
И, наконец, третье. В каждом госу-
дарстве есть много ведомств, ко-
торые хотели бы участвовать в ре-
гулировании внешнеэкономиче-
ской деятельности. Любое мини-
стерство, ведомство обязательно
хочет чего-то там ограничивать. На
здоровье! А кто будет обеспечи-
вать выполнение этих ограничений
на огромной таможенной террито-
рии? Или каждое ведомство долж-
но разворачивать пункты контроля
по всему периметру границ? Вот
почему развитые страны все боль-
ше и больше делегируют все эти
вещи одному ведомству — тамо-
же. Вот наше будущее.

“Дайте мне точку опоры и...”

— *А ваше личное будущее?
Через полтора года заканчивает-
ся ваш мандат...*

— Многие сейчас и здесь, в
России, и на Западе, спрашивают о
моих планах, делают предложения.
Всем отвечаю, что полтора года —
это очень большой срок сейчас, ко-
гда мир меняется так стремитель-
но. Конечно, есть задумки... Моей
философией модернизации разви-
тия таможни уже пользуются мно-
гие международные организации и
государства. Но сил и средств да-
же у них, чтобы воплотить все это
в соответствии с запросами, нет. А
что, если либо за счет международ-
ных организаций как консорциума,
либо за счет привлечения частного
капитала, инвесторов, создать не-
что, что помогло бы воплотить эти
идеи в глобальном масштабе?

Большой бизнес проявляет к ним
немалый интерес, потому что та-
можня регулирует мировую торго-
лю. Это естественно, ведь от того,
на каком уровне понимания нахо-
дится таможенная служба, зависит
то, как бизнес себя ощущает. Не
случайно Всемирный Банк такое
огромное внимание уделяет модер-
низации налоговых и таможенных
служб: за последние девять лет в
43 подобных проекта он вложил
4,7 миллиарда долларов. Дайте
мне десятую часть этих средств —
и я вам гарантирую успех на многих
континентах. Мало кто представля-
ет себе, что и как можно сделать в
глобальном масштабе. К счастью,
я сейчас нахожу все больше едино-
мышленников на самом верху, сре-
ди генеральных секретарей Все-
мирных организаций. В частности,
генеральный секретарь Всемирной
торговой палаты Мария Ливанос
Каттауи, одна из самых влиятель-
ных фигур мирового бизнеса, очень
хорошо все понимает. “Леонид, —
говорит она, — если нужна под-
держка мирового бизнеса, он будет
на вашей стороне”.

— *Леонид Арнадьевич, гово-
рят, практически все ваши прогно-
зы сбываются... Таможенное про-
странство России и стран СНГ —
будет ли это единое целое?*

— Вполне допускаю, что через
10-20 лет в нашем деле вместо
огромной массы документов будет
всего одна универсальная конвен-
ция, и это в принципе достижимо.
С развитием информационных тех-
нологий мир вообще теряет чет-
кие границы. Хотите предска-
зание? Считаю, что глобализация не-
избегна через регионализацию.
Только так. Посмотрите, наиболее
успешно сегодня работают именно
региональные группировки. Когда

вы пытаетесь что-то сделать вместе с соседями, даже на даче дела идут веселее. Важно на самом верху договориться о правилах игры, которые были бы выгодны россиянам, вот тогда, если хотите, и произойдет этот процесс слияния и дальнейшей глобализации.

...Неслучайно моя докторская диссертация посвящена тому, как сделать так, чтобы наши конвенции (то есть некий инструментарий) могли быть использованы любым государством земли в виде матрицы — чтобы правительства и парламенты, новые поколения таможенников не изобретали велосипед. Каждый год в мире примерно в 30-40 странах меняются руководители таможенных служб. И каждый из них норовит удивить всех нововведениями, что подчас приносит многомиллионный ущерб. Моя идея проводить специальные ознакомительные сессии в Брюсселе для новых начальников таможенных служб с восторгом воспринята во всех регионах земли.

— *Вы встречаетесь с мировой элитой на уровне правительств, парламентов, таможенных служб, а как мы смотримся на международном уровне?*

— Тяжелый вопрос... К сожалению, мы лишены того, что называется корпоративной, исторической памятью. За восемь с половиной лет в Брюсселе могу проследить трансформацию отношения к нам. Все развивалось от захлебывающегося восторга до, извините, потери всякого интереса. Почему? Да потому что мы сами себя подозреваем во многом. Такого самобичевания и такого количества чернухи, которую русские выливают на себя, не сни-

лось ни одному государству. Международным чиновникам в этой связи вдвойне тяжело. Но изменения отношения к себе я не замечаю. Более того, чувствую увеличение внимания, наверное, из-за того, что русских на этом уровне мало. Так что стараюсь держать марку и держать удар.

— *Что значит "держать удар"?*

— Все время приходится жить на таком срезе: с одной стороны, я отвечаю за развитие мировой философии таможни, меня слушают на любом форуме, а с другой стороны, я — русский, представляю нашу страну, и потому мне всегда могут сказать: "Если вы такой умный, то почему вы у себя всего этого не делаете?"

"Мы — боевые люди"

— *Определяя философию мировой таможни, вы ведь еще занимаетесь и борьбой с контрабандой?*

— А как же иначе, мы — боевые люди. По объему оборота наркотического рынка сравним с нефтяным. Понимаете, с чем мы имеем дело? На границах США, например, идет настоящая война. Представьте: Юг. Мексика. 28 дорожных полос движения в одном направлении. Рев, жара, там можно сойти с ума через десять минут. Это живая экономина. И вот в этой ревующей эноминине надо бороться с транзитом наркотиков. Схемы самые разные. Перед границей очередь машин замедляется, они двинутся со скоростью примерно 5-10 километров в час. За это время собака успевает обегать кругом машину. При мне собака облаяла грузовик. Его немедленно завернули в "елку" (специальный бокс), за пятнадц-

цать минут раздели до колес и болтов. В боковой двери — 15 килограммов гашиша. В кабине сидит беременная женщина и ребенок.

Другой вариант. Майами, аэропорт. Идет огромная очередь к пункту контроля. Навстречу ей движется красивый, как в кино, индеец с орлиным профилем и смотрит людям в глаза. Тот 28-летний парень — наш таможенник, психолог. (Обычно психологами работают индейцы, потому что у них очень развита интуиция, наблюдательность.) Он тренированный человек. Индеец вывел из очереди двух пассажиров, в специальной досмотровке мы с ними поговорили. Оба очень бледные. Сделали рентген — внутри так называемый "столб" со специально упакрованными наркотинами. Вообще-то, мы начинаем работать еще в порту отправления, потом — в самолете, потом — в аэропорту прибытия. Везде наши люди. Чтобы вы знали мощь таможенной службы, скажу, что дежурный диспетчер-таможенник любого направления, например, в США имеет право нажатием кнопки поднять в воздух звено боевых самолетов на перехват. Но сейчас контрбандисты действуют еще более изощренно. Они запускают тихходный самолетик, который движется вдоль побережья в районе камышей и сбрасывает наркотики на поплавках. Даже если его принудили сесть — он чист, у него ничего нет. А из шельфа на бешеной скорости высканивают натера, и с них специальными крюками эти поплавы выхватываются с воды. Я выходил там с американской службой на боевой перехват — ветер в ключья рвет рубаху. Такая война идет везде.

"Ты уехал, и время остановилось..."

Н нештатным ситуациям ему не привыкать. Из Ирана он уезжал, когда там началась революция. Рядом с домом фанатики штурмовали американское посольство, на улицах жгли машины, били стекла, стреляли... Толпа ворвалась в советское посольство и разрушила первый этаж — место знаменитой тегеранской встречи Сталина, Рузвельта и Черчилля. Вся центральная улица была забита автомобилями и горела. Лозбенно звануировал геологов, а потом уехал с женой последним поездом. Да-да, это Иран Лозбенно вспоминает сейчас, как самое счастливое время их жизни...

С тех пор он, наверное, не раз опоясал земной шар на самолетах и убедился, какая маленькая у нас планета. И где бы он ни был, Лозбенно знает, есть место, где его всегда ждет старенькая уже мама. Он садится в самолет и летит к маме в маленький городок в Донбассе. Воят собаки, ветер гоняет мусор... Он молча месит грязь сапогами, идет на кладбище к могиле отца, а сердце кровью обливается. Говорит, нет в жизни ничего более тяжелого...

Где бы он ни был и каково бы ему ни было, его всегда ждут любящая жена, сын с дочерью, внучка Полинна... Когда Леонид Арнадьевич позвонит домой из очередной командировки, серый попугай Рони обязательно закричит: "Алло! Привет", а Виктория признается: "Ты уехал, и время остановилось".

Нажется, точнее сказать нельзя. ■



Человек с “острова спасен

Леонид ЛЕРНЕР

Национальный парк Лосиный Остров — первый из нынешних тридцати пяти в России, перешедших из ранга заповедников в “чин” парка. Впрочем, сразу поставим точки над “i”: практически все наши национальные парки пока лишь бледная калька с западных

своих собратьев. Тем более удивила восторженная реакция на Лосиный Остров Майкла Финли, директора знаменитейшего Йеллоустонского национального парка площадью под миллион гектаров, с древними ледниками, гейзерами, цветущими долинами, богатей-



ИЯ



Валерий Герасимов

шей флорой и фауной... Чем же поразил этого "миллионера" наш крошечный (всего-то двенадцать тысяч гектаров) "островок спасения"? "Лосиный Остров — это фантастика! — восклицал он. — Еще утром я стоял на Красной Площади, в центре огромного города, а

спустя всего час уже плыл на байдарке по заросшим плавням, где звери и птицы чувствуют себя, как дома, видел спокойно пасущихся оленей — и не мог поверить, что все это происходит в Москве. Ни в каком другом мегаполисе мира нет подобного парна!"

фото Игоря Яковлева

— Майкл Финли владеет информацией, — говорит Валерий Герасимов, заместитель директора Лосиногостовского Острова по охране. — В отличие от любого западного национального парка мы расположены посреди всех "прелестей" мегаполиса — фабричных дымов, вредных выбросов, загрязненных водоемов, строен и свалок. Но наш лес живет: светлые березняки, золотые сосновые рощи, могучие дубы, здоровый молодой подлесок, разнотравье, полное грибов и ягод... Для западных экологов дикая природа на границе большого города — явление феноменальное. Недаром Лосиный Остров приняли в Федерацию национальных парков Европы. При этом тот же Финли, восхищенный нашим парком, даже представить себе не может, чего стоит хотя бы сохранить (о процветании нет и речи!) то, что уже существует. У нас ведь тоже все понимают, как необходимы человеку чистый воздух, чистая вода, свежая зелень — здоровая среда. Но в нынешней шпале российских ценностей экология занимает последнюю ступень. Четверть века занимаюсь охраной природы, но лишь в последние десять лет кризис достиг своего пика...

Испытание Дарвинским

Когда-то мы оба были газетчиками. Валерий работал в "Комсомолке". И вдруг исчез. Спустя время я узнал, что он работает лесником в Дарвинском заповеднике. Затем до меня донеслось: Герасимов (журналист с высшим) поступил в Рыбинский лесной техникум. А окончив его, стал лесничим самого глухого кордона на Рыбин-

ском море. Рассказывали, что туда к нему, едва кончив школу, приехала Таня. И вот они живут уже втроем (родилась Анька), потом вчетвером (родилась Натка)...

В день моего приезда на кордон Валерий с женой сажали картошку — Таня вела по бороздам лошадь, он шел за плугом. Кроме большого огорода Герасимовы держали и скотину. При мизерном жаловании лесничего без хозяйства было просто не обойтись. В то же время Валерий на добрую сотню километров леса и воды исполнял обязанности охотнадзора, рыбинспектора, научного наблюдателя и информатора.

Когда Герасимов поселился в Горловке, людям, живущим вокруг — на Рыбинском море и за морем, ходившим в заповедник за зверем, рыбой и клюквой, как к себе домой, было невдомек, что сюда пришел человек, для которого охрана природы не только служебный долг, но и главная заповедь жизни. Он никому не давал поблажек: от него не уходили без наказаний ни заведующий отделом обкома, ни следователь уголовного розыска, ни общественные инспектора. Разнесся слух, что в Горловском лесничестве берут всех нарушителей, независимо от служебного положения. И появилось уважение к непримиримости лесничего. Его популярность особенно выросла после истории в Торфяниках, когда, чуть не утонув в полынье, простояв шесть часов в мокрой одежде на льду, он держал под прицелом двух матерых браконьеров, пока не прилетел вертолет.

А спустя несколько лет я получил известие: лесничий Герасимов уволился из заповедника, но-

тому отдал девять лет жизни. Природная культура, выдержка, бесстрашие, любовь к природе сделали его настоящим профессионалом. И вот заповедник такого профессионала лишается. В чем же причина? Я знал о постоянной войне администрации Дарвинского с неудобным лесничим, но был уверен, что Герасимов им просто не по зубам. Однако его окружили такой паутиной интриг и придирок, что он задохнулся. "Однажды поймал себя на том, что вздрагиваю от обычного телефонного звонка, — признавался он мне. — Отчего — не пойму. Страшно и стыдно. Тогда и решил — надо уходить. Пойми, моим детям нужен отец".

В это время Валерий и Таня ждали уже третью девочку — Ксюшу.

Цена "островов спасения"

Где-то на втором году "перестройки", когда Валерий уже работал в Лосином Острове, Министерство охраны предлагало ему вернуться в Дарвинский директором. Тогда у Герасимова уже было четверо детей, двое последних — мал-мала меньше. От лестного предложения он отказался, и не только из-за семьи.

— После моего ухода из Дарвинского ушли все мои единомышленники — ученые, охотоведы, лесничие. Во-вторых, если бы все-таки согласился, мы бы с тобой, наверное, уже не встретились. Ведь с самой "перестройки" в заповедниках и национальных парках России начался полный беспредел. Недавно прочел книгу Феликса Штильмарна "Историография российских запо-

ведников", из которой узнал, что 1985-й был последним благоприятным годом в истории нашего заповедного дела. Оказывается, мне повезло: те годы, что я провел в Дарвинском, были лучшими в его жизни. А сейчас продолжается спад. На кордонах уже нет постоянных лесников и лесничих. Контроль осуществляют вахтовым методом. Жить там сегодня — равносильно самоубийству. В прошлом, бывало, я приводил в Горловку сразу троих охотников-браконьеров. И они шли! А нынче, думаю, пристрелили бы, не моргнув глазом.

Впрочем, Герасимов никогда не стремился руководить. Нуда больше его привлекают "белые пятна". А потому, придя в Лосиный Остров, сразу занялся историей этой заповедной земли и экологическим просвещением. Он понял, что о Лосином надо знать все, чтобы увязать это знание в систему, работающую на национальный парк. Нашел группу энтузиастов-ученых и специалистов, которые несколько лет вели историко-ландшафтные исследования. Раскопали древние селища, курганы X-XII веков, остатки дворца Алексея Михайловича Тишайшего, при котором и начались здесь царские охоты, воссоздали историю знаменитого Мытищинского водопровода, который с XVII века снабжал водой Москву и ее фонтаны.

— Откуда название — Лосиный? Лосей было много?

— Когда-то было очень много. Но во времена царей Петра и Павла всех побили, из их ножи армейские штаны делали, так называемые лосины. А когда лосины вышли из моды — животные снова



размножились. Нынче у нас 24-25 голов. Для здешнего леса, его нормовой базы больше и не нужно.

— В чем выгода ваших исследований для парка?

— Мы повысили ценность этой территории, интерес к ней. В Лосиный Остров устремились тысячи людей, мы проводим уже по несколько сот эколово-познавательных экскурсий в сезон.

Конечно, по большому счету национальные парки — явление благополучного государства. Они создаются для состоятельного общества, для людей, имеющих деньги и свой транспорт, которых даже расстояние в 500-1000 километров (все национальные парки на Западе находятся вдали от городов) не остановит. К тому же эти люди прекрасно знают, что их ждет: реликтовые леса, чистейшие реки и озера, водопады и

каньоны, свободный мир растений и зверей. Плюс великолепный сервис и отличный отдых. А Лосиный Остров одной третью входит в огромный грохочущий город, природа здесь обычная — среднерусская, место ровное. Отсюда и идея: чтобы сюда шел поток, надо находить как можно больше интересного. На территории парка создана целая сеть экологических троп, связанных не только с природой, но и с историко-культурным наследием этих мест.

Известно, что тот же Йеллоустонский национальный парк неплохо зарабатывает на туризме. Но так же ясно, что не будь мощной государственной поддержки, он бы вылетел в трубу. У нас же государство окончательно "кинуло" свои заповедники и парки, цинично заявив, что пришло время "самим зарабатывать".

Российские заповедники страдают многими болезнями: катастрофической нехваткой кадров, отсутствием профессионально-научных методик, низжайшим правовым статусом. И все же главной язвой является утилитаризм. Помню, когда я впервые заинтересовался жизнью заповедников, услышал немало "SOS". Камчатский Кроноцкий заповедник изнемогал от нашествия "промысловых людей", в Горно-Алтайский пригнали на отнорм 20000 овец, степи Хоперского гибли под тяжелыми плугами, а в Жигулевском и того пуще — там добывали полезные ископаемые! Между тем сама идея заповедных территорий гениально проста. Еще в начале века русский ученый-лесовод Докучаев писал: "Имея перед собой для изучения сперва опустошенную, а за-

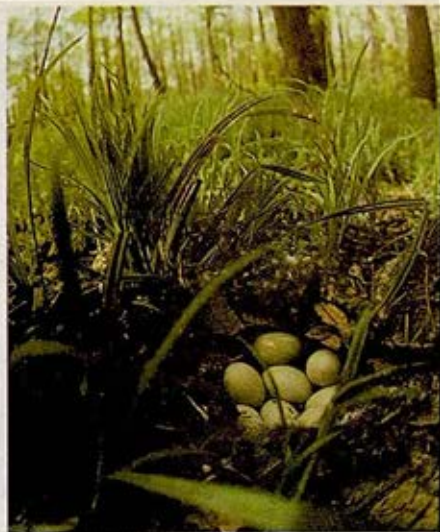
тем культивированную природу и не имея для сравнения ни уголка природы более или менее первобытной, мы не сможем разгадать целого ряда важнейших природных загадок..." Обладая столь богатыми природными ресурсами и обширными землями, наша страна, как никакая другая, может позволить себе без ущерба для народного хозяйства хранить в неприкосновенности некоторые территории, используя их исключительно в целях науки и будущего. По этому поводу исследователь российского заповедного дела Реймерс выразил оптимизм: мол, настанут времена, когда все мы поймем истинную ценность подобных "островов спасения".

А пока... Из всех национальных парков и заповедников России Лосиный Остров чуть ли не единственный, где сотрудникам, пусть немного, но все же платят. Две трети парка лежит в Подмосковье, но содержит его Правительство Москвы — "Луннов нас кормит".

Любить — значит беречь

— Посетители Лосиного Острова — кто они? — спросил я Герасимова.

— Есть несколько категорий. Самая постоянная — люди, живущие рядом, ходят сюда каждый день. Самая вредная — "пикниковая": мусорят, жгут костры, жарят шашлыки. Категорически не разрешаем. Но, кажется, где-то в начальственных кабинетах уже зреет утилитарная тенденция — за определенную плату разрешить костры. Третья категория — спортсмены и влюбленные. И, наконец, самая большая



и самая взаимопользная — дети всех возрастов: от детского сада до выпускников школ. Мы дружим с природоведческими кружками — здесь, в нашем парке, ребята претворяют теорию в практику. В самые трудные для Лосиного Острова годы руководство парка находило средства для просветительской инфраструктуры. У экологических троп построены избы с печами и самоварами, украшенные изделиями народных мастеров. Экскурсанты приходят в избы, сбрасывают рюкзаки и идут с научным сотрудником на тропу, в дикую природу. Возвратившись, пьют чай из самовара, беседуют, отдыхают. Правда, в последнее время (в связи с "самообеспечением") приходится, увы, иногда отменять экскурсии в пользу лесных банкетов. В наших уютных избыах и богатые любят повеселиться.

— Ты вновь вернулся на круги своя — "историк" и "просветитель" возглавил охрану парка. Под тво-



им началом команда госинспекторов. Что в ваших силах?

— Сегодня, когда национальные парки, в силу сложившихся условий, не могут по настоящему развиваться и благоустраиваться (я верю в перспективу, но она еще далека), мы обязаны хотя бы сохранить заповедную землю до тех времен, когда государство, наконец, повернется лицом к природе. В 1995 году вышел "Закон об особо охраняемых природных территориях". Раньше все, кому не лень, понушались на эти земли, отхватывали лакомые куски. Сейчас наши границы — дело святое. Но теперь война идет внутри — с экологически невежественными людьми — заезжают на машинах, жгут костры, раски-

дывают мусор, рвут растения. Все нарушения природоохранного режима должны пресекаться. Как? Оружия у нас нет. В особых случаях привлекаем в помощь экологическую и районную милицию. И нужно сказать, их помощь надежна.

Однажды, объезжая с Герасимовым Лосиный Остров в его патрульной машине, мы наткнулись на типичный пикник: пять-шесть мордатых мужиков с девицами, заехав в самые дебри на машинах, жарили шашлыки. Валерий подошел к ним, коротко сказал: "Даю пять минут, чтобы собраться и уехать". Мужики заготопали. Один встал, вынул из кармана пачку сторублевков: "Бери, командир, и вали. Дай отдохнуть".



Через пять минут мы приехали к ним вновь, но уже с двумя милиционерами-автоматчиками. Все разрешилось мгновенно. Но, взглянув в протокол, я удивился: это что же, всего пятьсот рублей штрафа!

— Вот именно, — усмехнулся Герасимов. — А в Штатах, между прочим, только за то, что ты сбросил где-либо мусор, — штраф 20000 долларов! Причем десять из этих двадцати получает тот, кто дал в полицию сигнал. Такая вот "страшилка" — и вот такой стимул.

И все же у команды Герасимова нынче куда больше забот и риска на границах национального парка с Москвой, на подконтрольной "красной" полосе — в буферной городской зоне, где то и дело, вгрызаясь в парк, угрожая ему, возникают АЗС, гаражи, рынки, дома, дороги... Многих остановили. Но какой кровью это далось. Не раз в кабинете Герасимова появлялись крутые ребята, предлагая известные компромиссы.

...Вспоминаю, как однажды, еще в Дарвинском, приплыли с Герасимовым в поселок Мянсу, где все браноньеры знали его в лицо. С Валерием здоровались, шутили, зазывали в гости. В местной школе лесничий рассказывал жителям о заповеднике: как он создавался, какие редкие деревья и цветы сохранил, какого зверя увел от "Красной книги"... "Со многими из этих людей я встречался при весьма жестких обстоятельствах, — заметил он. — А вот теперь живем, как добрые соседи. Настало время по иному строить отношения. Многие из них любят природу,

только долгое время не знали, что любить — значит беречь".

Вместо эпилога

В 1803 году царь Александр I предложил Н. М. Карамзину стать его придворным историографом. Дело для писателя было совершенно новое: шутка ли, описать историю земли русской. Тут нужно особое вдохновение, да и благословение. И Карамзин отправился в Троице-Сергиеву лавру. К ней вела Троицкая дорога, которая начиналась от стен Кремля, Боровицких ворот, Александровского сада, шла к Театральной площади, где бил фонтан, питаемый водами мытищинского водопровода; далее по Лубянке, где на месте нынешнего мемориального камня фонтан струил те же мытищинские воды; до Сухаревской башни — в верхней ее части стоял бак с той же благословенной водой; затем нарета взлетала на Царскую Горку (у нынешней ВДНХ-ВДЦ), огибала путевой дворец Алексея Михайловича, откуда он начинал свои великолепные охоты на Лосином Острове, заканчивая их на Громовом Ключе... Так, впервые, "на пути к Троице" Карамзин внес в русскую историю точные сведения о Троицкой дороге и ее достопримечательностях, связанных с Лосиным Островом и являвшихся вехами на пути к нему.

Спустя почти двести лет той же дорогой, по тем же вехам, готовя книгу о прошлом, настоящем и будущем Лосиного Острова, проехал Валерий Герасимов, историк и охранник национального парка. Он и сейчас на пути к Троице — верит в спасение русской природы. ■

Татьяна КОТИ

* * *

*Песни невинности, песни любви и печали.
О, не грусти! Я сыграю на лютне тебе.
Разве сбывается то, о чем в детстве мечтали?
Эти мечты словно лебеди на лучезарной воде.*

*О, не грусти! Я спою тебе снова и снова
Песню любви, у которой не будет конца.
Пусть изменяется мир, но божественно слово,
Слово любви наполняет надеждой и верой сердца.*

*Не уходи! Видишь, небо луну расплескало,
Угли в камине как яркие звезды горят.
Слаще вина из пленительной розы бокала
Только уста, что вкус поцелуев хранят.*

*Нежная ночь как сапфир драгоценный сияет,
И ароматом цветов наполняется медленно кровь.
О, не грусти! Разве можно грустить, вспоминая
Все те мгновения, имя которым — любовь?*

*Песни невинности, песни любви и печали...
Вслушайся в музыку ночи, мой преданный друг.
Счастье безбрежно, как эти небесные дали,
Если две жизни, как реки, сливаются вдруг.*

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ

*Вскружила голову стихами,
Бесвязной пылкостью речей,
Открытой щедростью ночей,
Придуманной любовью с вами,
И позабыла вас, не я ли?
Послушайте! Не верьте мне!
Моей беспечности смешливой,
Моим слезам неторопливым,
Моим рассказам о себе,
Послушайте! Не верьте мне!
Моя кружится голова,
И прерывается дыхание,
Когда бегу к вам на свиданье,
Когда люблю вас без стыда —
Моя кружится голова.
Не верьте моему "прощайте"!
Мне не увидеть вас невмочь.*

Не я ли, брошенная в ночь,
От вас бреду куда-то прочь,
Так одиноко и бесцельно?
Не верьте моему веселью,
Моей покорности фальшивой.
Коль вас любовь не опалила,
Дотла сгорела я одна,
И нет углей — одна зола.
Моя мятежная душа,
Как ты была нетерпелива!

* * *

Красивый ангел, не целуй меня,
Во мне все искры спящего огня,
В тебе прохлада неба, облаков,
Но мне не нужно сладостных оков.

Земная жизнь дает испить до дна
По капле чашу, что зовем судьбою.
И пусть она горька и холодна,
Но я прощусь до времени с тобою.

Мне рай земной милее во сто крат,
И, даже стоя у небесных врат,
Я оглянусь с тоской на падший мир,
И слезы удержат не хватит сил.

* * *

Венецианские рассветы
Мне сон навеют о любви. —
В пурпурном бархате зари,
Текучим золотом согреты,
В истоме плавают предметы
И умирают фонари.

Скользят гондолы чуть устало,
Снимает маску тайны ночь,
И тяжесть сна не превозмочь...
Струится с ложа покрывало,
Мир обнажен, границ не стало,
А солнце гонит тени прочь.

* * *

Зеленая вечерняя звезда
Тебя сгубила — пылкая Венера.
Она взошла безмолвна и горда.
Ты знать не мог — то имя Люцифера.

*Я крикнула тебе: "О, не смотри,
О, не смотри так пристально и страстно!
Несущий свет до утренней зари —
Посланник тьмы, его звезда опасна".*

*Но ты упрямо шел за ней вослед,
Таинственным сияньем ослепленный,
Непостижимой верности обет
Ты ей принес, лучам ее зеленым.*

*В рассветный час пути пересеклись,
И ты достиг заветного предела.
Твои лучи легко пронзили высь,
Но в свете дня растаяла Венера.*

** * **

*В суете печаль твою приемлю,
И не просишь — слезы осушу.
Мы пришли как странники на землю,
А зачем? Кого теперь спрошу...*

*Знаю я, что вечное — мгновенно,
Только ты не думай ни о чем.
Радость нашей встречи неизменна,
Потому и сердцу горячо.*

*Бабочкой весенний день порхает,
Стоит ли о прошлом горевать?
Может, Время в нас и умирает,
Но Любовь дарует благодать.*

** * **

*Это был улетающий день,
Когда пели души моей струны,
И цвела золотая сирень,
И месяц смеялся юный.*

*Я коснулась тебя рукой,
И сказала, вздохнув при этом:
— Я навеки останусь такой,
Вечно юной мечтой поэта!*

*Впереди еще столько лет...
Жизнь казалась мне бесконечной.
Разве мы изменились? Нет!
Мы все те же, как в первый вечер.*



СКОРПИОН

24 октября — 25 ноября

Скорпионы могут быть разными: беспощадными и опасными, сильными и независимыми. Но у всех, рожденных под этим знаком, есть одна особенность, по которой их ни с кем не спутаешь. Это их глаза. Независимо от цвета, который может быть и светло-голубым, и черным, глаза Скорпионов обладают гипнотическим свойством. Под их взглядом люди чувствуют себя уютно.

В речи Скорпиона, независимо от тембра и силы голоса, вы также обнаружите одно характерное свойство — необычайную самоуверенность. Скорпион безразличен к мнению других: и оскорбления, и похвалы слышатся с него, как с гуся вода. Ему нет до этого никакого дела. Он знает себе цену и не нуждается в чужих оценках.

Скорпионы очень правдивы, презирают ложь и фальшь и никогда не опустятся до лести. Если вы действительно хотите узнать, чего стоите, спросите об этом у Скорпиона. Именно поэтому у Скорпиона равное количество друзей и врагов; почти нет людей, относящихся к нему индифферентно. Окружающие либо страстные его почитатели, либо яростные противники, но и те, и другие относятся к нему с уважением.

Скорпионы редко болеют, но если уж заболевают, то в тяжелой форме. Они никогда не уступят никому того, чем владеют или собираются овладеть. Они всегда сохраняют спокойствие, не суетятся и не нервничают, твердо зная, что стоит им чего-то захотеть, и это непременно будет. Отсюда их безграничная уверенность в себе и в собственных силах.

Интерес к проблемам жизни и смерти и глубокое постижение тайн человеческого бытия способствуют тому, что среди Скорпионов много отличных врачей-диагностов, известных криминалистов, писателей, композиторов и артистов. Под этим знаком родились Жорж Бизе и Вивьен Ли, Иоганн Штраус и Федор Достоевский, Майя Плисецкая и Индира Ганди, Теодор Рузвельт и Мари Кюри. Одним из типичных Скорпионов был и Франсуа-Мари Аруэ, известный под именем Вольтер.



Сентиментальный скептик

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

Он родился в стране, которую все мы знаем по романам Александра Дюма — в эпоху кринолинов, пудренных париков, пышных версальских праздников и сказочно красивых женщин. До Великой французской революции, которая смела все это одним мощным ударом, оставалось ровно сто лет. И одним из ее лозунгов стало вольтеровское изречение: "Я не разделяю вашего убеждения, но готов отдать жизнь за то, чтобы вы имели право его высказать".

Среди французских просветителей-вольнодумцев XVIII века самым заметным и влиятельным был, пожалуй, Франсуа-Мари Аруэ, вошедший в историю литературы

под именем Вольтера (1694-1778).

Жизнь Вольтера была внешне суматошной и яркой. Уже молодым человеком выйдя из иезуитского колледжа, этот отпрыск состоятельных парижских буржуа заставил говорить о себе как опасный остроумец и автор язвительнейших эпиграмм. В эти годы (да и позже) язык нередко оказывался его врагом: из-за неосторожно брошенной едкой фразы или разлетевшегося по рукам сатирического стихотворения писателю не раз приходилось поспешно покидать Париж, находя приют в глухой французской провинции, в Голландии или Англии. Но тановы уж Скорпионы!

За смелые эпиграммы против регента герцога Филиппа Орлеанского поэт поплатился годом заключения в Бастилии. Скандальная ссора с шевалье де Роганом, ничтожным, но влиятельным, стоила Вольтеру нового заключения и изгнания. Выход кандой его новой книги становился заметным событием, отражаясь на его личной судьбе. Постепенно у писателя появлялось все больше могущественных врагов, среди которых были не одни невольные жертвы его необузданного сатирического темперамента; с годами врагами Вольтера становилась вся феодальная Европа, весь "старый порядок" — от ничтожных писан-иезуитов до всемогущих самодержцев, министров или римских пап... Но все это ему еще предстоит пережить.

Отлично владея своими эмоциями, как и положено истинному Скорпиону, Вольтер остался в памяти потомков человеком, как бы не имеющим слабостей, никого настоящему не любивший и всех высмеивающий. Но это было, мягко говоря, неверно. Да, великий философ никогда не был женат. Но вот все остальное в его жизни было, в том числе — сумасшедший, авантюрный, совершенно невероятный роман, о котором стало известно... через двести лет после смерти его героев. В 1957 году в Париже был издан сборник любовных писем Вольтера.

Но почему эти сокровенные послания всплыли из небытия лишь в середине двадцатого столетия? Известно же, что после смерти Вольтера, дружбы с которым домогались все монархи Европы, его рукописи, равно как и уникальная библиотека, были переданы его племянницей мадам Дени Екатерине II.

Российский архив знаменитейшего французского писателя и сейчас один из самых крупных в мире, но отчего в нем не оказалось тех произведений фурор интимных писем? Ведь мадам Дени, единственная наследница своего прославленного дяди, клятвенно уверяла, что передает русской императрице все до последней бумажки.

Наследница обманывала, утаив письма, но вовсе не затем, чтобы потом выгодно продать их. Напротив, умирая, завещала ни в коем случае не показывать ни одной живой душе! А уж о публикации и речи не могло быть...

В чем дело? О том, что сверхпопулярный драматург и поэт вел отнюдь не монашеский образ жизни, знала не только вся Франция, но и вся Европа. Да он и сам не скрывал этого, особенно — свою связь с маркизой дю Шатле, "божественной Эмилией", как он патетично именовал эту женщину.

"Никогда г-жа дю Шатле не была для меня настолько выше всяких королей", — писал он своему другу в 1741 году. И — ему же, два года спустя: *"Оставляю на ваше попечение двух великих людей: г-жу дю Шатле и Цезаря".*

Под Цезарем подразумевался римский полководец, вернее — его "Записки о галльской войне", а под г-жой дю Шатле — вполне реальная женщина, супруга офицера, проводившего основную часть жизни в гарнизоне, мать двоих детей. Вольтер был ее фактическим мужем более пятнадцати лет, вплоть до ее скорострительной смерти. Могло ли прийти кому-нибудь в голову, что этот человек, во всеуслышание прославляющий свою подругу, посвятивший ей множество стихов, запечатлевший ее

образ в повестях и рассказах, бывал ей неверен? И тем не менее, утаенные от зоркого она Екатерины II любовные письма адресовались отнюдь не г-же дю Шатле, и даже не одной из бесчисленных любовниц.

Следует сказать, что г-жа дю Шатле тоже не была воплощением верности. Ни законному мужу, ни самому Вольтеру, что закончилось для нее трагически. Но это произошло уже на пятнадцатом году их фактического супружества, предшествующие же полтора десятилетия были счастливейшим и плодотворнейшим временем в его — да, кажется, и в ее тоже — жизни.

Любовь началась не с первого взгляда: к их отношениям эта классическая формула неприменима, поскольку "первый взгляд" пришелся на то время, когда Эмилия, избалованная, смышленная и напризная дочь барона Ле Тонелье де Брестей, была еще совсем ребенком.

Барон покровительствовал начинающему литератору, восхищаясь его остроумием, фантазией и неистовым темпераментом, на девочку же знакомый ее отца не производил никакого впечатления. Естественно, не обращал на нее внимания — мужского внимания — и будущий классик; не только в силу возраста юной дамы, но еще и потому, что сердце его было отдано другой, с которой ему пришлось расстаться.

"Прощайте, дорогая моя повелительница; вспоминайте хоть изредка о вашем несчастном возлюбленном, но вспоминайте не ради того, чтобы грустить; берегите свое здоровье, если хотите уберечь мое; главное, будьте очень скрытны; сожгите это мое письмо и все последующие". Дама не вняла совету

мудрого человека: не была скрытной и писем не сожгла.

Итак, Вольтер не заметил малолетней дочери своего покровителя, а когда спустя полтора десятка лет снова увидел ее, она была уже замужем, имела двоих детей, но дом и семейные заботы отнюдь не засасали ее. Она изучала философию и математику, читала в подлиннике Вергилия и Горация, отлично ездила верхом (существует легенда, что встреча, положившая начало их отношениям, произошла ночью, когда маркиза, озаренная светом луны, гарцевала на белой лошади) и, главное, замечательно пела.

Вольтер был страстным меломаном. Без сожаления откладывая в сторону философский трактат, политическую филиппику или историческую трагедию, с упоением сочинял оперное либретто. Часами слушал он в исполнении маркизы сложнейшие партии. Но это вечером. А утром она усердно изучала под его руководством английский язык, причем делала такие успехи, что вскоре смогла взяться за перевод Ньютона. *"Ясность, точность и изящество отличали ее слог, — писал Вольтер в "Мемуарах". — Рожденная для истины, она... перевела на французский язык всю книгу математических принципов, а впоследствии, укрепив свои познания, добавила к этой книге, понятной очень немногим, алгебраический комментарий, равным образом недоступный рядовому читателю..."*

Но об одном автор "Мемуаров" умалчивает: о том, что он и г-жа дю Шатле объяснились в любви тоже по-английски. Равно как и ссорились... Во всяком случае, в присутствии гостей, которые не поленились сохранить для потомков подробности этого необыкновенного

союза, героев которого сближала еще одна черта, свойственная Скорпионам: умение вызывать к себе неприязнь. Женщины ненавидели маркизу столь же горячо, как мужчины — Вольтера, раз даже отколоченного по наущению одного из них палками.

“У нее были ужасные ноги и страшные руки, — набрасывает портрет маркизы некая мемуаристка. — Кожа ее была груба, как терна. Словом, она представляла собой идеального швейцарского гвардейца, и совершенно непонятно, как это она заставила Вольтера сказать себе столько любезных слов”. Любезных слов — и ей, и о ней — Вольтер сказал действительно много, секрет же прост: законченный Скорпион, он внутреннему содержанию придавал куда больше значения, нежели внешнему облику. В том числе — и своему собственному. Когда, уже на склоне лет философа, маститый скульптор Жан Батист Пигаль вознамерился запечатлеть его в объемном портрете, Вольтер написал некой близкой ему даме: *“Говорят, месье Пигаль должен приехать, чтобы лепить мое лицо. Но, мадам, нужно, чтобы у меня это лицо имелось. Сейчас трудно угадать, где оно. Глаза ввалились на глубину трех дюймов, щеки похожи на ветхий пергамент, плохо прикрепленный к костям... Последние зубы исчезли”*.

Так что в глазах окружающих это была воистину “сладкая парочка”. Но обоим на это было в высшей степени наплевать. Вольтер, наконец, завершил и издал “Философские письма”, сразу же объявленные “главной книгой века” и тотчас приговоренные парламентом к сожжению. (Как впоследствии и философская повесть “Нандид”.)

Вольнодумцу снова угрожает арест, и тогда маркиза дю Шатле, с которой он уже тайком встречался в скромном номере парижской гостиницы “Шарон”, берет его под свое покровительство. “Нто любим прекрасной женщиной, — утверждает в “Задиге”, другой философской повести, — тот всегда вывернется из беды на этом свете”.

Так оно и вышло. “Божественная Эмилия” торжественно пообещала министру, официально именуемому хранителем печати, что отныне из-под пера ее друга не выйдет ничего предосудительного. А если и выйдет, то она лично позаботится о том, чтобы рукопись осталась в столе. Сам же бузотер, не умеющий держать язык за зубами, не будет впредь появляться в парижских салонах, она это гарантирует.

Слово свое маркиза сдержала. Вскросты к дому, где в ожидании ареста коротал дни ее дерзкий и легкомысленный друг, подхватила карета с фамильным гербом дю Шатле, лакей отворил дверцу, автор “главной книги века” прыгнул на сиденье, и его повезли — куда? Далено, в провинцию Шампань, где Вольтер написал еще одно свое великое произведение — “Задиг”.

По иронии судьбы романы на бумаге создавались в то время, когда пятнадцатилетний роман в жизни с маркизой дю Шатле — самый длительный, самый пылкий и глубочайший роман Вольтера — проходил все положенные стадии, исподволь приближаясь к своей трагической развязке. Начало же их отношений отмечено другим произведением, “Орлеанской девственницей”, вещь дерзкой, почти хулиганской.

Ничего удивительного! Вольтер всю свою долгую жизнь только ведь и занимался тем, что шокиро-

вал общественное мнение. Написав апологетическую биографию известной куртизанки Нинон де Ланкло и вдобавок воспев ее в одной из своих пьес, он в "Орлеанской девственнице" представил национальную героиню Франции Жанну д'Арк как фигуру гротескно-комическую. А что описано все это в стихах, так ведь, как сказано в "Простодушном", входящем в цикл философских повестей, "нет на земле такой страны, где любовь не обращала бы влюбленных в поэтов".

Но в Шампани, где, по выражению Вольтера, ради него добровольно "схоронила себя" маркиза дю Шатле, эта столичная львица, занимались не только любовью и стихами. Здесь были оборудованы современные лаборатории, в которых отшельники увлеченно изучали естественные науки. Время от времени научные труды Эмилии появлялись в печати, что приводило в восторг ее друга. В ней все приводило его в восторг... *"Маркиза для меня больше, чем отец, брат или сын. У меня только одно желание — жить затерянным в горах"*.

Горы, однако, не служили препятствием ни для законного мужа маркизы, который периодически навещался в собственное поместье и был встречаем здесь весьма ласково, в особенности другом его жены, ни для многочисленных гостей, жаждущих хоть краем глаза взглянуть на "короля поэтов, философа народов, Меркурия Европы, оратора отечества, историка суверенов, панегириста героев, верховного судью вкуса, покровителя искусств, благодетеля талантов, ценителя гения, бича всех преследователей, врага фанатиков, защитника угнетенных, отца сирот... опо-

ру бедных, бессмертного образца всех наших добродетелей". Так было написано на пухлом конверте, что пришел на местную почту. Забыли пустяк — указать имя и фамилию, но письмо без проволок доставили по назначению.

Другие не удовлетворялись значным выражением почтения — приезжали сами. Им не отказывали. Хозяин, правда, был скуповат, но тановы Скорпионы! В его кабинете не имелось даже лишнего стула, дабы гость, упаси Бог, не вздумал присесть и, увлекшись разговором с "самым занимательным собеседником века", задержаться надолго. Но, выходя к обеду, — а обеды давались королевские, — блистал остроумием и любезностью.

И все-таки душой этого волшебного замка оставалась маркиза. Само собой, находились люди, которые осуждали ее вольный образ жизни, но верный рыцарь тотчас бросался на защиту. Шпага, конечно, слушалась его не ахти как, зато к его услугам, не надо забывать, было перо, и уж этим-то оружием он владел в совершенстве.

Впрочем, мужчины крайне редко злословили относительно маркизы — наоборот, восхищались ею. "Ее непринужденный ум никого не стеснял; она всем нравилась, во все не стремясь к этому".

Слова эти принадлежат мужчине, который был намного моложе "божественной Эмилии" — маркизу де Сен-Ламберу, литератору-дилетанту и профессиональному военному, которого мэтр представил подруге с уверенностью, что та оценит его незаурядные достоинства.

Вольтер не ошибся: г-жа дю Шатле оценила, и оценила высоко. Столь высоко, что автор заполонивших полмира фривольных текстов,

которого, казалось, ничто уже не могло удивить, был точно громом поражен, застав молодого гостя и "божественную Эмилию" в положении, не оставляющем никаких сомнений о характере их отношений.

Вольтер сделал пренеприятнейшее из открытий с изрядным запозданием: маркиза призналась ему, что беременна на третьем месяце, отец же будущего ребенка — их обаятельный гость Сен-Ламбер. Это мигом остудило гнев "отца сирот". Втроем стали мозговать, как быть с будущим младенцем. Решили срочно вызвать из гарнизона мужа, провести с ним соответствующую работу, основная и наиболее пикантная часть которой ложилась, естественно, на "божественную Эмилию", в результате чего тот должен был признать впоследствии, что ребенок его.

Маркиз прибыл незамедлительно. Жена оказала ему внимание, от которого он давно уже отвык. Конечно, то была не любовь, а имитация, иллюзия любви, но что с того! "Не надо разрушать блеск, который иллюзия бросает на большую часть вещей", — теоретизировала маркиза в статье "О счастье". Коротче говоря, браваый офицер отбыл в полк, чрезвычайно гордый собой.

Готовился к событию и Вольтер, на удивление легко перенесший измену старой подруги. Старой не в смысле возраста, хотя и возраст, надо признать, был отнюдь не самым оптимальным для деторождения: маркизе перевалило за сорок. Осложнения могли быть тяжелые, "отец сирот" волновался и бдительно следил за ее здоровьем, но г-жа дю Шатле была не единственным предметом его нежной опеки. Еще он очень заботился о своей рано овдовевшей племяннице Мари Луи-

зе, в замужестве Дени. Той самой мадам Дени, которая, став единственной наследницей своего великого дяди, продала его архив Енатерине II, утаив лишь пачечку любовных писем. Они-то и были опубликованы в 1957 году, произведя скандал.

Дело в том, что письма эти были адресованы... самой мадам Дени. И носили характер совсем не родственный. Невооруженным глазом видно, что писал их не столько дядя племяннице, сколько любовник своей пассии.

"Я три раза подходил к Вашей двери. Вы стучались в мою... В доме с двенадцатью слугами мы тщетно искали друг друга, так и не встретившись. Я в полном отчаянии. Понимаю, что момент разлуки был бы ужасен, но еще ужаснее, что Вы уехали так внезапно, не поведя меня и сразу после того, как мы напрасно ходили друг к другу".

Письмо датировано 1768 годом, но есть письма куда более ранние, свидетельствующие о том, что Вольтер нарушил верность г-же дю Шатле гораздо раньше, нежели это сделала она.

Он утаил. Не потому ли так легко воспринял ее вольность? Или привык к изменам? В одном из ранних писем будущий Вольтер, а тогда еще неведомый никому Франсуа-Мари Аруэ, у которого исследователь насчитал, между прочим, 137 псевдонимов, обмолвился: "Мне изменили все, даже возлюбленная", и то, к прискорбию, была измена отнюдь не первая. Не первая и не последняя...

Заметим, что он платил той же монетой. "Надо искать счастья у возможно большего числа дам", — настаивал служитель муз; речь шла именно о музах, о всех девяти, каждой из которых Вольтер отдал

должное. Но и к женщинам эту галлантную формулу можно отнести с полным основанием. Этих, правда, было больше, нежели девять.

И все же смерть маркизы — а роды свели-тани ее в могилу — настолько потрясла Вольтера, что он, выйдя на подламывающих ногах из ее опочивальни, потерял сознание. Пройдет еще шестнадцать лет — как раз тот срок, что они прожили вместе, — и он опишет эту смерть в повести "Простодушный". *"Возлюбленный снимал ей руку, орошая ее слезами, и громко рыдал; он называл ее своей благодетельницей, своей надеждой и жизнью, половиной своего существа, своей любимой, своей женой"*. В отличие от героя, автор называл так свою возлюбленную не только у одра смерти, но и при жизни, свидетельствуя чему — многочисленные письма, торжественные посвящения этой женщине его литературных произведений. Благоговения и восторга преисполнены они.

Г-жа дю Шатле оценила это. Если верить той же повести "Простодушный", она приняла смерть на руку за свой проступок. К нему, человеку, которого этот проступок больно ранил, обращены ее последние слова: "Я любила вас, изменяя вам, и люблю, прощаясь с вами навек".

Формулировка, достойная самого Вольтера, признанного гения парадоксов! Он тоже любил маркизу, изменяя ей направо и налево. Он любил свою племянницу... смотри предыдущую фразу. Похоже, меньше всего этот Скорпион ценил покой и стабильность, что естественно для этого знака. Даже в творчестве, составлявшем суть и смысл его жизни, Вольтер не переносил покоя и размеренности.

Он писал легко, быстро и весело, и писал всегда — и в моменты благодатных творческих уединений, и в суматохе светской жизни, в располагающей тишине его рабочего кабинета, и в приемной Фридриха II, и в провинциальной таверне. На большинство событий общественной или литературной жизни Вольтер отклонялся то эпиграммой, то памфлетом, то повестью, то большим темпераментным письмом (в следующем столетии Виктор Гюго упреннет Вольтера в том, что тот слишком разбрасывался). Его реакция была молниеносна, мастерство перевоплощения — поразительно, ирония — неотразима.

Вольтер признавался в одном из писем: *"В зависимости от того, как предстают предо мною явления, я бываю то Геранлитом, то Демонритом; то я смеюсь, то у меня встают волосы дыбом на голове. Это вполне в порядке вещей, ибо имеешь дело то с тиграми, то с обезьянами"*. И он без усталости публиковал брошюры и книги, печатался в журналах, рассылал письма. Пушкин как-то назвал Вольтера "фернейским злым кринуном", имея в виду его задиристость и саркастичность.

Он и вправду не всегда бывал справедлив, но неизменно — остроумен и блестящ. Его обожали, им восхищались, и его боялись и ненавидели. Его книги перехватывались, письма вскрывались. С ним пытались полемизировать, но это было безнадежным занятием: он только того и ждал, и отвечал немедленно и уничтожающе. "Нет, — воскликнул однажды Людовик XV, — нам никогда не удастся заставить замолчать этого человека!"

Это не удалось никому — ни королям, ни церкви, ни времени. ■



Лоренс БЛОК

В постели с медведем

Лежащая рядом с ним женщина удовлетворенно вздохнула и еще глубже зарылась под одеяло. Звали ее Карин, с ударением на втором слоге, и работала она программистом на фабрике ковровых покрытий. Встречались они уже трижды, каждый раз обедали и смотрели кино. После первых двух свиданий он высаживал ее у дома, где она жила, и ехал к себе, писать рецензию на только что просмотренный фильм. На третий раз она пригласила его в дом.

И теперь, утолив страсть, он лежал рядом с женщиной, вдыхая ее запах, согреваясь теплом ее тела. Может, это сработает, подумал он, закрыл глаза и почувствовал, как погружается в сон.

Но не прошло и десяти минут, как он проснулся, словно от толчка. Полежал, прислушиваясь к ее ровному дыханию, по-

том медленно выскользнул из кровати, стараясь не разбудить женщину.

Жила она в однокомнатной квартире, L-образной студии в высотном здании в Западной части 89-й улицы. Он собрал свою одежду, осторожно оделся в темноте, на цыпочках направился к двери.

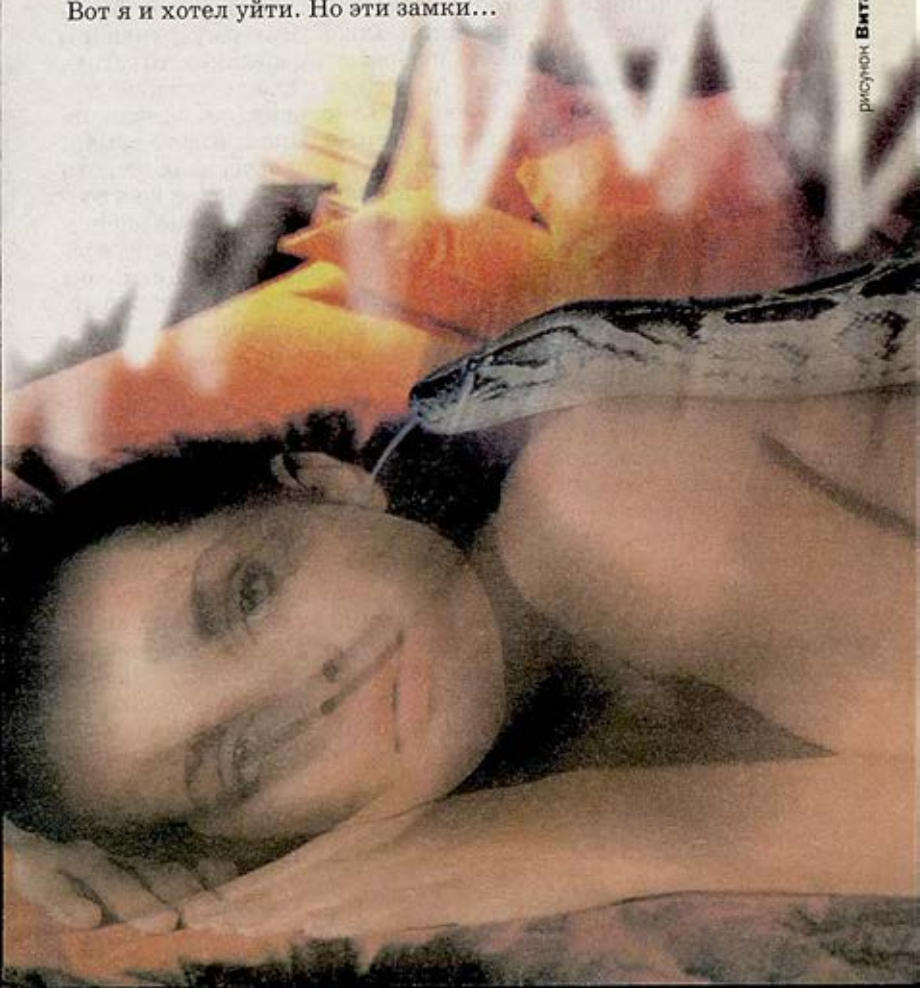
Пять замков. Он открыл их все, но дверь не пожелала выпустить его из квартиры. Вероятно, она заперла дверь не на все замки, и какой-то он закрыл, открыв все остальные. А теперь не знал, как найти этот самый злосчастный замок, не разбудив спящую в десяти ярдах женщину.

— Пол?

— Извини, я не хотел тебя будить.

— Куда ты собрался? Я хотела накормить тебя завтраком, не говоря уже об остальном.

— С утра мне надо поработать, — начал оправдываться он. — Вот я и хотел уйти. Но эти замки...



— Я знаю. У меня тут “Тараканий мотель”. Войти можно, выйти — нет, — улыбаясь, она подошла к двери, покрутила замки и выпустила его.

На Бродвее он поймал такси, поехал в Виллидж. Его квартира занимала целый этаж в особняке на Банковской улице. Он вселился туда, впервые приехав в Нью-Йорк, да так и остался в ней. Жил там до свадьбы и после развода.

— Чего мне будет не хватать, так этой квартиры, — говорила ему Филлис.

— А просмотр?

— Откровенно говоря, кино я сыта по горло.

Иногда он задавался вопросом, а случится ли такое с ним? Он вел раздел, посвященный кино, в двух ежемесячных журналах. Поскольку издания не конкурировали между собой, в обоих он подписывался своей фамилией. Колонки значительно отличались как по духу, так и по содержанию. Для одного журнала он писал длинные и обстоятельные рецензии, выбирая фильмы интеллектуальные, претенциозные. Другому рецензии предлагались короткие, более игривые, призванные ответить лишь на один вопрос: получит ли зритель удовольствие, посмотрев тот или иной фильм. В каждой из колонок, он, однако, не кривил душой и не грешил против истины. Писал то, что думал.

И фильмы ему совсем не надоедали. Случалось, конечно, что на впечатление от фильма накладывалось его плохое настроение. Но в систему это не вошло, так что обычно он давал оценку объективную, с учетом достоинств и недостатков режиссера, актеров, оператора. А просмотр, как в маленьком специальном зале, так и в огромном бродвейском кинотеатре, разительно отличался от обычного киносеанса. Копия всегда самая лучшая, механик не отвлекается, сосредоточившись на вверенном ему деле, публика тихая, не шуршит пакетами с едой и не отрывает глаз от экрана, уважая работу тех, кто приложил руку к созданию фильма. Бывало, Пол ходил в кино, как простой зритель, так что прочувствовал разницу на собственной шкуре. Один раз ему пришлось четырежды менять место, потому что какие-то кретины объясняли своим подружкам или приятелям, тоже полным дебилам, суть происходящего на экране. А на фильмах с молодежной тематикой зрители того же возраста вопили и орали чуть ли не больше, чем герои, на которых они смотрели.

Иной раз ему казалось, что он без ума от своей работы и готов выполнять ее бесплатно. К счастью, до этого дело не дошло. Гонораров за две колонки ему вполне хватало на жизнь, тем более что транжирой он не был. Два года назад жильцы его дома объединились в кооператив, и его накоплений вполне хватило на первый взнос. Выплаты по закладной и расходы на со-

* Ловушка для тараканов с клейкими поверхностями, к которым прилипают лапки насекомых.

держание дома вполне укладывались в его месячный бюджет. Машины у него не было, как и престарелых и увечных родственников, которые требовали помощи, не пристрастился он к кокаину, азартным играм и великосветской жизни. Он предпочитал дешевые национальные ресторанички, калифорнийское вино, пиджаки спортивного покроя и синие джинсы. И его доходы сполна обеспечивали выбранный им стиль жизни.

С течением времени у него появлялось все больше возможностей заработать деньги и прославиться. В "Нью-Йорк таймс бук ревью" его попросили написать заметку в семьсот пятьдесят слов о новой книге, посвященной фильмам Кинга Видора. Местная программа кабельного телевидения несколько раз пригласила его выступить перед показом нового фильма и уже вела речь о том, чтобы предоставить ему еженедельные десять минут. Последний семестр он читал курс "Обаяние немого кино" в Новой школе социальных исследований: он не только заработал тысячу пятьсот долларов, но и переспал с двумя студентками, тридцатитрехлетней домохозяйкой из Ямайка-Хейтс и тридцативосьмилетней матерью-одиночкой, которая жила с дочкой в крошечной трехкомнатной квартире в восточной части 9-й улицы.

Придя домой, он разделся, принял душ. Вытерся, повернулся к кровати. Большой, двуспальной, с ящиками под ней и книжной полкой над изголовьем. Он застилал ее каждое утро. Во время семейной жизни с Филлис кровать целыми днями оставалась разобранной, но он начал застилать ее, как только жена съехала, и более не изменял этой привычке. Чтобы, говорил он себе, не превратиться в одного из тех неопрятных старых холостяков, которых он видел в английских шпионских фильмах.

Он лег в постель, положил голову на подушку, закрыл глаза. Подумал о фильме, который посмотрел этим вечером, и о эфиопском ресторане, куда они зашли после фильма. Если в какой-то стране случался голод, часть ее граждан оказывалась в Соединенных Штатах и сразу открывала ресторан. Сначала бангладешцы, теперь эфиопы. Кто, гадал он, будет следующим?

Он подумал о Карин, ее имя, внезапно дошло до него, рифмовалось с округом Марин, примыкающим с севера к Сан-Франциско. Впервые прочитав название округа в газете, он решил, что ударение ставится на первом слоге, и долго неправильно произносил это слово, пока Филлис не сочла за труд поправить его. С Карин он такой ошибки не допустил: еще до первой встречи он знал, как правильно произносить ее имя и...

Нет, подумал он, не получится. Что он пытается доказать? Кого хочет одурачить?

Он вылез из кровати. Подошел к стенному шкафу, достал с верхней полки медведя.

— Привет, — бросил он медведю (если уж спишь с медведем, почему с ним не поговорить). — Давно не виделись, приятель.

Он вновь забрался в постель, обнял медведя. Закрыв глаза. Заснул.

Началось все довольно неожиданно для него самого. Не то, чтобы он сознательно собрался купить набивную игрушку, чтобы та составляла ему компанию на ночь. Он полагал, что есть взрослые мужчины, которые так и поступают, причем не видел в этом ничего дурного, но с ним все вышло иначе. По-другому.

Он купил медведя для девушки. Ее звали Сибби, сокращенное от Сибил. Юная, очаровательная, она два года как выпорхнула из Скидмора и теперь работала младшим помощником продюсера в одной из телекомпаний. Возможно, для него она была слишком молода, но с другой стороны, любила просмотры, национальные рестораны и мужчин, предпочитающих носить пиджаки спортивного покроя и синие джинсы.

Пару месяцев они виделись раз или два в неделю. Часто, но не всегда, ходили на просмотр. Иногда он оставался в ее квартире неподалеку от Гремейси-Парк. Обычно — она в его, на Банковской улице.

Именно в ее квартире она завела разговор о набивных игрушках. О том, как в детстве спала с целым зоопарком, да и потом, в старших классах школы, укладывала их рядом с собой. Когда же она поступила в колледж, мать заставила ее избавиться от них. Она собрала всех своих плюшевых любимчиков и отвезла в какую-то благотворительную организацию, распределяющую использованные игрушки среди детей бедняков. Оставила она себе лишь одну игрушку, медведя Бартоломео, которого хотела взять с собой в Скидмор. Но в последнюю минуту передумала, опасаясь, что сокурсницы ее засмеют. Когда же она приехала домой на День благодарения^{*}, выяснилось, что мать выкинула медведя, решив, что Сибби именно для этого его ей и оставила.

— После этого я и начала спать с парнями, — объяснила Сибби. — “Хорошо, сука, я тебе покажу”, подумала я, и показала. Совсем не потому, что меня тянуло к противоположному полу, хотя и ненависти к нему я не испытывала.

— Причина в том, что ты хотела спать с медведем.

— Именно так, — кивнула Сибби. — Теперь ты понимаешь, кто ты для меня? Заменитель старого большого плюшевого медведя.

История эта его тронула. Чувствовалась в ней неподдельная детская обида, и на следующий день он не колебался ни секунды, когда, проходя мимо “Джинджербрэд хаус”, увидел в витрине медведя. Цена у него оказалась выше, чем предполагал

^{*} Официальный праздник США в память первых колонистов Массачусетса (последний четверг ноября).

Пол, но недостатка в деньгах он не испытывал, поэтому решил не останавливаться на полпути. Расплатился по кредитной карточке и получил большого медведя.

Едва не отдал его Сибби в первую же ночь, которую они провели вместе, но потом решил, что разговор еще слишком свеж в ее памяти. Пусть она подумает, что он долго колебался, прежде чем перешел к действиям. Лучше ему выждать несколько дней, а потом сказать: "Слушай, твоя история не выходит у меня из головы. Вот я и решил, что медведь тебе просто необходим". Поэтому ту ночь они провели в его кровати вдвоем, а медведь — один, на полке шкафа.

В следующий раз они встретились через пять дней, и он отдал бы ей медведя, но они поехали к ней. Не мог же он тащить игрушку на просмотр фильма Вуди Аллена и в тайландский ресторан. Неделей позже, в полной уверенности, что они приедут к нему, он, застилая постель, положил медведя на среднюю подушку, так, чтобы его толстые передние лапы оказались на покрывале.

"Ой, это же медведь!" — воскликнула бы она. А он бы ответил: "Ты знаешь, в моем договоре квартиросъемщика есть пункт, запрещающий держать медведя. Как по-твоему, ты станешь ему хорошей хозяйкой?"

Да только обернулось все по-другому. Они пообедали, посмотрели фильм, а когда он предложил поехать к нему, она неожиданно спросила: "Пол, не могли бы мы где-нибудь выпить? Нам надо поговорить".

Говорила, впрочем, только она. Он же сидел, держа в руках бокал вина, из которого не выпил ни капли, пока она объясняла, что раз или два в неделю видится еще с одним человеком, поскольку ни он, Пол, ни она, Сибби, в их отношениях не претендовали на эксклюзив, и вот с этим человеком у них все стало настолько серьезно, что наступил момент, когда она уже не считает себя вправе видаться с кем-то еще. Например, с Полом.

Ему пришлось признать, что она выбрала не самый плохой способ распрощаться. Он, конечно, подозревал, что рано или поздно их роман подойдет к концу, но случилось это уж очень рано.

Он посадил ее в такси и отправился домой, где его ждал медведь. И что теперь? Послать ей медведя? Нет, только не это, она решит, что он купил медведя после того, как она его бросила, в надежде, что она еще передумает.

Так что медведь вернулся в шкаф.

И остался там.

Как выяснилось, избавиться от медведя на удивление сложно. Медведь — не коробка конфет или флакон одеколona. Он не мог подарить медведя кому попадя. Такой подарок можно делать только на определенной стадии отношений. А многие из его романов не доживали до, так сказать, медвежьей стадии.

Однажды он едва не допустил серьезную ошибку. Он встретился с одной женщиной, отличающейся очень твердым характером. Звали ее Клаудиа, работала она в библиотеке одной фирмы с Уолл-стрит. Как-то вечером она начала ругать своего бывшего мужа: "Он не хотел, чтобы у него была жена. Он хотел иметь дочь, ребенка, и воспринимал меня только в этом качестве. Я удивляюсь, как это он не покупал мне "барби" и плюшевых медвежат".

А он-то уже собрался подарить ей медведя! Слава Богу, она вовремя предупредила его. Он не любил, когда его подарки прямоком отправляли в контейнер для мусора. И тут же он понял, что больше у него нет желания общаться с Клаудиа. Точной причины возникшей неприязни он назвать не мог, но как-то не хотелось знаться с женщиной, которой он не мог подарить медведя.

А потом он увидел смешные карикатуры в магазине на Гудзон-стрит, где продавали охотничье снаряжение, с подписями: "СЛУЧАЕТСЯ, ТЫ ДОВИРАЕШЬСЯ ДО МЕДВЕДЯ" и "БЫВАЕТ, МЕДВЕДЬ ДОВИРАЕТСЯ ДО ТЕБЯ".

Он истолковал их по-своему: рано или поздно ты будешь спать с медведем.

Наконец это произошло в обычный, ничем не запоминающийся день. Он писал рецензию на биографию (Сидни Гринстрит: нерассказанная история) и никак не мог добиться желаемого результата. Пообедал он один в греческом ресторане, взял напрокат видеокассету с "Касабланкой", просмотрел фильм со стаканом вина в руке, произнося знакомые фразы вместе с актерами. Вино и фильм закончились одновременно.

Он разделся и лег в постель. Полежал, дожидаясь прихода сна, но пришла мысль о том, что он, с какой стороны ни посмотрит, самый одинокий и несчастный из всех его знакомых.

Он сел, изумляясь самому себе. Мысль эта абсолютно не соответствовала действительности. Ему нравилась жизнь, которую он вел, у него был широкий круг общения, он мог назвать многих, куда более одиноких и несчастных, чем он. Винные мысли, подумал он. *In vino stupiditas*^{*}. Он отбросил от себя эту мысль, но сон по-прежнему не приходил. Он ворочался и ворочался, пока шестое чувство не направило его к шкафу. Там уже несколько месяцев терпеливо сидел медведь.

— Привет. Придется вспомнить детство. Тоже не можешь спать, дружище?

Он отнес медведя в кровать. Поначалу чувствовал себя круглым дураком, но с медведем ему стало куда уютнее. А в том, что приносит уют, не может быть ничего дурацкого.

Закрыв глаза, он увидел Богарта, хлопающего по спине Клода Райнса.

^{*} Глупость — в вине (лат.)

— С этого может начаться большая дружба, — воскликнул Богарт.

Пол заснул, не дождавшись продолжения.

С той поры каждую ночь, хотя случались и исключения, он спал с медведем.

Без медведя он спал плохо. Пару раз оставался на ночь у женщины, но понял, что толку от этого не будет. Одной ему пришлось объяснять (матери-одиночке с 9-й улицы), что все дело в особенности его психологии: он не может спать, когда рядом лежит другой человек.

— Да это невроз, Пол, — уверенно заявила женщина.

— Я знаю, — кивнул он. — И пытаюсь избавиться от него с помощью психоаналитика.

Он солгал. К психоаналитикам он не обращался. Была у него мысль поговорить насчет медведя с давним добрым другом, практикующим психоаналитиком, но он решил, что это лишнее. Ситуация напоминала известный анекдот, когда пациент жалуется врачу: "Доктор, мне больно, когда я это делаю!" А доктор вполне резонно отвечает: "Так не делайте!" Если без медведя он спать не мог, значит, нечего залезать без него в кровать.

С год тому назад он поехал в Олбани на симпозиум, посвященный творчеству Орсона Уэллса. Поселили его в отеле "Рамада", и после первой бессонной ночи он всерьез подумывал о том, чтобы пойти в магазин и купить другого медведя. Разумеется, не пошел, но во вторую ночь пожалел об этом. К счастью, третьей ночи не последовало. Как только программа симпозиума завершилась, он взглянул на чек, чтобы убедиться, что гононар выплачен полностью, схватил чемодан, сел в поезд и укатил в Нью-Йорк, где проспал двенадцать часов с медведем в объятиях.

А несколько месяцев спустя, собираясь на фестиваль в Пало-Альто, он засунул медведя в дорожную сумку. И каждое утро прятал его там, опасаясь, что медведя найдут горничные, зато ночью спал в свое удовольствие.

Наутро, после ночи с Карин, он поднялся, застелил кровать, убрал медведя в шкаф. И впервые почувствовал укол совести. Помявшись, открыл дверцу шкафа. Медведь сидел на полке, ни на что не жалуясь. Он снова закрыл дверь.

Это не очередной фильм Стивена Кинга, сказал он себе, когда в медведя вселяется чья-то душа и требует, чтобы его вытащили из шкафа. Он мог представить себе такой фильм, мог сесть за стол и написать сценарий. Медведю не нравятся увлечения Пола, он ревнует к женщинам, которые входят в жизнь Пола, и находит медвежий способ разделаться с ними. К примеру, душит их в своих объятиях. А в конце Пола сажают в тюрьму за убийства. С радостной перспективой провести за решеткой все отпущенные ему дни, которые будут перемежаться бес-

сонными ночами. А детектив, расследовавший убийства, или даже прокурор возьмет медведя и бросит его в шкаф, чтобы однажды, непонятно по какой причине, достать его оттуда и взять с собой в постель.

Последним кадром стал бы крупный план морды плюшевого медведя, безусловно улыбающегося.

Пол постарался побыстрее забыть об этих фантазиях. Ни он, ни его медведь, слава Богу, не жили в мирах Стивена Кинга. В медведе не было ничего живого. И ему нет нужды убеждать себя, что сработал его какой-нибудь маг, заложивший в него душу, скрытую от посторонних взглядов. На бирке ясно значилось, что сделали медведя в Корее, на фабрике, рабочие, которых нисколько не заботило, какой товар выходит у них из-под рук, плюшевые медведи, галстуки-бабочки или сетки для бадминтона. Если ему спалось лучше, когда медведь лежал в кровати, если в компании медведя он находил покой, это касалось его одного. Эксцентричность свойственна каждому человеку. И у всех проявляется по-разному. Его причуда никому не приносила вреда. И тем более незачем наделять медведя чувствами живого человека. Он — лишь элемент этой причуды.

Два дня спустя, застилая постель, он оставил медведя в кровати. Голова покоилась на подушке, лапы легли на покрывало.

Не потому, что внушил себе, будто медведю плохо в шкафу. Причина в том, что негоже лишать медведя солнечного света. Не только негоже. Нечестно. Когда все люди Америки выходят из своих шкафов, вернее футляров, пристало ли ему запикивать туда медведя?

Он позавтракал, посмотрел программу "Донахью", принял за работу. Оплатил какие-то счета, ответил на письма, подработал эссе для академического ежеквартального издания. Поставил воду для кофе, а пока она закипала, зачем-то заглянул в спальню, где наткнулся на медведя.

— Тут и сиди, — бросил он.

Он заметил, что стал меньше встречаться с женщинами.

Ну, не то, чтобы меньше. Он с той же частотой приглашал женщин на просмотры, только отношения с ними становились более платоническими. Он приглашал бывших любовниц, с которыми сохранил дружеские отношения. Женщин, которые не привлекали его физически. Смотрел фильмы в компании друзей-мужчин, коллег.

Он начал задумываться, а не теряет ли он интереса к сексу. Вроде бы нет. В постели в женщиной он не сачковал, отработывал на все сто. Разумеется, он теперь не оставался у женщины на ночь и перестал приводить их к себе, но удовольствия игры под одеялом приносили ему ничуть не меньше. И если случилось это не так часто, как прежде, то могло лишь свидетельствовать о его вступлении в пору зрелости. Секс наконец-то зани-

мал в жизни соответствующее ему место, так что причин для волнения не было, не так ли?

А потом он встретил экзотическую женщину. Родина — Цейлон, мать — сенегалка, отец — англичанин. Выросла она в Лондоне, училась в колледже в Калифорнии и недавно переехала в Нью-Йорк. Высокие скулы, миндалевидные глаза, великолепная фигура, внешность, образно говоря, универсальная. В какой бы национальный ресторан ни приводил ее Пол, везде она казалась своей. Звали ее Синдра.

Встретились они на его лекции в Нью-Йоркском университете. Он рассказывал о юморе в фильмах Хичкока, и из всех вопросов только ее показался ему интересным. После лекции он пригласил Синдру на просмотр. Потом они встречались трижды, и он убедился, что желания смотреть новые фильмы у нее никак не меньше, чем у него. Опять же, ее отличал хороший вкус.

Все четыре раза она уезжала домой на такси. Поначалу он только этому порадовался, но на четвертый раз желание овладеть ею пересилило намерение закончить вечер в гордом одиночестве. Он наклонился к окошку такси и спросил, не хотела бы она продолжить общение.

— Я с удовольствием, — заверила его Синдра. — Но не сегодня, Пол.

Он позвонил ей утром, пригласил на очередной просмотр, двумя днями позже. Сначала фильм, после — тоголесский ресторан.

На Банковскую улицу они приехали на такси. Медведь, естественно, лежал в постели. Он устроил Синдру в гостиной, налил ей бокал вина, а сам пошел в спальню, чтобы убрать медведя. Синдра увязалась за ним.

— О, плюшевый медведь! — воскликнула она.

Он не знал, что и сказать, потом ляпнул:

— Нет у нее имени.

— У твоей дочери нет имени?

— Я думал, ты про медведя. Мою дочь зовут э... а... Пола. Я сплю с медведем. Глупая, знаешь ли, история, но я не могу заснуть, если не беру в постель медведя. Я понимаю, как нелепо это звучит.

Что-то блеснуло в ее темных миндалевидных глазах.

— По-моему, звучит очень мило.

У него даже повлажнели глаза.

— Я никому об этом не говорил. Глупо, конечно, но...

— Совсем и не глупо.

Медведь остался с ними в постели. Абсурдно, конечно, заниматься любовью в компании медведя, но, наверное, еще абсурднее убирать его в шкаф. Да и особой разницы не было. Они слишком увлеклись друг другом, чтобы замечать медведя.

Наконец биение их сердец вернулось к нормальному ритму, воздух охладил мокрую от пота кожу. Несколько слов, несколько фраз. Дремота. Он лежал на боку, с медведем в руках. Она прижималась к нему сзади.

Сон, блаженный сон.

Он проснулся, обнимая медведя, но его никто не обнимал. Постель наполнял ее запах. Она, однако, исчезла. Поднялась глубокой ночью, оделась и ушла.

Он позвонил ей около полудня.

— Наверное, я не найду слов, чтобы описать наслаждение, которое ты доставила мне прошлой ночью.

— Я тоже в восторге.

— Я проснулся с желанием обнять тебя. Но ты исчезла.

— Я не могла заснуть.

— Я даже не слышал, как ты уходила.

— Я не хотела тебя будить. Ты спал, как младенец.

— С медведем в руках.

— Я не могла оторвать от тебя глаз. Так сладко ты спал.

— Синдра, я хочу тебя видеть. Вечером ты свободна?

Последовала пауза, и он уже пожалел о том, что задал этот вопрос.

— Позволь мне позвонить после ленча.

Коллега только что опубликовал очень едкую статью о творчестве Годара в ежеквартальном издании, тираж которого составлял несколько десятков экземпляров. Когда позвонила Синдра, он читал статью и цокал от удовольствия языком.

— Сегодня мне придется задержаться на работе. Но ты можешь приехать ко мне в половине десятого или в десять, если для тебя это не поздно. Мы закажем пиццу.

Она продиктовала ему адрес.

— Надеюсь, что ты приедешь, но, возможно, тебе не хочется.

— Очень даже хочется.

— Видишь ли, ночные причуды свойственны не только тебе.

Он лихорадочно вспоминал, что же такого он учудил ночью, попытался догадаться, в каких причудах она хочет сознаться? Хлысты и цепи? Резиновые набалдашники? Вибраторы?

— А, — тут до него дошло. — Ты про медведя.

— Я тоже сплю с животным, Пол. И не сплю без него.

Он затрепетал.

— Я должен был сразу это понять. Синдра, мы созданы друг для друга. Что это за животное?

— Змея.

— Змея, — повторил он, рассмеялся. — Что ж, более экзотично, чем медведь, не так ли? Хотя медведи не так уж часто встречаются на Шри Ланке. Знаешь, что я тебе скажу? Я никогда не видел плюшевую змею.

— Пол, я...

— Птички там разные, собаки, наконец, медведи, но...
— Пол, змея не плюшевая.
— Однако.
— Змея живая. Я купила ее в Калифорнии. И с немалым трудом перевезла сюда. Это питон.

— Питон, — повторил он.
— Сетчатый питон.
— Если хочешь иметь питона, его надо держать в сетке.
— Это такой вид, названный по расцветке кожи. Его длина двенадцать футов, Пол, хотя со временем он еще вырастет. Он ест мышей, но не очень часто и не очень много. Спит он в моей постели, обвившись вокруг меня. Наверное, чтобы согреться, хотя мне кажется, что в его объятиях есть место любви. Но я, возможно, все это напридумывала.

— Ясно.
— Ты — первый, кому я это говорю. Мои друзья в Лос-Анджелесе знают, что у меня живет змея, но тогда я с ней не спала. Когда я ее покупала, такого желания у меня не было. Но однажды она заползла в мою постель. И впервые в жизни я почувствовала себя в полной безопасности.

Вопросы так и роились в его голове. Он выбрал один.

— У змеи есть имя?

— Заходящее солнце. Я купила питона в зоомагазине на бульваре Заходящего солнца. Его специализация — рептилии.

— Заходящее солнце. Неплохо. Зоомагазин можно найти и на улице с куда менее поэтичным названием. Заходящее солнце — мальчик или девочка? У питонов есть деление по полам?

— Владелец магазина заверил меня, что Заходящее солнце — девочка. Сама-то я определить этого не могу. Пол, если тебя это отталкивает, я тебя пойму.

— Я не об этом.

— Если змея вызывает у тебя отвращение, если ты полагаешь мою прихоть странной...

— Разумеется, полагаю, — признал он. — Ты сказала, в половине десятого? Или в десять?

— Так ты хочешь приехать?

— Абсолютно. И мы закажем пиццу. Может, они заодно прихватят и мышь.

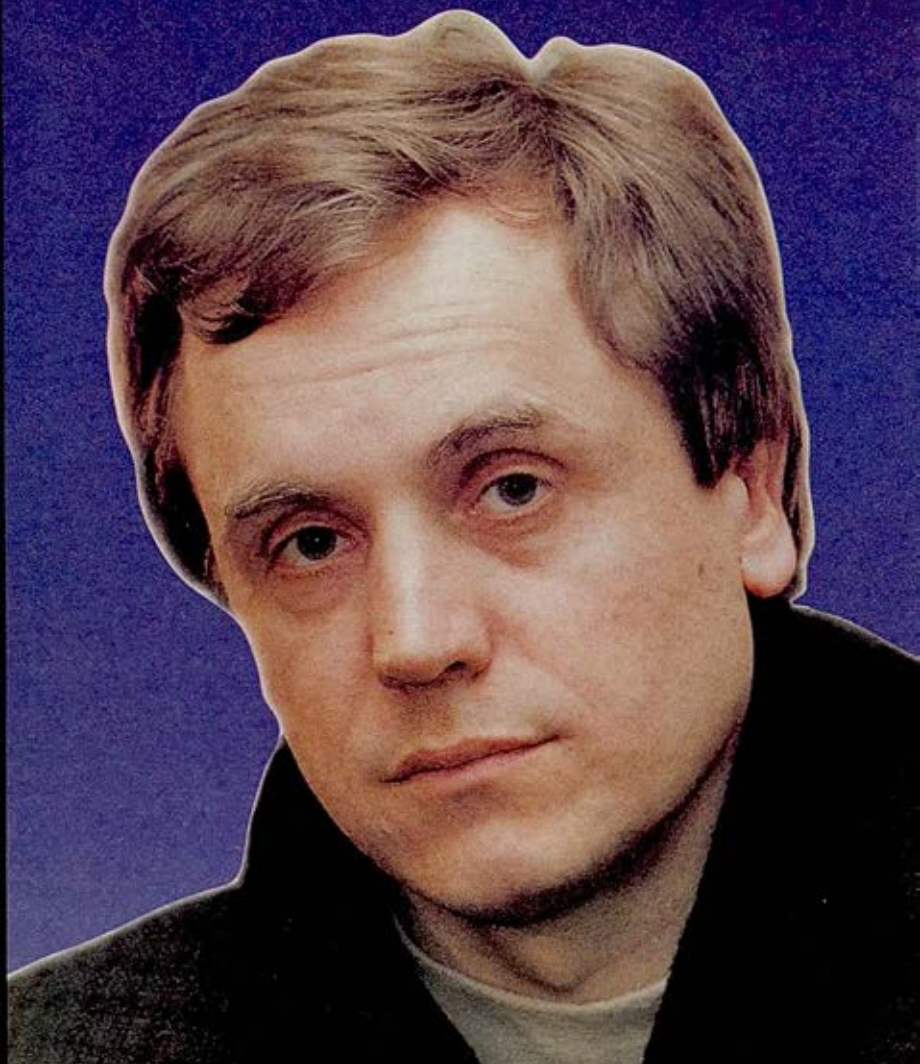
Она рассмеялась.

— Я покормила ее этим утром. Она еще долго не проголодается.

— Слава Богу. Синдра! А я смогу остаться? Я просто хочу знать, брать мне медведя или нет.

— Да, конечно. Обязательно возьми медведя. ■

Перевод с английского
Виктора ВЕБЕРА.



Андрей
Соколов:

Творческая энергия этого человека буквально бьет ключом. Сегодня его знают уже не только как популярного артиста театра и кино, но и как писателя, кино- и театрального режиссера, а еще он спортсмен и бизнесмен. А если вспомнить, что в его интеллектуальном багаже несколько высших образований — диву даешься, как все можно было успеть к 30 годам?!. Поэтому, встретившись с Андреем Соколовым под крышей его "Ленкома", в первую очередь поинтересовалась:

— Андрюша, как вам живется в наше сумбурное время?

— Замечательно живется. Воспринимаю жизнь такой, какая она есть, и даже в негативных ее проявлениях нахожу крупинцы радости и стараюсь их использовать как маячки на пути к лучшему, более светлому и радостному.

— Как вы считаете, актерам предыдущего поколения было проще?

— Конечно, проще. Но не могу сказать лучше, просто они жили в совсем ином мире. Сейчас рыночные отношения определяют все.

— Насколько я знаю, вы довольно рано вошли в эти рыночные отношения?

— Это точно! Я начал работать в 13 лет... Именно в этом возрасте подошел к маме и сказал: "Мама, большое спасибо тебе за все, что ты для меня сделала! Ты меня воспитала и вырастила... Теперь я буду тебя кормить!"

— И куда же вы направились работать?

— В те годы в школе с 8-го класса ввели программу так называемого учебно-производственного комбината (УПК), в котором школьникам давались азы каних-

фото Владимира Честикова

**"Мне жалко
тратить время
на тусовки"**



то специальностей, наподобие ПТУ. В УПК я с отличием закончил курс слесаря-сантехника и имел серьезный калым в этом бизнесе. К тому же внешне я был парнем достаточно рослым и крепким, за мальчика на побегушках меня нигде не держали.

— И где же вы налымили? Неужто в ЖЭК устраивались и по квартирным вызовам ходили ликвидировать всяческие ЧП?

— Вообще нет. Например, строилась котельная в Михнево, в Домодедово, в Барыбино, и я подражался там на работы по своей специальности. Да еще отправлялся в дальние странствия, где хорошо платили, например на БАМ...

— А мама-то чем занималась?

— Мама у меня энергетик по специальности. Но всю свою жизнь она посвятила воспитанию сына, то есть меня. Свою личную жизнь после развода с папой напрочь зачеркнула, хотя внешне и внутренне — женщина безумно

красивая. Родила она меня уже не юной девушкой — в 27 лет.

— Но вы общались с отцом?

— Да, хотя у него уже была другая семья. Он — строитель по профессии, и я, кстати, вместе с ним ездил на БАМ.

— Бытует мнение, что если мать воспитывает сына в одиночестве, это чревато тем, что вырастет инфантильный мужчина. Про вас такого не скажешь!

— Вообще-то я всегда был маленьким сыночком.

— Неужели?! Вряд ли маменин сынок сподобился бы в 13 лет пойти работать!

— Все дело в том, что я довольно рано понял, как мне не хватает отца, и что воспитание я получаю все-таки женское. Каким-то своим внутренним мужским естеством постоянно себя ломал в сторону мужчины, старался быть сильнее, крепче, может быть, жестче. И хотя я рос отнюдь не дворовым мальчишкой, скорее,



домашним, я занимался во многих спортивных секциях и кружках. Учился играть на баяне (правда, безуспешно), занимался балльными танцами, плаванием, хоккеем... И если после учебы или тренировок многие ребята бежали во двор, то я шел домой книжки читать, или в кино, или в театр...

Даже сейчас замечаю, что в те годы детства и юности я был гораздо более собранным, чем сейчас. Потому что сегодня, в зависимости от обстоятельств, я себе не принадлежу, и должен больше отдавать, чем брать. Тогда же я все только брал, впитывал как губка и потреблял...

А еще в десятом классе я столкнулся с чудовищным фактом, когда мой приятель проиграл меня в карты. Это было потрясением, с одной стороны, а с другой, в такой достаточно жесткой ситуации я понял, что не настолько окружающий мир любит меня, насколько я его.

— На сегодняшний день вы закончили столько различных учебных заведений (МАТИ, театральное училище имени Щукина, курсы иностранных языков, высшие режиссерские курсы...) — просто диву даешься. Вы что же, коллекционируете дипломы?

— Мне просто нравится учиться! Постоянно цепляюсь за новые знания. И понимаю, когда пропадает интерес к получению чего-то нового, наступает притупление жажды жизни. Очень плохой симптом. Мне кажется, что люди начинают умирать именно с того момента, когда им становится неинтересно жить и учиться. Но главное — я постоянно ощущаю, что впереди еще столько интересных открытий и вершин, к которым стоит стремиться... Ведь золотые слова: "Научить нельзя, можно научиться..."

— Почему вашим первым институтом стал именно МАТИ?

— Во-первых, потому что увлекался летательным моделирова-

нием: мастерил и запускал в небеса всякие планеры и другие аппараты... Во-вторых, у отца там было какое-то не очень значительное знакомство и, в-третьих, — военная кафедра. Но с первой попытки я не поступил. И в течение года работал сразу в нескольких местах. А поскольку провал на экзамене всерьез задел мое самолюбие, я, заработав деньги, стал нанимать репетиторов по необходимым для поступления предметам. И в течение двух месяцев, по восемь часов в день, не вставая из-за стола, корпел над учебниками. Поступил без всякого блата.

— Ну а в актерскую профессию что вас завело?

— Я никогда не принимал участия в школьной самодеятельности. Но когда смотрел спектакли и кинофильмы, внутренне переживал любимые образы вместе с актерами. После окончания школы старался обходить стороной все театральные училища, которые есть в Москве. Стоило к ним приблизиться, меня начинало трясти. Студенты этих вузов казались мне небожителями, а уж про актеров я вообще не говорю... Честно сказать, мне просто не хватило силы воли и смелости, чтобы подать документы в театральный вуз. К тому же, инженерное образование моих родителей подразумевало, что я обязан получить какую-то серьезную профессию. И все-таки тяга к творчеству взяла верх...

— После выхода на экраны фильма "Маленькая Вера" вы проснулись знаменитым, пресса пестрела эпитетами в ваш адрес, типа: "порочный ангел", "мальчин резвый и кудрявый", "наш Жерар

Филипп", — словом, сенс-символ, любимец женщин и режиссеров. Самое время почитать на лаврах...

— А я вот взял, да и поступил на Высшие режиссерские курсы, чтобы и в творчестве чувствовать себя более свободным. Хотя продолжал и продолжаю оставаться актером. В моем багаже уже около 40 фильмов и роли в спектаклях театра "Ленком", "Театра Луны", а также в антрепризе...

— Я слышала, что вы и литературным творчеством балуетесь?

— Да вот стихи пописываю, есть даже небольшой сборник под названием "Слова" и уже опубликован роман "Новая русская лебди".

— Ну а что же в режиссерском творчестве?

— В конце прошлого года состоялась премьера спектакля "Нойна"...

— Ах да! "Нойна"... Слышала-слышала, говорят, билеты на спектакль можно достать только по благу. Истати, а почему именно "Нойна"?

— Если бы я взялся за что-то более известное, из классики, например, то непременно стали бы сравнивать мой спектакль с тем, что уже было раньше. А я люблю все начинать с чистого листа. Поэтому давно искал пьесу современную, острую, необычную. И вот мне попалась работа Андрея Яхонтова. И здесь есть все, но главное — смысл жизни!

— Говорят, москвичам недостает провинциальной хватки, чтобы достигать в жизни больших высот... Что вы думаете по этому поводу?

— Абсолютно согласен. Ведь посмотрите статистику: те люди,



о которых больше всего говорят (хотя это не означает, что они лучше), все с периферии, они буквально зубами вгрызаются в московскую землю и всячески себя на ней укрепляют... В отличие от москвичей, которым она дана по праву их рождения. Я, например, представить себе не могу, чтобы где-нибудь в Чечне приехали русские, обложили рэкетом какой-нибудь ларек и заставили всю округу платить себе дань!..

— Как вы оказались в восточной борьбе тэнвандо? Откуда тяга к восточным единоборствам?

— Когда-то я занимался бальными танцами, и довольно успешно. Но в один год вдруг резко вырос на десять с лишним сантиметров. И очень возмущал. А в то время бытовала традиция, что

партнер должен быть достаточно стройным, тонким и изящным. А у меня плечици раздались под 50-й размер. Какие уж тут танцы. И в то время как раз в стране началось увлечение единоборствами, появились полулегальные секции, в одну из которых я и попал. Кстати, в институте я в отсутствие тренера проводил разминки, тренировки и таким образом тоже зарабатывал деньги.

Теперь увлекаюсь борьбой цигун — очень мощное энергетическое оружие, что дает мне возможность достаточно быстро восстанавливать затраченные силы. Цигун — целая философия или даже религия.

— Вы человек верующий?

— Я не готов сейчас обсуждать вопрос веры, но могу ска-

зять о своем отношении к религии. Ведь то, что происходит сейчас у нас в стране, процентов на 80 к истинной религии и вере не имеет никакого отношения. Это, скорее, бизнес. То же самое могу сказать и о нынешнем разнообразии вероисповеданий. По меньшей мере странно, что такое огромное количество людей в нашей стране работают на чужую религиозную карму, например, на буддизм, который не имеет здесь никаких исторических корней. Хотя мы по своей карме исторически принадлежим к языческому православию.

— Вы сыграли огромное количество ролей с летальным исходом... Как относиться к слову "смерть"? Оно вас не пугает?

— Нет. Я гипотетически себе представляю ее и отношусь спокойно. Единственное, будет жалко, если конец случится слишком рано, так много хочется успеть сделать и я слишком люблю жить.

— Богемная жизнь осталась в юности или продолжается до сих пор?

— Я люблю провести хороший вечер с друзьями. Кстати, в таких компаниях часто решаются и серьезные деловые вопросы. А на всевозможные тусовки мне жалко тратить время.

— Азартность, авантюризм вам тоже присущи?

— В полной мере. Даже с парашютом прыгал. У меня есть интересный проект с "Нэмел трофи". Я ведь занимался какое-то время автомобильными гонками в "Формуле-23".

— А карты, рулетка, казино?

— Я слишком тяжело зарабатываю деньги, чтоб вот так запросто их выбрасывать на ветер. Мне

гораздо интереснее в плане азарта съездить на охоту...

— В августе нынешнего года в Геленджике впервые прошел фестиваль искусств "Южные ночи". Почему вы взвалили на себя обязанности генерального директора? Вам что же, чистого творчества мало, еще и организационную лямку потянуть захотелось?

— Естественно, не мало! Но в моей творческой жизни сплошь и рядом приходится решать организационные вопросы: сегодня многие актеры вынуждены заниматься поиском средств на свои роли, режиссеры ищут деньги на свои фильмы. Так что опыта в этом деле у меня предостаточно. Вот и решил поделиться им ради искусства — ведь фестиваль искусств "Южные ночи" — это тоже одна из моих творческих ролей.

— А конкуренцию в творчестве ощущаете?

— В принципе, да. Раньше думал, что если роль можно получить по блату, то уж по блату сыграть нельзя. Теперь знаю, что все можно сделать по блату. И успех организовать, и звания получить, и награды. Вы только посмотрите, сколько гнили и паности сегодня вылезло наверх... А ведь наши дети на этом растут. Что же, у нас будет такое гнилое поколение? И мне не нравится позиция людей, которые считают, что не стоит об это пачкаться. Нет, надо пачкаться! И надо говорить о том, где истинные ценности, а где мнимые. Надо заниматься своим делом и называть вещи своими именами. Ради наших потомков, ради здоровья нации. ■

Беседу вела

Татьяна СЕКРИДОВА.

Кровавая МЕСТЬ

Виктория МУРАШОВА



День своего рождения Артур встретил без особого шума. Во-первых, у него, воспеваемой звездой, после обильного застолья с друзьями ощущалась некоторая сухость во рту и легкое дрожание рук. Во-вторых, раздражала невозмож-

ность понять, откуда взялась белокурая красота, мирно спящая в его постели (вспомнить ее имя Артур даже и не пытался: такие мелочи его, как правило, не занимали). И, в-третьих, день рождения вовсе не означал отмены его выступления на престижной дискотеке.

Следовательно, нужно было срочно приводить себя в пристойный вид, максимально быстро и с минимальными затратами энергии выставить из квартиры соседу по ложу наслаждений и готовиться к вечернему выступлению. А уж потом, после работы, можно будет расслабиться в кругу самых близких друзей. Юбилей было решено отметить в сауне с роскошным бассейном — идея, которой сам Артур гордился как свежей и изысканной.

Растолкать красотку сразу не удалось. Артур временно отстал от нее и отправился к почтовому ящику за корреспонденцией. Письма от поклонниц он давно не вскрывал, поэтому почти все конверты прямоном отправились в мусорное ведро. Внимания удостоился только один, где адрес и фамилия были отпечатаны на компьютере. Рассудив, что любовную чепуху таким шрифтом не пишут, он вскрыл конверт и с первых же строк понял, что ошибся. Тем не менее внимательно прочел письмо до конца:

«Артур, я поздравляю тебя с днем рождения. Не знаю даже, чего пожелать: у тебя есть все, что нужно для счастья, и сверх того. Поэтому просто: поздравляю!»

У меня есть для тебя подарок. Загляни в карман пиджака, в котором ты вчера был. Хочь пода-

рить фамильную драгоценность — серебряный браслет. Конечно, это не мужское украшение. Но ведь не будешь же ты порхать от женщины к женщине до конца жизни! Когда полюбишь кого-нибудь так, как люблю тебя я, подари Ей этот браслет. У нас в роду есть поверье: женщина, которая его надевает, никогда не сможет уйти к другому от того, кто подарил ей браслет. Надеюсь, тебе это пригодится... в жизни.

Кто я? Год тому назад, тоже в день рождения, ты вышел после выступления на улицу. И поманил пальцем одну девчонку из стайки твоих поклонниц — меня. Этого было вполне достаточно, чтобы ошалевшая от неожиданного счастья девчонка запрыгнула к тебе в машину. Ну, а дальше случилось... то, что случилось. Ты провел ночь так, как привык ее проводить. И даже не заметил, что стал моим первым мужчиной. Но дело не в этом.

Дело в том, что утром ты просто вышвырнул меня за дверь, как приبلудную кошку. Так спешил от меня избавиться, что даже чашку кофе не предложил. А я... я думала, что ты хотя бы выслушаешь. Ведь я два года любила, жила мечтами о тебе. Да и сейчас люблю... а иногда ненавижу.

В общем, дарю тебе самое дорогое, что у меня осталось. Мой далекий предок привез этот браслет откуда-то с Ближнего Востока. Несколько веков его передавали из поколения в поколение, от матери — к сыну, чтобы тот подарил его своей жене, матери будущих сыновей рода фон Хеннинген. Нет, в паспорте у меня другая фамилия — измененная, русифи-

цированная, почти неузнаваемая. Да и братьев у меня нет — я единственный ребенок в семье. И меня бы уже, наверное, не было, не поменяй фамилию мой дед, прибалтийский барон, женатый на русской княжне. Кстати, мать этой княжны была итальянкой из рода Медичи. Видишь, как нужно быть разборчивым в знакомствах! Ты понял, с кем обошелся так бесцеремонно?

Как говорил мессир Воланд: "Кровь — великая сила". Я тебя прощаю и никогда больше не увижу. Родственники из Германии нашли меня, и теперь я уезжаю, чтобы выйти замуж за своего троюродного брата и принести ему в подарок права на замок в Прибалтике и баронский титул. Конечно, я должна была бы увести браслет с собой. Но — не могу. Хотя и дорожу этой безделушкой, но не настолько, чтобы лишиться себя возможности исполнить свою последнюю прихоть: заставить тебя никогда не забывать обо мне!"

Артур прочитал письмо и очень развеселился: "Во дают, приятели, во, затейники! Такое сочинить — это же надо! Тут тебе и утраченная девственность, и голубая кровь, и родовой замок!" Конечно, нинаних штемпелей на конверте не было, его просто сунули в почтовый ящик.

Настроение у Артура настолько улучшилось, что с неизвестной блондиночкой он обошелся почти нежно: разбудил, предложил умыться и разделить с ним завтрак. А сам, смеху ради, полез в карман своего костюма. И... обмлел. В кармане оназалась потерянная сафьяновая норобочка. А в ней — браслет: серебряная змей-

на с бирюзовыми глазами. Вещица не поражала воображение роскошью, но была в ней какая-то загадочная, старинная красота. Кончик жала чуть-чуть высовывался из пасти. Артур взял браслет в руки...

— Что это? — спросила уже одетая и подмазанная блондинка, которой полагалось ждать завтрака на кухне. — Ой, какая змеючка! Можно посмотреть?

И прежде, чем Артур опомнился, схватила браслет. Но тут же ойкнула и уронила его:

— Палец уколола!

Но Артур уже достаточно владел ситуацией.

— Знаешь что, подруга, отчаливай в сторону моря. Кофейку в другой раз попьешь. А мне некогда — дела. Ну, давай-давай, больше ничего интересного не будет. И не занатывай глаза, у меня самого голова со вчерашнего... Целую ручки, пани.

Закрыв за блондинкой дверь, Артур с облегчением вздохнул. Подцепить даму — не проблема, стоит только пальцем поманить, это верно. А вот избавиться... Конечно, если бы вместо этой потаскушки с ним была Майя, неприступная, насмешливая Майя, все было бы по-другому. "Пару месяцев", — мог бы добавить его внутренний голос. Но Артур давно к нему не прислушивался.

Браслет лежал на столе, и глаза змейки, казалось, смотрели прямо на Артура. По спине у него пробежал неприятный и непонятный холодок. Была у него встреча с таинственной аристократкой или нет? Хоть бы внешность свою описала, дворянка недобитая... Но ход мысли был прерван непо-

нятым шумом во дворе. Артур вышел на балкон...

Прямо под окнами стояла "Скорая", и два санитары в белых халатах как раз грузили в нее носилки. Из-под простыни мелькнула белонурая головка...

— Что случилось, баба Маня?— окликнул Артур знакомую соседку.

Та подняла глаза к балкону второго этажа.

— Да вишь ты, девка каная-то: шла-шла, да и упади. То ли сознание потеряла, то ли вовсе померла. Лежит бе-е-лая. Не от тебя?

Донжуанские похождения Артура ни для кого во дворе давно уже не были секретом, как, впрочем, и для всего города.

Артур затряс головой, замахал руками и попятился обратно в комнату. И замер: ему показалось, что в ней кто-то есть. Медленно обернулся. Пусто. Только по-прежнему на столе лежал таинственный браслет, и холодно поблескивали змеиные глаза.

"Ну, хватит,— решил Артур. — Нужно приводить в порядок себя, квартиру и ехать. А эта телка, которая в обморок грохнулась? От голода, что ли? Или с перепоя? Один черт! Хорошо хоть на улице, а не у меня. Я ведь даже не знаю, как ее зовут. Наверное, письмо писала такая же придурочная. Только вот браслет..."

Выходя из дома, Артур все-таки взял с собой сафьяновую коробочку. Хотя даже самому себе бы не признался, что просто боится оставить "змеюку" без присмотра.

В примерной он снова вытащил браслет из футляра и начал рассматривать. При ярком свете стосвечевой лампы змея выгляде-

ла совсем нестрашной. Так — милый пустячок, дамское украшение... Вот только этот излишний натурализм: жало. Интересно, острое? Но потрогать не успел...

— Каная прелесть!— услышал он за спиной голос одной из своих ассистенток-танцовщиц.— Откуда это у тебя, Артик? Подаришь? Или это память? Ну, хоть примерить дай. Девчонки от зависти полопаются.

— Перебьешься!— резко ответил Артур, который вежливость в обращении с женщинами считал излишней роскошью.— Тебе красная цена — бокал шампанского. Отечественного. И давай, вали отсюда по быстрому. Мне еще гримироваться, одеваться, а глядя на тебя, хочется только застрелиться...

— Ох, Артемон, если бы эти дуры, которые на твоих концертах визжат от восторга, а потом у входа нараулят, знали, каная же ты на самом деле скотина...

Фраза осталась незаконченной. Ассистентка слишком хорошо знала характер "звезды" и изменение выражения лица расценила совершенно правильно. Синяк под собственным глазом в ее творческие планы не входил. А потому предпочла исчезнуть и плавно, без шума, прикрыть за собой дверь.

Выступление Артура действительно сопровождалось традиционным воем и свистом поклонниц. Да и поклонники не оставались равнодушными. В отличном настроении, с охапками цветов и ящиком шампанского вернулся в примерную, где его ожидал еще один неожиданный и тем более приятный сюрприз: одна из немногих до сего дня равнодушных н

творчеству Артура девушек — та самая Майя, подающая большие надежды актриса кино, решила-таки быть в числе гостей на дне рождения. Который, напомним, должен был состояться в сауне. Кудя и отправился после окончания программы узний (не более тридцати человек) кружок приглашенных.

В сауне много пили, ели, говорили тосты, шутили, смеялись, короче, развлекались кто как хотел. До состояния пороссячьего визга дело, правда, не доходило: под руной был бассейн, где вовремя освежались (или были освежаемы) слишком разрезвившиеся. Именинник же держался стойко: актриса Майя была рядом и, в общем-то, не отвергала пыльные ухаживания Артура. Но и кокетничала весьма умело. В результате в самый разгар торжества виновник поднял руку, призывая к вниманию, и внятно произнес:

— Народ, ша! Прекрасная дева не верит в искренность моих чувств. Прошу всех быть свидетелями. Предлагаю Майе руку и сердце. Объявляю: здесь сейчас произойдет помолвка... если Майя согласна со временем стать моей женой.

На красивом лице Майи даже человек, далек от физиономистики, мог прочесть целую гамму последовательно менявшихся чувств. Торжество ("Ага, попался!"). Сомнение ("В мужья-то годится ли?"). Нерешительность ("А если завтра найдется кто-то лучше?"). И, наконец, озарение ("Помолвка еще не брак, можно потом и послать...").

Хорошо отрепетированным движением актриса протянула Артуру гибкую руку и сказала с при-

личными к случаю интонациями: волнением, смущением, тщательно скрываемым, но рвущимся наружу счастьем:

— Наверное, это судьба...

Артур слегка растерялся; подобная фраза требовала достойного ответа. И тут его осенило:

— Я не буду дарить тебе кольцо, дорогая, это банально. Я подарю старинную реликвию — браслет. Женщина, которая его наденет, никогда не сможет изменить мне или уйти.

И королевским жестом надел браслет на руку Майи. Восторг присутствующих описанию не поддавался. Все хотели рассмотреть семейную реликвию поближе, и через пять минут героине дня надоело ходить в буквальном смысле слова "с протянутой руной", которую к тому же вертели, как хотели.

— Да ну вас совсем, — томно пропела она с напризной гримаской. — Вот вам браслет, смотрите на здоровье, а я пока поплаваю.

И сняла безделушку. Но тут же ойкнула. На запястье у нее остались узкая красная полосочка и несколько капелек крови. Майя постояла несколько секунд и бросилась в бассейн.

— Кусается гадючно-то, — пошутил кто-то.

А более осведомленный добавил:

— Да не гадюна это, а гюрза. Точно знаю. Сделано отлично, даже чешуйки выделаны все до единой. Гюрза с бирюзой.

В этот момент в салон ворвалась, безумно визжа, одна из девиц с побелевшим лицом. На недоуменные взгляды собравшихся дрожащей руной лишь указала в направлении бассейна... Там, ли-

цом вниз, на поверхности воды неподвижно плавала Майя...

Пока ее вытаскивали, пока спорили, вызывать ли милицию, пока побежали звонить "03", Артур хватился браслета. Долго искать не пришлось: гюрза красовалась на запястье одной из приглашенных девиц. Артур подскочил к ней:

— Отдай браслет, мародерка!

— Да подавись ты своей змеюной, — огрызнулась незадачливая экспроприаторша. Сдернула украшение с руки и... вскрикнула. На запястье у нее тоже кровоточила царапина. Как и у Майи. Через несколько минут все увидели, как розовое девичье личико стремительно синееет, искажается злощей судорогой. Обмякшее тело рухнуло на пол.

Второй труп за десять минут — это был уже явный перебор. Милиция появилась достаточно оперативно, но в версию внезапного обширного инфаркта одновременно у обеих не поверила. Хотя медики после вскрытия и поставили именно этот диагноз. Поначалу не исключалось двойное убийство. Но... все все время были на глазах друг у друга и сговориться обо всех подробностях до приезда милиции вряд ли могли. Первоначальный опрос затягивался. Но тут Артур, обнаруживший, что машинально все еще вертит в руках браслет, вдруг с ужасом сам воскликнул:

— А может быть, вот эта штука? Посмотрите, жало острое, как бритва. Только осторожнее.

Эксперты обнаружили в маленькой головке гюрзы крохотный резервуар с ядом неизвестного происхождения. Наполнить его можно было через один из глазков-бирюзинок. А жало устроено

так, что наносило царапину, когда кто-то пытался снять браслет. Надеть же его на руку можно было совершенно спокойно. Действительно, женщина, ставшая обладательницей этой фамильной безделушки, не могла ни изменить, ни уйти. Она могла только умереть!

Однако не только "экзотичность" дела заставила следователей Московского угрозыска раскрутить его до мельчайших деталей: вторая жертва гюрзы оказалась подругой и услугой жизни одного высокопоставленного деятеля, который и повелел найти виновника и примерно покарать. Подключили даже Интерпол — и... нашли, но не виновника, а несвную пособницу преступления.

Александра фон Хенинген действительно существовала и действительно недавно сочеталась браком со своим дальним родственником. Восстановив титул и имя, они ждали возвращения родового поместья. Но дело было в том, что Александра покинула Россию почти за три года до трагедии и имела в этом плане железное алиби. К Артуру, по ее словам, никогда близко не подходила, даже о его творчестве имела весьма смутное представление. Естественно, никакого письма она ему не писала и никаких подарков не делала. Гюрзу тем не менее опознала:

— Да, это моя. Несколько лет тому назад у меня, мягко говоря, "позаимствовали" некоторые вещицы. Я не заявила в милицию, поскольку знала, кто это сделал. Это был мой тогда очень близкий друг. Семейное предание о браслете он, конечно, знал. Знал и то, что моя прабабка-итальянка осна-

стила, вернее, велела оснастить фамильную реликвию этой "милой добавкой" — капсулкой с ядом. Медичи в этом деле всегда были непревзойденными специалистами. Но зачем понадобилась вся эта мистификация с письмом и почему браслет прислали Артуру — понятия не имею. Имя моего друга? Только в обмен на гарантии вернуть принадлежащую мне реликвию.

Пришлось такие заверения выдать. Хотя это было и непросто. И тогда Александра назвала имя. Браслет "позаимствовал" у нее некий Сергей — тоже эстрадная "звезда", но менее популярный у поклонников, чем Артур.

Конкуренция? Была и такая версия. Но следствие тянется до сих пор: баронесса фон Хенинген наотрез отказалась давать еще какие-либо официальные показания, порочащие бывшего друга сердца. А он не только все отрицает, но и клянется, что безделушку ему Александра подарила сама, а потом его обворовали и с тех пор он гюрзу не видел. О ядовитых свойствах змейки понятия не имел, слава Богу. Почему не подал заявление о краже в милицию? Не верил, что помогут, украл-то мелочи, хоть и ценные. Зачем бывшей возлюбленной понадобилось делать из него вора? Этот вопрос нужно задавать гос-

поже баронессе, которая, кстати, врет, что не была знакома с Артуром. Была! И в письме все написано правильно, кроме "первого в жизни мужчины". И сам он, Сергей, был у нее не первым, и Артуру эту истеричку подсунил, чтобы избавиться от бесконечных сцен. А вот кто подложил Артуру в карман подарок ко дню рождения — знать не знает, ведать не ведает. Сам в ту пору был на гастролях в другом городе, а потом беспробудно пил на даче у друзей, где его и обнаружили следственные органы. И тут — алиби.


Дело "Гюрза с бирюзой" так и не доведено до суда. Три женских трупа, трое подозреваемых и никаких реальных сдвигов. Браслет находится в сейфе сотрудников Петровни, которые пуще всего опасаются, что милая безделушка вдруг исчезнет. Такие "вдруг" теперь происходят все чаще и чаще. Не приведи Бог...

Естественно, эстрадные карьеры Артура и Сергея закончились. Но свято место пусто не бывает: на эстрадном небосклоне все увереннее светит новая звезда. По странному совпадению, певец носит ту самую фамилию, которая значилась в паспорте баронессы фон Хенинген, когда та еще была российской гражданкой.

Кровь, знаете ли, великая сила. ■

ЗАПЕРТА

Ольга ЧАЙКОВСКАЯ

 т институтского корпуса № 2, где находится военная кафедра, совсем недалеко до третьего корпуса, где расположен тир (бывшее бомбоубежище), там за дверью одним пролетом ведет вниз длинная лестница. А в самом помещении тира в тот день шли сварочные работы — варили решетки, чтобы укрепить оружейную.

Когда на военной кафедре зазвонил телефон, трубку взял подполковник Микрюков. Звонил начальник тира Соковнин (человек замечательный, они с ним всегда работали в тесном контакте), сказал, у них вдруг выбило пробки, темно, просил принести свечку. Виктор Григорьевич освободился не сразу, потом искал свечку, словом, прошло минут сорок, прежде чем он направился в тир. Уже издали увидел: сигнальная лампочка над входом не горит.

Подошел, взялся за ручку двери — заперта изнутри, чего обычно не бывало. Заглянул в щель — заперта на железный прут. Пошел на вахту (два шага) позвонить — и в тире никто трубки не взял. А когда вернулся к тиру, дверь стояла распахнутой.

Что же тут произошло за те несколько минут, что ходил он звонить?

Подполковник спустился по ступенькам вниз, туда, где случалось угрюмое молчание. Открыл внутреннюю дверь — на полу кто-то лежал. В комнате тренеров свет все-таки горел, в его слабом луче подполковник разглядел Соковнина. Леонид Андреевич лежал, загораживая собой дверь своего кабинета. Он был мертв.

Неподалеку послышался не то стон, не то вздох, это умирал Гена Вахрушев, сварщик; поначалу в темноте Микрюков его не заметил. Он побежал звонить в «скорую», в милицию, а потом, когда уже вместе с другими снова спустился вниз, они нашли третьего: в дальней комнате, прислонившись к стене, сидел подполковник Гольцов, лицо его было залито кровью, и его узнали не сразу.

Первой приехала «скорая», за ней милицейские машины.

Я ДВЕРЬ



А через неделю на кафедру позвонил мужчина, спросил Микрюкова, сказал: “Ты еще не раскололся?” Виктор Григорьевич ничего не понял и спросил бессмысленно: “Где?” “В тире, — ответили ему. — Ты нас видел?” Микрюков ответил, что никого не видел. “Ну, ты смотри”, — пригрозили ему.

Итак, убийц было по крайней мере двое.

Убийство в тире потрясло Ижевск, люди и так уже были встревожены, слухи о банде, торгующей оружием, то и дело подтверждались убийствами, явно заказными. Ходили слухи о некоем “авторитете”, будто бы захватившем власть в городе; если верить средствам массовой информации, “правоохранительным органам противостояла дисциплинированная, четко структурированная бандитская организация, каждый член которой до последнего боевика знает свое место”. Так или иначе, в Ижевске не сомневались, что убийство, совершенное среди бела дня, в людном месте — и притом, как свидетельствовали эксперты, явными профессионалами, — дело рук той самой банды.

Вся тяжесть работы поначалу легла, разумеется, на розыск; как она шла, я, естественно, не знаю, но могу описать (впрочем, опять же со слов местной печати) милицейскую операцию, которая на этом первом этапе расследования стала решающей. В поле зрения сыщиков попали двое молодых людей — Андрей Майер и Толгат Хуснутдинов — по оперативным данным они возглавляли одну из групп, торговавших оружием; однако доказательствами, необходимыми для их ареста, милиция не располагала, и Владимир Мартьянов (старший оперуполномоченный по особо важным делам службы криминальной милиции Удмуртского МВД), решил взять их с поличным. Прием, который он применил, был основан на чистом коварстве. Группа Майера враждовала с другой криминальной группой, “пермской”, и Мартьянов этой враждой воспользовался. Майеру пошли анонимные звонки, будто бы

“пермяки” собираются на них напасть, машину его обстреляли (холостыми патронами). Словом, обстановку накалили добела, и скоро стало известно, что в парке имени Кирова готовится свирепая разборка. Группа захвата внимательно следила за машиной Майера, блокировала засады, предусмотрительно оставленные им на дорогах; видя, что он окружен, Майер пытался бежать и через минуту был в наручниках. В его машине нашли оружие, в том числе пистолет Стечкина (а это крупный калибр, двадцать патронов в магазине — его иногда называют пистолетом-пулеметом). Операция была проведена блестяще, Мартыянов за нее был награжден медалью.

Тем не менее некоторые юристы считали ее провокацией, а, следовательно, незаконной и недопустимой, задев тем самым очень серьезную проблему, для нас тем более интересную, что она имеет прямое отношение к истории, которую я рассказываю. Это проблема нравственной ответственности юристов-практиков, и в особенности правоохранителей. Конечно, для простодушного обывательского сознания тут нет никакой проблемы: преступление должно быть раскрыто любой ценой и для этого все средства хороши. Когда-то даже возникла дискуссия, в ходе которой некоторые авторы утверждали, будто у юристов своя этика, особая, с общечеловеческой далеко не всегда совпадающая. Вряд ли стоит говорить об опасности подобного взгляда, нетрудно предположить теоретически и, увы, совсем легко убедиться практически, что она в конечном счете ведет к попранию всех законов — божеских и человеческих.

Когда речь идет об оперативно-розыскной работе, проблема эта встает особенно остро. Оперативники впрямую встречаются с преступным миром, часто на его поле, с оружием в руках (бывает, и погибают), попадая в условия, близкие к военным. А у войны действительно своя этика, по существу отменяющая основы общечеловеческой нравственности, и прежде всего заповеди “не убий” и “не солги”. Тут, напротив, чем больше ты людей убил, тем больше тебя хвалят, чем ловчее обманул, тем ты умней. Но все же оперативники работают в условиях мира, а не войны, их задача в среде нормальных, ни в чем не виноватых людей различить преступника (и не ошибиться), выследить его и обезвредить. Здесь особенно важно знать, какие методы дозволены и полезны, а какие вредны и не дозволены.

Розыск не может обойтись без ловушек и засад, без агентурной сети и тайной оперативной работы — но никто не освобождает оперативника от законов порядочности. А потому ловушка ловушке рознь. Есть грязные, вредные, отвратные — к примеру, когда оперативник толкает человека на преступление, а потом сам же его и “раскрывает”, или — знаменитый прием! — когда подозреваемому врут, будто на месте преступления нашли отпечатки его пальцев и т.д. Полезную ловушку нетрудно отличить от вредной, ее особенность в том, что она опасна только для преступ-

ника. Операция по захвату группы Майера, проведенная Владимиром Мартяновым, с этой точки зрения безупречна: дезинформация могла взволновать только самого Майера и его сообщников, только он мог из-за нее ринуться в вооруженный конфликт. И опасна была эта ловушка только для них, а для всего остального человечества безвредна.

А вот для раскрытия убийства в тире эта операция оказалась полезна чрезвычайно. Майер и Хуснутдинов, взятые с поличным, признались, что торгуют оружием, и выдали милиции некую синюю спортивную сумку, полную пистолетов и патронов, почти все они были из тира, а один пистолет оказался тем самым, из которого стрелял убийца.

В торговле оружием они признались, но участие в убийстве отрицали категорически, и Майер объяснил, что синюю сумку с оружием принес ему его школьный товарищ Олег Филатов, сказал, так уж, мол, получилось, когда грабил тир, пришлось убить троих.

В наш рассказ вступает центральная фигура.

Студент, очень способный, образованный, ответственный и контактный. Из очень хорошей работающей семьи (семьи с большой библиотекой), отец — инженер-строитель, мать — нейрохирург, заведующая отделением больницы. Женат, жена тоже врач, счастливая пара, у них вот-вот должен родиться ребенок. И такой, в общем, блестящий молодой человек из хорошей семьи мог оказаться кровавым убийцей? — никто не хотел в это верить.

Когда стало известно, что в убийстве троих он признался, даже и в это мало кто поверил, ведь нынче всем хорошо известно, как вырывают признание у невиновных людей. И родные его, разумеется, не верили этому признанию. Каково же им было, когда сам Олег позвонил им из милиции и сказал, что у них в квартире, в “стенке”, есть тайник, там пистолеты, за ними придут. К ним действительно пришли оперативники, нашли тайник и унесли пистолеты. Все три пистолета были из тира.

И все-таки в деле этом был какой-то непорядок, что обнаружилось на первом же допросе. Я приведу его с некоторыми сокращениями, которые не меняют смысла. Итак, перед нами самый первый допрос Филатова.

“С детства я интересовался оружием, — рассказывал Филатов, — и сам его конструировал. В основном делал пистолеты. Когда попользуюсь, как правило, разбираю и выбрасываю. Последнее время был наслышан, да и обстановка в стране позволяла об этом думать, что оружие на рынке стоит больших денег. В этой связи у меня возникла мысль, что в тире института можно приобрести оружие. Я просто был уверен, что если тир, то обязательно должно быть оружие”. И далее стал рассказывать, как готовился к преступлению.

“Примерно недели за две до совершения преступления я стал готовиться. Моя подготовка заключалась в том, что я подошел к моему приятелю Андрею Майеру и попросил у него какое-либо оружие. Майер ответил, что на вещевом рынке можно приобрести любое. Я ему ответил, что не бывал там и не знаю, как приобрести оружие”. Пистолет купил для него Майер, и Филатов хранил его дома в письменном столе. И вот — день самого преступления. Почему он пошел именно в тот день — 16 сентября? “Потому что я в тот день не учился”. А что предполагал делать, если встретит в тире людей? “Я знал и готовил себя к тому, что буду убивать людей без разницы, какое количество их будет”.

И тогда его спросили впрямую:

— Вы какие в жизни болезни перенесли, нет ли психического отклонения?

В самом деле, не странно ли, молодой человек из культурной семьи, без пяти минут инженер, уже отец семейства, а лепечет, как малолетка.

Но Филатов тотчас с жаром заверил, что “с головой у него все в порядке”, “кроме аппендицита даже ОРЗ не болел”. И продолжал свой рассказ. Он спустился вниз по лестнице, встретил начальника тира, убил его, потом один за другим ему встретились еще двое мужчин, он их тоже застрелил и пошел в оружейную взламывать сейфы монтировкой. Он не только рассказывал, он рисовал схему, где большими квадратами изображены комнаты, маленькими — сейфы, точками — тела убитых: двое на лестнице, третий в помещении тира.

“Вы даете чистосердечные показания или не всегда бываете правдивы?”, — спросили его.

“Я дал правдивые показания, — ответил он, — и ничего не скрыл”. И снова его спросили: “Возможно, вас принудили дать такие показания незаконными методами, путем физического воздействия?” “Никто на меня не воздействовал”, — ответил он с твердостью.

Когда Сергей Чучалов, старший следователь по особо важным делам республиканской прокуратуры (это он возглавлял следственную группу) прочел протокол допроса и взглянул на схему, нарисованную Филатовым, он только рассмеялся. “Тут ничто ни с чем не сходится, — сказал он Филатову. — Вы все это выдумали”. Но тот продолжал стоять на своем.

Однако на следующем допросе, как видно, собравшись с мыслями и все хорошенько припомнив, Филатов рассказал все уже много основательней.

Начал он, впрочем, точно так же, как и в первый раз. 16 сентября у него был свободный день и он решил “совершить хищение оружия с целью последующей продажи”. Некоторое время наблюдал за тиром (люди входили и выходили) и, посчитав, что там никого уже нет, спустился по лестнице, вошел в помещение — навстречу ему вышел начальник тира, правую руку он

держал в кармане. “Я сделал шаг вперед, в правой руке я держал пистолет Марголина со взведенным курком и одним патроном в стволе. Я оказался у него за спиной. Он обернулся, я сказал ему: “Стой! Стреляю! Не двигаться!” Перед ним лежала какая-то арматура в виде буквы “Т”. Он схватил ее и сделал шаг ко мне. Я выстрелил ему в голову. Когда он упал, я еще два раза выстрелил ему в голову. После производства первого выстрела я перезарядил пистолет дважды, доставая патроны из кармана куртки. Затем я взял Т-образную арматуру, которой тирщик пытался обороняться, и закрыл с ее помощью вход в убежище”. Потом он стал искать ключи, нашел наконец в кармане убитого связку и пошел в оружейную. Ключами ему удалось открыть сейф с боеприпасами (работал в перчатках), с трудом подобрал ключ к ящику напротив, вообще там, где он не мог открыть ящики ключом, он их взламывал. И вдруг услышал, как у двери что-то загремело. Пошел посмотреть, затаился у двери, — мимо по направлению к оружейной прошел сварщик в кирзовых сапогах, его не заметив. Филатов взглянул на входную дверь, она была заперта. “Я сказал сварщику: “Стой, не оборачиваться!” Он стоял спиной ко мне. У меня в правой руке был пистолет. Я его перезарядил еще раньше”. Убив сварщика, он вернулся в оружейную и стал снова вскрывать ящики.

“Как вошел третий мужчина, я не знаю, — продолжал Филатов (это он говорил о подполковнике Гольцове). — Он вошел через входную дверь, это я понял потом. Мужчина заглянул ко мне в оружейную и спросил, что я здесь делаю. Я ответил, что граблю тир. Пистолет лежал на сейфе. Реакция мужчины была странной, он замахнулся на меня сумкой, тогда я взял свой незаряженный пистолет, наставил на него и сказал: “Стой! Стреляю!” Он попытался и зажался в угол комнаты, смежной с оружейной. После этого я вошел в оружейную, открыл сейф, достал пачку патронов, положил ее в карман, прошел мимо него. Мужчина молчал. Я вошел в комнату тирщика, вскрыл пачку патронов. Я сказал: “Стоять! Назад!” Мужчина ответил, что у меня нет патронов. Он стоял возле порога комнаты, спиной к оружейной, лицом ко мне. Глядя на меня, он стал отходить в глубь комнаты. Тогда я вернулся к столу, чтобы перезарядить пистолет. Доставать патроны в перчатке было трудно”. Он выстрелил этому третьему в лицо, тот “прислонился к стене и стал сползать вниз. Я, не надеясь, что патрон рабочий, вышел из смежной комнаты, подошел к столу тирщика, перезарядил пистолет и еще раз выстрелил ему в голову. После этого я пошел к наружной двери, обнаружил, что она открыта. Я снова ее закрыл”. После этого набрал в сумку патроны, выбрал из ящика десять пистолетов, восемь Марголиных и два револьвера, несколько пакетиков с запчастями. “Пошел к выходу, пистолет мой лежал в сумке, я его зарядил”.

И как раз в это время в дверь стал кто-то стучаться — он поднялся наверх, увидел в щель, что это подполковник с их военной

кафедры; когда тот ушел по направлению к вахте третьего корпуса, он выждал секунд двадцать, вышел из тира и пошел на оставку.

Это уже совсем другое дело, не так ли? Если раньше рассказ Филатова был совершенно пустотелый, то теперь в нем появились живые черты — ну, например, как часто он перезаряжался, стреляя, как мешали ему при этом перчатки (белые, нитяные). Когда его вывезли в тир, он в присутствии понятых, экспертов, сотрудников милиции и прокуратуры в основном правильно показал, где лежали мертвые и как он открывал ящики. Конечно, многие “живые подробности” он мог бы и выдумать, но откуда в конце концов мог он знать, что Микрюков стучал в дверь, если только сам он не стоял тогда внутри, по ту ее сторону?

И все-таки прежние вопросы остались без ответа — и чем больше стало живых подробностей, тем больше стало и вопросов. Так и осталось непонятным, как он на такое страшное преступление — днем, в людном месте! — пошел без всякой подготовки? Сигнализация была отключена, перерезаны провода, — а он не мог объяснить, кто и когда это сделал. И что с освещением? В тире погас свет, а Филатов рассказывает так, словно там было светлым светло, можно было разглядеть не только людей, но и марку оружия, и мелкие запчасти, ударники и пружины, которые он будто бы отбирал.

Но, может быть, самым удивительным в показаниях Филатова было появление в тире Гольцова — для того, чтобы “заглянуть в оружейную”, подполковнику нужно было пройти тамбуром, где лежал сварщик Вахрушев, потом вторым тамбуром, где лежал Соковнин, и что же, увидев мертвыми этих хорошо ему знакомых людей, подполковник хладнокровно проследовал далее — полюбопытствовать: а что делает в оружейной незнакомец, вскрывающий ящик с пистолетами? Всякому ясно, если бы Гольцов был вооружен, он бы стрелял, если нет — при виде первого же мертвого выбежал из тира, запер бы его и вызвал помощь.

И, наконец, главное: как же Гольцов вообще мог пройти в тир, если входная дверь его была заперта, может быть, ее плохо заперли? Уже на четвертый день после убийства Сергей Чучалов провел следственный эксперимент с участием экспертов и криминалистов, который шел с записью на магнитофон. Задача была — понять конструкцию, которой запиралась дверь, и ответить на вопрос: можно ли открыть ее снаружи, когда она заперта изнутри. Ввиду важности вопроса я опишу конструкцию самого запора: с правой и левой стороны двери прикреплены два металлических прута, идущих навстречу друг другу, они намертво соединяются и закрепляются куском крестообразно сваренной арматуры. “При этом, — свидетельствуют эксперты, — с наружной стороны открыть дверь невозможно”.

Но поразительно в этой истории было и другое: если Филатов никак не готовился к этому преступлению, в его рассказе оно

выглядит едва ли не случайным (взял да и пошел), в равной степени он совершенно не знал, что делать с этой своей добычей, куда ее деть (мы уж не говорим: кому продать). Сперва он со своей тяжелой сумкой отправился к Майеру и, не застав его дома, оставил сумку его сестре. Потом в машине Хуснутдинова оружие повезли на край города (когда город уже бурлил, а милиция уже закрыла вокзалы, аэропорт, автобусные станции и проверяла едва ли не все легковые машины), привезли в гараж некоего гражданина, "где и оставили похищенное на хранение" — кому? Поскольку указанный гражданин взволновался и просил этот груз увезти, Филатов переправил его на участок родителей, где и закопал на огороде "под ветками" (патроны он отдал человеку малознакомому, который проживал с женщиной, Олегу и вовсе не знакомой). Но и на огороде Филатов не решился оружие оставить и перевез его к себе домой; тут они с Майером спилили номера с пистолетов и поделили их между собой (Майеру семь, Филатову три). Чучалов шаг за шагом проследил путь похищенного оружия, путешествовавшего по квартирам, гаражам и огородам — от этого рассказ Филатова показался еще более странным.

И наконец, о стрельбе Филатова в тире. Если верить его рассказу, после каждого выстрела он перезаряжался, происходило это потому, что в его пистолете не было магазина. По заключению экспертизы, однако, пули, попавшие в голову погибших, ложились рядом, тесно, а раневые каналы при этом шли параллельно, это значит, рука убийцы была твердо фиксирована, и выстрелы следовали один за другим. И тут рассказ Филатова действительности не соответствовал: пистолет убийцы работал в автоматическом режиме.

В показаниях Филатова все это выглядело так. Патроны лежали у него в правом кармане; какие движения делает он, перезаряжаясь? Он перекладывает пистолет в левую руку, правой лезет в карман, достает патрон, пальцами загоняет его в ствол — и снова стреляет. Но ведь он, как мы видели, к тому же еще и передвигается с места на место, а однажды в промежутке между двумя выстрелами сбежал в соседнюю комнату, достал из ящика новую пачку патронов, раскрыл ее, перезарядился и снова выстрелил. Могут при подобной стрельбе пули ложиться рядом, а раневые каналы идти параллельно?

И тут был проведен следственный эксперимент, который показал: при наилучших условиях стрелок может перезарядить свой пистолет за пять секунд. Так представим себе: Филатов занят, он перезаряжается (отсчитайте про себя пять секунд) — что же в эти секунды делает его жертва?

Нужно помнить, что убийцам в тире противостояли здоровые мужчины, двое из них наверняка хорошо стреляли, одной секунды хватило бы любому из них, чтобы скрыться за дверью (всюду полно оружия и телефон, сколько знаю, не был отключен). А за

пять минут любой из них выбежал бы на улицу. Кто поверит, что эти трое манекенами стояли перед своим убийцей, ожидая, когда он перезарядится (да еще сходит за патронами в соседнюю комнату). Все это совершенный бред.

Нет, конечно, убийц было по меньшей мере двое — да это подтвердил и бандитский звонок подполковнику Микрюкову, который последовал сразу же после убийства: “Ты нас видел?”

И все же, как ни путался Филатов в деталях и подробностях, он с удивительной настойчивостью и твердостью повторял: это он убил троих в тире и не было у него ни помощников, ни сообщников.

Мало помалу, однако, показания его начали расплываться, он стал жаловаться, что многого не помнит; однажды вдруг заявил, что может давать показания только в том случае, если ему разрешат читать текст обвинительного заключения. “Нет, — сказал Чучалов, — тут должен быть ваш собственный рассказ. Вспомните”. Олег стал вспоминать и вспомнил, что в тире с ним вроде был кто-то еще.

— Да вы не бойтесь, — говорил ему Чучалов. — Рядом с вами теперь ваш адвокат (поначалу Филатов от адвоката отказался — при той позиции, которую он занял, ему не нужен был адвокат — О.Ч.). — Никакого давления на вас никто оказывать не будет. Вы будете рассказывать только то, что было на самом деле.

И Филатов рассказывал, каждый раз с новыми подробностями.

Но когда в местной печати появилась статья, в которой его называли убийцей, признавшимся в своем преступлении, Олег был крайне возмущен. “Я назван убийцей до суда, — говорил он. — Это нарушение моих прав... Это удар по моим родным и близким...” — и в конце концов заявил, что “оставляет за собой право отказаться от дальнейших показаний и не признавать себя виновным”.

Следователь понимал, конечно, что Филатов кого-то боится и притом куда больше, чем их, юристов, правоохранителей и судей. И наступил день, когда Олег наконец заговорил — и это была уже совсем иная речь, без противоречий, неясностей и оговорок.

Он действительно увлекался оружием, изучал его, возился с ним, усовершенствовал и в конце концов стал чинить за деньги. Заказчиком был Андрей Майер, спрос на спортивные пистолеты был немалый; все это, разумеется, противоречило закону, но все же казалось безобидным. Но вот настал день, когда Майер попросил его спилить с пистолета номера (сказал, что так удобнее продавать); а потом — сделать к пистолету глушитель. В душе Олега с каждым днем росла тревога, и это в то время, когда их семье нужен был покой, приближались роды. Марина была в очень тяжелом состоянии. Он только и думал, как бы порвать со своим опас-

ным “бизнесом”, сказал об этом Андрею, но тот ответил, что оба они основательно увязли, и что, мол, поздно спохватился.

Разговор был резкий, но в конце концов им удалось договориться: Олег кончает с “бизнесом”, но за это должен выполнить последнюю просьбу Андрея: в помещении тира состоится какая-то сделка по продаже оружия, в такой-то день и час Олег должен ждать у тира, ему вынесут сумку с оружием, он ее возьмет и уедет на городском транспорте (вся суть в том, что машины осматривают, и тут городской транспорт много безопасней).

Все так и произошло, он стоял неподалеку от тира, видел, как стучал в запертую дверь подполковник с их военной кафедры; потом подполковник ушел, и тут же из тира вышли двое, передали Олегу сумку, сели в свою машину и уехали, а он пошел на оставовку.

По дороге в сумку, конечно, заглянул, там были пистолеты, и среди них...

Он глазам своим не поверил: сверху лежал Марголин, пистолет, который сам он, Олег, недавно чинил. И вроде бы из него только что стреляли — запах пороха.

Он кинулся к Майеру. По первоначальной договоренности он должен был нести сумку к себе домой, но теперь кинулся к Андрею. Что происходит?!

Как он мыкался с проклятой сумкой, Олег мог следователю и не рассказывать, тот все это знал очень хорошо.

А город тогда уже гудел, милиция уже останавливала машины — и Олег узнал об убийстве в тире. Ужас его был беспределен. Он пробовал поговорить с Андреем — бесполезно. “Лично у меня, — ответил ему Андрей, — на этот день и час твердое алиби”. Охваченный ужасом, таская сумку с места на место, Олег все яснее понимал: он единственный свидетель, который видел убийц, и теперь его жизнь гроша ломаного не стоит. Родные его были заняты, готовились к великому событию, Марина была еле жива, — а он боялся взглянуть всем им в лицо и был одинок, словно в могиле.

К тому же с каждым днем все сильнее жгла его мысль: он видел убийц в лицо, знал марку их машины — как же смеет он молчать об этом и ничего не сообщать властям?

И он сел писать письмо; каждое слово давалось ему с великим трудом, но все же он дописал до конца — и не отослал. Принялся писать другое — и вновь отправить не решился. Но и разорвать не разорвал, а заложил в одну из книг их библиотеки.

Тут возникла возможность проверить, насколько правдивы его новые показания. В квартиру Филатовых отправились оперативники, которые и привезли ту самую книгу с заложенными в ней двумя заявлениями в милицию.

Когда его доставили в МВД, он мгновенно оценил ситуацию: та быстрота, с какой Майер его предал, ясно сказала ему: Андрей сам в ужасе, сам панически боится убийц. И Олег мгновенно при-

нял решение: спастись и спасти свою беззащитную и ничего не ведающую семью. Брать вину на себя! Тотчас, немедленно показать бандитам, что все понимает и совершенно покорен.

Взять вину на себя, неважно как, правдоподобно или неправдоподобно — не для следователей говорил он, а для тех, кто сейчас так внимательно следит за каждым его словом; в том, что у бандитов есть свои осведомители и в милиции, и в тюрьме, он не сомневался.

На первом допросе он пытался изложить свои смутные представления о том, как было совершено убийство — и все напутал, но потом стал накапливать сведения; ему в этом смысле везло, с ним без конца беседовали разные чины, в том числе и высокопоставленные; не то, чтобы подсказывали, нет, но делали кое-какие замечания, кое в чем поправляли; разговаривали при нем друг с другом, рассматривали фотографии и комментировали их. Он слушал с жадностью; и сам, наконец, о многом догадывался. Все это не спасало его от ошибок, однако, делало его показания более правдоподобными.

А следствие, между тем, шло вперед уже совершенно независимо от его показаний. Шло полным ходом. Чучалов назначал экспертизы, проводил следственные эксперименты. Майер и Хуснутдинов, взятые с поличным и вынужденные признаться в торговле оружием, знали многое, — с ними работали и розыск, и следователи, выясняли имена и адреса, все ближе подбираясь к банде.

В тире нашли немало предметов, способных заговорить в умелых руках, и одно из этих вещественных доказательств действительно заговорило: номер «Комсомольской правды». На первой странице этого номера красным фломастером были выведены две шестерки. Предположили, что это номер квартиры и не ошиблись. Оперативники обошли почтовые отделения и нашли почтальона, которая именно этим фломастером размечала номера квартир, куда предстояло нести почту (был проведен ряд экспертиз: почерковедческая, анализ красителя и т.д.).

В указанной ею квартире жила женщина, которая подтвердила, что выписывает «Комсомольскую правду». И оказалось, что живет у нее ее друг, у которого семья на стороне и которого зовут Толгат Хуснутдинов. Это значит, что в день убийства Толгат был в тире? — как иначе мог попасть туда номер газеты из его квартиры?

Словом, следствие шло более чем успешно, можно даже сказать — с блеском. И вдруг...

Уж и не знаю, как мне вам об этом рассказать, да и сама не знаю, как все это происходило, какие речи велись за стенами начальственных кабинетов, какие неожиданные принимались решения, чего требовали от Чучалова, что отвечал Чучалов. Знаю только, что он (повторим, бывший — несмотря на молодость —

старшим следователем по особо важным делам республиканской прокуратуры) не только перестал вести это дело, но и вообще перестал работать в системе прокуратуры. В материалах дела есть ясные свидетельства того, что он ушел сам и ушел в связи с делом Филатова.

Так или иначе следствие было резко обрублено и началось нечто другое — уже не следствие, а то, что уместнее было бы называть антиследствием (мне не раз приходилось встречаться с этим явлением и писать о нем).

Антиследствие — это когда истину не ищут, это когда ее заштытывают.

Передо мной обвинительное заключение — изложение тех выводов, к которым пришло следствие, итог его работы (подписал обвинительное заключение следователь Л.Б. Горбунов, но как-то не верится, что в данных особых условиях он работал над ним один).

Скажем сразу: в нем нелегко разобраться, в этом документе, так затейливо он построен — можно сказать, самым лукавым образом: дело об убийстве изложено вместе с делом о краже (которую совершили Майер и Хуснутдинов, заявившие и тут, что действовали под руководством Филатова) — изложено в пропорции “одна лошадь, один рябчик”; сведения об убийстве вкраплены в монолитную массу материалов о краже и введены в текст не только без отдельных подзаголовков, но зачастую даже без абзацев — и это, поверьте, нелегкий труд выковыривать их из общего текста (в обвинительном заключении всего 135 страниц, версия убийства занимает в них примерно страниц семь, так что, строго говоря, перед нами документ, посвященный не столько убийству в тире, сколько краже из института и музея).

Всего несколько страниц, зато они весьма примечательны. Вот как изложено здесь преступление, будто бы совершенное Филатовым. Узнав, что в тире есть оружие, — пишет следователь, — Филатов решил его похитить. “С этой целью, установив расположение служебных помещений в тире, оружейной комнате, наличие в ней оборудованной охранной сигнализации, режим работы обслуживающего персонала, возможность проникновения”, — Филатов “около двух часов вошел в тир, закрыл входную дверь изнутри тут же подобранной арматурной деталью и с пистолетом наготове к выстрелу прошел в помещение, где хранится оружие, боеприпасы”. Так следователь перечисляет именно то, чего Филатов не совершал — поразительный текст!

Он поразителен еще и тем, что в нем нет — совсем нет! — ссылок на листы дела — грубое нарушение закона, который требует: “Обвинительное заключение должно содержать ссылки на листы дела” (УПК, ст. 206) — зачем бы следователю так откровенно нарушать закон, какой в том смысл? Смысла в том, разумеется, не было, была необходимость: следователь не располагал листами

дела, на которые мог бы сослаться, потому что приведенные им сведения он выдумал, это нетрудно доказать. В обвинительном заключении сказано: “установив расположение комнат в тире”, но существует ведь схема, которую рисовал Филатов в ходе самого первого допроса, расположение комнат на ней не имеет ничего общего — ровным счетом ничего — с действительным их расположением. Показания Филатова, и не только первоначальные, поражают тем, что он так и не смог объяснить, кто перерезал сигнализацию в тире и погасил свет.

Надо ли говорить, что в основу обвинения были положены “признательные” показания Филатова, а поскольку признавался он каждый раз по-разному (уж не говоря о том, что он от них ото всех отказался, — его право, — вполне убедительно объяснив причину своего отказа), из всего этого разнообразия следователь отобрал только то, что ему подходило; однако даже в том, что было им отобрано, все равно противоречия оставались, и он, как умел, пытался их устранить. Что же он умел?

Возьмем одно из самых главных противоречий — между показаниями Филатова о том, что он будто бы стрелял одиночными выстрелами, каждый раз перезаряжаясь, — и утверждением экспертизы об автоматическом режиме стрельбы. Как в данном случае поступает следователь?

В каком-то месте обвинительного заключения (ни к селу, ни к городу) вдруг сказано, что был проведен следственный эксперимент, который установил: для перезарядки пистолета требуется пять секунд. Просто так, небрежно, как бы с неким смыслом, а на самом деле без всякого: был эксперимент, установил пять секунд. Думаю, что не найдется человеку, который догадался бы, какая проблема стоит за этими секундами и какова их роль в установлении истины. Введение в юридический текст фраз, которые, будучи вырваны из общего текста, никакого значения не имеют, — такой прием, пожалуй, до сих пор мне еще не встречался.

Мы помним одну из главных загадок этого дела: как мог подполковник Гольцов пройти сквозь запертую дверь? Помним и вывод следственного эксперимента: когда дверь заперта изнутри, открыть ее снаружи невозможно. Вот в каком виде преподносит следователь этот протокол.

“Следственный эксперимент, — говорит он, — установил, что дверь была заперта”, — а фразу, отвечающую на тот единственный вопрос, который был поставлен перед экспертами и на который они со всей определенностью отвечали (можно ли было отпереть ее снаружи), просто опускает. Ампутирует. Впечатление от этого приема едва ли не шоковое, начинает мерещиться черт-те что — некая хитрая зверюшка, которая поспешно откусила кусочек, спряталась в норку и думает, что дело сделала.

Чистый водевиль. Только вовсе не смешной.

А заявления в милицию, запрятанные в книгу, как с ними быть? “Следствие считает, — читаем мы в обвинительном заклю-

чении, — что заявления Филатова в милицию были помещены в книге библиотеки Филатовых после ареста Филатова О.В., который их составил нелегально, отправил из изолятора. Установить же лиц, вложивших заявления в книгу, не удалось”. А тех, кто вынес эти заявления из тюрьмы — удалось? И на каком основании “следствие считает”, если нет ни единого доказательства этому его утверждению, не назван ни один человек, который участвовал бы в этой затее.

Но постоит, ведь тогда, в начале, следствие (назовем его первым) подошло вплотную к раскрытию убийства — помните, номер “Комсомолки”, квартира № 66, где, как оказалось, жил у своей подруги Толгат Хуснутдинов, — как же поступило второе следствие с этим весьма важным эпизодом?

Вряд ли сможете вы догадаться, настолько странно было это решение: Толгата освободили из тюрьмы под подписку о невыезде. И он выехал — самым страшным образом. Его, сильно избитого, бросили в машину (прохожие видели все это), которая вывезла его, как видно, очень далеко, потому что в числе живых Толгата Хуснутдинова больше никто не видел.

А что же с номером “Комсомолки” и цифрой 66? Он пропал, этот номер. Вообще дело это переполнено жалобами адвоката, самого Олега и его родственников с убедительными просьбами вернуть исчезнувшие из дела документы и вещдоки, в их числе каждый раз неизменно указывается и номер “Комсомолки”.

Но ведь тут возникает и еще один вопрос: мог ли Филатов уложиться в то время, в которое совершено было убийство. Первое следствие сделало все, чтобы выяснить, сколько времени понадобилось преступникам, чтобы убить троих и завладеть оружием, и сколько времени было отпущено им силой обстоятельств (примерно 15-20 минут); были установлены основные временные вехи: когда звонил и просил принести свечку Соковнин, когда ушел с работы и пришел в тир Гольцов, когда стучал в дверь Микрюков. Конечно, можно не сомневаться, тогда же, в ходе первого следствия, было подсчитано, сколько времени потребовалось бы Филатову, если бы он в самом деле совершил это преступление, мог ли он уложиться в 15-20 минут; мог ли в одиночку за это время убить троих, и не просто убить, а с хождениями и разговорами; стрелять, каждый раз перезаряжаясь; три раза бегать наверх, чтобы запереть входную дверь (на довольно сложный замок); долго искать ключи, отпирать ими, каждый раз подбирая другой ключ, шкафы и ящики, взламывать там, где не мог отпереть; нельзя забывать при этом, что оружие, патроны, запчасти, все это убийцы отбирали не просто так, а самое нужное.

Не может быть, чтобы первое следствие не сделало бы тут соответствующих подсчетов, однако таких подсчетов в деле нет, зато есть бесчисленные просьбы адвоката, самого Филатова и его родителей — провести хронологический эксперимент. Невольно возникает подозрение, что и второе следствие сделало свои под-

счета, убедилось, что Олег в одиночку за 15-20 минут никак не мог бы совершить все то, что совершили убийцы — и потому не включило их в обвинительное заключение.

Вот что оно такое, антиследствие в действии.

Когда Олег изложил свою историю внятно, последовательно, не впадая в противоречия (и, на мой взгляд, более чем убедительно), ему не поверили, зато всему, что бы ни говорил Майер, верили (или делали вид, что верят) беспрекословно, хотя, как вы сейчас убедитесь, показания этого торговца оружием выглядят более чем странно.

Вот как выглядит при этом обвинительное заключение. Однажды Майер с Толгатом, — сообщает оно, — у гостиницы “Центральная” разыскали “неустановленных следствием лиц из республик Кавказа” по имени Батал и Исса и продали им оружие; позднее они “случайно встретились со знакомым только по личности гражданином по кличке “Гоша”, который следствием не установлен” и продали ему пистолет-пулемет (откуда сами они взяли пистолет-пулемет — ни полслова). А потом “неустановленный по личности Хасан, лицо одной из республик Кавказа”, на улице Молодежной сходил по не установленному следствием адресу и, вернувшись к машине, в которой ожидали его они, Майер и Хуснутдинов, передал им деньги за купленное оружие.

Такое впечатление, будто Андрей и Толгат не в себе, не знают, у кого покупают оружие, кому продают и за сколько, понятия не имеют. Полная потеря памяти. У обоих.

В обвинительном заключении Майера очень хвалят: и добросовестен он, и доброжелателен, и показания его исключительно чистосердечные, а если он что и совершил, то под влиянием злодея-Филатова. А куда же девались бандитские разборки, найденные пистолеты и с ними пистолет-пулемет Стечкина; засады и хитроумная операция по взятию с поличным? Все это как-то рассеялось и растаяло. Теперь все было по-другому. Теперь оказалось, что Майер ехал в парк имени Кирова вовсе не на бандитскую разборку, а просто “на встречу со знакомыми” и был задержан милицией случайно, при проверке машин. За что же тогда, спросим мы, майор Мартынов получил правительственную награду? И каким же путем милиция вышла тогда на преступников?

Верховный Суд республики, преданно следуя за обвинительным заключением, в основу приговора тоже положил “признавательные” показания Филатова, устранив противоречия их утверждением, что иногда он был правдив, а иногда неправдив. Майеру, который так мужественно не выдал правосудию ни единого деятеля оружейного бизнеса, не назвал ни одного имени и ни одного адреса, дали “ниже низшего предела” — шесть лет.

Олега приговорили к расстрелу.

Сейчас все время вспыхивают жаркие споры о том, возможна ли вообще в нормальном здоровом государстве смертная казнь (кстати, императрица Екатерина считала, что если и возможна,

то только в больном), у той и другой стороны свои аргументы и все они наперечет. А я хочу спросить: может ли общество, любое, больное или здоровое, такому следствию и такому суду доверить жизнь человеческую?

А что же адвокат? Почему мы ничего не слышим о его позиции, о его работе? Адвокат в этом деле был очень сильный и очень работающий — Сергей Григорьевич Белоковьяльский (в прошлом, кстати, следователь). Он проделал огромную работу (замечу, в области медицины, судебно-медицинских экспертиз ему сильно помогала Фаина Алексеевна Филатова, мать Олега, неустанная в борьбе за сына).

Надо, однако, представлять себе положение адвоката в системе нашей юстиции. Как известно, равенство сторон в уголовном процессе, провозглашенное российской Конституцией, нарушено уже в самом российском Уголовно-процессуальном кодексе. Равенства сторон тут нет и в помине. У следователя огромная власть, он ведет расследование во всеоружии прав и полномочий; он может вызывать на допрос, он может арестовать. В его распоряжении сотрудники розыска, к его услугам эксперты с их познаниями и лабораториями.

А какие права у адвоката? Легче перечислить те права, которых у него нет. У него нет права вести собственное расследование, находить и допрашивать свидетелей, назначать экспертизы, проводить следственные эксперименты. Все, что он может, это ходатайствовать перед следователем о вызове тех или иных свидетелей, о проведении тех или иных следственных действий. А у следователя есть право эти ходатайства безмотивно отклонить. Адвокат может жаловаться на следователя по начальству, а начальство на эти жалобы, как правило, ноль внимания.

Просить и жаловаться — вот участь российского адвоката.

Обвинитель является в суд с целыми томами дела, полными документов и вещественных доказательств, — у адвоката в руках папочка с характеристиками из домоуправления и другими бумагами той же юридической значимости.

В деле Филатова вся надежда была на кассационную инстанцию, куда адвокат уже имеет право представлять свои материалы — как правило, консультационные заключения экспертиз и т.д., к этой инстанции готовились очень серьезно. Однако эта инстанция — Верховный Суд РФ — в представленные ей доказательства не вникла, доводов защиты не слушая, незаконный это дело не заметила, единственно, что ее заинтересовало, это судьба Майера, которому она снизила срок на два года. Он уже давно вышел на свободу. А Олег сидел в камере смертников. Если бы не Совет Европы, заставивший нас ввести мораторий на смертную казнь, он давно уже был бы расстрелян.

Говорят, к любому страданию человек в конце концов может привыкнуть, но тут было особое обстоятельство. Каждый раз, ко-

гда в стране поднимался истерический вопль, требующий отмены моратория и возобновления смертной казни (есть такие любители, которым мало того, что преступник получил пожизненное заключение, им нужна живая кровь, без этого они сыты не бывают) — каждый раз семья Филатовых замирала от ужаса. Если это “общественное мнение” победит, Олег погиб.

Шло время — как проживал его Олег? Говорят, в ужасе смертной камеры ему удалось сохранить себя. Дома подрастал сын, которого он не знал, но ради которого должен был жить. (Мальчик сперва задавал вопросы, а потом перестал их задавать.) Олег знал: родные — и родители его, и жена — продолжают борьбу за него, сплотились в этой борьбе. Но вот настал день, когда Марина сказала, что так жить больше не может. Филатовы старшие и это испытание выдержали с честью. “Мы прекрасно тебя понимаем, — сказали они, — ты мужественно вела борьбу за Олега, но ты молода и не можешь всю жизнь свою провести подле тюрьмы”.

Всю жизнь... В том-то и дело, что Филатова помиловали, заменив ему смертную казнь пожизненным заключением — от этого стало много хуже: слабая надежда на пересмотр теперь погасла. Зампред Верховного Суда РФ В.И. Радченко так и сказал им на личном приеме: дело их сына никогда не будет пересмотрено (никогда, покуда я на этом месте, — слышалось им).

Но тут произошло нечто, показавшееся невероятным. Сергей Белоковылский, адвокат, дошел до Конституционного Суда. И Конституционный Суд, рассмотрев дело Филатова, установил, что его вообще судили незаконно: он имел право на суд присяжных, поэтому приговор должен быть отменен, а дело пересмотрено.

Суд присяжных — конечно, в этом было спасение! В суде присяжных, уже ввиду самой его структуры, процесс идет по-другому; председательствующий не является его полновластным хозяином, как в традиционном суде, — здесь судят присяжные заседатели, им рассказывает свою историю подсудимый, им дают свои показания свидетели, для них говорят прокурор и адвокат (в этом суде они действительно равноправны), им представляют доказательства; и эксперты говорят для них.

Невозможно представить себе, что эти двенадцать человек, независимых и ни в чем, кроме истины, не заинтересованных, нормальных живых людей, вникнув в дело, выслушав Олега, прокурора и адвоката, не поняли бы, что показания подсудимого ничем не опровергнуты и вина его ничем не доказана.

И вот постановление Конституционного Суда поступило в Верховный Суд. И вот оно попало на заключение к В.И. Радченко. И вот его заключение — заключение, повторим, первого заместителя председателя Верховного Суда России по поводу постановления высшей в стране судебной инстанции об отмене приговора по делу Филатова и пересмотре его дела.

В заключении этом послышалось мне некое недовольство: все дело в том, считает В.И. Радченко, что, вынося свое постановление, Конституционный Суд не знал, что Филатова помиловали.

То есть, как это “не знал”, — возразили мы, — если между актом помилования и постановлением КС прошло больше месяца — можно поверить, что, изучая дело, КС не озаботился собрать относящиеся к нему важнейшие документы? Но В.И. Радченко настаивает: “не знал”, и делает из этого поразительный вывод: “Таким образом, жизнь Филатова сохранена, смертная казнь к нему применена быть не может и наказание, которое он должен отбывать, не противоречит вышесказанному постановлению Конституционного Суда”. Поначалу я оторопела, не зная, как подступиться к столь диковинному феномену, выскочившему вдруг на российском правовом поле.

Что же тут получается? Судили Филатова не тем судом, каким нужно, иначе говоря, незаконно. Конституционный Суд предложил этот приговор отменить — Верховный Суд (а его Президиум в своем решении повторил доводы В.И. Радченко) этого как бы не расслышал. Зато “присудил” Филатова — не на основе уголовного закона, а на основе акта милосердия — к высшей мере (таково у нас сейчас пожизненное заключение, оно действительно — страшней не бывает, недаром его называют “смертной казнью в рассрочку”).

Каким же образом была произведена эта неслыханная операция? В два этапа. Сперва совершили подмену: правовую проблему (судили не тем судом) подменили проблемой наказания (применение смертной казни). Затем акт помилования отделили от приговора и противопоставили ему, что тоже, согласитесь, странно: помилование, как ясно всякому, возможно лишь в том случае, если человек к чему-либо приговорен, без приговора оно ни возникнуть, ни существовать не может. Это только у Чеширского кота улыбка могла жить отдельно от кота, а вот чтобы акт помилования висел в воздухе, не имея никакого отношения к приговору (к осужденному и к жизни), это уже дела невиданные.

Все это было бы смешно. Когда бы не было так страшно.

И что же теперь? Потопимся в Страсбург искать правосудия на стороне? Я, разумеется, приветствую эту новую для нас судебную возможность, но все-таки ужас берет, когда представишь себе, какой поток при эдакой нашей юстиции потечет в Страсбург, какой уровень российского правосудия при этом обнаружится — и каков будет стыд.

Не проведенные эксперименты, не назначенные экспертизы, не названные листы дела, вывернутые наизнанку факты, не установленные “по личности” Хасаны и Баталы, не найденные адреса, потерянные вещдоки, оборванные нити... Наваждение? Ничуть не бывало, это горькие будни нынешнего российского правосудия (в его крайней концентрации, конечно).

Создается впечатление, будто в нашей юстиции возобладала та самая концепция, согласно которой юристы живут по законам особой этики, которая сильно отличается от общечеловеческой, что для них, например, не обязательны великие заповеди, в том числе и заповедь "не солги". В нашем сознании укрепилось убеждение, будто бы юрист, работая в рамках закона, тем самым уже выполняет свой долг и свои обязанности, — а это глубокое заблуждение: слугитель закона, не связанный никакими моральными правилами, ненадежен, склонен к перерождению — и вот уже он неотличим от тех, с кем призван бороться. Между тем, самому обществу начинает казаться, будто оно должно жить не по нравственным заповедям и правилам, а по юридическим законам. Какой-нибудь подонки, грязно оклеветавший порядочного человека, говорит без тени смущения: "подавайте на меня в суд" (кстати, прекрасно зная, конечно: судебная улитка когда-то будет), и все вокруг убеждены, что вопрос поставлен законно, а, стало быть, и справедливо.

В последние годы, кстати, общество именно так и обучали — решайте свои споры не мордобоем, но цивилизованным путем: обращайтесь в суд — и забыли ему сказать, что живем мы не по уголовному или гражданскому кодексам, а по другим правилам, тем, великим, создававшимся в течение веков лучшими головами человечества; если угодно, можно называть их и божественными установлениями. Юстиция не может быть вне этих установлений.

Следователь, когда расследует, судья, когда судит, их деятельность определена: процессуальными нормами (что делать, в каких формах, в каком порядке), всеми теми рекомендациями, которые предлагает им криминалистика (поиск тактической линии, методов, приемов). И эту свою деятельность они должны проверить нравственными нормами, собственной своей совестью — правильно ли я применил закон, не погрешил ли против человечности. Ведь в рамках закона могут быть различные решения (например, закон разрешает юристу арестовать человека, но имеет ли юрист на это моральное право?). Он должен проверять себя с позиций нравственности — и общество с тех же позиций должно оценивать его работу.

Нравственность и право тесно связаны друг с другом, нравственность изначально как бы растворена в законе; но ведь и каждое данное судебное дело должно быть решено законно и справедливо, по совести. А потому в связи с делом Филатова нам надо говорить не о квалификации решавших его юристов (тем более, что квалификация тут на нуле) и не о беззакониях (тут их полно), но о нравственных устоях.

Кто поверит, что следователь по ошибке ампутировал в заключении следственного эксперимента его главный смысл и свел его к нелепице: установлено, мол, что запертая дверь была заперта.

Кто поверит, что просто так себе, не подумавши, выпустили из тюрьмы Толгата, хотя номер "Комсомолки" свидетельствовал: в день убийства этот человек был в тире.

Кто поверит, что ижевский розыск при столь явном своем профессионализме вдруг настолько обессилел, что, получив в свои руки Майера и Хуснутдинова, не смог выявить ни одного канала, по которому шла торговля оружием, не разоблачил ни одного преступника.

На каком-то этапе этого дела я написала о нем в газете небольшую заметку с намерением опубликовать важный материал. Новый? Не знаю, как его и назвать. Вот что произошло. Мне понадобилась небольшая справка (на каком листе дела содержатся данные о некоем следе руки, найденном в тире), я позвонила в Ижевск Сергею Белоковылскому с просьбой прислать мне эти несложные сведения. Он позвонил мне едва ли не на следующий день.

— Записывайте, — сказал. В голосе его, человека сдержанного, слышалось едва ли не волнение.

То был текст протокола осмотра места преступления, составленного сразу же после убийства. В оружейной найдены следы, пригодные для идентификации, — писала я, — на двери три следа, оставленные неизвестной рукой. На дверцах металлических ящиков № 2 и № 3 — восемь следов, из них неизвестными оставлено пять. Следы пальцев обнаружены на пистолетах, на патронных упаковках, все от неизвестных лиц. И кто-то, опять же неизвестный, отпечатал след ботинка на дверце металлического шкафа, пнув его ногой.

Как же это случилось, что столь важный документ выпал из поля внимания юристов, оказался не востребовавшимся? Перед нами, надо полагать, прием, который можно встретить нередко, когда следствие помещает нежелательный для него документ в какой-нибудь дальний том (в нашем деле это двенадцатый), куда обычно отправляют материалы второго сорта и куда, как правило, не добирается проверяющая инстанция (в данном случае даже опытному адвокату он на глаза не попался).

Надо ли говорить, что моя публикация была послана в Верховный Суд (как раз к тому времени, когда он должен был рассматривать Постановление Конституционного Суда), я очень на нее надеялась.

И зря. Ничто не дрогнуло в ответ на нее, ничто не шелохнулось ни в судебных, ни в прокурорских инстанциях. Вот с какой системой, умеющей не слышать, не видеть, не понимать, имеем мы сегодня дело. Сильной единой системой, десятилетиями кованой.

ФАНАТ ДИПЛОМАТИИ

Любовь РУСЕВА





рисунок Геннадия Новозилова

В холодную ноябрьскую ночь 1763 года свет в окне кабинета русского резидента в Турции Алексея Михайловича Обрескова так и не погас. В кресле устало сидел хозяин, смуглолицый сорокапятiletний мужчина в большом парике, одетый в готическое платье. Выглядел он гораздо старше своих лет. Постоянное напряжение отложило свой отпечаток не только на внешность, но и подорвало здоровье дипломата. Обресков глубоко задумался, он получил депешу из Петербурга, в которой императрица сообщала, что Россия выдвигает на польский престол (вместо умершего Августа III) представителя династии Пястов — Понятовского.

Задача, поставленная государыней, при сложившейся политической обстановке, была невыполнимой: Обресков должен обеспечить нейтралитет Порты при возведении на польский престол русского ставленника. Но Екатерина II прекрасно знала, перед кем ставит невыполнимые задачи.

Жизнь этого замечательного человека можно сравнить со стремительно летящим ярким метеором, с проснувшимся гигантским вулканом. Ни дня, ни часа, ни минуты обычного спокойного размеренного существования. Более тридцати лет он являлся бессменным часовым, стоявшим “под ружьем” на самом сложном для России участке дипломатической деятельности — в Оттоманской Порте.

В те времена Константинополь представлял собой важнейший центр политики, где решалась судьба держав. Столица Турции являлась кухней, на которой орудовали “повара” всех дипломатических школ Европы. Здесь скрещивались политические шпаги Фридриха Великого и Марии-Терезии, Екатерины II и Людовика XV. От успеха или неудачи Обрескова во многом зависела дальнейшая судьба Российской империи.

Надежды дипломата на кратковременный отдых рухнули. Обресков ходил из угла в угол — надо же! — посадить своего короля, когда вся Европа только и мечтает вышибить Россию из Польши! У французов со шведами свой претендент, у поляков — свои. Австрияки с пруссаками слюной изошли, глядя на земли Речи Посполитой, так и норовят кусок пожирней оттяпать. Все они будут подталкивать турок на войну против России. Дипломат тяжело вздохнул — о здоровье придется пока забыть.

Алексей Михайлович Обресков — выдающийся русский дипломат — родился в 1718 году. Пятнадцатилетним юношей его определили в Сухопутный шляхетский корпус, где он не только легко покоряет одну за другой вершины знаний, но и юную красавицу. Не прошло и двух лет, как кадет Обресков тайно венчается с избранницей своего сердца.

После окончания в 1740 году “рыцарской академии” Алексея Михайловича ждала блестящая будущность — производство в обер-офицеры. Но о какой военной карьере могла идти речь, когда в Константинополь, во главе с Румянцевым (отцом будущего прославленного фельдмаршала) отправляется с чрез-

вычайными полномочиями посольство. Александр Иванович, любимый адъютант Петра Великого, отличался преданностью своему императору и был настолько ловок и сметлив, что потомки прозвали его российским д'Артаньяном.

Обресков отказывается от завидной военной карьеры и подает прошение о причислении его к русскому посольству. Расставшись с молодой женой, он в звании пажа отправляется в Константинополь. Владея европейскими языками, Алексей Михайлович сразу же сделался необходимым послу, которому помогал вести дипломатическую переписку. Кроме того, паж деятельно занимался в канцелярии и в короткий срок изучил турецкий и греческий языки. С первых же дней службы обнаружилось блестящие дипломатические способности Обрескова. Сомнений не было, он — дипломат по призванию.

1751 год стал важнейшим в жизни Алексея Михайловича — в Константинополе умер русский резидент А.И. Неплюев. Европейские события требовали немедленного назначения на этот важный пост. В глазах членов правительства Обресков был молод, тем не менее именно он мог успешно представлять Россию и защищать ее интересы в Турции. “Сей майор Обресков, — говорилось в докладе иностранной коллегии, — для того способным к тому признается, что он уже был там при здешних резидентах, Вешнякове и Неплюеве, около 10 лет и в тамошних поведениих довольное имеет знание”.

Перед новым резидентом ставится главная задача — стремиться к заключению трактата, по которому русские корабли могли бы свободно плавать и торговать на Черном море. Алексей Михайлович, считая это дело “самокрайнейшей нежности”, действовал осторожно. В то же время Обресков должен был иметь в виду и нужды балканских славян, положение которых требовало заступничества России. Между тем, империя лишена возможности действовать решительно, так как готовилась к войне с Фридрихом II. Обресков умело лавировал сквозь многочисленные препоны, ловко справлялся со всеми затруднениями и мирно уживался со строгим к самому себе, капризным и подозрительным султаном Мустафой III. Русский дипломат сумел сохранить дружеские отношения между обоими государствами на протяжении почти 20 лет, хотя бывали времена, когда сохранение мира считалось невозможным.

С началом Семилетней войны Алексей Михайлович оказался в чрезвычайно трудном положении. Фридрих II стремился разъединить силы союзников и приказал своему посланнику в Константинополе склонить султана к нападению на Австрию или, по крайней мере, к заключению с ним союза.

Прусского посла усердно поддерживал английский посол. В результате их совместной деятельности чрезвычайно повысился воинственный дух Порты, и она была готова придаться к самому незначительному поводу, чтобы ввязаться в войну. Малей-

ший промах русского дипломата или ничтожный повод со стороны России мог привести к войне. Турцию распирала жажда скрепить оружие. Всю Семилетнюю войну Обресков ходил, что называется, по лезвию ножа, но с честью выдержал поединки как с Портой, так и с Пруссией. Дипломат блестяще справился со своей задачей, он заставил турок держаться нейтралитета, и Россия избежала губительной войны на два фронта.

Надо было быть действительно феноменальным по своим способностям, знаниям и уму человеком, чтобы действовать в соответствии с ситуацией и очередными задачами Отечества, что было достаточно необычным для дипломатии того периода. Турецкий посол в России Абдур-Резану, например, ничего не предпринимал без инструкции Порты. Да и не только он один действовал строго по указке своего правительства. Это было нормой в дипломатической практике того времени. Обресков же многие вопросы решал самостоятельно. «Я, милостивый государь мой, — писал дипломат руководителю иностранной коллегии Панину, — не вступаю в объяснения резонов, для чего я таким или иным образом каждое дело предлагаю. Зная прямую цель, добираюсь до оной теми способами, которые мне способность моя позволяет».

Обресков был настолько дерзок, что, не считаясь с собственной безопасностью и благополучием, мог игнорировать приказы, если они противоречили интересам России. После смерти Елизаветы на престол вступил Петр III, круто изменивший направление государственной политики. Император приказал Обрескову впредь Порту не удерживать, а, напротив, направлять ее против Австрии («Толкать Турцию в объятия Пруссии» — писал Петр III). Алексей Михайлович находился вдалеке от двора и не мог наблюдать за всеми дворцовыми интригами, но он твердо знал, что государственные интересы, приведшие Россию в антипрусскую коалицию, оставались теми же, поэтому союз с Фридрихом не соответствовал ее интересам. Рискуя не только карьерой, но и жизнью, Алексей Михайлович не торопился выполнять приказы нового императора. Вскоре в России произошел дворцовый переворот, Екатерина II немедленно признала действия Обрескова правильными и увеличила ему жалование.

В 60-е годы XVIII века обострилась борьба европейских государств за влияние в Польше. Россия не меньше Пруссии, Австрии и Франции была заинтересована в этом вопросе, поэтому для нее было важно, чтобы турецкая война не разразилась раньше окончания польских дел. Напротив, Франция и Австрия всячески подстрекали Турцию к нападению на Россию именно в этот момент, когда у нее были связаны руки. Поди, обеспечь нейтралитет, если прусский король Польши опасен для Порты, да и у самих турок руки чешутся, давно не проливали они русской крови. «Сдержать на этот раз Порту от войны будет, пожалуй, сложнее, нежели в Семилетнюю войну». — Алексей Михайлович тяжело вздохнул. Против него коалиция европейских госу-

дарств, стечение обстоятельств, интриги сильного противника — французского посла Вержена.

“Но буде Порта, — перечитывал дипломат депешу Екатерины II, — в избрании королевском явною своею помощью или подкреплением той партии, которую она по проискам иностранных держав защищать, похоже, большее участие воспримет, в таком случае нужно будет вам подкупить одного или нескольких кредит в султани или министерстве имеющих персон....”.

“...ради сего, — продолжал читать Обресков, — определяем мы кроме нужных товаров, кои отчасти уже у вас имеются, а частично и отсюда к вам присланы будут, на раздачу и нужные подарки 50 000 рублей... но в раздаче сих денег поступить с крайним осмотрением и осторожностью, наблюдая в этом экономию”.

А вот это предупреждение императрицы было лишнее: почти все ее дипломаты отличались крайней скупостью в деле раздачи взяток. Деньги и подарки вручались высокопоставленному чиновнику, (чувствуете, откуда идут корни нынешней коррупции!), как правило, только после того, как дело было сделано, и тогда это была уже не дань, а вознаграждение. Ну как, в самом деле, не отблагодарить Рейс-эфенди* за решение турецкого правительства, разрешающее России строительство крепостей в приграничной с Османской Портой зоне!

Когда же необходимость задабривать отпадала, когда Россия переходила на позицию силы, тогда язык становился совершенно другим. Крымский хан в своей заносчивой надменности не почувствовал, что соотношение сил изменилось, и продолжал нагло требовать дорогие подарки. Как-то ему позарез понадобился для охоты кречет. Русский консул тут же сообщает об этом в Петербург. Екатерина II, уже мечтавшая о присоединении Крыма к России, немедленно шлет краткую, но впечатляющую депешу: “У нас все птицы померли”. Панин же, как глава русской дипломатии, подробно описал хану неблагоприятные климатические условия, которые привели к мору среди пернатых, а заодно перечислил все его “провинности”, напомнил, за что тот получал взятки, но не выполнял условия их получения. Больше хану ничего не платили — русские войска стягивались к границе Крыма.

Вообще крымские ханы доставляли Обрескову немало хлопот. Долгое время полуостров угрожающе нависал над южными границами России: отсюда приходила на русскую землю чума, которая вместе с бесконечными набегами опустошала пограничные зоны, кроме того, Крым являлся удобным плацдармом турок для вторжения на территорию нашего государства. Алчные ханы присосались к русской казне, но чаще всего не спешили выполнять то, за что получали взятку.

Приближалась война с Турцией, и татарская конница в тылу русской армии могла привести к сокрушительному поражению.

* Рейс-эфенди соответствовал должности министра иностранных дел.

Обресков получает одну депешу за другой с требованием подкупить и нейтрализовать хана. Наконец, Панин разрешает в случае неудачи подкупа ликвидировать опасного врага (и такие способы в русской дипломатии имеются). Алексей Михайлович сумеет “открыть глаза” подозрительному султану на неверность Крымского хана и его коварные планы против Порты. Турецкий шнурок осечки не дает — вместо покойного хана будет избран другой, который и попросит Екатерину присоединить Крым к России.

К подобному средству решать дипломатические задачи Обресков прибегал только в крайних случаях. Основным путем являлась вербовка высокопоставленных чиновников. Подкуп их являлся самым верным средством воздействия на турецкое правительство, поэтому русский дипломат подкупал всех, кто мог быть ему полезен. Вербовать приходилось постоянно, так как министры в Турции менялись с калейдоскопической быстротой. Блестящей работой Обрескова в этом плане явилась вербовка главного переводчика Порты Гику*, который стал козырной картой в напряженной игре “выбор Польского короля”.

Итак, борьба за польский престол началась. Нажим европейских государств лавиной обрушился на султана и оказался настолько мощным, что Оттоманская Порта открыла, было, рот, дабы изречь свое веское слово. Но, мобилизовав все свои силы и возможности, в поединок вступил Обресков.

— Польша лишена возможности выбирать себе короля, хитрая императрица силой возводит Понятовского, чтобы потом выйти за него замуж и этим объединить под своей властью Польшу и Россию, — запугивал французский посол Вержен.

Обресков же убеждает султана:

— Иностраный принц на польском престоле присоединит Польшу к католическому блоку и усилит извечного врага Порты — Австрию.

Турция заколебалась. Но это еще не победа. В Порту из самой Речи Посполитой прибывает миссия с целью заручиться поддержкой султана в выборе своей кандидатуры. Гетман Браницкий под видом обсуждения татарских дел послал в Константинополь на переговоры Станкевича.

Обресков задействовал всю свою агентурную сеть для дискредитации Станкевича и его миссии. Благодаря его агентам польский эмиссар не был принят визирем. После чего состоялись “переговоры” с поляками, в которых “турецкую сторону” представлял Гику, посланный русским резидентом.

Посланник Браницкого изложил главному переводчику все претензии Польши к России и заявил, что Екатерина собирается

* Главный переводчик султана Гику станет верно служить Российской империи, его не только вознаградят за блестящую работу, но и назначат ежемесячное жалованье. В свое время Гику получит титул князя, и султан отдаст “верному слуге” молдавский престол. Став господарем Молдавии, он будет так же верно служить России и работать на ее дипломатическую разведку.

выйти замуж за Понятовского. Гику же составил доклад визирю, в котором выставил Станкевича интриганом и лжецом. Русский агент не жалел красок, чтобы чувствительно задеть самолюбие турецких вельмож. В результате Порты ответила незамедлительно, причем в таких выражениях, что от претензий не осталось камня на камне. Польский эмиссар вынужден был проглотить пилюлю и пошел на "сродную полякам хитрость отрицания", что он ничего подобного переводчику не говорил.

Польский эмиссар нейтрализован, в Константинополь прибывает из Варшавы другой представитель Речи Посполитой — на сей раз Александрович, являвшийся кандидатом российской коллегии иностранных дел, который получил приказ во всем подчиняться Обрескову.

Но и это еще не победа. Основная нагрузка снова легла на плечи главного переводчика Гику, который беспрестанно нашептывал высокопоставленным чиновникам Порты разные ужасы о противниках Российской империи. Гику настолько напугал всех в Константинополе "перспективой" союза между Францией, Австрией и Польшей, что Порты поспешила заявить о своем согласии с русской кандидатурой. На польский престол вззошел Понятовский. Итак, "невыполнимая" задача перевыполнена. "Быть по сему, — писала в резолюции Екатерина II. — А ревность искусства и усердия Обрескова довольно похвалить можно. Да благословит Господь и впредь дела наши тако".

После возведения на престол Понятовского началась настоящая антирусская лихорадка европейских государств. В воздухе запахло порохом, и перебои в работе агентуры и получении регулярной информации были недопустимы. Петербург просит Обрескова продолжать "обхаживать" Рейс-эфенди.

Алексей Михайлович, что называется, дышит на ладан, но ему и умирать-то некогда. Как можно ему покинуть свой пост сейчас, когда во время смертельной схватки с врагами на него сзади, держа наперевес копьа, на полном ходу несутся два всадника. Да каких всадника! Император Римской империи и король Пруссии! Союзники умели бить ниже пояса. Предательство со стороны дружественных стран, потеря почти всей агентурной сети — и здорового дипломата могли свести в могилу. Но не таков был Обресков. Каждый раз, когда нависала смертельная опасность над Отечеством, у этого совершенно больного человека неведомо откуда брались богатырские силы.

Первым нанес удар в спину австрийский посол. Никто не ожидал столь резкого сближения Австрии с Францией и, тем более, прямого предательства венского дипломата. В те времена союзные государства не скрывали друг от друга своих информаторов. Этим воспользовался австрийский посол, расшифровавший перед турками известных ему русских агентов, которые немедленно были казнены. Атмосфера чрезвычайно накалилась. Разгневанная вероломством австрийского посла, импе-

ратрица приказала Обрескову использовать все силы и средства, чтобы “натягуюмую австрийским домом тучу обратить на него самого”.

Выполнить приказ Екатерины Алексей Михайлович не успел, так как тут же в спину России воткнули второй нож. На этот раз удар нанес Фридрих Великий. Обрескову стало известно о секретных переговорах Пруссии с Портой, цель которых — заключение военного союза против России. Уцелевшие и вновь завербованные агенты сообщали также, что прусский посол Рексин усиленно разжигает вражду Турции к России, описывая насилия, которые якобы учинили русские в Польше. Рексин доносил туркам о приготовлении России к войне против Турции, о строительстве крепостей на Днестре, выдал также и другую важнейшую стратегическую информацию.

В Петербурге сообщение Обрескова о предательстве Пруссии разорвалось бомбой. Екатерина приказала расследовать это “поносное дело”, так как речь шла ни больше ни меньше как об измене Фридриха II “Северной системе”. Панин немедленно встретился с прусским послом в Петербурге Сольмсом, который тут же переслал информацию кайзеру. В Берлине растерялись — там не ожидали столь быстрого разоблачения. Кайзер стал все отрицать. Но Обресков в который раз переиграл Фридриха — он прислал Панину копии документов, которые прусский посол в Константинополе передал Порте. Кайзер закули.

— Я никогда не давал таких директив своему послу и тот, в свою очередь, никогда не сообщал мне о подобных своих демаршах, — лицемерно заявил Фридрих.

Екатерина и Панин не поверили в столь дерзкое предательство Рексина своему государю. Вскоре русская контрразведка перехватила письмо Гренвилла (английского посла в Турции), в котором он подробно сообщал своему коллеге в Петербурге о действиях Рексина против России. Панин тотчас пригласил Сольмса и изложил ему в самой резкой форме на грани дипломатического этикета все то, что “наворотил” прусский посол в Константинополе против России.

Дело приняло серьезный оборот. Фридрих понял: если он не капитулирует перед Петербургом в деле Рексина, то русская армия в ближайшее время окажется под стенами Берлина. Прусский король сдался, он сообщил в Петербург, что Рексина, вероятно, кто-то подкупил, он давно подозревал его, и что посла-изменника отозвали в Берлин, где его казнят. Был назначен другой посол, которому Фридрих просил во всем доверять, но урок не пропал даром для русского дипломата: доверие доверяем, а агентура и стратегические сведения врозь. Терять своих информаторов из-за предательства послов дружественных держав Обресков не желал.

Между тем в Константинополе у Обрескова появились новые враги: своими жалобами против России Порту раздражал Крым-

ский хан, масло в огонь подливали и польские патриоты, а Пруссия и Австрия добивались заключения союза с Турцией, желая вовлечь ее в дела Польши, чтобы ослабить в ней влияние России.

Для защиты так называемых диссидентов (православных и протестантов) Россия вынуждена была ввести в Польшу войска. Обресков идет на беспрецедентный шаг. Не имея из Петербурга разрешения, подписывает от имени России обещание, по которому русские должны вывести свои войска из Польши лишь только кончится диссидентская война.

С принятием "Диссидентского закона" казалось, что, наконец, в Польше наступит долгожданное согласие, но... Французская разведка уже готовила антирусский фронт, опираясь, с одной стороны, на Турцию, а с другой — на националистические шляхетские круги в самой Польше. Версальские резиденты-разведчики в Крыму, Стамбуле, Вене и самой Польше, не скупясь на деньги, налево и направо вербовали агентуру и готовили вооруженное выступление против России.

В самой Польше вместо ожидаемого мира (после принятия сеймом закона о диссидентах и гарантии России) наступила полоса восстаний. Екатерина II не могла сдержать слово, данное Обресковым, ни о каком выводе русских войск не могло быть и речи. Вместо этого они должны были гоняться за неуловимыми конфедератами, снабженными французскими (отчасти австрийскими и турецкими) деньгами и оружием. Турки потребовали от русского посла обещания вывести войска из Польши. На этот раз Обресков отказался выполнить их требование.

В эту критическую минуту Алексей Михайлович идет на шаг, который мог совершить только он. Русский резидент отправляется к Рейс-эфенди с целью его подкупить. К сожалению, не известно, как именно он действовал, и в какую сумму это обошлось России, но после длительного свидания Крымский хан получил приказ султана увести свою конницу из Польши. Более того, хану предписывалось выпроводить из полуострова французского разведчика и не поддерживать Версаль в польском конфликте. Таким образом, Обрескову удалось еще на несколько месяцев оттянуть начало войны.

Поводом к разрыву послужило событие в конце 1768 года. Российский отряд, преследуя польских мятежников, устремился вместе с ними в Татарскую слободу и обратил ее в пепел. Начальник отряда был впоследствии наказан, но Диван, подстрекаемый Версалем, воспользовался этим для объявления войны России.

25 сентября 1768 года, угрожая физической расправой, турки потребовали от Обрескова подписать ультимативные требования. Больной и измученный Алексей Михайлович предпочел темницу. Русскому резиденту были созданы настолько тяжелые условия содержания, что он несколько раз был на волоске от смерти. Вместе с резидентом в мрачный сырой каземат замка Едикюль был брошен весь штат посольства. Началась война...

Отправляясь весной 1769 года в поход на Дунайский театр военных действий, визирь прихватил с собой плененное русское посольство. Пленников, которые содержались в оковах, сопровождали 150 янычар. В тяжелых переходах особенно доставалось больному Обрескову. Он жил среди болот, в тесной палатке, с двумя своими служителями. Окруженный стражей, Алексей Михайлович не мог выходить на чистый воздух, задыхался от ядовитых испарений и изнурительного зноя. Стража обращалась с пленниками чрезвычайно грубо. Один из служителей резидента был казнен. Палатка, в которой жил Обресков, служила плохой защитой от непогоды — нередко спящих засыпал снег. Когда обоз отставал, русским дипломатам приходилось ночевать под открытым небом на голой земле. Холодные ноябрьские ночи они проводили у костра, подставляя огню то один бок, то другой. В то время как одна сторона грелась, одежда на другой стороне сковывалась льдом. А днем пленникам приходилось под дождем преодолевать пешком по 40 верст.

Как-то после одного сражения пленники проснулись от невыносимого смрада. Оказалось, что турки перед их палатками наткнули в землю копыя с торчащими на них почерневшими головами. Не гнушались они и пытками. Терпя поражение от русских войск, визирь требовал от Обрескова подписать перемирие от имени русского правительства. Алексей Михайлович отказался. Разъяренные стойкостью русского резидента, турки на глазах Обрескова казнили одного из его товарищей. Теперь каждый отказ резидента давался ему мучительно, так как за ним стояла смерть одного из подчиненных.

Успехи русских войск в кампанию 1769 года побудили турок обращаться с арестованным посольством более осторожно. Когда Молдавия и Валахия уже находились в руках русских, вновь назначенный визирь приказал русских пленников заключить в полуразвалившуюся крепость Димотику, построенную на высокой горе, в 25 верстах от Адрианополя. Дипломаты обрели крышу над головой и не страдали больше от тяжелых переездов, тем не менее полугодовое пребывание в крепости назвать легким было нельзя. Несмотря на сильный караул и на угрозы визиря казнить любого, кто примет письмо от пленников, Алексей Михайлович сумел передать в Петербург шифровку для графа Панина. «Я заперт в замке, — писал он 10 апреля 1770 года, — и должен толочься тут, как в берлоге медведь; если еще жив, то сие единственно приписываю отраде, часто внушаемой по случаю счастливых успехов нашего оружия; утешает меня также крайнее расстройство и страх здешних варваров. Из Исакчи меня повезли в то самое время, как подполковник Фабрициан атаковал под Галацами трех бунчужных Пашей. Я имел удовольствие слышать не только пушечную пальбу чрез все время сражения, но и залпы одержанной победы».

Блестящие победы России на суше и на море в 1770 году вынудили Порту освободить Обрескова. Императрица щедро награди-

ла Алексея Михайловича, пожаловав ему Орден Св. Александра Невского и 20 тысяч рублей. Обресков был назначен членом Коллегии иностранных дел.

Побежденная Турция всячески затягивала открытие мирных переговоров. Потребовалась новая кампания 1771 года, лишившая Турцию Крыма, прежде чем Порта подписала соглашение о перемирии и назначила послов на мирный конгресс. Местом первого конгресса, который продлился с 27 июля по 12 августа 1772 года, явились Фокшаны. Россию представляли граф Григорий Орлов и Алексей Михайлович Обресков. Основное требование России — признание Оттоманской Портой независимости Крыма. Отказ Турции повлек за собой разрыв переговоров.

В конце августа в Швеции произошел государственный переворот, в результате которого усилились реваншистские устремления шведских правящих кругов в отношении России. Осложнилось положение и в Польше. Внутри самой России усиливались волнения крестьян, несших на себе все тяготы войны. Международное положение России резко ухудшилось. В Фокшаны полетели депеши с приказами не допустить разрыва, но поздно — турки и Орлов покинули место переговоров. Тем не менее Обресков добился продления срока перемирия на полгода (до 9 марта 1773 года), но уже 29 октября 1772 года начался новый мирный конгресс — в Бухаресте. Россию представлял Обресков, Оттоманскую Порту — крупный государственный деятель Рейс-эфенди Абдур-Резак.

Чтобы избежать судьбы фокшанского конгресса, Обресков начал переговоры со второстепенных вопросов, отложив обсуждение главных условий России. Когда же Алексей Михайлович выдвинул требования независимости Крыма и права на свободное плавание русских торговых судов и военных кораблей на Черном море, переговоры после долгих споров снова зашли в тупик. Алексей Михайлович тянул время, ожидая от правительства новых инструкций. Период ожидания он использовал для дальнейшей разработки мирных условий и для согласования возможно большего числа второстепенных статей будущего договора. В Бухаресте Алексею Михайловичу удалось согласовать 10 статей, которые позже войдут в Кючук-Кайнарджийский договор. Среди них такие пункты, как закрепление за Россией Большой и Малой Кабарды, представительство России в Турции послом второго ранга с определением ему высокого места в посольской иерархии (сразу после представителя римского папы), право обоих государств строить военные укрепления на своей территории (косвенное признание права России на восстановление крепости Азов).

Обресков считал, что “развязыванию узла”, затянувшегося вокруг черноморской проблемы, могло бы помочь “исключение от плавания по Черному морю военных кораблей”. Совет при высочайшем дворе поддержал дипломата в этом вопросе, указав, что важнее всего получить доступ в Черное море для торгового

флота, поскольку торговые суда можно “всегда в случае надобности обращать в военные”. Но Екатерина II категорически настаивала на неограниченном мореплавании.

— Я ни под каким видом не хочу, чтобы мне турки предписывали, какой род кораблей мне иметь или не иметь на Черном море. Турки биты, не им России предписывать законы...

Императрица была права: без военного флота Россия не могла бы защищать с моря крепости, которые она рассчитывала приобрести на Крымском побережье по мирному договору. Но в сложившейся обстановке, когда на глазах у турок значительные силы русской армии перебрасывались с Дунайского театра на финляндскую границу ввиду шведской угрозы, Порты согласиться на неограниченное мореплавание не пожелала.

Международная обстановка для России складывалась все более неблагоприятно. Да и позиция Абдур-Резака стала резко непримиримой. Узнав, что требование неограниченного мореплавания для России остается в силе, Обресков понял неизбежность роспуска конгресса. Турция зондировала почву насчет продления перемирия, но не шла ни на какие уступки. Дотянув до последнего дня перемирия, Абдур-Резак предложил России 21 миллион рублей за возвращение всех завоеванных территорий. Дальнейшие переговоры стали невозможны.

Когда неудача мирных переговоров стала фактом, Екатерина II немедленно возобновила военные действия, чтобы силой оружия “уговорить” Порту принять мирные условия России. Новые победы заставили Турцию подписать перемирие. Императрица торопилась с заключением мира — пугачевщина угрожала существованию самого государства.

По примеру Турции российское правительство снабдило полномочиями по заключению мира командующего войсками — фельдмаршала Румянцева. Преимущество важное — в одних руках сосредоточились функции дипломата и полководца, стоявшего во главе победоносной армии.

Задача Румянцева-Задунайского облегчалась тем, что многие пункты договора были обсуждены Обресковым в Бухаресте. Фельдмаршал, прежде всего, подтвердил именно эти статьи.

Петр Александрович высоко ценил дипломатическое искусство Алексея Михайловича и называл его “строителем” русско-турецкого мира. Петербург предписывал главнокомандующему использовать Обрескова “со всей у него находящейся канцелярией”. Румянцева торопил Обрескова с прибытием на место переговоров: “Язык и сердце мое не знают против вас двойности, и я чужой труд, тем меньше особы, которую привык я почитать, ни мало не удобен обращать единственно в славу себе собственную”.

Турки вновь попытались продолжить политику затягивания переговоров первых двух конгрессов, но сейчас Россию представлял не дипломат, а боевой генерал. Мирные переговоры он повел так же энергично, как и военные действия, по его словам, он при-

ступил к ним “без всяких обрядов министеральных, а единственно скорою ухваткою военною”. Стратегия и тактика этого замечательного полководца, как мы помним, сформулирована им в знаменитых словах: “Слава и достоинство наше не терпят, чтобы сносить присутствие неприятеля, стоявшего на виду у нас, не наступая на него”. Не пожелал фельдмаршал и сейчас сносить присутствие неприятеля, который пытался затянуть переговоры. Весной 1774 года русские войска перешли Дунай и двинулись к ставке визиря — Шулие. Когда визирь, окруженный в крепости, запросил перемирия, Румянцев потребовал немедленного подписания главных мирных условий России.

Из-за разлива Дуная Обресков не успел вовремя приехать к месту переговоров, и Румянцев для их ведения назначил Репнина. Переговоры проходили в болгарской деревне Кючук-Кайнарджа, длились всего 5 дней. Когда Обресков 12 июля прибыл туда, он узнал, что накануне состоялось подписание мирного договора. Отсутствие Обрескова при последнем акте Кючук-Кайнарджийского мира в значительной степени привело к тому, что имя этого крупнейшего дипломата было забыто. Заключение мира связывается прежде всего с Румянцевым, Обресков же остается в тени, между тем его участие в переговорах 1772-1773 годов в значительной степени определило как содержание Кючук-Кайнарджийского договора, так и успешное подписание его в 1774 году.

Во многом именно благодаря трудам Алексея Михайловича Россия получила черноморские порты, права торгового мореплавания по Черному морю с проходом русских судов через проливы в Средиземное море. Его стараниями Крым объявлен независимым государством, что значительно улучшило положение на южных границах России. Обрескову удалось добиться также известного расширения прав славян, грузин, румын, молдаван, греков и других подвластных Турции народов.

Никита Иванович Панин превыше всего ценил в Алексее Михайловиче сочетание “чрезвычайного ума” с инициативой, энергией и большой целеустремленностью. Алексей Михайлович по праву занимал почетное место между дипломатами Екатерины Великой, а вот нами незаслуженно забыт.

В архиве МИДа России хранятся многочисленные депеши Обрескова, часто встречается его имя и в исторической литературе, посвященной русско-турецким войнам. Но сведений о частной жизни этого замечательного человека крайне мало. Известно, например, что “обаятельный дипломат” был в частной жизни довольно крутого нрава, что в Константинополе он вступил в другой брак с гречанкой.

Скончался Алексей Михайлович Обресков в 1787 году на 68 году жизни от паралича после долгих и мучительных страданий. До самой смерти этот фанат-дипломат являлся одним из самых влиятельных членов Коллегии иностранных дел. ■

До древним рецептам

возрождаются на вятской земле забытые ремесла

Шорники всяя Руси

Недавно в Кирове, на тихой улице, в особняке, где когда-то жил знаменитый донатор Бехтерев, поселились мастера, занятые необычным делом. Подобных им в других городах трудно сыскать.

— Многие творческие люди, чтобы выжить в эпоху перестройки, занялись предпринимательством, — рассказывает вятский художник Владимир Евсеев. — Была и у меня своя фирмочка, на палях. Работали с кожей, планировали обувное производство, делали

всякую мелочевку для любителей ношек да собак. Но как-то раз, будучи на ипподроме, я случайно заинтересовался упряжью. Оказалось, даже прославленные мастера пользуются рухлядью. Причем не только в Вятке амуниция у жокеев латаная-перелатаная. Все свободное время наездники, кто как умеет, латают при помощи шила расползающиеся седла, хомуты и прочую упряжь. Потому что ее производства для нужд конного спорта и конезаводства в России практически нет. Что было, сгинуло еще в шестидесятые. Небольшая московская шорно-зид-



Шорник Владимир Евсеев (слева) и хомутных дел мастер Виктор Фетищев.

панная фабрика завалена заказами на несколько лет вперед, да и ее продукция, по мнению жокеев, давно отстает от уровня мировых образцов. За границей, конечно, производят все. Например, голландская фирма "Дивоза" выпускает для лошадей товары аж двенадцати тысяч наименований, начиная — не поверите — от конских зубных щеток. Однако цены...

Совершенно случайно будущему шорнику попала в руки книга "Учение об упряжи" 1800... некоего года издания. Оказалось, за полтора века технологии и мате-

риалы совершенно не изменились, и старые рекомендации можно смело брать за основу. Например, вкладыш в хомут, называемый хомутиной, до сих пор плетут только из соломы и только ржаной. Применение других материалов, в том числе синтетики, приводит к тому, что лошадь натирает себе холку и грудь.

"Кошачья" фирмочка к тому времени захирела, и Владимир Евсеев решил рискнуть. Народ подобрался с бедствующего завода "Маяк". Прекрасные специалисты оборонной отрасли мгновенно — и столь же основательно — осво-

фото Сергея Снегирёва

или новое дело. Назвались "Дубль-Орловская". Причем связи с родным предприятием не утратили: подрядились делать разнообразные кобуры для пистолетов, да так качественно, что суровая военная приемка, измеряющая чуть ли не каждый стежок, только руками разводит. Поэтому приходишь сегодня в "Дубль-Орловскую", как в настоящий ковбойский магазин — кругом кобуры, ремни, седла, хомуты, оголовья, уздечки, поводья, подпруги и прочие потники да вальтрапы.

Вятчи утверждают, что их изделия останутся прочными полтора десятка лет, тогда как, по мнению жонеев, лучшие импортные образцы служат от трех до пяти сезонов. Не зря детали в седлах, как в старину, нуют вручную, а не штампуют. В городе Нолинске "вычислили" мастерицу, которая работала когда-то на местной шорной фабрике (была в райцентре такая), и та, оказавшись уникальным специалистом, вяжет из ржаных пучков те самые "хомуты"...

Набрались "дубль-орловцы" смелости и съездили в Петербург на всероссийскую выставку, где тут же получили диплом как лучшие отечественные производители. Пошли заказы со всей страны. Одних только седел выпускают до двухсот в месяц. Вообще сейчас в России возрождается тяга к лошадям. Среди людей состоятельных считается хорошим тоном иметь свою конюшню. Личными рысакми обзавелись и Маша Распутина, и Вина Цыганова, не говоря уж о столичном мэре Лужкове. Амуниция всем нужна, так что дело в Вятке открыли перспективное. Да и на местном уровне нужное — ко-

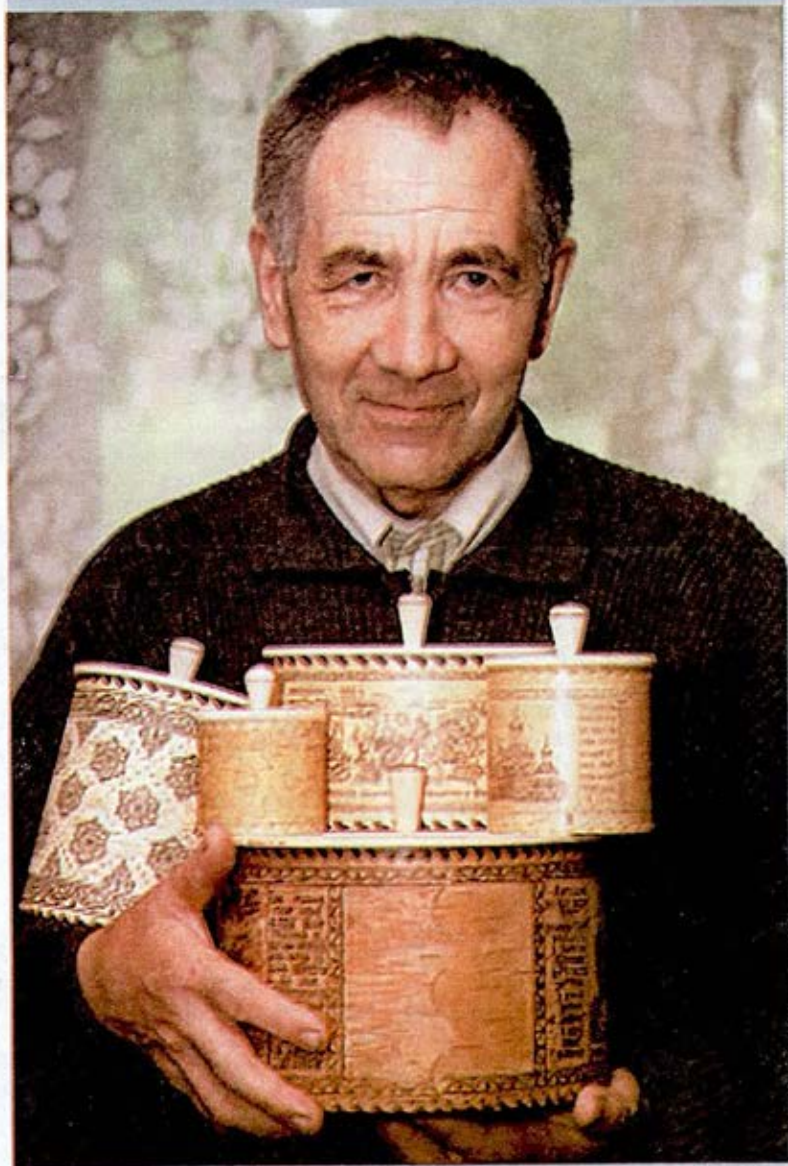
гда весной живность в поле погнали, сколько ковбоев-пастухов в новые седла посадили. Можно вспомнить о фермерах и спортсменах, конной милиции, да и о частниках-любителях. А уж изделия для спецзаказов — они не редкость — Владимир Евсеев, художник-профессионал, оформляет как настоящий эксклюзив.

Шорники собираются разрабатывать специальную упряжь для иппотерапии, то есть для лечения верховой ездой. Особенно рекомендуется детям с нарушенными двигательными функциями: когда уже все методы испробованы, чудеса творит обыкновенная лошадка (энергетика животного, плюс температура его тела, плюс движение). Так что забытое, назалось, ремесло и здоровье поможет восстанавливать.

Родом из страны березового ситца

Необыкновенной практичностью отличались наши предки. Представьте: когда не было ни пластмассы, ни полиэтилена, стекло было в большом дефиците, а жечь дорога, все сыпучие и даже влажные продукты люди хранили в берестяных туесках и бурчанках. Благо бересты — этого, экологически чистого и практически вечного материала — рядом было берине хочу. Нынче на кухне возьмешь красивую полиэтиленовую банку с самым духмяным лавровым листом, крышку отроешь, вдохнешь — да и содрогнешься, потому что вместо благородного лавра в нос шибанет неистребимым запахом пластика.

А в бересте — другое дело. Вот уж где лавр так лавр, корица так корица, не говоря уж про мо-



Берестяных дел мастер Сергеев.

лотые перцы, гвоздику и прочие специи. И даже если продукт закончится, смело можно сам бурочок в суп манать, настолько он ароматизировался. Раньше берестяные сосуды так умели творить, что комар носа не подточит — рыжики с груздями в них солили, меды заливали, а то и бруснику с клюнвой на зиму ставили. И ни капли на пол! Знающие люди утверждают, что лекарственные травы теряют целительный эффект, если их, высушенные, хранить в синтетике.

В Вятке в былые времена на всех ярмарках отдельные ряды были, где прямо с саней торговали умельцы подобными берестяными изделиями на любой вкус. В любом доме в чулан заходи — любого дорого посмотреть: рядами и колоннами пузатые туески. А сейчас? Дожили до полиэтиленовых пакетов, из которых сыплем в кастрюлю выдохшуюся гречневую кашу. И стояли бы славные березовые банки-склянки в музеях, в отделе кустарных ремесел, как напоминание об экзотическом прошлом. Если бы...

Если бы в Кирове не жил мастер Сергеев. Много лет проработал Валерий Иванович егерем в Верхошижемском районе. Волков бил. Местные леса излазил вдоль и поперек. А в них мимо березы пройти никак невозможно; и соку испить на весенней охоте, и костер в самую мокреть на бересте развести. Да и в стуну березовые дрова в печке самые жаркие. Про берестяные чудеса на кухне в ту пору разве что деды помнили, да в старых домах, по чердакам в пыли доживала свой век былая берестяная радость вятских хозяек. Помял как-то бе-

лую кору в руках Сергеев и придумался...

Перебравшись в Киров лет двадцать назад, Валерий Иванович устроился на фабрику кустарных промыслов, где — хотя умел уже кое-что из дерева руками творить — начал "гнать план" по берестяным изделиям. В то время даже развитие народных ремесел строго регламентировалось. На Вятке была "разрешена" дымковская игрушка, шкатулки из напоя или с инкрустацией из соломки, еще какая-то мелочь, утвержденная мудрыми худсоветами, а берестяные изделия штамповали как сувениры, забыв про дедовские секреты обработки сырья. Резали бедную бересту узорно, дырявили фигурно, чтобы какой-нибудь чиновник, воссев в широкое кресло, мог рядом с телефонами поставить вместо станана для карандашей маленький бурочок — напоминание о деревенском детстве. Да — вместе с глиняными дымковскими петухами — на презенты столичным и заморским делегациям — в память о самобытном крае... Но народу подобное искусство было "побок". И пылились уцененные берестяные изделия в магазинах сувениров.

Уволившись с фабрики, мастер принялся по крупицам восстанавливать утраченное ремесло. Перепробовал массу рецептов — как бересту сушить, чтобы не корбила ни через год, ни через полвека. В чем ее вываривать, чтобы не желтела и не крошилась. Из чего крышечку делать, чтобы век "с натягом" входила, не усыхала и не болталась. Сергеев придумал даже уникальную технологию нанесения на бе-

ресту рисунка специальным прессом. Познакомился с вятским поэтом Валентином Востриковым и художницей Татьяной Дедовой. Для оформления туесов стал использовать их стихи и рисунки.

Туески мастера Сергеева надо видеть. И подержать в руках. Сотни самых разнообразных — от маленькой солонки до трехлитрового туеса — с ювелирной аккуратностью сделанных берестяных сосудов. С еловыми крышечками. С видами старой Вятки. Со стихами. И про Вятку, и про Москву, и про другие уголки Отечества. Конечно, есть похожие промыслы и в других краях страны, но Сергеев — единственный в своем роде "берестяных дел мастер", такой технологии, как у него, нет нигде. Не зря к нему едут и из Питера, и с Урала, и даже из далекого Иркутска — заказать бурачки. А недавно финны объявились — с рождествен-

ским заказом по мотивам "Калевалы".

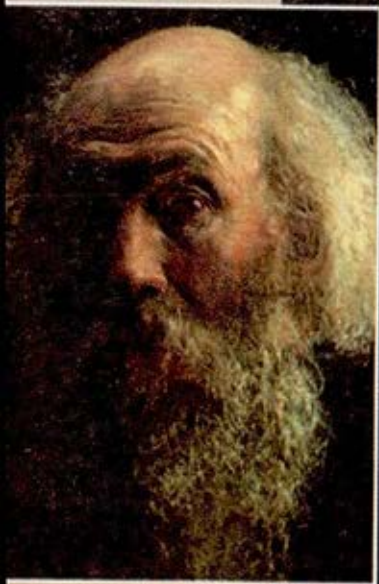
— Вот только иркутские темы тяжело рисовать, — сетует Валерий Иванович. — У них там достопримечательности — тюрьмы да остроги... А так — сделаю любую тему, вплоть до вашего портрета.

На полке — туесок с ликом Есенина. Потому что поэт про березовый "ситец" тоже не забывал... Но главной и любимой темой Валерия Ивановича остается российская история, города и храмы, запечатленные и на простых берестяных сосудах наших предков.

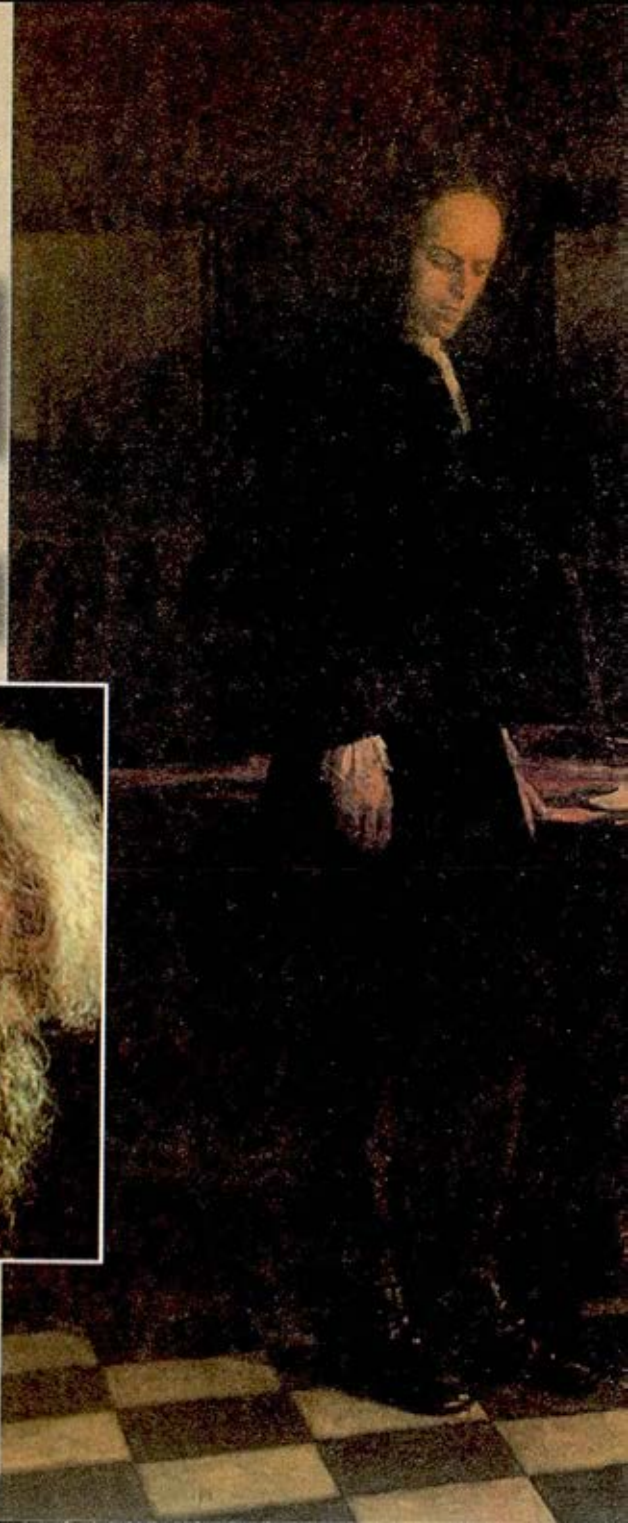
...С недавних пор появилась у меня на кухонном столе берестяная солонка с крышечкой. Вместо пластмассовой. Каждое утро мои руки согревает тепло души мастера Сергеева. И я — чего раньше не делал — стал солить свой дежурный бутерброд. Потому что в этом туеске даже обычная соль стала вкуснее. ■

**Всеволод
ДМИТРИЕВ**

**Николай
ГЕ**



*Автопортрет.
1893*



Петр I допрашивает
царевича Алексея Петровича
в Петергофе. 1871



Николай Ге родился в 1831 году в семье мелкопоместного дворянина на Украине. Он рано осиротел и кормилица — крепостная крестьянка — заменила ему мать. Однажды за какую-то провинность ее выпорол, и это чудовищное событие произвело на маленького Ге такое впечатление, что он запомнил его на всю жизнь. “Чуткость к чужому горю” — слова няни стали определяющими не только в повседневном быту, но и в его творчестве.

Для юношей из дворянских семей при выборе своего “места под солнцем” было два пути — военная карьера и университет. Николай Ге выбрал третий — “свободные искусства” в Петербургской Академии художеств. Но до этого проучился, правда, совсем недолго, в университете — сначала в Киевском, затем в Петербургском.

Случайная встреча с бывшим товарищем по гимназии П. Забелой оказалась для Ге “знаковой”. В записках брата художника находим такой пересказ слов самого Ге о его переломе: “Он (П. Забела) все и вся бросил и чуть не пешком добрался сюда (в Петербург), чтобы, невзирая ни на что, поступить в Академию художеств. Как хочешь, а это что-нибудь да стоит. По крайней мере, меня он просто поразил... Ну вот, наговорившись с ним, я прозрел, братец, да, прозрел... Кому я буду нужен с наукой? Нет, задохнулся бы только. А искусство я ведь тоже люблю, и оно, наверное, даст мне жизнь”.

В поступке Забелы Ге поразил и прельстил, главным образом, риск — жертва, что ради искусства тот не побоялся нужды, что “чуть не пешком добрался”, — это отвечало затаенной мечте самого Ге. Следовательно, причиной юношеского перелома Ге было не только влечение к искусству, но, прежде всего, возможность через искусство принести себя в жертву и, тем самым, получить оправдание смысла жизни. И вывод, сделанный Ге в старости, аналогичен юношескому: “Вся суть в том, что нужно решить для себя: желаешь ли быть принесенным в жертву, или чтобы другие принесли себя в жертву для тебя; для себя я решил, что нужно принести себя в жертву”.

Во время учебы в Академии проявилась одна особенность вкуса Ге, весьма для него характерная и послужившая чуть ли не главным основанием для отрицательных отзывов современников обо всем творчестве художника. “У Ге началась еще в Киеве, вследствие рассказа университетского хранителя музея, платоническая страсть к знаменитому Брюллову и его прославленной картине “Последний день Помпеи”. Приехав в Петербург, он увидел эту картину собственными глазами, и с этой минуты началось на всю жизнь беспредельное обожание и этой картины, и ее творца”, — писал В. Стасов. Что это отчасти было так, доказывает в своих записках сам художник: “Брюллов и по сей день остается в опале, потому что Стасов, не любящий искусства, нашел нужным уронить его, а добродушные слушатели согласились с этим”. Та-



ким образом, Брюллов является как бы мерилем вкуса. Ге считает, что, кто не ценит Брюллова, тот не любит искусства, а его противники уверяют, что любовь к Брюллову означает непонимание искусства. Высокая оценка Брюллова не помешала Ге отрица-

тельно отнести к академизму, как к школе, и здесь он вполне последователен, так как Академия пыталась подменить вдохновенность и искренность трудом и шаблоном.

Учеба в Академии и ее профессора разочаровали Ге. Он писал: "Профессор Басин говорил так ясно, что все равно, что ничего не говорил. Он произносил фразы вроде: надо хорошо рисовать и хорошо писать. Он не имел почти вовсе учеников и известен был своим равнодушием к интересам тех немногих, которые были его учениками; его я и выбрал (что было тогда обязательным условием для посещения классов) ради свободного изучения искусства". Такой благоразумный путь помог делу: за картину "Аздерская волшебница вызывает тень Самуила" Ге получает большую золотую медаль и право на поездку в Италию. И весной 1857 года Ге вместе с молодой женой выезжает за границу. "Там, где шире, где свобода — туда хочу. Не хватает уже воздуха..."

Таким образом, на академический период Ге приходится смотреть, как на время, потраченное на устранение досадной препоны, мешавшей пройти действительную школу, давшую направление художественному росту Ге, — такой школой явилась для него "заграница".

Своеобразие школы Ге станет особенно выпукло, если ее сравнить с заграничной школой Александра Иванова. У Иванова его долгая "заграница" прошла в неутомимом изу-





Александр Сергеевич Пушкин в селе Михайловском. 1875

чений и шедевров искусства, и природы; его школа — как бы могучий фундамент, сбитый из камней, выбранных отовсюду, на котором потом — мощным усилием — он строит совершенно свои, кажущиеся такими легкими и минутными “Библейские эскизы”.

Ничего подобного мы не находим у Ге; “заграница” как будто и не коснулась его. Первое время он всецело отдается мечте уподобиться Брюллову: “Месяцы, чуть не годы я ничего другого не мог видеть; все заслонила собой “Помпея”.

“Подражательный” год закончился для Ге сильнейшей неудовлетворенностью. Случайно встретившийся с ним в 1857 году Сомов рассказывает, что “недовольство собой было тогда так сильно у Ге, что он решил проститься с живописью и воротиться в Россию”. Но здесь новое влияние повернуло Ге в иную сторону. Он пишет эскизы “Погребение Христа”, как сам отмечает — “под влиянием Иванова”. И наконец создает картину, где нет следа ни Брюллова, ни Иванова — “Тайную Вечерю”. На первый взгляд, кажется невозможным дать логичную последовательность этим крутым скачкам вкуса Ге, но, между тем, она есть. Характерно, что Ге не называет своим образцом Брюллова там, где “содержание — живая форма”. Но Иванов также не дал Ге искомой “живой формы”. Иванов хотел выйти из итальянского искусства, но не мог, от своих товарищей отошел, а нового слова, своего, живого сказать не мог. Следовательно, ошибка Иванова, по мнению Ге, была в том, что он искал совершенной формы, когда надо было искать живой. Вот эта необходимость искать живую форму и является ключом, объясняющим заграничную школу Ге. “Прежде в России я на великих художников только смотрел и ценил доступные мне их стороны; самую же главную сторону их творчества я не мог ни знать, ни понять. Впоследствии я их увидел во Флоренции, от детского лепета до полного совершенства, от Чимабуэ до Микеланджело. Я увидел их рост — от отсутствия всякой формы до полной реальной живой формы”.

Уже с самого начала у Ге было все — и свой путь, и свое лицо, — только не оказалось сил спокойно и свободно обнажить их. “Во всех нас много хламу, который залеживается по углам и лезет своими старыми формами. Но вот когда бросишь все и примешься, как дитя, тогда и выйдет хорошо”. Но чтобы дойти до этого простого “как дитя”, Ге нужен был мучительный опыт всей жизни.

Успех “Тайной Вечери” выдвинул Ге в первые ряды русских художников и создал ему на минуту весьма блестящее, но и весьма сомнительное положение. Его сочли за “своего” и Академия, и нарождающееся передвижничество — два смертельных врага. Эту двусмысленность Ге разрушает с юношеской самонадеянностью; к академистам он не примыкает — “Академия в смысле искусства была полна анархии”; но еще менее удовлетворяет его молодое движение: “Проживя недолго в Петербурге, я остался толь-

ко зрителем. Пристать к новому движению я не мог, так как оно было для меня во многом непонятно”.

“Голым фразам” Ге собирается противопоставить действительно новое и живое; в своей новой картине он хочет показать, “где наше искусство, в чем его задача, где его мысль”, но для безболезненного разрешения этой труднейшей задачи непременно нужен весьма высокий уровень всего художественного общества, чего во времена Ге не было. Что и скажется в дальнейшем на судьбе художника. “Из Петербурга я устремился опять в Италию; там я начал писать “Вестники Воскресения” (другое название — “Явление Мессии”).

Задачу картины сам художник толковал так: “Воскресение, возвещенное противоположно двумя сторонами свидетелей. Глубокое значение такого сопоставления противоположных сторон, свободных выбору человека, вызвало создание произведений искусств таких поэтов и художников, как Данте, Микеланджело, Шекспира, Гете и нашего Пушкина. С любовью ученика следовал я за ними, понимая всю важность мысли и способа выражения”. Но так как обществу и современным Ге художникам “способ выражения” был не важен, а Ге заменил сюжетность содержанием исключительно художественным, то, конечно, картина потерпела решительный провал. Если впечатление от “Тайной Вечери” на публику было “громовым” (по выражению Стасова), то такой же оглушительной была для Ге неудача “Воскресения”; все его радужные построения рухнули разом.

Казалось, неудача должна была ожесточить Ге, заставить замкнуться в себе (как замкнул был, например, Иванов), но особенно личности художника повела его иным путем. Разбирая причины неудачи “Явления Мессии”, Ге указывает, что “непосредственного впечатления картина не произвела, не имея иллюзии”, и что “долго отсутствуя в России, Иванов относительно пережил своих товарищей, но пропустил минуту”. И эти же причины объясняют отступничество Ге от идеалов юности. Ге решается на такой шаг ради того, чтобы не “пропустить минуты”, чтобы остаться на высоте вождя молодого русского искусства.

Третья и последняя заграничная картина Ге “Христос в Гефсиманском саду” — проба переиначить себя. Не в силах сразу изменить путь, столь сильно и отчетливо начатый в “Воскресении”, в картине “Гефсиманский сад” Ге пробует совместить несовместимое — внутреннюю реальность с внешней. Для лица Христа он пишет этюды с натуры и пытается эту реальность целиком перенести на свою картину; варианты получаются один неудачнее другого. Ге как будто забыл основной закон, так прекрасно выраженный им самим, что в религиозных картинах “само содержание — живая форма”, и хочет из кусков, взятых извне, списанных со случайной натуры, склеить вечное содержание.

У Ге не было выбора; его живой темперамент требовал общения с людьми, потому более всего он боялся повторить ошибку



Иванова, “упустить минуту”, уйти в сторону от движений времени. Это объясняет, почему Ге после неудачи своих религиозных картин, после охлаждения к нему русского общества поспешил покинуть за границу и переселиться в Петербург, в самую гущу общественной жизни.



Петербургский период с 1869 по 1875 годы следует определить как попытку Ге, ради соединения с современниками, стать посредственностью. Он как будто забывает слова Микеланджело, что назначение искусства “подымать душу от земли к небу”, и свои собственные, сказанные в 1864 году: “Дело художника не бороться. Он по преимуществу мирный человек, он заботится сохранить то, что ему дороже всего — его идеал”. Теперь Ге подменяет это высокое толкование другим, куда более понятным и близким для окружающих. Подмена началась еще в бытность художника во Флоренции — в конце 60-х, об этом свидетельствует рассказ Г.Мясоедова: “У Н.Н. собиралось много весьма разнообразного народа, — всего более говорилось о политике... Спорили много, спорили с пеной у рта, не жалели ни слов, ни порицаний, ни восторгов, но все это, не выходя из об-

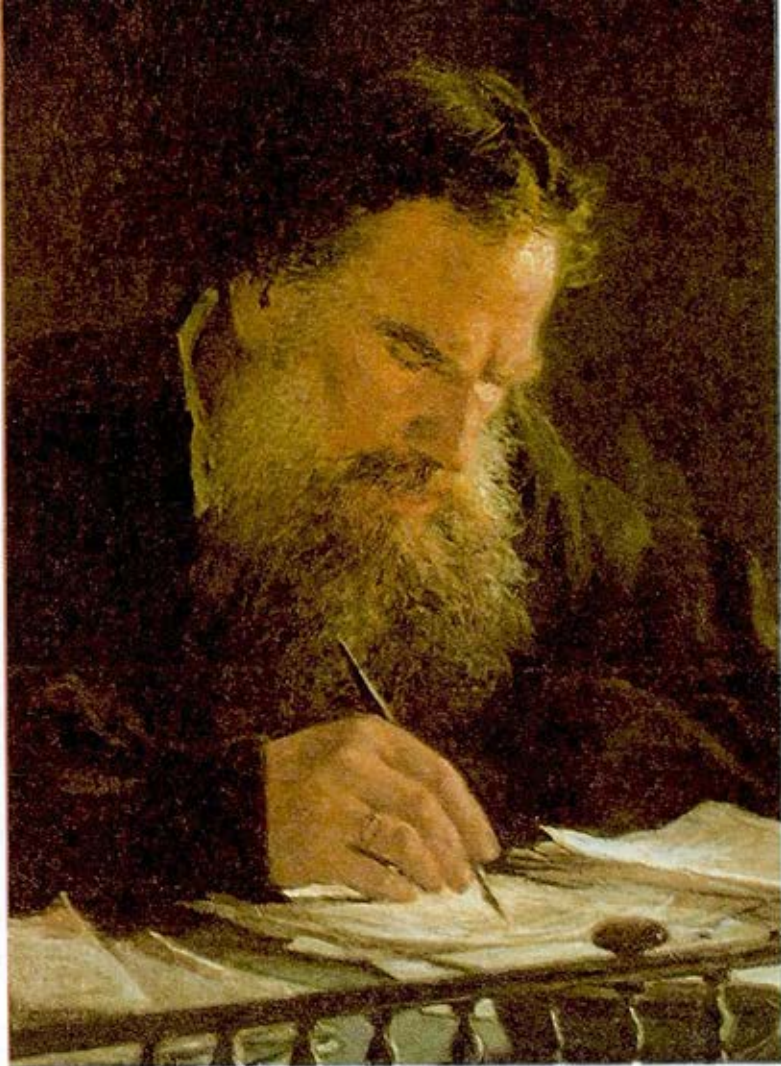
ласти пожеланий, кончалось мирным поглощением русского чая”. Такие вечера оказались как бы подготовлением к переезду Ге в Петербург; они создали ему славу, как раз обратную той, что он искал несколько лет раньше. Репин вспоминал: “Про Ге говорили, что он намерен поставить на должную высоту значение ху-

Портрет
П. И. Забелы.
1856



дожников, — что художник, по его мнению, должен быть гражданином и отражать в своих произведениях все животрепещущие интересы общества”. И Ге не протестует против такой подтасовки, отвергает пример Иванова, прожившего отшельником, — когда, может быть, это был единственный способ “сохранить идеал” и действительно двинуть искусство дальше (заметим, что в последние годы художник пошел именно этим путем); потому теперь, когда не удалось поднять общество до себя, он решил спуститься до него...

У Стасова мы находим забавную повесть о поисках Ге нового выгодного сюжета. Художник останавливается на “Царе Алексее и патриархе Никоне”, но “сразу восстал против него и с большим жаром принялся доказывать Ге, что ему, Ге, вовсе не следовало



Портрет Л. Н. Толстого. Фрагмент. 1884

бы брать себе такого сюжета, потому что — что же в нем хорошего и важного? Торжество клерикализма...” Столь уважительный довод заставил Ге броситься в поиски новой темы, более либеральной.

Наконец сюжет выбран: “Екатерина II у гроба Елизаветы”. Художник стал готовиться к картине: смотрел портреты Екатерины II, Петра III, изучал костюмы, дворцовую архитектуру и прочее. Одним словом, все признаки наивной подмены, столь необходимой в те времена. Художник стал историком и фотографом, а вдохновением послужили — труд и остроумие. Но картина не удалась. Провал ее был равен провалу “Воскресения”. Ге

объяснил его недостаточностью “момента” выбранного сюжета. Поэтому, принявшись за новый, он уже согласует свою тему с модой дня. “В те времена много речи шло о Пушкине. Писарев и его литературная партия сильно нападали на Пушкина, другие горячо отстаивали его, и вот, среди этой оживленной борьбы, стольких интересовавшей, выступил вдруг и Ге...”, — писал Стасов. И опять в крах.

Вообще, заграничный и петербургский периоды творчества Ге представляются так: гений Ге не позволял ему идти вровень с веком, художник или перерастал его, например, в “Воскресении”, или пригибал себя так неумело, что не удовлетворял даже современников (“Екатерина II” и “Пушкин”). Во время этих процессов возникли, естественно, две точки, когда он коснулся уровня века — “Тайная вечеря” и “Петр и Алексей”, но вдохновенность Ге не позволила ему застыть на нем.

Мечта Ге о слиянии с обществом довольно быстро развеялась. Перед ним отчетливо встал вопрос: или идти своим собственным путем, хотя бы и совершенно одному, или же забыть свой дар.

Но первый выход представлялся Ге таким невозможным, что он решается на второй: “Я решил бросить искусство и уехал жить в деревню”. В 1875 году уехал на хутор в Черниговскую губернию. Потом, несколько лет спустя, Ге так объясняет новый поворот своей судьбы: “Меня тяготило несвободное отношение к творчеству. Это был тяжелый камень, который надо было поворачивать, нужно было зависеть от материальных средств, быть стесненным известными рамками”. Словами про “стеснение известными рамками” Ге указывает, что он сознательно подлаживался под вкусы современников, сам им не сочувствуя, считая их “камнем” для действительного роста творчества.

Еще отчетливей проскальзывает то же в следующих фразах художника: “Я был не один, и вот надо мной тяготел вопрос: как жить? Искусство мало дает, и искусством нельзя торговать; ежели оно дает — слава Богу, не дает — его винить нельзя”. Но так было сказано не до Петербургского периода, а после неудачных попыток идти в ложном направлении. Этот период оказался для Ге пробой стать посредственным, но то, что превосходно удается совместить рядовому таланту, никак не удавалось Ге; в нем не могли ужиться житейская выгода и духовная польза, и потому, устремляясь к одному, он всегда терял из виду другое.

В этой борьбе Ге с самим собой безвозвратно погибла его драгоценная зрелость. “Н.Н. не брал кисть в руки в годы 1876, 77, 79”, — вспоминал его брат. Единственное, что создал, — “Милосердие” (в 1880 году). Здесь — аналогия с “Гефсиманским садом”: там — начало отступничества, тут — окончание. И там и тут — попытки совместить реальность внешнюю с внутренней подлинностью, но в “Милосердии” противоречие еще нестерпимее.

В периоде с 1870 до 1882 года Ге написал большинство своих портретов — 48, по подсчету его брата.



Интересное освещение своего портретного творчества находим у Ге в его “Беседе с учениками Киевской Рисовальной Школы” в 1886 году: “Вот вас здесь вижу я до 50-ти человек. Попробуйте изучить и передать каждую голову. Вы увидите, что каждая голова потребует всего нашего творчества наново, — я в свою жизнь написал более 100 портретов, и ни один раз мне не пришлось написать одинаковым способом”.

Весьма поучительно было бы проследить точность этих замечательных слов на самих портретах Ге, но сейчас это почти невозможно, так как местонахождение многих из них неизвестно.

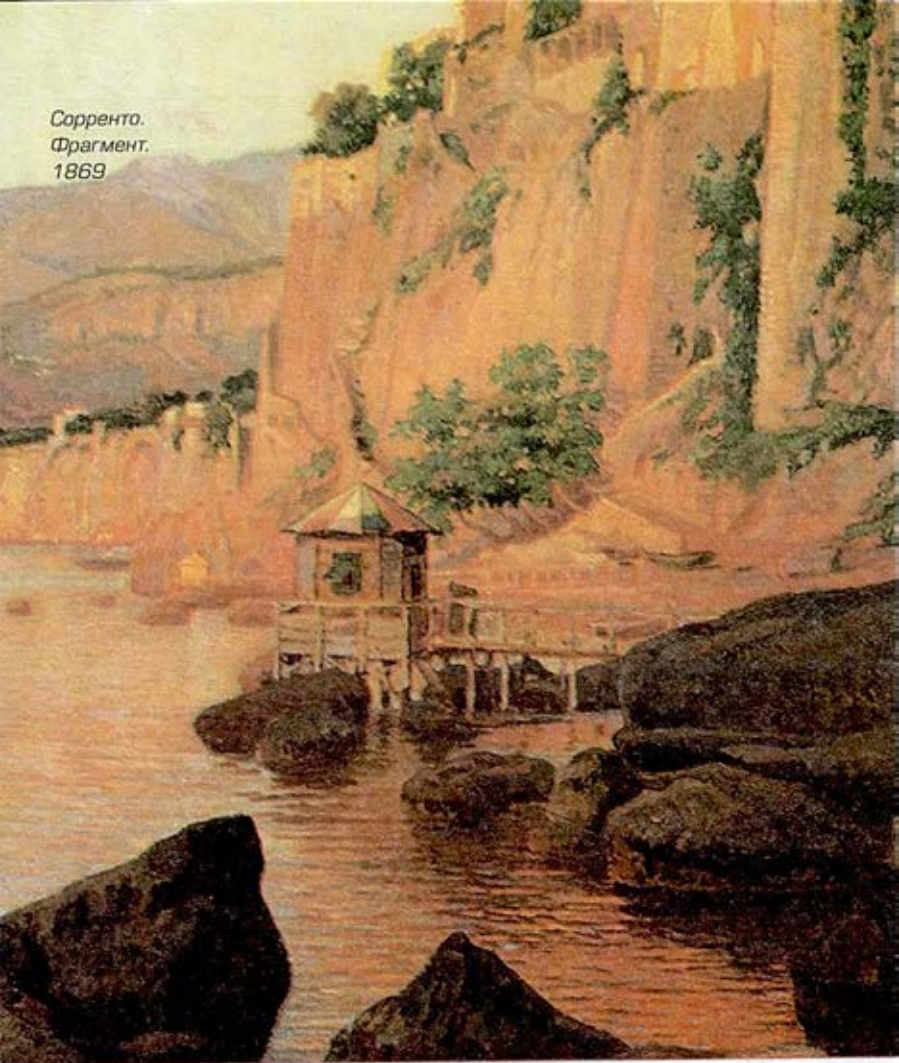
Но, думается, Ге не был портретистом, как не был и пейзажистом; и то и другое было только накапливание материала для любимого дела — картин. Художник иногда даже тяготился портретом: “Считаю большим благополучием, что в этот год меня никто не пригласил на работу “живописью”. Это такое мучение, которое я уже выносить почти не могу”.

Если его влекло лицо позирующего, он поднимался до созданий прекрасных, но все же это были, скорее, не портреты, а пробы через портрет отразить себя. На нескольких портретах художника убеждаемся, что способ передачи у него гибко изменялся в соответствии с настроением. Отсюда радостная яркость солнечных пятен, переливы травы и платья на ярко-живописном портрете Екатерины Ге с ребенком. Фон у Ге неразделимо связан с позирующим; это как бы одно лицо, и это лицо — отражение настроения художника. Отсюда мягкое любование письма в “Портрете жены” — мягкость в обрисовке комнаты и в синеве итальянского неба. Про портрет графини Т.А. Толстой художник говорил: “Этот портрет я писал с большой любовью. Вот почему мне и хочется поставить его на выставку, чтобы ясно указать недостаточность сторонников исключительно материального”. Опять настаивание на основном “символе веры” Ге, — что только через любовь, через углубление в себя форма становится прекрасной и реальной.

Прежде чем разбирать последний период творчества художника, необходимо выяснить степень влияния Толстого на Ге, так как несомненно, что Толстой сыграл громадную роль в его жизни. Но вывод, что Ге-художник был обезличен Толстым-художником — чересчур прямолинеен. Правда, первое время Ге пробует всецело подчиниться: “Вы (Л. Толстой) идете твердо, хорошо, и я за Вами поплетусь...”, но это проявление всегдашней черты Ге. Может быть, постоянная жажда Ге отдать себя, забыть себя, эти горячие увлечения сперва Брюлловым, потом передвижниками, потом Толстым, — признаки чрезвычайной оторванности Ге от современников. При той силе, с какой он вынашивал и воплощал свою великую художественную задачу, попытки опереться на кого-либо представляются естественными, а, может быть, и необходимыми.

Но как было с Брюлловым, с передвижниками, так и теперь — слишком крутая попытка расплыть себя в личности другого ус-

Сорренто.
Фрагмент.
1869



корила кризис. И как в “брюлловском” творчестве художника мы не находим и следа Брюллова, так и тут — в “толстовском” Ге — не находим толстовства.

Благодаря Толстому, болезненный кризис Ге кончился воскресением; он очистился от передвижничества и возвратился к идеалам молодости; вместо святотатственных рассуждений о ненужности искусства Ге уже в силах сказать спокойно и твердо: “Лучше в лишениях окончить, но не изменить своей веры... Я чист, и считаю себя счастливым человеком, а помирать все равно, что на золотом ложе или под воротами...” Но повлияла на Ге только личность Толстого, а не его учение. Если Микеланджело был опо-

рой Ге в творческой жизни, то такой опорой стал для художника Толстой в обычной жизни, но ни в том, ни в другом случае о подражании не может быть и речи. Ге сообщает обо всех своих творческих муках Толстому: “Да, эта картина (“Распятие”) меня страшно измучила, и, наконец, я вчера нашел то, что нужно, то есть форму, которая вполне живая”. Но Толстой пользуется этим письмом только для новой попытки направить художника на желаемый путь: “Я непрестанно жалею о том, что Вы оставили тот начатый ряд картин евангельских. Может быть, трудно их кончить, довести до известной нужной степени технического совершенства, — этого я не знаю”.

Ге стремится довести форму до предельной чистоты, отсюда творческое напряжение достигло у него в последние годы высочайшей силы. “Я сам плачу, смотря на картины. Радуюсь несказанно, что этот, самый дорогой, момент жизни Христа я увидел, а не придумывал его. Я сразу всей душой почувствовал и выразил”.

Толстой говорил и писал не раз, что для него масляная живопись не имеет значения, что он понимает картину, как выражение мысли, а краски даже мешают ему. Ге и этими словами Толстого так увлекся, что “некоторое время перестал писать красками и исключительно рисовал карандашом”.

В карандашных набросках на Евангельские темы (1882-1886 годы) нет драгоценной особенности Ге, чрезвычайной искренности. Великого дара творить “как дитя”, а появляется иное — начало трафаретности, “набивки руки” на определенных формах.

Художник пишет Толстому, как бы извиняясь: “Я решил все картины писать в два тона масляными красками. Дело пойдет скорее, лучше и удобнее для меня, так как бумага — дело очень непрочное, и рисовать очень долго. Решение основано как будто на лучшем исполнении урока Толстого; но только от такого глубокого и прирожденного колориста как Ге можно услышать, что писать красками “скорее”, чем рисовать.

В 1886 году художник пишет “Христа и Никодима”. Просьба о “двух тонах” забыта; эта картина — огненный прорыв долго сдерживаемой красочности. И далее Ге все глубже уходит в свою задачу — красочно-формальную; из советов Толстого он слышит только отвечающие его поискам. Последнее его увлечение кончилось, как и прежние; оно прорвалось, как кора, чтобы открыть издавна глеющее, совершенно свое творчество.

В 1889 году художник пишет “Выход с Тайной Вечери”. Сейчас не важно — эпизод ли это из жизни Христа, но важно то чудесное преображение реального, которое возникает, когда реальное как бы родится вновь, пройдя через вдохновенный мозг художника, и которое сейчас нам кажется единственным, делающим картины прекрасными.

Но так ли важен был сюжет и самому Ге, как он все же настаивает в своих заметках и письмах? Эскиз, обыкновенно, — первое

воплощение основной мысли. И эскиз Ге к “Выходу с тайной Вечери” указывает, что его главной задачей был лунный свет — изумительная передача, через томительное и мертвое сияние, одиночества и тоски.

Эта картина — явственное продолжение “Воскресения” и “Гефсиманского сада”. Сама тема та же, что и в “Гефсиманском саду” — ночное мерцание, объединяющее и землю, и небо, и фигуры в единое чувство смертельной тоски. Полотно “Что есть истина” (1880 год), может быть, единственная действительно “толстовская” картина Ге и, вместе с тем, она напоминает “передвижническую” “Петр и Алексей”, — то же перенесение интереса от художественного смысла к смыслу литературному, тот же “сюжетный” эффект, затемняющий оценку художественную (в данном случае прекрасный контраст солнечных пятен и “ночного” лица Христа).

Но в следующем произведении — “Иуда” — содержание чрезвычайно усугублено и в пересказе не нуждается. Про эту картину Ге писал: “Много форм переменялось и два раза бросал; все думал, что не слажу, и вот, после долгих мучений устроил, то есть написал, и как всегда бывает, в минуту — полная готовая картина”.

“Суд Синедриона” (1892 год) — одно из прекраснейших созданий всей русской школы. Кажется, что гигантская мечта Ге — указать “задачу, смысл русского искусства” — здесь решена.

После “Синедриона” Ге приступает к своей заветной теме — “Распятие”. “Он начал писать “Распятие” еще в 1884 году, и я никак не думала, что он эту картину напишет, столько он ее переписывал и так с ней мучился”, — вспоминает Екатерина Ге. Имеются еще несколько свидетельств, указывающих, что художник пробует приступить к картине, но все не решается, говоря, что “еще не готов”. Однако “Синедрион” показал, с какой силой он может воплощать свою мысль, как окрепла его великая способность писать “от себя”.

Ге признал “Распятие” своим высшим достижением: “Картину свою в мысли я довел до точки, далее которой уже идти нельзя”.

В заключение хочется коснуться судьбы последних произведений Ге. После резкого осуждения “Милосердия” художественный мир как бы вычеркнул Ге из списка живых; его терпели на выставках только ради прежней славы, последние картины художника — “Синедрион”, “Распятие” — на выставку не были допущены и вовсе. Если к названным произведениям и появился некоторый интерес в обществе, то это был интерес “скандала”, о каком-либо художественном восприятии его творчества уже не было и помину.

Как пример отношения современников к Ге приведем грубые слова Прянишникова, сказанные по поводу “Распятия” в лицо художнику: “Вы вот, Николай Николаевич, постную пищу нау-

чились есть у Льва Николаевича, а так художественно писать, как он, — нет”.

В Ге прощали и принимали, а иногда даже с хвалой, все, кроме формы, то есть того, что для самого художника было все.

Трудно думать, чтобы Ге смог вынести одну такую чудовищно неравную борьбу, если бы Толстой не дал ему необходимой опоры. Толстой в понимании формальных исканий Ге стоял на уровне современников, но он понял Ге, как человека, как борющегося за свой идеал гения; потому он мог так написать художнику про “Распятие”: “Это — лучшее, что Вы создали, дорогой старик, это может быть Вашим заключительным словом. А оценят Вас только через века”.

И потому Ге мог так говорить о Толстом: “Недавно меня, слабеющего, поддержал великий человек и дорогой мой друг, сказав мне, что значение моей работы в искусстве есть мое служение Богу. Это оправдание дало мне силу исполнить мою последнюю картину, мою задачу”.

После запрещения выставить “Распятие” Ге сказал: “Меня столько раз били, что я мог бы к этому привыкнуть. А все-таки больно, когда секут...” А били его разом и цензура, и общество, и критики, и художники; самым мучительным в этом распятии нам представляется то, что били его и те, кто хотел одобрить. Написанное за несколько дней до смерти (а умер он скоропостижно в 1899 году), может быть, последнее письмо художника показывает, какой достойный и спокойный отпор дал Ге этой травле. Письмо адресовано П.М.Третьякову; Третьяков хотел посочувствовать художнику, но при этом сказал то, что должно было больно оскорбить Ге: “Вы ее оценили (“Распятие”), — пишет ему Ге, — и, вместе с тем, я этого не понял. Вы сказали, что она “не художественная”, и это как бы уничтожает ее достоинства. Это слово старое, но его не было среди нас во время широкого, могучего роста русского искусства. Оно и не могло быть, так как его нельзя сказать о искусстве живом: оно является как протест против живого движения искусства”.

В последние дни своей жизни Ге мечтал повезти “Распятие” в Европу. “Русские получают эту картину через Европу”, — говорил он. Смерть помешала исполниться этому намерению. Картины (2 варианта “Распятия”), простояв некоторое время в семье Ге, были пожертвованы Третьяковской галерее, но совет галереи, под предлогом, что эти картины нельзя показывать публике, вскоре же исключил их из собрания.

Теперь одна из них находится в Париже, другая в Женеве. Но и там они стоят такими же одинокими и чужими, какими стояли в Москве; таким образом, смерть предохранила Ге от последнего жестокого разочарования — Европе его картины оказались такими же ненужными, как и России. ■

Публикация
Лилии БАЙРАМОВОЙ.



"Что есть истина?" Христос и Пилат. 1890

Лицо, заслонившее мир

Наталья ДРОБОТЬКО

Марлен Дитрих... Антриса и женщина, ставшая для многих своих поклонников олицетворением эпохи. Прожив почти целый век — 91 год, она прошла рука об руку с самыми талантливыми людьми — политиками, писателями, композиторами, актерами. Она подкупала собеседников живостью ума и вполне могла бы сама стать политиком, если бы не стала актрисой.

Немка по происхождению, с детства обожающая все французское, Дитрих начала карьеру в Европе и достигла пика своей славы в США.

Вглядитесь в ее лицо: высоко поднятые тонкие брови, которые придают лицу немного уди-



впеченное выражение, ниспадающие на лоб пряди золотистых волос и исключительно неповторимый эффект глубоко запавших скул, придающий ее чертам некую загадочность. Женщина... чья власть над мужчинами имела поистине стихийную силу.

Она любила немца Эриха Марию Ремарка, француза Жана Габена, американца Эрнеста Хемингуэя.

"Каждая моя встреча с Марлен переполняет мое сердце радостью и делает меня счастливым, — сказал о ней Эрнест Хемингуэй. — Как ей это удается — это ее прекрасная тайна".



С Дюзефом фон Штенбергом.

Детство

Мария Магдалена (Марлен) родилась 27 декабря 1901 года в Германии. Ее мать Вильгельмина, дочь богатого ювелира, сама стала матерью в 17 лет, выйдя замуж за Луиса Эриха Отто фон Дитриха. Он погиб на русском фронте, когда Марлен исполнилось девять лет. Недолго пришлось прожить ей и с отчимом, погибшим на поле боя в 1918. Мать была поразительно красива, но надев в 36 лет траурное платье, так и не сняла его до конца своих дней. От нее Марлен научилась двум основным жизненным правилам: первое — это верность, а второе — неизбежное всегда следует воспринимать с достоинством.

И если пример матери являлся для нее примером житейской стойкости, то эстетическим вкусом она обязана бабушке. Бабушка была самой прекрасной из всех женщин, — вспоминала Мар-

лен, — настоящая леди — элегантная и очаровательная. У нее были темно-рыжие волосы и бархатные глаза переменчивого цвета. Она носила дорогую одежду и шила на заказ перчатки. Ее вуаль всегда пахла духами. Бабушка любила лошадей и каждое утро ездилла верхом. Она первая пробудила в девочке любовь ко всему прекрасному — будь то картинки Фаберже или нитка бледно-розового жемчуга, что обвивала ее шею.

Первая любовь Марлен — любовь ко всему французскому. Она боготворила свою учительницу — француженку мадемуазель Бреган, — и всегда говорила, что общение с ней "наполняет сердце ощущением счастья, которое воспеть могут только поэты. Каждый день я готовила для нее подарки — букет из васильков, маргариток, манов, рождественские поздравительные открытки, французские пейзажи, вырезанные из журналов".

Об отце Марлен вспоминала с особой теплотой: он остался в ее памяти высоким, импозантным мужчиной в блестящих сапогах, с неизменным хлыстом для верховой езды. Увы, мир безоблачного детства был навсегда разрушен событиями первой мировой войны. Но Марлен верила в свою звезду. "Я была похожа на отца, — говорила она, — а дети, похожие на отца, должны быть счастливы".

Сцена и брак

К своему совершеннолетию Марлен получила соответствующее воспитание и образование. Она свободно владела французским и английским, прекрасно играла на скрипке, рояле, лютне. Знала классическую немецкую по-

эзию, цитировала Канта и Гегеля, боготворила Гете. Уже в юности увлекалась театром. В Берлине была известная театральная школа Рейхардта. Марлен попробовала свои силы, прочитав на вступительных экзаменах молитву Маргариты из "Фауста", и... была принята. Увы, Марлен не смотрелась ни в роли простодушных сентиментальных девушек, ни в роли "женщин-разлучниц", для которых была еще слишком молода и неопытна. Дома к ее увлечению относились настороженно, так как, по мнению матери, кино, сцена... все это напоминает цирк. Однако желанию дочери она все же уступила.

Встреча с Рудольфом Зибром — ассистентом режиссера фильма "Трагедия любви" — новый этап в жизни Марлен. Во-первых, ее тут же переполнила гордость, что он именно ее выбрал для роли, пусть и небольшой — "девушки в толпе" (в массовке), а во-вторых — она сразу же влюбилась в него. Рудольф был высок, красив, белокур. "Безнадежно влюбленная, я ждала этих коротких встреч, когда он, торопливо пройдя рядом, мельком взглянет на меня. Я поняла, я встретила человека, за которого хотела бы выйти замуж". Их свадьба состоялась через год после обручения. Когда родилась дочь, счастливые родители выбрали ей имя — Мария.

Путь к славе

Фильм "Голубой ангел" (по роману Г. Манна "Учитель Гнус", режиссер Джозеф фон Штернберг) стал не только трамплином для будущей "легенды кино", но и навсегда вписал ее имя золотыми буквами в историю мирового кинематографа. Кто бы мог пред-

ставить, что эта молодая леди, выросшая в семье, где царили сдержанность и порядок, ни разу не скомпрометировав себя даже легким флиртом, предстанет в роли легкомысленной певички из портового кабака, демонстрирующей белое кружево панталон и приспущенные подвязки, прихватывающие черные шелковые чулки на довольно-таки аппетитных ляшках. Вульгарный акцент ее героини звучал на удивление подлинно, а сама Марлен вызывающе смотрела прямо в камеру, в то время как остальные три были направлены на ее ножки, которые режиссер предлагал ей поднимать как можно выше.

"Марлен, Марлен", — скандировала толпа в день премьеры. А Марлен в белом воздушном шифоне "Голубой ангел". 1930 г.



новом платье в тот день покидала Берлин. Она ехала в Голливуд. Муж и четырехлетняя Мария оставались дома. Как рассудил Рудольф Зибер, Марлен сперва должна осмотреться. Впрочем, она будет там не одна. Рядом с ней — фон Штернберг, режиссер, открывший Дитрих, ее надежный "ангел-хранитель".

Весной 1930 года гигантский корабль "Бремен", на борту которого находилась Марлен Дитрих, пересек океан и ясным солнечным утром причалил в порту Соединенных

Штатов. Один из снимков запечатлел ее на палубе, сидящей поверх горы чемоданов и корзинок. То были первые минуты пребывания Марлен на американской земле. Как призналась сама актриса: "Меня не одолевали поклонники. Мое имя было абсолютно неизвестно".

Кто же и когда открыл Марлен Дитрих?

"О, нет, — уверял фон Штернберг, — я не открыл Дитрих, я — только учитель, взявший в обучение прекрасную женщину, усиливший ее шарм, маскирующий ее недостатки и в результате все же выкристаллизовавший ее". Если поверить, что "помимо работы он не проявлял к ней никакого интереса", то остается только признать, что в течение многих лет Штернберг оставался ее единственным исповедником, критиком, учителем, менеджером и покровителем.

Это ему, первому, удалось придать Дитрих тот имидж, который делал ее узнаваемой в считанные секунды, — эффект глубоко запавших скул, придающих лицу четкие скульптурные очертания. Он знал: подобный "имидж" достигается только в том случае, если свет падает на лицо с верхней точки и притом с большой высоты.

Ремарк и его "Триумфальная арка"

В начале 30-х годов имя Эриха Марии Ремарка облетело Европу. Он находился в зените славы после выхода своего романа "На западном фронте без перемен". "Это был удивительно деликатный человек, с чуткой, ранимой душой" — сказала о нем Марлен.



Впервые они встретились в Венеции в 1935 году. Марлен вместе с друзьями обедала в ресторане, и вдруг, подняв глаза, встретила с взглядом мужчины, который стоял прямо перед ней и был так же молод, как и она сама.

— Эрих Ремарк, — представился он.

У нее перехватило дыхание. А утром она встретила его еще раз на пляже. "Давайте уйдем отсюда и поболтаем", — сказал он. Марлен последовала за ним. Она последовала за ним и в Париж, куда они уехали вдвоем некоторое время спустя. "А в тот, первый день, — вспоминала Марлен, — мы проговорили до утра, и это было изумительно. Он не тянул меня в постель. Я была рада тому, что мы могли просто сидеть и разговаривать... и, засыпая, все же любить друг друга, — и от этого становилось так хорошо".

Ремарк обожал ночные клубы, понимал толк в винах, которые узнавал по вкусу. Он мог безошибочно определить дату производства, страну и название напитка, не глядя на этикетку. Сколько таких часов, сколько долгих ночей провели они вместе, сидя за рюмкой кальвадоса, коньяка или старого выдержанного вина, предложенного им в одном из уличных кафе-погребков? О чем говорили они тогда, кто знает? А когда по прошествии многих лет отшумела страсть, вышел в свет новый роман писателя "Триумфальная арка" (1946). Те, кто знал об их отношениях, сразу же узнали в главной героине Марлен. (В 1948 году роман был экранизирован, однако главную роль сыграла не Дитрих, а Ингрид Бергман.)

Бежав из нацистской Германии, где его произведения были публич-



Марлен Дитрих и Жан Габен в фильме "Мартин Руманьян".

но преданы анафеме, Ремарк долгое время жил во Франции, а затем переехал на правах интернированного в США. Ему запрещалось покидать гостиницу с шести вечера до шести утра. Он жил под чужим именем, но рядом неизменно находилась Марлен. Через весь роман проходит щемящее чувство любви писателя к актрисе, ибо, как и в его собственной жизни, он ощущает, что теряет ее из-за невозможности разорвать цепи возникшего любовного треугольника.

Ремарк страдал. Позади осталось несколько лет ожидания. Легкий и непродолжительный роман Марлен с актером Джеймсом Стюартом, брак с Зибером больно отозвались в его и без того ранимой чувственной душе. Он, как всегда, много пил. Оставив США, писатель навсегда выехал в



С Эрнестом Хемингуэем.

Швейцарию. В 1970 году он умер в возрасте 72 лет.

Марлен и Жан

Расставаясь с Ремарком, Марлен, конечно, не знала, что идет навстречу еще одной своей любовной страсти, которая останется с ней навсегда.

В маленьком отеле Голливуда поселился, выбравшись из оккупированной Франции, Жан Габен. Молодой, красивый и талантливый, знаменитый после фильма "Набережная туманов", за свои тридцать лет он успел уже дважды жениться и дважды развестись. Его первой женой стала милая насмешливая парижанка, актриса театра "Буфф-Паризьен" (где в то время играл и Габен), которая так и не рассмотрела в своем молодом муже будущую знаменитость. Второй брак, увы, тоже не принес Жану ожидаемого счастья.

Он уехал в Голливуд. Помочь ему в качестве переводчика пригласили Дитрих. Так и начался этот один из самых знаменитых романов 40-х годов — самый про-

должительный, страстный и изнурительный для обоих.

"Мы говорили только по-французски. Я обставила его дом, приносила французские товары, стремилась создать побольше уюта, чтобы здесь все напоминало ему родную Францию, без которой он очень страдал. Я готовила французские блюда для всех его друзей, которых он приводил с собой. Многие из них, истребив большую порцию, сразу исчезали. Жан был самым чувствительным. Самым нежным из всех, кого я встречала, самым предупредительным и самым жестоким. Но он всегда был прав".

Шла вторая мировая война. 1942 год. Разорвав контракт, Габен в числе других добровольцев сел на эсминец и отправился в Маронно. Эсминец был потоплен нацистской подводной лодкой. Габен чудом спасся. "Счастливая звезда спасла его от смерти", — скажет Марлен. Все та же счастливая звезда подарила им встречу и на дорогах войны.

1944 год. Находясь во фронтовой бригаде, Марлен узнала о прибывшем подкреплении — второй танковой дивизии "Свободная Франция". "...наступали сумерки, видимость стала плохая. Я бежала от танка к танку, выкрикивая его имя. На одном из танков я заметила, нет, скорее почувствовала его. Передо мной возникли его чудесные волосы с проседью. Он сидел ко мне спиной. Жан, Жан, родной мой, — позвала я. Он обернулся..."

Они стояли обнявшись, прижавшись друг к другу в бесконечном поцелуе, не говоря ни слова, поцелуе таном долгом, что прервала его только сдвинувшаяся с места танковая колонна. "Нам пора, моя великолепная", — произнес он. "Я

стояла, — пишет Марлен, — в пыли, которую поднимали эти движущиеся чудовища и не знала, встретимся ли мы еще когда-нибудь”.

Их жизнь вдвоем так и не сложилась, хотя после войны Марлен прилетела к нему в Париж. Они даже сыграли главные роли в фильме “Мартин Руманьян”. Каждый из них обладал сильным характером. Марлен и Жан расстались в конце 40-х...

Когда читаешь строки Марлен о Габене, написанные несколько десятилетий спустя, чувствуется, как все еще дрожит ее голос: “Я потеряла его позднее. Когда он вернулся, я оставила его. Нет, он покинул меня. Я была той нянькой, которая получила прощальный поцелуй, но с большой любовью. Моя любовь к нему осталась навсегда. Он никогда не просил доказывать ее, не такой он человек”.

Через несколько лет Габен сблизился с красивой и такой же, как Марлен, длинноногой белокурой манекенщицей Кристиан Фурнье. В 1951 году та родила ему дочь Флоренс, а через год еще одну — Валери. И только взяв с жены слово, что следующий ребенок будет мальчик, Габен узаконил их брак. Через три года у Габена появился сын — Матиас. Жан Габен ушел из жизни в 1976 году.

Его портрет всегда висел у Дитрих в гостиной. Она любила Париж, потому что это был его город, и жила здесь до последней минуты жизни, пережив всех, с кем пришлось встречаться на длинном жизненном пути, прошедшем через целое столетие.

“Он клялся, что никогда меня не оставит”

Эрнест Хемингуэй. Писатель, журналист, военный корреспондент. Марлен восхищалась им, говорила, что лучшего друга у нее нет. Это был великий человек, с могучей фигурой, искрящимся юмором, переполненный гордостью и силой. Впервые они встретились на пароходе, который шел из Европы в Америку. За обедом, куда пригласили Марлен, оказалось 12 гостей. “Я не могу сесть за стол, прошу меня извинить, иначе нас будет 13, а я суевер-



ная", — сказала она. И вдруг рядом раздался шепот: "Садитесь, я буду четырнадцатым". "Кто вы?" — В глазах Марлен читался вопрос.

"Я никогда не переставала любить его, но мы никогда не жили вместе", — вспоминала она. Все их общение — телефон и письма. Эта абсолютная, каная-то запредельная любовь без надежды и желаний, продолжалась почти тридцать лет. Или он был занят какой-то женщиной, или она не была свободна. Они были, как те корабли, которые так и не встретились в одной гавани. Их разводили дороги. Войны, бесконечные переезды, съемки и просто разные части света. В его письмах звучали то лирические, то смешливые нотки: "Для таких неосторожных людей, как ты и я, осторожность ни к чему", "Я забываю о тебе иногда, как забываю, что бьется мое сердце". Он был ее надежным якорем и давал "лучшие в мире советы". Он часто посылал ей свои рукописи. И как-то признался: "Когда я напишу что-нибудь такое, что мне самому нравится, я бываю счастлив, если этот текст понравится ей. Я уверен, что она понимает в любви больше, чем кто бы то ни было".

Однажды, встретившись в Париже, он поведal ей, что полюбил Мери — "маленькую Венеру", которая отвергла его. И помочь ему добиться ее руки может только она — Марлен. "Почетная" миссия не особо пришлась по душе Дитрих. Она ревновала. "Невозможно объяснить, почему мужчине нравится та или иная женщина. Мери Уэлш была суха, сдержанна и не слишком привлекательна". Проведя с Мери целый день, Марлен к вечеру все же добилась ее согласия на брак (Мери Уэлш стала четвертой и последней женой Хемингуэя).

"Никогда не видела человека более счастливого, — сказала она о писателе. — Казалось, сияющие лучи вылетают из его могучего тела, чтобы всех вокруг делать счастливыми".

Прошли годы. Ранним утром 1961 года Эрнест Хемингуэй поднялся в свой рабочий кабинет и выстрелил в себя из охотничьего ружья. "Зачем, зачем он совершил такую глупость, — повторяла Марлен ежеминутно, пытаясь отвести от себя боль, — ведь он клялся, что никогда меня не оставит".

Эдит Пиаф

Они были такие разные — Эдит и Марлен. "В моих глазах она действительно была воробышком, но в ней скрывалась и Иезавель с неутомимой жаждой любить, искушительница с невероятной жизненной энергией. Тщедушное тело и руки принцессы. Идеалистка и оптимистка с печальными глазами — все свое сердце она вкладывала в песни".

Марлен по-своему привязалась к Эдит. Возможно, ей самой не хватало этого огня, этого расщепленного состояния, чтобы делать то, что хочется, и любить так, как хочется, не оглядываясь, не задумываясь, наперенор всем. "Я совершенно теряла голову от всех ее любовников, которых должна была прятать или разводить по разным комнатам ее дома. Но я выполняла все, что она от меня требовала. Но у Эдит на дружбу со мной просто не хватало времени, любить она умела только мужчин".

Волею судьбы именно Марлен оназалась рядом с Эдит в самую горькую минуту.

Эдит Пиаф приехала в Нью-Йорк, где выступала в ночном клу-

бе "Версаль". Она ожидала прибытия Марселя Сердана, самую большую свою любовь, которая буквально выплескивалась из нее. В то утро она еще спала. Ее сон был безмятежен, как может быть безмятежен сон женщины, которая любит и любима. Несколько часов назад Марсель Сердан вылетел из Европы, чтобы встретиться с ней. Утро не настало. Настала самая страшная ночь. Бесконечная... Марлен склонилась над Эдит, которая находилась еще в постели. Сколько мужества понадобится им обоим уже через несколько секунд, когда будет произнесено то, что невозможно скрыть. Несколько часов назад над Азорскими островами разбился самолет, в котором летел знаменитый боксер — Марсель Сердан. "Потом, долгими ночами мы сидели в тесной комнате, взявшись за руки, и Эдит вскрикивала: "Вот он, разве ты не слышишь его голос? Он здесь". Сменяли друг друга врачи, таблетки, уколы... Марлен не отходила от нее.

...А когда спустя много времени боль утихла и вернулось желание жить, в день браносочетания Эдит Пиаф рядом с ней снова оказалась Марлен Дитрих, — именно она позаботилась о подвенечном платье, точь-в-точь как ее собственное из шифона от Диора, и обвила шею Пиаф цепочкой с золотым изящным крестиком от Картье.

"Голубой ангел"

Невозможно перечислить имена самых известных людей планеты, с кем сталкивала ее судьба. Но одной из самых памятных встреч стала, наверное, та, что произошла в маленьком немецком городке. Здесь открыли кинотеатр. Марлен в составе группы аме-

риканских войск в то время находилась в Германии. Сторон-немец, узнав Дитрих, принес ей в неотопленный зал термос с горячим кофе. Все отговаривали ее пить, опасаясь, не отравлен ли? Марлен выпила чашку. А затем, подняв глаза на старого немца, спросила: "Почему вы пожертвовали для меня такую драгоценность, ведь мы с вами по разные стороны фронта?" Старик посмотрел на нее слезящимися, потеплевшими глазами: "Конечно, — ответил он, — но ведь вы для меня "голубой ангел", которого мне не забыть".

Последние годы жизни Марлен Дитрих провела на авеню Монтель в Париже. После полученного в 1979 году перелома бедра (повторного) она предпочитала не вставать с постели, и сидела, обложившись подушками. Все необходимое находилось у нее под рукой. Ее никто не посещал, кроме дочери и консьержки, которая приносила из магазина ее любимый виски. "Она сама избрала для себя одиночество", — сказал о ней Жан Кокто. Марлен много читала, писала воспоминания: "Я потеряла многих лучших друзей, они ушли из жизни. Болит душа, когда невозможно поднять трубку, чтобы услышать голос, по которому тоскуешь". Мне не хватает мужа, не хватает Хемингуэя — его пожелания "доброй ночи".

6 мая 1992 года в 15 часов 20 минут ее сердце остановилось.

Согласно воле актрисы она была похоронена в Берлине. В городе, где родилась, где прошло ее детство, где впервые она услышала на премьере восторженные возгласы "Марлен, Марлен". В этот город она и вернулась спустя целое столетие для того, чтобы на сей раз остаться здесь теперь уже навсегда.

Этой деревенской барышней
а то я знаю, как он от нас
отходил





рисунок Алексея Остроменцкого

Анна МАЛЫШЕВА

При попытке выйти замуж

Глава 1. Александра

Капустник в "Новостях" был мероприятием скорее ритуальным, нежели увеселительным. Плановый выплеск ностальгии. Как убийца стремится на место преступления, так мы все раз в году возвращались туда, где делали первые шаги в журналистике. Никому не приходило в голову спорить с традицией: положено, и все тут, 29 декабря, бросив любые дела, явиться в редакцию, которая нас взрастила и воспитала, втиснуться в битком набитый Голубой зал, мрачно отслушать и отсмотреть капустник, заметив, что "в наши времена, конечно, все было не так", то есть — лучше и смешнее, выпить с "бывшими" шампанского, еще шампанского, а потом — водочки, и, скорбным взглядом окинув родные прежде коридоры, удалиться.

Мне хотелось повидать своих и покрутиться перед ними в новом, только что купленном костюме. Но мои желания всегда обратно пропорциональны возможностям: чем сильнее хочется, тем больше появляется помех на пути к желанной цели. На этот раз в роли помехи выступила любимая мама. Разумеется, она ничего не имела против меня, но обстоятельства заставили ее внести существенные коррективы в мои вечерние планы. Потому что "случилось ужасное". Мама позвонила мне около двух часов дня, то есть когда до капустника оставалось каких-то четыре часа, и сообщила, что ей "очень и очень плохо".

— Шурик, — мама рыдала, — такой ужас! У нас здесь, прямо рядом с квартирой, повесили щенка.

— И как ты? — Я действительно испугалась. Для маминого сердца подобные сильные ощущения были совершенно необязательны.

— Я — ничего, уже выпила валокордину, а вот он, по-моему, умирает. Шурик! — голос у мамы дрожал. — Это такой кошмар!

— Мамуля, держись, я сейчас приеду.

Приехала я вовремя. Мама в своих переживаниях уже дошла до ручки, ее трясло, цвет лица наводил на мысли о "Скорой помощи", а домашние запасы валокордина, валерьянки, нитроглицерина, бальзама, пустырника, мяты, и т.д. стремительно иссякали. Дашка, моя старшая сестра, появилась у мамы двумя минутами раньше.

— Шуруп, — это мне, — ты посмотри на нее! — Дашка бушевала. Она вообще считала, что лучшее успокоительное для мамы — это крик, угрозы и грубый нажим. — Щенка повесили! Да, неприятно. Но вот же он — живой, слава Богу. Да как ты на свете-то живешь, мам? Посмотри, что вокруг делается! Да, нас окружает жестокий и грязный мир, так что ж теперь, удавиться?!

* Журнальный вариант

— Шурик, — жалобно шептала мама, — она меня ругает. Но ты не представляешь себе, какое это было зрелище. Он висит, кричит, задыхается...

— Хватит! — заорала Даша. — Проехали! Теперь вот что, Шуруп, налей маме коньячку, забирай собаку и беги в аптеку за успокаивающими. — По части раздать всем кучу поручений Даше не было равных.

— Даш, а можно в аптеку без собаки? — Чисто риторический вопрос, и всем присутствующим это было очевидно. Но пока я зашнуровывала ботинки в передней, из комнаты несло:

— Шуруп, ты понимаешь, что при взгляде на щенка у мамы возникают неприятные ассоциации?.. — На этих словах я закрыла дверь и пошла за лекарствами. Одна. Без собаки.

Приведя маму в более-менее нормальное состояние, мы приступили к осмотру страдальца. Он был маленький, грязный и очень печальный. Дышал тяжело, но когда до него дотрагивались, руку непременно лизал.

— Хороший, — сказала Дашка грустно, — возьми его, Шуруп.

— Куда? — Я покрутила пальцем у виска. — Я полжизни в разъездах. С работы прихожу ночью. Возьми ты.

— А я — не ночью? — Дашка работала в крупном банке начальником службы по связям с общественностью.

— А Данила? Он-то дома. — Я имела в виду Дашиного восьмилетнего сына.

— Дома?! — Дашка посмотрела на меня, как на слабоумную. — У него теннис, английский, дзюдо.

— Девочки. — Мама, которая лежала на диване, обложенная подушками, и горестно вздыхала, все-таки сочла нужным вмешаться. — Я ни в коем случае не имела в виду предлагать собачку вам. Просто надо подумать, как его пристроить.

— Мама! — Дашка опять повысила голос. — Легко сказать! Это же дворняжка! Сейчас и породистые собаки никому на фиг не нужны. Перепроизводство.

— Но что же делать? — Мама опять приготовилась зарыдать. — Не выбрасывать же его! Это не по-человечески.

— Мама! Никто его уже не выбросит. Пристроим. — Дашка сделала мне большие глаза. — Да, Шурупчик?

— Да, Дашенька, — ответила я сладчайшим голосом и, в качестве компенсации, усталилась на Дашу взглядом голодного вампира.

Через двадцать минут, попив чайку, мы, погрузив щенка в сумку, покинули родительский дом.

— И что теперь? — спросила я, как только дверь подъезда захлопнулась за нами.

— Теперь, — строго сказала Дашка, — надо выполнять мамин наказ. Маму надо слушаться. И собаку, значит, надо при-

строить. Ну, пока. — Дашка чмокнула меня в щеку и пошла к своему служебному автомобилю.

— Что-о?! — Я рванулась за ней. — Почему же это маму слушаться нужно только мне?

— Шуруп, пожалуйста, не закатывай истерик. Я же не отказываюсь тебе помочь. Просто сегодня у меня тяжелый день. Попробуй, ты везучая. Не исключено, что ты сейчас пойдешь по улице, а к тебе тут же подбежит человек и спросит: “Не знаете ли вы, где здесь можно достать рыжего щенка с белыми лапками?”

— Да, скорее всего, так и будет. — Я уже понимала, что деваться мне некуда. До капутника оставалось три часа — не так много для подготовительных мероприятий, поэтому я решила завести щенка домой, сходить на “Мушкетеров”, а поисками хозяев для него заняться завтра.

Однако — человек предполагает, а жизнь берет свое. Оказавшись дома, я сначала искупала бедное животное, потом высушила феном, причесала и посадила в коробку из-под телевизора, где ему страшно не понравилось. Если бы он скандально разорался или капризно разнылся, я бы выдержала характер и ушла на капутник, не дрогнув. Но он тихо, почти беззвучно заскулил, и эти жалобные всхлипывания меня совершенно доконали.

В конце концов, решила я, нигде не написано, что на новогодний вечер нельзя прийти с собакой. А что не запрещено, то разрешено. И мы поехали на капутник вместе с Георгином. Так я решила назвать щенка из-за схожести его рыжего окраса с рыжими георгинами, цветущими у нас на даче.

Глава 2. Василий

Квартира Кузнецовых была в полном порядке. Никаких тебе вывороченных шкафов, никаких разбросанных бумаг из письменного стола хозяина. Чистая, аккуратная кража, как заметил один из понятых — профессор из квартиры напротив, — “чинная”. Вскрыли сейф, взяли деньги и драгоценности — вот и все. Множество дорогостоящих вещей оставили.

Если бы это была простая кража, опергруппе МУРа делать здесь было бы нечего. Но кража была очень даже непростая, и таких краж за последние несколько дней в Москве произошло уже три.

Картина преступлений была настолько загадочна, что уже пахивало мистикой.

За каких-то три дня — с 24 по 27 декабря — в Москве бесследно исчезли четыре семейные пары приблизительно одного и того же образца: муж — состоятельный человек, бизнесмен, владелец процветающей фирмы; жена — домохозяйка, хотя этот термин оперативники употребляли по отношению к пропавшим женам условно, поскольку при каждой семье была

домработница. Все бесследно пропавшие собирались уехать на рождественские каникулы за границу: одна пара — в Париж, другая — на горнолыжный курорт в Швейцарию, третья — в круиз по теплым морям. А раз люди уехали в отпуск, никто их не разыскивал и не стал бы разыскивать еще в течение десяти-двенадцати дней и, тем более, подключать к этому милицию, если бы в квартирах всех пропавших не побывали воры. Впрочем, и кражи могли остаться незамеченными, если бы не стеченные обстоятельства.

О том, что Кузнецовых обокрали, сообщила их домработница, заехавшая в квартиру за какими-то своими вещами. В предыдущих трех случаях факт кражи тоже был установлен случайно. Один раз в квартиру нагрянула теща хозяина. Она, правда, не смогла объяснить, зачем поехала “в гости к дочери”, точно зная, что дочь в отъезде, да это и неважно. Зато, открыв своим ключом дверь, она огласила дом зычным криком: “Караул! Обрабили!”. В другом случае сосед пострадавших перелез на их сторону балкона за своей кошкой и в окно увидел, что “в квартире явно что-то не так”. В третьем случае в квартире пострадавших прорвало трубу, и дверь пришлось вскрывать.

Иными словами, если бы не домработница, теща, сосед и слесарь из РЭУ, о кражах еще долго никто бы не узнал.

Неясного было слишком много. Ну, обокрали квартиру — это понятно, дело житейское, но зачем при этом похищать хозяев? Все сходились на том, что похищение обворованных — абсолютно новое слово в практике преступного мира.

К радости старшего в опергруппе МУРа Василия Коновалова, на место кражи выехал следователь прокуратуры Георгий Малкин по прозвищу “Песенник МВД СССР”. Прозвище это Георгий, а в просторечье — Гоша, получил еще в далекие советские времена за свою страсть к прикладной поэзии. Любое уголовное дело, ставшее предметом Гошиного профессионального интереса, вызывало у него прилив вдохновения, и на свет рождались стишки и песенки. Свой творческий метод Малкин называл “стилизацией”, потому что при сочинении стихов в качестве исходника активно использовал как классические стихотворные произведения, так и тексты популярных песен.

О пропадающих семейных парах Гоша пока ничего не написал, кроме: “Наступает Новый год, кто сегодня пропадет?” Он говорил, что тема сложная, скользкая, противная, но замыслы есть, идеи роятся, рифмы напрашиваются.

Гоша — низенький, толстенький и бесцветный, был особенно недоволен осмотром квартиры Кузнецовых.

— Почему не взяли аппаратуру? — недоумевал он, часто-часто моргая рыжими ресницами. — Она сумасшедших денег стоит! Я бы взял.

— Бери, Гоша! — Лейтенант Зосимов всегда проявлял невиданную щедрость в недограбленных квартирах.

— Чего ты удивляешься? — Василий попытался оторвать от пола тяжеленную стереосистему. — Они не берут крупногабаритные ценности, это как раз понятно.

— А хозяева, которые всегда пропадают бесследно — это, по твоему, малогабаритные ценности? Или здесь жили лилипуты? — Малкин был настроен на склочный лад. — Ну, куда опять делись хозяева?

Вопрос, который и оперативники, и следователь, и МУРовское руководство регулярно задавали: “Куда хозяева делись?” — повис без ответа.

Первые три пропажи оперативники мучительно старались логически объединить, искали связи одного пропавшего бизнесмена с другим — то ли родственные, то ли деловые. Пытались связать их жен, матерей, друзей. Ликовали, как дети, когда выяснилось, что первый пропавший учился на одном курсе с бывшей женой третьего, правда, сам третий исчез не с ней, а со своей следующей женой. После загадочного ограбления и исчезновения четы Кузнецовых опергруппа вынуждена была признаться сама себе, что знакомство первого с бывшей женой третьего — простое совпадение.

На сегодняшний день руки у членов опергруппы опустились окончательно, и стоило кому-либо из начальства высказать предположение о том, что жертвы состоят в некоей невидимой, но прочной связи друг с другом, оперативники зверели и выли. Нет, нет и нет. Они могли без запинки сказать, что их НЕ объединяло: они не посещали один и тот же спортивный клуб, не ходили в один и тот же театр, не были пациентами одной и той же поликлиники, не ездили на один и тот же курорт, не развлекались в одном и том же ресторане, не имели одного и того же хобби, и так далее, и тому подобное.

Надо сказать, Кузнецовы идеально вписались в привычную схему: два дня назад Игорь Иванович Кузнецов, глава банка “Нефтекредит”, ушел в отпуск и намеревался уехать в Египет. Жена его Виолетта — молодая особа двадцати двух лет — в отпуск не уходила по той простой причине, что нигде не работала.

Приходящая домработница, так своевременно посетившая квартиру Кузнецовых, обнаружив вскрытый сейф, позвонила в милицию. Сначала приехала опергруппа из районного отделения. Три часа местные милиционеры искали пострадавших с тем, чтобы сообщить им: “Вашу квартиру обокрали”, но в офисе “Нефтекредита” милиционеров заверили, что придется с этой новостью подождать до возвращения потерпевших из Египта, “где сейчас, вы не поверите, прекрасная погода, примерно двадцать шесть тепла, и солнце, солнце...” Однако, обнаружив заграничные паспорта Кузнецовых в письменном столе

хозяина дома, милиционеры задумались. А еще через полчаса у них мелькнула смутная догадка, что до Египта потерпевшие не доехали. Информация об этом пошла по инстанциям и дошла до МУРа. После чего забота по раскрытию преступления была переложена на плечи опергруппы под руководством капитана Коновалова.

Унылые и понурые, Василий, Леонид, Георгий и выделенный им в подмогу юный стажер Коля Бабкин побрели опрашивать соседей. А эксперт Жилин приступил к осмотру места происшествия, проклиная районных оперативников за то, что они "все затоптали".

— Никаких посторонних! — твердо и даже агрессивно заверила МУРовцев консьержка. — Что вы! У нас такие люди в доме живут, мы всех фиксируем, гостей, сантехников, если лифт починить, и все такое. Вот.

В доказательство она предъявила "журнал входов" (так было написано на обложке большой амбарной книги), где, действительно, были отмечены все посетители подъезда за прошедшие полгода. Гошу заинтересовала запись "ремонтники".

— Да, на третьем этаже идет ремонт. Таскают цемент, кирпичи, все такое. Грязи развели! — пожаловалась консьержка.

— Неужели вы всех в лицо запомнили? — усомнился Гоша.

— А то! Они ж тут несколько месяцев колупались. Ремонты-то сейчас какие делают — ого-го! А потом — их же видно, они же в форме.

Под формой консьержка подразумевала заляпанные краской рабочие спецовки. Но — фирменные.

— Такие синие, и вот так, — консьержка дернула рукой поперек своего пышного бюста, — желтым не по нашему написано.

— Давай, Леня, — распорядился следователь, — поищи "ремонтников". Вдруг что-то и нащупаешь. Хотя... — Гоша безнадежно махнул рукой.

Леонид, выяснив, что ремонт делала фирма "Mirro", уехал в офис означенной фирмы. Остальные же, обойдя все квартиры подъезда безо всякого толка, вернулись к Кузнецовым. Домработница как раз старательно описывала Василию драгоценности хозяйки. Как явствовало из ее слов, среди украденного было несколько антикварных вещей, тянущих на немалую художественную ценность.

— Вот. — Гоша слегка оживился. — Давай ориентировку по антикварным магазинам. Тут что-то может выплыть.

На магазины был откомандирован стажер Коля — любимчик начальника отдела полковника Зайцева. Коля Бабкин, надо отдать ему должное, лояльностью начальства не злоупотреблял и усиленно делал вид, что самый авторитетный для него человек в МУРе — это капитан Коновалов. Василий, напротив, не упускал случая напомнить стажеру об особом расположении к

нему полковника. И сейчас, посылая Колю в антикварный магазин, капитан Коновалов ревниво пробурчал:

— Работай, Николаша, получишь, а то, не ровен час, тебя товарищ полковник любить перестанет.

Отослав Колю, Василий отправился с докладом к полковнику. По улицам родного города старший оперуполномоченный ехал медленно и печально, хотя вообще-то был лихачом. Не иначе, Василий использовал такую манеру езды для того, чтобы оттянуть момент встречи с руководством отдела.

Глава 3. Кузнецовы

Виолетта — жена Игоря Ивановича Кузнецова, председателя правления банка «Нефтекредит», была девушкой невиданной красоты. Голубоглазая блондинка с длинными ногами, с лицом ангела, с нежным голосом и мягкой кожей... В медицинском институте, где она проучилась целых три курса, у нее было прозвище «Белое безмолвие» — видимо, те, кто его придумал, намекали на ее умение выразительно молчать, виртуозно взмахивать длинными ресницами и вносить покой и умиротворение в мужские сердца.

Совершенно понятно, что личная жизнь Виолетты складывалась на редкость успешно. Зато семейная жизнь была полна тревог и переживаний.

Виолетта была замужем в третий раз. Предыдущие ее мужья по ее же собственным словам, были людьми ужасными, тяжелыми, вздорными, мрачными, жадными и подлыми. Точнее, оказывались таковыми через месяц-другой после свадьбы. Виолетта, надо отдать ей должное, с первых дней каждого замужества предпринимала просто-таки героические попытки исправить их дурные характеры, научить жить правильно и легко, привить вкус и хорошие манеры. Бес-по-лез-но! Она устала бороться. Тоска начала ее душить, и Игорь Иванович Кузнецов появился как нельзя более кстати.

Умный, богатый, импозантный, любящий заграничные путешествия, завсегдатай самых модных московских ресторанов и казино, он Виолетту баловал. Возил по миру, щедро одаривал, потакал ее прихотям — короче, угождал, как мог. Но на втором году совместной жизни червячок сомнения закрался-таки в ее душу. Искренен ли он в своих речах? Уважает ли ее, как личность? Не считает ли в глубине души, что она никчемная и примитивная?

Идея покупки загородного дома принадлежала Виолетте. Причина была проста и понятна: люди с возможностями должны не только хорошо и правильно питаться, но и дышать свежим воздухом. Москва с ее выхлопными газами могла претендовать только на то, чтобы быть где-то рядом, минутах в двадцати езды. На большую близость к родному городу Виолетта была не согласна.

Поиск загородной резиденции занял несколько месяцев, и только перед Новым годом им подвернулся действительно блестящий вариант: трехэтажный коттедж в двадцати километрах от Москвы в охраняемом поселке, на участке — лес... Цена немаленькая, но приемлемая. Дом предложила риэлторская фирма "Ключ", видимо, солидная, во всяком случае, сервис производил самое благоприятное впечатление. Для того, чтобы покупатели не плутали по незнакомым дорогам, фирма предоставляла им комфортабельный автомобиль с водителем. Риэлтор поинтересовался планами покупателей на ближайшие дни: когда Кузнецовым удобнее посмотреть коттедж? Когда возможна встреча с продавцами? И так далее.

Игорь Иванович сообщил риэлтору, что послезавтра уезжает в отпуск и хотел бы посмотреть дом до отъезда, утром следующего дня. Риэлтор обещал подать машину к девяти утра. На следующий день в восемь сорок у подъезда Кузнецовых стоял красный джип "ниссан патрул". Водитель был мил, приветлив, но все время кашлял и чихал.

— Извините, я страшно простужен, — сказал он, — но я принял все меры предосторожности, чтобы не заразить вас. — Он надел марлевую повязку, замотался шарфом по самые глаза и только после этого предложил им сесть в машину.

— Я опрыскал салон эвкалиптовой настойкой, она хорошо дезинфицирует воздух, так что не волнуйтесь, — говорил он, занимая водительское место.

В машине стоял густой травяной запах, и Игорь Иванович недовольно поморщился. Виолетта же, напротив, горячо поблагодарила водителя за предусмотрительность, и на всякий случай забила в дальний от него угол заднего сиденья, а то вдруг у него не простуда вовсе, а грипп.

В дороге Виолетте захотелось спать, она оглянулась на мужа и увидела, что он тоже задремал.

— Нам еще далеко? — спросила она у водителя.

— Минут пятнадцать, — ответил тот, не оборачиваясь.

Она сонно потянулась, прислонилась к плечу Игоря Ивановича и провалилась в сладкий сон.

Глава 4. Александра

Утром следующего дня мы с Дашкой, сидя у меня на кухне и попивая кофе, вернулись к начатому накануне разговору.

— Позвони в "09" и спроси телефон общества по защите животных. Наверняка есть какая-то служба, которая занимается поисками хозяев для щенков, — предположила я, по-моему, вполне резонно.

— Ага! — Дашкиному возмущению не было предела. — Откуда у вас такие прекраснотушные мечты? Службу им приготовили!

— Ты что, развалишься, что ли, если позвонишь?

Дашка, злобно сопя, все-таки позвонила в "09", и, что характерно, ей дали номер телефона Союза по защите животных.

— Теперь — ты. — Дашка была поборником справедливости. Она звонила в справочную, значит мне надо звонить в "союз", — все по честному.

В "союзе" нам ответил автоответчик, велевший оставить наш телефон и обещавший перезвонить в самое ближайшее время. Мы оставили и уселись ждать. Ближайшее время наступило через полтора часа, но нас, увы, ждало разочарование. Мужской голос уведомил, что работа организации временно приостановлена, и нам, к сожалению, в данный момент, помочь не могут. Поскольку помощь нам нужна была немедленно, мне пришлось прибегнуть к испытанному средству, а именно — к запугиванию свободой слова.

— Видите ли, я журналист, и мне совершенно непонятна ваша позиция, — холодно начала я. — Либо ваша организация существует, либо ее следует закрыть. Ваша помощь и вообще ваша деятельность может считаться продуктивной, если вы готовы помогать людям всегда, а не от случая к случаю. Если бы я готовила материал о вашей организации, что, кстати, вполне возможно, я бы...

— Ладно, понял, — перебил меня мой собеседник. — Пристроим вашего щенка. Стоит это 400 рублей. Привозите.

— Сегодня — можно? — уточнила я.

— Можно и сегодня.

— А где находится ваш приют?

— Вы не найдете, это сложно. Я встречу вас у метро. Только я сейчас очень занят, и встретиться с вами смогу вечером.

— Отлично. В десять, не поздно вам будет?

— Нормально. Номер и марку вашего автомобиля не подскажете? — спросил он.

— "Москвич-2141", серый. На заднем стекле на присосках висит игрушечная обезьянка.

Мужик расхохотался:

— Хороший номер у вашей машины! Думаю, по такой примете я вас легко найду.

Дашка наотрез отказалась ликовать вместе со мной.

— 400 рублей? Очень подозрительно. Такие организации всю жизнь были благотворительными, они существуют на добровольные пожертвования. Что-то здесь не чисто.

— Пять минут назад ты утверждала, что таких организаций вообще не существует.

— Я утверждала, что не существует служб по пристраиванию щенков. Улавливаешь разницу? Не нравится мне все это.

Я тоже начала злиться.

— Предложи что-нибудь другое.

Дашка, придав своему лицу выражение мученика, позвонила в платную справочную. Там дали тот же самый телефон,

по которому я недавно звонила и откуда мне только что перезванивали. Однако мою подозрительную сестру это не успокоило.

— Поедем вместе, — порадовала она меня. — Хочу взглянуть на этого благодетеля.

И мы поехали вдвоем. Точнее — втроем. Пока Георгин спал на заднем сиденье, мы с Дашкой непрерывно ругались. Однако стоило появиться защитнику животных, который представился нам как Валерий Юрьевич, Дашка превратилась в самую любовь.

— Милый Валерий Юрьевич, расскажите нам, пожалуйста, куда же вы намерены деть нашего воспитанника? — Дашка улыбалась и строила глазки.

— Воспитанника? — Я не собиралась ей подыгрывать. — Когда это ты успела заняться его воспитанием?

Не обратив на мою реплику никакого внимания, Дашка продолжала подлизываться к защитнику.

— У вас, наверное, есть картотека животных?

— Есть. — Мужчина кивнул. — Но таких вот мы вывозим на рынки Подмосковья и продаем. Понимаете, в Москве непородистые собаки никому не нужны.

— Ты слышишь? — Дашка повернулась ко мне. — Что я говорила!

— Валерий Юрьевич, — мне надоело отсиживаться молча. — Не могли бы вы показать нам приют, в котором держите животных. Ну, чтобы убедиться, что условия там хорошие.

— Что вы, какой приют! — он снисходительно улыбнулся. — Я заберу его к себе домой, а завтра утром отвезу на рынок. Да, вот, — он протянул Даше листок бумаги, на котором сверху было типографским способом написано "Расписка". — Заполните.

— Мы? Расписку? — Дашка растерялась. — В чем?

— В том, что вы доверяете мне вашего щенка, и в том, что не востребуете его назад.

— А как же мы можем его востребовать, если вы нам никаких расписок не даете?

— Все бывает. Я давно занимаюсь этой работой, и, поверьте мне, разные попадают люди.

Дашка пожалала плечами:

— Пожалуйста. Диктуйте, что писать.

— Пишите. — Мужчина уселся поудобнее. — Я, такая-то и такая-то, проживающая там-то и там-то, прошу пристроить щенка такого-то...

— Какого-то? — Дашка мрачно уставилась на защитника. — Что я про щенка-то могу написать? Я его вчера впервые увидела.

— Пишите — "щенка, примерно полуторамесячного возраста, окраса рыжего".

— Вот. — Дашка протянула ему расписку. — Все правильно? И, повернувшись ко мне, ехидно сообщила:

— Адрес я твой написала. Он ведь у тебя проживал.

— Да. — Мужчина довольно кивнул. — Веревки у вас нет?

— Веревки?! — Защитник не почувствовал опасности, но я-то свою сестру хорошо знаю. И мне было совершенно ясно, что еще минута-другая, и разразится скандал. Впрочем, Дашка не стала ждать минуту, тем более, другую.

— Что-то я ничего не понимаю, дорогой мой Валерий Юрьевич, — сказала Даша ледяным тоном. — Вы профессионально занимаетесь собаками; вы пришли за щенком и завтра собираетесь везти его за пределы города. И у вас нет ни поводка, ни ошейника, ни сумки. Вы что, на веревке его на рынок потащите?

— Давайте мы вас подвезем, мы же на машине, — вмешалась я, боясь, как бы Дашка не вошла в раж.

— Нет-нет, — он благодарственно кивнул, — у меня еще дела.

Дашка демонстративно посмотрела на часы — действительно, вечер был уже поздний.

— Со щенком на веревке? В одиннадцать вечера? Не смешите меня.

— Знаете что. — Мужчина залез себе за пазуху и откуда-то из глубин куртки достал папку. — Я вижу, вы сомневаетесь в моих полномочиях. Вот, чтоб вам было спокойнее.

Дашка взяла папку. Обычная пластиковая папка, прозрачная, видно, что бумаг в ней много, но вот что интересно — папка со всех сторон запаяна, поэтому доступа к содержимому нет, виден только первый, он же верхний, лист. На нем сверху крупным шрифтом было напечатано “Доверенность”, которая, как явствовало из текста, была выдана Морозову Валерию Юрьевичу, Президенту Союза по защите животных. Морозову доверялось помогать бездомным животным и так, и сяк, и любить их ему доверялось, и холить, и лелеять. Дашка углубилась в чтение “доверенности”, но не на ту напал наивный Валерий Юрьевич, ох, не на ту.

— Дайте мне пару минут, я должна внимательно ознакомиться с текстом. — Дашка мило улыбнулась защитнику. — Вы не будете столь любезны, и не купите мне вот в этом киоске пачку сигарет. “Мальборо-лайтс”, пожалуйста. Деньги я верну! — заверила она Морозова.

Он слегка замялся — казалось, ему не хочется оставлять нас наедине с папкой, но потом все же пошел за сигаретами. Дашка с немыслимой скоростью прогрызла дырку в углу папки, надорвала ее по шву и стала одну за другой вытаскивать оттуда бумаги.

— Быстро. Ты читай это, я это. Скорей. Когда он пойдет обратно, отвлеки его как-нибудь!

— Как?

— Да как угодно! Сделай вид, что тебя тошнит, и попроси проводить тебя в кусты. — Дашка всегда придумывала самые элегантные способы поддержания дружеских отношений между женщиной и женщиной. К счастью, мне не пришлось ничего изображать, потому что уже третья по счету бумага оказалась ксерокопией удостоверения, выданного нашему новому знакомому как руководителю спецподразделения по ликвидации бездомных животных.

— Мама дорогая! — Дашка схватилась за голову. — Он жи-
водер! Заводи машину!

Отъехав километра на полтора от места встречи, я в ужасе сообразила, что у любезного нашего Валерия Юрьевича осталась Дашина расписка с моим адресом. И ему ничего не стоит явиться и потребовать назад свою папочку.

— Ну, потребует, так потребует, — беспечно сказала Дашка. — Но к тому времени мы успеем все бумажки изучить.

Бумажки мы изучили быстро, и я со всей неизбежностью поняла, что придется звонить Васе. Не хочется, а придется.

...В последнее время Василий Коновалов, старший оперуполномоченный отдела по расследованию убийств МУРа, был ко мне пристрастен. Его раздражали все, но я, бесспорно, могла претендовать на первенство. Страстно обожаемый мною следователь прокуратуры Гоша Малкин утешал меня тем, что Васино свинство — это оборотная сторона его же любви. В том смысле, что старший оперуполномоченный Василий Коновалов ко мне неравнодушен, и потому злобен.

Здравый смысл гласит — когда у мужчины неприятности на работе, не стоит подходить к нему близко. Поэтому я приняла единственно верное решение — вступить с Васей в контакт, но с безопасного расстояния. От редакции “Вечернего курьера” до МУРа, по моим подсчетам, было километров семь-восемь, то есть достаточно далеко. И все же, когда я набирала номер Васиного телефона, руки немного дрожали.

Предчувствия меня не обманули — Вася был в кровожадном настроении. Услышав мое нежное “здравствуй, Васенька”, он застонал так, как будто я укусила его за любимую мозоль. После чего, для закрепления эффекта, он гаркнул так, как будто я разговаривала с ним не по телефону, а перекрикивалась через десятки километров вживую:

— Мне некогда!

Все-таки до чего же наивны современные сыщики! И до чего же они самонадеянны!

Делюсь бесценным опытом: если Некто, в особенности какой-нибудь припадочный капитан милиции, позволяет себе подобное хамство, ни в коем случае нельзя этому потворствовать. Работайте на контрасте. Чем вы терпимее и добрее, тем отвратнее будет выглядеть ваш грубый собеседник в своих же собственных глазах. Вот так, например:

— Ой, прости ради Бога, Васенька. До свидания.

Результат не замедлил сказаться. Вася занервничал, устыдился и ловко вклинился в маленькую паузу между моим “до свидания” и бросанием трубки на рычаг:

— Ну ладно, что там у тебя?

— Вася, у меня тут проблема одна возникла. Я, кажется, напоролась на живодера.

— Плохие новости. — Вася плотоядно зачмокал. — Бедный живодер! Он успел убежать?

— Нет.

— А что же ты с ним сделала? — Вася любил приукрашивать мои способности.

— Я бы его удавила на месте, но это был довольно крупный живодер. Поэтому мы убежали. Но смогли захватить его документы.

— Кто это “мы”? — уточнил Вася.

— Мы с Дашкой. Мы возили ему собачку, но он нам показался подозрительным, и, обманым путем забрав у него папку с документами, мы смылись.

— С каких это пор ты начала сдавать собак на живодерню? Я как-то упустил момент твоего окончательного озверения. Подожди, — Вася вдруг заволновался, — ты хочешь сказать, что вы напали на человека и ограбили его?

— Не на человека. На живодера. И не ограбили, а просто забрали документы. Вась, не будь идиотом, слушай меня внимательно.

— Саня, ты с ума сошла. “Просто забрали документы” — это статья 162 Уголовного кодекса. Грабеж, то есть открытое хищение чужого имущества. Наказывается исправительными работами на срок от одного года до двух лет. Вы были с Дашкой? Значит, дела значительно хуже. Грабеж, совершенный группой лиц, наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет. Сто раз говорил тебе — не убий, Александра, потому что от убийства один шаг до воровства, а там уже недолго и солгать.

— Ничего не выйдет, гражданин начальник, — мерзким голосом возразила я, — не шейте мне дело! По статье 61 того же кодекса, у меня есть смягчающие обстоятельства: “Противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления”.

— Аморальность? Он тебе язык показал? Или слово нецензурное употребил? Так я тоже собираюсь его тебе сказать.

— Вася! — Я закричала громко, но жалобно. — Ну, пожалуйста!

— Что ты хочешь? Чтобы я тебя “отмазал”? А этот аморал уже заявил на тебя?

— В том-то и дело, что нет. Не успел еще, наверное. Ты не позвонишь в его отделение милиции, чтоб они его проверили? Я, лично, думаю, что он еще и мошенник, не только живодер.

— Я в твоё отделение милиции сейчас позвоню. Им даже проверять ничего не придется. Ладно, как зовут твоего живоде-ра? Да, записываю, да, хорошо. Пока. Не бандитствуй больше.

Плохо, что Вася меня не выслушал. Но я утешалась тем, что рано или поздно ему придется вникнуть в проблему и примкнуть к нам с Дашкой. Как бы он ни был занят на своей дурацкой работе.

Глава 5. Морозов

Он не сразу понял, что произошло, и долго бродил вдоль ряда автомобилей, припаркованных у тротуара, заглядывал в окна, всматривался в номера. Фонари, как водится, не горели, мелкий косой снег бил в лицо... Где они? Где машина?

Убедившись, что машины нет, он растерялся. Что это значит? Почему девчонки уехали? И кто они такие? Правда, у него остался их адрес, но, если предположить, что все это было провокацией, то адрес наверняка выдуман. Скорее всего, девчонки действовали сами по себе, и сбежали просто потому, что их что-то насторожило. Не надо было про веревку говорить.

Морозов не чувствовал себя виноватым, скорее, ему было досадно. Разумеется, дело, которое они затеяли, стоило того, чтобы он отказался от своего собственного маленького бизнеса. Но любой устоявшийся бизнес плох тем, что свернуть его в одночасье невозможно. Он ведь не хотел встречаться с девчонками, пытался отговориться тем, что Союз временно не работает, и просто испугался огласки, когда они пригрозили, что напишут в газету. Решил, дурак, что проще взять у них собаку, чем долго и нудно объяснять, почему он не может этого сделать. А в результате... Впрочем, уговаривал он себя, инцидент с двумя психованными девчонками — не более, чем досадная случайность.

Морозов злобно пнул колесо серого “Москвича”, так похожего на тот, в котором уехали девчонки, и, осыпаясь проклятьями водителя, пошел в сторону коммерческих палаток — единственного освещенного места в этом квартале. Зайдя за палатки, он чуть не поскользнулся в вонючей, никогда не тающей жиже, в которую уходили корнями торговые ряды, и, привалившись спиной к крайней в ряду палатке, отчего ее фанерная стена жалобно скрипнула, достал сотовый телефон и набрал номер.

— Всю папку забрали? — Его собеседник был мрачен. — Зачем ты ее таскаешь с собой? Ты что — самый бедный? Не можешь купить несколько папок — по одной на документ? Приезжай ко мне, я дам тебе десять рублей на канцелярские принадлежности.

Морозов пропустил ехидство мимо ушей.

— Успокойся, ничего же страшного. Адрес их у меня есть. Начнут выступать — прижмем. Да и вряд ли. Две взбалмошные

девки, я таких знаю. Эмоции их захлестывают, но только на полчаса. Повопят, попыхтят — и забудут.

— Дай Бог. А вдруг за ними кто-то стоит?

— Перестань! — Морозов раздраженно отмахнулся. — Я, собственно, звоню тебе только для того, чтобы предупредить: придут они к тебе обо мне спрашивать, так ты будь готов. Подстрахуй, будь другом.

— А зачем ты опять занялся собаками?

— Они меня за горло взяли, эти девки! — крикнул Морозов. — Да не волнуйся ты. — И выключил телефон.

“Ничего, — уговаривал он себя, — даже если девчонки пойдут в милицию, то, конечно, в его отделение, так что ничего страшного. Им отпишут, что все в порядке, человек хороший, проверенный, зарекомендовавший”.

Глава 6. Общежитие

Проснулась Виолетта от громких мужских голосов, но какое-то время ей казалось, что она еще спит, а мужчины ей снятся.

— Семь треф, — сказал один из снящихся так напористо, как будто он с кем-то ссорился.

— Семь? Я тогда пас, — миролюбиво ответил другой.

— Что ж, Павел, играйте, но я скажу “вист”, — протяжным голосом сказал кто-то третий. — Ляжем, Сергей Михайлович?

— Как скажете, Илья Дмитриевич, — голос второго.

— Голубчик мой, Паша, где же вы здесь увидели семь треф? — Человек с протяжным голосом удивленно взвизнул. — Да у вас только пять!

— Блин! — Первый, с грубым голосом, шарахнул чем-то тяжелым по столу. — Чего ты учишь-то меня, Дмитрич, тоже пацана нашел! Конкретно, ломовая карта, вон, короли, дамы, туз есть.

— Но, Пашенька, ваши короли не играют...

— Отстань! — Пашенька, видимо, окончательно разозлился и принялся пересыпать свои соображения матерными словечками.

— Тихо-тихо, — взмолился тот, что с протяжным голосом, — здесь дама! Стыдитесь, Паша, как можно!

— Совсем забодал. Дрыхнет твоя дама, не хнычь.

Виолетта открыла глаза, и первое, что она увидела — дощатый потолок, который в зыбком свете то приближался, то отдалялся. Приподнявшись на локте, она огляделась и опять подумала: не сон ли все это? И если сон, то почему такой странный?

Она лежала на жестком топчане, прикрытом сверху чем-то вроде матраца, набитого сеном. Топчан, в свою очередь, находился в просторном бараке, скорее, даже ангаре, начало и конец которого разглядеть не удалось, потому что маленькая настольная лампа освещала только центральную часть помеще-

ния. Лампа стояла на столе, за которым трое мужчин играли в карты. Одеты игроки были причудливо: один в телогрейку на голое тело, другой — в кашемировое пальто, на которое был крест-накрест повязан серый пуховый платок, а третий — в овечий тулуп.

Виолетта, будучи тонким психологом и знатоком мужчин, поразились разнородности сидящей за столом компании. В обычной жизни их просто невозможно было бы представить вместе: первый, который с грубым голосом и в телогрейке, имел вид рэкетира — бритый затылок, толстая цепь на шее, тупая морда, уголовные жесты; второй, в пальто и пуховом платке, напротив, был само благообразие со следами бывшего благополучия, видно, что деловой человек, но воспитанный; а третий, в тулупе, напомнил Виолетте профессора кафедры гигиены из ее института, такой же утонченный, интеллигентный, мягкий.

Из темноты к столу неожиданно вынырнула темноволосая симпатичная девушка.

— Мальчики, ужинать. — Она облокотилась на спинку стула рэкетира, потерлась носом о его щеку и поинтересовалась: — Кто ведет?

— Всяко не я, — ответил рэкетир. — Они меня делают только так.

— А ты учись, солнышко. — Девушка погладила его по стриженной голове. — Повезло с умными людьми повстречаться, так пользуйся

Мужчинам девушка нравилась, это было видно. Все трое заулыбались, посветлели.

Тот, что в пальто, встал и потянулся.

— А как там наша спящая царевна?

— Если вы меня имеете в виду, — откликнулась Виолетта, — то я не сплю.

Присутствующие заметно всполошились. Девушка подбежала к топчану, щурясь после света лампы, посмотрела на Виолетту и заботливо спросила:

— С вами все в порядке?

— Я, честно говоря, не понимаю, что со мной и где я, — ответила Виолетта.

— А, — девушка махнула рукой, — скоро все узнаете. А пока — пойдете ужинать, девочки уже ждут.

— Ужинать? А который час? — Виолетта точно помнила, что когда она задремала в машине, было утро. Однако темнота в помещении свидетельствовала скорее о правоте ее собеседников. — А где мой муж?

— Игорь помогал нам готовить ужин. — Девушка махнула рукой в ту сторону, откуда она недавно появилась.

— А зачем он меня сюда привез? — Виолетта начинала злиться.

— Видите ли, голубушка. — Профессор в тулупе смутился. — Было бы не совсем верно так выражаться. Скорее, не он вас сюда привез, а его привезли вместе с вами. Да, так, определенно, будет точнее.

У Виолетты было стойкое ощущение, что она сходит с ума. Интерьер барака, в котором она сейчас пребывала, наводил на самые гнусные мысли о любимом муже. Да, те избы и охотничьи домики, в которых им доводилось жить во время дурацких рыбалок, тоже не отличались комфортабельностью, но не до такой же степени! И как можно было тащить ее в этот свинарник, не предупредив? Кстати, а как ему чисто технически удалось запихнуть ее сюда? Пока она спала? Но не могла же она спать настолько крепко...

Вероятно, по лицу Виолетты можно было в общих чертах догадаться о ее мыслях и чувствах, во всяком случае, профессор, грустно покивав головой, сказал:

— Вы так долго спали, потому что вас усыпили, в этом все дело.

— Усыпили?! — Такого варварства от мужа Виолетта никак не ожидала. — Он усыпил меня?

Тут вмешался рэкетир:

— Если ты на своего мужика наезжаешь, то зря. Тебя усыпил “психолог”.

Виолетта, придя к выводу, что понять все равно ничего невозможно, закрыла уши руками. Еще пара таких вот загадочных откровений, и она точно потеряет сознание.

— Сильно нервная, — осудил ее рэкетир. — Пошли жрать, а?

Все ушли. Виолетта, посидев на топчане с минуту, решила все же осмотреть помещение. Она слезла, обулась и тихонечко побрела вдоль стены. Другой мебели, кроме стола, топчана и пяти стульев, в бараке не было. Зато в углу она обнаружила несколько матрацев, сваленных в кучу. В другом углу оказалась маленькая дверца, которая вела в туалет. Это было как нельзя более кстати, но внешний вид уборной окончательно добил ее. Прислонившись к косяку, Виолетта жалобно заплакала — в таких местах ей не доводилось бывать уже много лет. Да что там! Никогда ей не приходилось пользоваться такими удобствами. Пока она сквозь слезы раздумывала, как бы ей войти внутрь туалета и остаться невредимой, где-то в темноте скрипнула дверь, и через несколько секунд она увидела мужа.

— Игорь! — кричала она. — Да как же так?!

— Тихо-тихо-тихо! — Он подбежал к Виолетте и обнял ее. — Я тебе сейчас все объясню. Мы попали в очень неприятную историю, но, надеюсь, выкарабкаемся. Только не паникуй и старайся не сорваться. Нас похитили. Не только нас — ты видела, здесь еще есть люди. От всех ждут выкупа, ведутся переговоры. Они, те, кто оказался здесь раньше нас, уверены, что их жизни,

и нашей, значит, тоже, ничего не угрожает. От нас хотят только денег. Тебе помочь? — Муж приоткрыл дверь в туалет и поморщился. — Да, непривычно, но придется приспособливаться. И пойдем поедим, там все ждут. Пойдем, я тебя познакомлю с женской половиной заложников. Ты знаешь, там есть милые особы, очень милые...

Глава 7. Леонид

Из офиса фирмы "Mirro" Леонид на полчаса заскочил в МУР, намереваясь оттуда отправиться в дом, где до своего исчезновения жили Кузнецовы. "Mirro" отремонтировала квартиру этажом ниже Кузнецовской, и Леонид надеялся, что рабочие видели воров и похитителей. Рабочих было всего трое, и этот факт Леонида радовал — в толпе рабочих злоумышленнику было бы легче затеряться, а консьержке и соседям было бы труднее запомнить их всех в лицо. Но ремонтники были югославами, и этот факт Леонида расстраивал. Младший оперуполномоченный Зосимов ничего не имел против дружбы народов, но у него была привычка допрашивать свидетелей по-русски, а в случае с югославскими рабочими это было практически невозможно. Поэтому, для надежности, он заехал в "Книжный мир" и купил сербскохорватско-русский словарь.

Около дома 20 по Малому Тверскому переулку Леонид присел на заснеженную лавку и закурил. Во дворе было хорошо, и младший оперуполномоченный откровенно наслаждался пейзажем, оттягивая встречу с иностранцами. По всему чувствовалось, что программа "Маленькая Москва" не обошла своим вниманием простой дворик в центре столицы, где резвились исключительно простые дети новых русских. Там и сям из снега торчали разноцветные горки, качели и беседки, под снегом, вероятно, прятались песочницы, а в скверике чинно прогуливались с палками в зубах собаки стоимостью в годовую зарплату Леонида каждая. Благодать!

Бригадира ремонтников звали Иван, что подтверждало правоту полковника о языковой близости славянских народов. Иван оказался здоровенным детиною двухметрового роста с огромными руками, которыми, при желании, можно было вырыть котлован любой глубины, не прибегая к помощи лопаты или бульдозера. Еще к особым приметам югославского рабочего Леонид отнес копну черных жестких волос, черные же горящие глаза и смуглую кожу — нет, Леонид совсем иначе представлял себе простых славянских парней.

— Здраво, — хмуро сказал Иван. — Шта треба?

— Иван, вы, случайно, не встречали в вашем доме человека в такой же форме, как ваша? — спросил Леонид, и тут же запечалился — вопрос был сформулирован слишком сложно.

— О-о! Да! — Бригадир, однако, что-то понял. — Униформа, да. Много грязя. О-о, грязя! — Иван поморщился. — Поправка.

Леонид распахнул словарь на букве "П".

— Ага, поправка — ремонт. А чужих вы не встречали в том доме, где сейчас работаете? Где поправку делаете? Или поправляетесь... ну, как сказать-то? — Леонид виновато посмотрел на Ивана.

— Поправляю кучу, — подсказал тот, и тут же возмутился: — Какво идиото правило ту кучу?!

— Так, — Леонид задумался. — Идиот. Не про меня ли?

Словарь показал, что обижаться Леониду не на что. Югослав всего-навсего возмутился теми, кто построил этот дом, или, по-сербски, "кучу".

— Так вот, когда вы поправляли кучу, — младший оперуполномоченный обучался языку на лету, — чужих не встречали?

— Чужих человек?

— Да, да, чужих человек, — обрадовался Леонид.

— Тут? Здесь? Хозяйку сам видео. Хозяйка. Знаш, каква лепотица! Очи, ноге! У вас у Русии женске су весома лепы, весома сгодны.

Леонид тоже считал, что женщины в России лепы и сгодны, но не о женской красоте он пришел сюда беседовать.

Заметив, что Леонид загрустил, Иван бросился к шкафу, достал оттуда бутылку с прозрачным содержимым, два стакана и радужно предложил:

— Попиемо ракию? Домача!

Леонид помотал головой.

— Само едну! — стал уговаривать его Иван. — Едну ты, едну я.

— Ладно, давай, — махнул рукой младший оперуполномоченный. — Может, лучше пойдем друг друга.

Иван налил водку, и они выпили. Помолчали, посмотрели друг на друга, и Иван вопросительно кивнул в сторону бутылки. Леонид кивнул утвердительно. Они выпили по второй, потом по третьей. Леониду заметно полегчало, и он рискнул возобновить разговор:

— А ты видел здесь человека в такой же форме, как у тебя?

Иван задумался:

— Да. Био у истой униформе. Высоки, дебели, гадни, бела коса...

— Высокий дебильный гад с белой косой? — ужаснулся Леонид.

— О Бога! — Иван схватился за голову.

— А ничего у вас язык, — похвалил Леонид. — Выразительный.

Иван, отобрав у оперуполномоченного словарь, принялся сам искать нужные слова. Оказалось, что характеристика незнакомца в форме "Mirro" была не столь уничижительной. Речь, всего-навсего, шла о высоком, толстом, светловолосом человеке.

— Не кажит “здрaво”, ездит на “Лада”. Позадиha ee покривлена.

— Чья позадиha покривлена? — Леонид выхватил словарь у Ивана.

— У “Лaды”. — Югослав не сопротивлялся.

Записав приметы незнакомца, который не здоровается при встрече и разъезжает на “девятке” синего цвета с помятым задом, Леонид покинул гостеприимный дом номер 20 по Малому Тверскому переулку.

Глава 8. Василий

Полковник Зайцев ликовал.

— Вот. Все тайное является таковым только до поры, до времени. На Кузнецовых ваши бандиты прокололись, и не раз, не два, а трижды! Мы имеем брошь, сданную в антикварный, и описание того, кто ее сдал. Это — раз. Мы имеем описание человека в рабочей спецовке, который не был членом ремонтной бригады в подъезде Кузнецовых. Это — два. И, наконец, мы имеем эту самую рабочую одежду, в которую вырядился злоумышленник для того, чтобы обмануть доверчивую консьержку и проникнуть в подъезд.

— А одежда-то откуда? — спросил Гоша Малкин, который влетел в кабинет ровно в середине тронной речи полковника.

— От меня! — с гордостью выпрямился Леонид.

— Он дал тебе поносить? — Гоша плюхнулся на стул рядом с Василием.

— Так вот, — продолжил свою речь полковник, — Зосимов, дай Бог ему здоровья, еще раз допросил консьержку. Старушка напряглась, — Зайцев сжал кулаки и пошевелил желваками на скулах, изображая, видимо, как именно напряглась консьержка, — и вспомнила-таки, что кроме трех имеющих югославов был еще один. Приметы: светловолосый, высокого роста, толстый, невзрачный, по-югославски не говорит... Да, приметы не очень четкие но это лучше, чем ничего, или вы не согласны, Малкин?

Гоша был согласен.

— Описание того, кто сдал брошь в антикварный магазин, тоже туманное, паспорт в магазине предъявлен, мы уже выяснили, краденный, но нам важно, что вор придет в магазин за деньгами.

— Тут-то мы его... — подсказал Василий.

— Да. — Полковник кивнул. — Вы уж постарайтесь. А вообще — молодцы.

Опергруппа покинула кабинет начальника, расpiraемая положительными эмоциями. Василий, на радостях, даже вспомнил о Саниной просьбе и решил сделать доброе дело. Что ей там было надо?

И позвонил в редакцию:

— Здравствуй, дружок. Не подскажешь ли мне телефончик, по которому звонят при пожаре?

— Горишь на работе, Васенька? Звони "01", они помогут. Зальют тебя пеной по самые уши, — засмеялась Саня. — Только они ворюги страшные. У них такие специальные плащи, под которыми можно даже телевизор вынести. Широкие очень.

— У нас, слава Богу, телевизора нет. И вообще ничего нет. Так что выносить нечего. Сань, я забыл, куда ты просила меня позвонить и что велела там узнать?

— Что, совесть замучила? — Саня обиделась. По ее расчетам Вася должен был позвонить в Морозовское отделение милиции давным-давно.

— Нет. Совести у меня нет. Просто захотелось тебя порадовать.

— Ой-ой-ой! Я сейчас заплачу! — Саня и вправду всхлинула. — Позвонить тебе надо в N-ское отделение милиции и попросить, чтобы они наведались по адресу Горная улица, дом 6 квартира 192. А еще спросить, нет ли у них заявлений граждан, которых обманул некто Морозов Валерий Юрьевич.

— Откуда ты знаешь его адрес?

— Из "09". Там, Вася, сообщают страждущим не только телефоны, но и адреса организаций. Если организация попадает к ним в картотеку, она обязана сообщить все о себе: группу крови, наличие связей, порочащих ее, то да се. Кроме того, у любой уважающей себя организации есть юридический адрес.

— И юридический телефон. — Вася записал на бумажке фамилию Санинога врага и пообещал доложить о проделанной работе сегодня же.

Мир тесен, и в N-ском отделения милиции оказался однокурсник Василия. Старший оперуполномоченный, слава Богу, учился на заочном отделении Юридической академии целых двенадцать лет по причине полнейшего отсутствия тяги к знаниям. Недостатком столь долгого обучения были истерзанные мозги и нервы; достоинством — многочисленные связи. За эти годы бывший ОМОНовец Василий Коновалов успел посидеть за одной партией с таким количеством будущих юристов, что теперь практически не существовало ни одного учреждения, от Генеральной прокуратуры до маленькой юридической консультации, где не было бы его бывших однокурсников.

Петр Огурцов оказался одним из них.

— Бог мой, Коновалов! Кого я слышу! Ты еще учишься?

— А то. Люблю это дело страшно, ты же знаешь.

— Помню-помню! — Петя захохотал.

— Окажи услугу бывшему товарищу, — прервал веселье Огурцова Василий, — проверь мне одного типа. Участкового попроси.

— О чем речь! Записываю...

— Морозов, Горная 6, 192.

На том конце провода воцарилась тишина, такая глухая, что Василий заподозрил разрыв связи. Он постучал по трубке ладонью, дунул в нее:

— Але, але...

— Да, я здесь, — отозвался Огурцов, но теперь в его голосе даже самое чуткое ухо не уловило бы веселых интонаций.

— Петюня, что-то не так? Или ты знаешь этого Морозова?

— Знаю, — ответил Огурцов мрачно. — Это наш бывший кадр. Специализировался по особо тяжким. Хороший был мент, хороший парень. Что тебе еще сказать? Здоровый такой, вроде тебя, но не такой оболтус, посерьезнее будет. Да ты должен помнить его — вы вместе по женскому маньяку три года назад работали, это же на нашей территории происходило. А что у тебя на него?

Василий пропустил вопрос мимо ушей:

— А уволили за что? За поведение, несовместимое с гордым званием? Или за пьянку?

— Ты с луны, что ль, свалился? Или у вас в МУРе такой заповедник? Когда из нашей системы в последний раз за пьянку выгоняли? Он сам ушел. После ранения ударился в благотворительность, занялся защитой животных. Ну, крыша слегка поехала, но для окружающих не опасно. С чего вы им заинтересовались?

— Старушка, тетя двоюродная одного нашего стажера, чего-то с ним не договорилась. Подробностей не знаю, — соврал Василий, сам не понимая, зачем.

— А фамилия этой тети? Как ее фамилия?

— Господи, Петюня, откуда мне знать?

— Давай поможем старушке. Я готов выступить посредником и попросить Валерку, чтобы он уделил ей особое внимание.

— Ладно, я уточню и перезвоню тебе, — пообещал Василий.

— Буду ждать.

“Будет ждать, — подумал старший оперуполномоченный. — Надо же, какой добрый. С чего бы это? Детской каши переел? Раньше за Петюней Огурцовым такого внимания к посторонним старушкам не водилось, зато явственно просматривался эгоизм и пофигизм. Интересно”.

Глава 9. Александра

Удивительно, но в многочисленных телефонных справочниках не значилось ни одной организации по защите животных. Были всяческие “зеленые” — гринписы, эко-писы и тому подобное, но они, как оказалось, нисколько не интересовались зверями и концентрировали свои благие порывы только на атмосфере, речках, горках, цветочках и травке.

Ладно, подумала я, пойдем окольным путем. Все общественные организации подлежат регистрации. И я позвонила в Московскую регистрационную палату.

— Да! — надтреснутым раздраженным басом ответило мне существо женского пола и неопределенного возраста. На такое “да!” рискует нарваться любой, кто решит позвонить мирным спящим гражданам среди ночи с вопросом: “Как пройти в библиотеку?”

Гражданка из регистрационной палаты с ненавистью сообщила, что интересующие меня сведения могут быть получены не раньше, чем через месяц и только в ответ на официальный запрос редакции.

— А пораньше? — попросила я жалобно.

— Нет, женщина, — моя собеседница была непреклонна, как скала. — В лучшем случае, месяц.

— Почему?

— Такой порядок.

Я вынуждена была признать, что регистраторша одержала уверенную победу — мне нечего было противопоставить ее канцелярскому радушию, основанному на святом соблюдении правил.

Выбраться из угнетающего незнания мне помог любимейший Жора Рахмалюк, бывший обозреватель спортивного отдела “Новостей”, а ныне издатель газеты с красивым названием “Мрачное будущее”. Он позвонил, засыпал меня комплиментами, что всегда к месту, и дал телефон своего знакомого зоозащитника.

— Классный мужик, хотя и стоматолог, — заверил меня Жора. — Уже год ведет собачью жизнь, то есть открывает какие-то приюты для собак, ищет им хозяев. И твоему маленькому найдет. Звони, ссылайся на меня, а если что не так — держи меня в курсе. Зовут его Ильин Вениамин Гаврилович. Целую, вечно твой. Да, Санечка, он сейчас куда-то уехал, будет завтра.

Один день, конечно, не срок, но руки у меня чесались. И, чтобы как-то унять творческий зуд, я в который раз принялась перебирать бумажки, отобранные у Морозова. В одной из них говорилось, что его деятельность строится на основе Конституции, законов РФ и Постановления номер 101 Правительства Москвы. Указанное Постановление в библиотеке нашлось. Текст этого документа однозначно свидетельствовал о том, что члены Московского правительства по долгу службы страстно любят животных и намерены защищать их до последнего патрона. Так, например, Постановление предписывало “соответствующим структурам” заняться, наконец, строительством приютов для бездомных собак и кошек. Контроль за претворением Постановления в жизнь поручался некоему Семенову В.А., руководителю Департамента по строительству.

Найти Семенова было легче легкого, несмотря на то, что через полгода после выхода 101-го Постановления он сменил строительный департамент на торговый. Из его показаний явствовало, что защита животных в Москве, вообще-то, имеет место быть, но ведется она не беспорядочно, а последовательно. В том смысле, что неразумно и непрактично гоняться за бездомными животными по всему городу, куда разумней обрушивать свою любовь к братьям нашим меньшим на определенную территорию, там доводить свои чувства до совершенства, добиваться взаимности и лишь потом двигаться дальше.

Семенов сказал, что инициатива по принятию 101 Постановления исходила из Окружной префектуры, и эксперимент по организованной защите московских собак и кошек начался именно на территории этого округа. Насколько он помнит, там сильно преуспели в благородном деле защиты и опеки.

В Окружной префектуре за бездомных собак отвечал заместитель префекта Олег Наумович Зеленский, на встречу с которым я отправилась немедленно.

Зеленский встретил меня с распростертыми объятиями, в прямом смысле этого слова. Он выплыл из-за стола и, мелко перебирая короткими ножками, что придавало его походке особую плавность, засеменял мне навстречу, широко расставив руки. У меня не было уверенности, что наш тридцатисекундный разговор по телефону дает мне моральное право принять такую же ответную позу и припасть к его впалой груди. Поэтому я коварно прибегла к обманному маневру — сначала бросилась навстречу Олегу Наумовичу, но когда расстояние между нами стало критически малым, метнулась к столу и заняла круговую оборону. В результате в тот момент, когда Зеленский настиг меня, я уже плотно сидела у внешней стороны его рабочего стола, для убедительности держась за поверхность столешницы двумя руками. Олег Наумович на секунду замешкался, и, не придумав, как именно можно обнять сидячего дорогого гостя, поплыл обратно, на свое рабочее место.

— Рад. Очень рад, — констатировал он, потирая блестящую лысину. — Вы поймите правильно... — он заглянул в блокнот, — Александра Дмитриевна, мы все равно будем заниматься защитой этих несчастных. — Он горестно вздохнул, подумал и вздохнул опять, еще горестнее, — вне зависимости от того, будет пресса освещать эту деятельность или нет. Но, согласитесь, наш долг — привлечь как можно больше людей под наши знамена. Это я метафорически, — пояснил он, и я в который уже раз подумала о том, что с лицом моим что-то сильно не в порядке — не случайно же ответственные должностные лица всегда принимают за круглую идиотку.

— Не возражаете? — я поставила перед носом Зеленского диктофон и весело ему улыбнулась.

— Пожалуйста, пожалуйста, — великодушно разрешил он.

— Олег Наумович, — начала я проникновенно, — я пришла просить вас о помощи. — Зеленский вздрогнул. — Нам нужна полная картина всего зоозащитного движения в Москве. Что, кто, как — ну, вы понимаете. Мы навели справки, — я заговорщицки прищурилась, без особой, правда, надежды, что моя гримаса будет правильно понята, — и нас заверили, что вы — самый осведомленный в этих вопросах человек. Помогите.

Зеленский расплылся в довольной улыбке:

— Конечно. Все-все-все. И так...

Итак, из слов Олега Наумовича явствовало, что их префектура и лично он сам в прошедший календарный период совершали благородные поступки один за другим.

— Вы спросите — почему? — утвердительно сказал Зеленский, и я кивнула — действительно, когда префектура ни с того ни с сего начинает совершать благородные поступки, кто угодно может потребовать ее к ответу. — Я отвечу. Прежде всего, таково было указание мэра. Для нас это закон. Кроме того, совесть. Да-да, душенька, совесть. Ведь если человек не поможет собаке, ей никто не поможет.

— Логично, — вставила я. Только очень наивные собаки ожидают помощи от кошки или, скажем, от вороны. Умные собаки прямоком идут в префектуру.

— А ведь они ждут помощи, — надрывно продолжал заместитель префекта. — Стоит посмотреть им в глаза — голодным, больным, несчастным, — чтобы понять, КАК они ее ждут. У нас было специальное выездное мероприятие на улицы округа, выезжали всей префектурой, и никто из наших сотрудников не остался равнодушным. Ничего даже не пришлось объяснять — просто посмотрели им в глаза, и все стало понятно.

Я представила себе, как сотрудники Окружной префектуры бродят по улицам и заглядывают в глаза собакам, и мне стало весело.

— И — дело пошло. Построили три приюта. Три! — Зеленский поднял вверх указательный палец, хотя, учитывая количество пальцев на его руках, имел полную физическую возможность поднять три пальца. — Это не мало, душенька. Собираем туда собак, лечим, кормим, моем. А то ведь они почти все больные, грязные. Они ведь живут около помоек, там же питаются, а потом эту инфекцию разносят по городу...

Зеленский увлекся и не заметил, как его понесло вниз с высоты первоначального благородного сострадания. Голос его стал жестче, черты лица заострились, и мне показалось, еще минута-другая, и он перейдет к призывам отстреливать разносчиков заразы и очищать улицы родного округа от злобных собак, которые ведь и укусят могут. Этого не произошло. Олег Наумович вовремя спохватился и опять запел сладкую песенку о любви и беззащитности. Я прервала его самым бестактным образом:

— Вам не знакома, случайно, фамилия Морозов?

— Морозов? — Зеленский посмотрел на меня странно. — Морозов... Фамилия распространенная, наверняка у меня найдется пара-тройка знакомых. Он чем занимается?

— Благотворительной деятельностью по защите животных, — сказала я безо всякого выражения.

— Нет, не знаю такого.

— А вообще-то вы поддерживаете контакт с общественными организациями? — спросила я. — С теми, которые тоже защищают животных.

— Да, в общем, нет, — неуверенно ответил он. — Они — сами по себе, мы — сами по себе.

— Неужели их представители у вас не бывают? — театрально удивилась я. — Хотя бы для того, чтобы сказать вам спасибо.

Зеленский опять заулыбался:

— Бывают... — он пожал плечами, — наверное. Но лично я... вот сюда ко мне, то есть так, чтобы здесь... — Он запутался и замолчал.

— Но у вас есть координаты этих организаций?

— А вам зачем? — Зеленский подозрительно засопел.

— Было бы очень хорошо, чтобы вашу деятельность похвалили специалисты, те, кто давно занимается защитой животных.

— Понятно. — Зеленский нажал кнопку селектора. “Слушаю, Олег Наумович”, — донеслось из динамика. — Леночка, скажите Ковлеру, чтобы принес координаты защитников животных.

Селектор пискнул и затих, а через каких-то пару секунд в дверях кабинета появился поднос с чашками и фужерами, с серебряными кофейником и молочником, а вслед за подносом — замечательной красоты девушка.

— Ковлер уже работает, — сообщила Леночка, поставила поднос на стол, качнула бедрами и удалилась.

Кофе оказался хорошим, а Зеленский говорил, говорил, говорил, сыпая фактами и цитатами. Из потока удалось извлечь всего одну любопытную информацию, а именно — расценки на содержание бездомных животных в приютах.

Судя по этим расценкам, жизнь собак и кошек, а также, как загадочно выразился Зеленский, “всех остальных животных”, в приютах была просто сказочной. На “каждую единицу” выделялось 50 рублей в день, вне зависимости от того, котенок это или большая собака. Редкого домашнего любимца кормят с такой интенсивностью и холят с таким усердием. Хотя, может быть, львиная доля средств уходила на содержание “всех остальных”?

Кто же они такие? И кого еще, кроме собак и кошек, содержит в приютах на 50 рублей в день господин Зеленский? Лошадей? Коров? Обезьян?

И все равно расценки на их содержание вызывали недоумение.

— Давно существуют эти расценки? — спросила я елеинным голосом.

— Уже год. Почти год, — сказал он сухо.

В этот момент дверь кабинета дрогнула, застонала и с грохотом распахнулась. На пороге появился человек богатырского сложения с красным потным лицом. Он тяжело, с присвистом дышал, нервно подергивался, пугливо озирался, а к центру живота прижимал тоненькую канцелярскую папку модели "Дело". Вид у него был такой, как будто в течение последних трех часов он колот дрова, а злые люди отобрали привычный и милый его сердцу топор и вложили в руки чуждую ему папку, что, разумеется, совершенно вывело его из душевного равновесия. Увидев меня, он еще больше покраснел и метнулся обратно в дверной проем.

— Ковлер! — крикнул Олег Наумович зычно. — Назад!

Ковлер замер на пороге.

— Где вы пропадаете? Почему так долго? — Рявкнул Олег Наумович.

— Среагировать мобильно в сегодняшний период нехватки... — начал Ковлер.

— Нашли? — перебил его заместитель префекта. — Давайте.

— Собственно, только три организации. Контакты, собственно, только намечаются. Ведем, так сказать, переговоры. Они, собственно, не все допонимают. То есть некоторые недопонимают. Я хочу сказать, не всегда идут на контакт. Иными словами, работа на средней стадии...

Я слушала красного Ковлера, затаив дыхание. На Зеленского же красноречие его подчиненного не произвело никакого впечатления. Наоборот — он раздраженно закатил глаза и рявкнул:

— Координаты!

Я начала догадываться, откуда у него такая страсть к собакам — Олег Наумович в совершенстве отточил методику общения с окружающими посредством четких команд: лежать, сидеть, голос, место. Ковлер тут же подчинился:

— "Друг", "Фауна" и "Придем на помощь". Вот телефоны.

— Свободны, — поблагодарил подчиненного Зеленский, и тот покинул нас. Я, в свою очередь, поблагодарила Олега Наумовича, переписала телефоны и, пообещав звонить, удалилась.

Данные Ковлера мне пригодились лишь частично, потому что по всем трем телефонам мне ответили, что "такие здесь не проживают". Интересно, названия организаций он тоже выдумал, или таковые действительно существуют?

Репутацию Ковлера как умеренного вруна отчасти спасла газета рекламных объявлений, которую нам раз в неделю за-

совывали в почтовый ящик. В ней я нашла объявление благотворительной организации "Фауна", которая предлагала щенков и котят, "потерявших хозяев", бесплатно, в хорошие руки. Как они отличают хорошие руки от плохих, не разъяснялось, но само предложение вселяло надежду. И я позвонила в "Фауну".

К телефону подошла тетенька-диспетчер, которая с готовностью внесла Георгина в картотеку и с готовностью сообщила мне телефон руководителя организации и его имя — звали его Вениамином Гавриловичем Ильиным. Стоило ли так напрягаться, если телефон Ильина был зафиксирован в моей записной книжке?

Дозвониться в стоматологическую клинику не составило труда, и Ильин, как только я произнесла пароль "Жора Рахмаюк", немедленно назначил мне встречу. "Приезжайте прямо сегодня, — разрешил он, — а то у меня следующая неделя абсолютно зубодробительная". Оно и понятно — он же стоматолог.

Вениамин Гаврилович оказался человеком как приятным, так и чрезвычайно полезным. Во-первых, он заверил меня, что щенок Георгин не пропадет и будет пристроен наилучшим образом. Во-вторых, выразил готовность вступить в борьбу с мерзким живодером Морозовым. В-третьих, уговорил меня полечить зубы в своей клинике. Бесплатно. В-четвертых, пообещал познакомить меня с множеством известных людей — чиновников, артистов, политиков, которые, в отличие от таких уродов, как я, посещают стоматологов регулярно и с которыми я давно пыталась установить профессиональный контакт.

Вениамин Гаврилович был высок, элегантен, носил шкиперскую бороду, курил трубку. В свои сорок два он был уже почти седой, но седина ему шла. Правда, он заверил меня, что с удовольствием сохранил бы "прежнюю окраску", но это невозможно при его нервной работе.

— Представьте, Сашенька, каждый день приходится заглядывать в чужие пасти, и никогда не можешь быть уверен, что тебе не откусят голову.

Про Морозова, как оказалось, он никогда не слышал, хотя догадывался, что в Москве орудует какая-то банда.

— Я вам просто несказанно благодарен, Саша. Гонцов, приносящих дурные новости, в далекие годы убивали, и очень правильно делали. Вы мне оказали огромную, просто огромную услугу своей плохой вестью, так что я теперь ваш должник. Вы меня, по сути, предупредили. Но, подумайте, какая гадость! Прикрывать собственные преступления такой благородной вывеской! Да-да, преступления, не качайте головой. Убийство собак уголовно наказуемо, вы знаете это? Кроме того, тут явно просматривается мошенничество, ведь так? Он же обманывает людей, берет с них деньги за то, чего не делает.

— Только доказать это почти невозможно, — возразила я. — Он же говорит, что продает собак на рынках. Спроси его: “Где собака?”, он ответит: “Продал”.

— Не смотрите на вещи так мрачно. Где-то его можно прищучить. Проследить за ним, например.

— И кто же будет за ним следить?

— Ой, да у нас активистов масса. — Ильин с гордостью улыбнулся. — Добрых людей на свете не так мало, как кажется, я вас уверяю. Найдем добровольцев-сыщиков.

— Скажите, Вениамин Гаврилович, — спросила я, — а почему сведения о своей “Фауне” вы печатаете только в газете объявлений? Я пока вас отыскала, чуть не надорвалась.

— Ничего подобного! — Мой собеседник обиделся и возмутился. — Мы сообщали о себе во все справочные службы, и в “09”, и в “07”, и в издательства, выпускающие телефонные справочники. Другой вопрос, и в этом вы совершенно правы, почему вместо наших телефонов дают номера мошенников?

— А вы не пытались сами позвонить в “09” и спросить у них свои координаты?

— Нет. — Вениамин Гаврилович засмеялся. — Мой склероз еще не настолько запущен, я свои телефоны помню наизусть. Ну что ты будешь делать! Стараюсь понравиться милой девушке, глазки строю, а она видит во мне только склеротика и марзматику. Хотя... — он посерьезнел, — вы совершенно правы. Я вовсе не витаю в облаках, и смотрю на вещи здраво. Конечно, все и всех надо перепроверять. Звонили в справочные мои сотрудники, но это было давно, когда мы только-только учредили организацию. И им сообщили какой-то телефон, не наш. Тогда они спросили про “Фауну”, и им тут же дали наш телефон. Но никого это не насторожило — ну есть в Москве еще одна организация, защищающая животных, что ж тут плохого. Это не тот род деятельности, где уместно говорить о конкуренции. Я считаю, что чем больше их будет, тем лучше.

— И вас не смутило, что для того, чтобы узнать ваш телефон, нужно знать, что организация называется “Фауна”? Не “Зоологическая помощь”, не “Братья наши меньшие”, а именно “Фауна”? — спросила я.

— Видите ли, тогда мы планировали, что пройдет месяц-другой, и о нашей организации все заговорят. На помощь прессы рассчитывали, на громкие имена наших учредителей. А пресса, это не в упрек вам, но все же... к нам осталась равнодушна. Сенсаций у нас нет, все буднично, обыкновенно. Но, знаете, Сашенька, звонков-то нашим диспетчерам очень много поступает. Как-то людям удается о нас узнать.

Беседу нашу бесконечно прерывали — стоило мне задать вопрос, как в кабинет Ильина кто-нибудь заглядывал — то ли врач, то ли медсестра, и со словами “Вениамин Гаврилович, там сложный случай”, уводили его. Каждый раз он виновато улы-

бался, умолял простить его и дожидаться, говорил “я буквально на минуточку”, и исчезал на двадцать-тридцать минут. В результате коротенький разговор растянулся часа на четыре. Но меня это не раздражало.

— А у меня рабочий день закончился, — сказал Вениамин Гаврилович, вернувшись в кабинет после очередной отлучки, и разлил коньяк по рюмкам. — Вы мне нравитесь, Саша, а потому нужно выпить за знакомство. Коньяк очень хороший, видите?

— Да, мне говорили, что стоматологи относятся к обеспеченным слоям населения.

— Чистая правда! Но к данному конкретному напитку это отношения не имеет. Этот коньяк — взятка...

Глава 10. Леонид

Рабочий день заканчивался, и опергруппа уже вполне по-домашнему попивала чаек и нетерпеливо посматривала на часы.

— Общий привет! — дружелюбно рывкнул с порога Сергей Иванович Зайцев. — Не пора ли, мальчики, на...

— Покой? — с надеждой перебил начальника Леонид.

— Не-ет, милый. Покой нам только снится. На выезд, родные. На, не побоюсь этого слова, квартирную кражу.

— С исчезновением? — застонал Василий.

— С ним. — Зайцев виновато развел руками. — Только не надо на меня так смотреть. Я тут ни при чем. А вот вы, Коновалов, и вы, Зосимов, — пожалуйста, на выход. Эксперт уже в машине, ждет вас, скучает. Вы, Малкин, ежели желаете, можете присоединиться.

— Кто ж откажется от такого заманчивого предложения! — истерически заорал Гоша. Василий со злостью пнул ногой корзину для бумаг и решительно вышел из кабинета. За ним печально поплелся Леонид.

Пострадавшая от налетчиков квартира располагалась на Кутузовском проспекте, ее хозяин — Гинзбург Илья Дмитриевич, гинеколог, владелец крупной клиники, ушел в отпуск четыре дня назад и, как все думали, отправился в круиз по Средиземному морю.

Сосед Гинзбурга — пожилой, но бодрый врач-окулист, которому было поручено поливать цветы в квартире Ильи Дмитриевича, зашел туда сегодня днем и увидел, что в квартире многого недостает. Воры покусились на антиквариат, картины и коллекцию минералов.

Как и в случае с Кузнецовыми, приехавший наряд милиции сразу обнаружил паспорта, билеты и прочие бумажки, необходимые для морского путешествия. Информация пошла по станциям и нашла адресата: полковника Зайцева.

А еще через сорок минут старший оперуполномоченный Коновалов допрашивал соседа-окулиста.

— Захожу сегодня с водичкой, то есть с бутылочкой, то есть с бутылочкой воды для цветов, а то четыре дня уже прошло после отъезда Ильи Дмитрича, пора цветы поливать, — рассказывал окулист Владимир Михайлович, — и вижу, что в квартире побывали непрошеные гости. Сразу стал вам звонить. Кстати, звонил от себя, из своей квартиры, — с гордостью понимающего в криминалистике человека заметил он, — а здесь ничего не трогал. Так что все цело — и отпечатки пальцев, и запахи, вам легко будет работать.

Василий застонал, но комментировать не стал. Хотя указание на наличие запахов в квартире, ограбленной, по всей видимости, несколько дней назад, его, безусловно, тронуло.

— Нюхать будет вот этот. — Коновалов ткнул пальцем в Леонида. — Он у нас большой спец по ароматам.

— Просто нюхать? — Леонид скептически пожал плечами. — Занюхивать готов, а так — увольте.

— И вот еще что, — продолжал окулист. — Жила тут одна. Такая... как вам сказать? Девушка, но такая... не то, что бы...

— Нельзя ли поточней? — сурово потребовал Василий.

— Да-да, конечно. Знаете, я думаю, она из этих... ну, легкого поведения. Точнее, я не просто так думаю, а, пожалуй, знаю. Мой сын имел с ней... ну, как сказать... ну, знаете, дело молодое, хотя я его предупреждал, что это небезопасно, ведь эти девушки — одна сплошная инфекция. Но они разве слушают нас?

— А где ваш сын? — Гоша вынул блокнот.

— Скоро будет. У них на работе вечеринка. По случаю приближающегося Нового года. Кстати, с наступающим вас.

Сын и вправду вскорости появился и сообщил опергруппе ряд ценных сведений. Да, девушка — проститутка, да, Дмитрич ее пригрел, да, седина в бороду и на молоденьких потянуло. Потом, она же профессионалка, все умеет, а он — человек неискушенный, конечно, ему это все было интересно. Ну и удобно: она и ублажала его, и по дому все делала. Зовут Татьяна, светленькая, лет двадцать, высокая, худенькая, одевается агрессивно — такой стиль металлический.

— А вы где ее “сняли”? — уточнил Леонид.

— Не я, а мой товарищ. На Лубянке.

— Отлично! — Леонид подмигнул Гоше. — Там Вадик работает, так что мы ее быстро найдем.

С сутенером Вадиком по кличке Мелкий у Леонида были теплые, почти дружеские отношения, основанные на взаимовыручке и поддержке. Вадик Мелкий с готовностью информировал друзей из МУРа о жизни и деятельности криминальных элементов, попадающих в поле его зрения, а также в объятия подведомственных ему “девушек”; оперативники, в свою очередь, помогали Вадиду справляться с “несправедливыми придирами и нападками” на него со стороны местного отделения

милиции, сотрудники которого, по словам Вадика, “вконец озверели, сами не знают, чего хотят и, главное, сколько”.

— Время не ждет, — деловито заметил Леонид. — Вы уж тут сами, а я Мелкого навещу.

— Вот закончим, потом и навестишь, — попробовал приструнить младшего оперуполномоченного Василий. — Куда он денется?

— Конечно, — обиделся Леонид, — здесь собрались крупные специалисты по сутенерам (подразумевалось, что если кто и разбирается в этом простом деле, то только сам Леонид). Но если я его не застану через два часа, а я его не застану, он уже смеется, я-то знаю, то свои претензии тогда засуньте себе...

— Ладно, — Василий махнул рукой, — вали. Передай от меня поцелуйчики.

— Само собой, — радостно пообещал Леонид и поспешно удалился, потому что у старшего оперуполномоченного Коновалова была дурная привычка скоропостижно менять свои правильные решения на неправильные.

Вадика Леонид застал на рабочем месте, то есть напротив магазина “Детский мир”. Рядом в двух задрипанных “Москвичах” томился десяток девушек в открытых до дерзости нарядах. Зима — не зима, а ноги должны быть видны сразу и шубки должны распахиваться по первому требованию, а под шубками тоже не должно быть ничего лишнего — клиент ждать не будет.

— Мама дорогая! — обрадовался Вадик. — Какие люди! По мою душу или... — он мотнул головой в сторону “Москвичей”.

— Сдурел ты, что ли, Мелкий? — Леонид покрутил пальцем у виска. — Когда это я к тебе за девчонками приезжал?

— И зря, — с горечью вздохнул Вадик. — Есть неплохие. Тебе — со скидкой.

— Мне бы понадобилось — даром бы взял, — самоуверенно возразил Леонид.

— Так о чем и речь, — согласился Вадик. — Посмотришь?

— Если только одну, но конкретную. Высокая, светленькая, худая, молодая...

— О Господи! — Вадик страдальчески воздел руки вверх. — Давно ли на малолеток потянуло? Да я и не беру их. — Помолчал и добавил: — Почти.

— Нет, не настолько молодая, лет двадцать.

— Тоже мне молодая! — Вадик смотрел на младшего оперуполномоченного, как на идиота. — Откуда у тебя такие странные представления о возрасте? Двадцать лет — это уже вполне подержанная мочалка. Работа-то вредная, тяжелая, на износ.

— Зовут Татьяна.

Вадик нахмурился.

— Ах, вот оно что. Я как чувствовал. И во что она вляпалась?

— Так ты знаешь, о ком речь? — спросил Леонид.

— Знаю. Но она сейчас не работает. Я ее сдал в аренду своему приятелю, Илюше, он у нас в институте преподавал, там и поружились. Святой человек. Он — женский доктор, клиника у него по этой части. Помогает мне девочек в форме держать, его врачи осмотры у меня проводят. И лечат, конечно, если надо, обязательно лечат.

— Так ты врач, Мелкий? — изумился Леонид. — По первоначальной специальности, я имею в виду.

— Был, был, был. Недолго, Лёня. Так-то работа хорошая, нужная, благородная, но не для меня. Дрянь, то есть, работа. Зарплаты просто, считай, нет, хлопот, наоборот, много, с больными людьми приходилось общаться.

— Кошмар! — согласился Леонид. — Не для того тебя учили на доктора, чтоб к больным и убогим приставить.

— Ага, ага. Грязная, Лёнь, работа.

— И ты нашел работу чистую, хотя и не такую благородную, — подытожил Леонид.

— Почему не такую? — Мелкий обиделся. — Мы нужное дело делаем. Тоже людям помогаем. Без нас, если подумать...

— Так что там про Илюшу твоего? — перебил младший оперуполномоченный. Мелкий с готовностью переключился на другую тему:

— Тоска, Лёнь, живет один, скучает. Скучал, то есть. Я ему предложил — давай, возьми, будешь весь в шоколаде — она тебе и стирает, и приготовит, по магазинам походит, уберет, ну и если захочется чего — пожалуйста, причем, на профессиональном уровне. Ты, Лёнь, знаешь — я дилетантизма не терплю. Я его еще и уговаривал: “такие есть сладенькие, такие вкусненькие”. Так он, дурак, полгода упирался — нет и нет, не хочу, не буду.

— Но потом все-таки выбрал? — Леонид был догадливым сыщиком.

— Куда он денется! Взял Эльвиру. Ты представляешь, Лёнь?

— Подожди, подожди, — перебил Леонид. — Я тебя про Татьяну спрашивал, ты сосредоточься, не путайся.

— Лёнь, я тебе все по порядку, как дело было. Сначала он взял Эльвиру. Я уж не рад был, что втравил Илюшу в это.

— Что так?

— Ну, не лучшую взял. Я ведь хотел по-дружески ему порядочную предложить, а он вцепился в Эльвиру. Ну, что тут скажешь? — Чувствовалось, что Вадика задел выбор приятеля, и оттого ему грустно.

— Непорядочная оказалась? — уточнил Леонид.

— Нет, порядочная-то она порядочная, но... как тебе сказать? Тварь законченная.

— Ну и?

— Прошло два месяца, и, ты представь, Лёнь, приезжает он ко мне и говорит: “Я сделал Элечке предложение”. Лёня!

Ну, ты понимаешь! Я говорю: “Ты что, головой...это, ну как сказать... стукнулся? Она же проститутка”. А он: “Между прочим, из проституток получаются самые лучшие жены”. Это он мне говорит! Ну, Лёнь! Я сказал, конечно, что мог, но без толку. Проходит еще пару дней, приезжает Эльвира на работу, и сразу: “Вадик, надо поговорить”. Я уже чувствую неладное, но держусь интеллигентно, ну, ты меня знаешь. “Чего, — говорю, — надо?” А она спрашивает, правда ли, что у Ильи детей нет? Я говорю: “Боишься на памперсах разориться?”, ну в том смысле, что если и есть у него дети, то уж не маленькие, не грудные. Намекаю, то есть, на возраст Ильи. А она свое гнет: “Мне, — говорит, — по фигу, маленькие они или крупненькие; было бы классно, если бы их вообще не было. Мне, — говорит она, представляешь, наглость какая? — важно знать, будет ли кто претендовать на квартиру, на имущество, если с ним что случится?” Въезжаешь, Лёнь? Замочить она его решила, вот что! Я к нему, к Илье, то есть, и все рассказываю. А он, старый козел: “Нет, она не могла такого сказать, я тебе не верю”. Ну, Лёнь! Тогда я ей наплел, что у него трое детей, и что квартира на одного из них записана, и ей мало что обломится, спас его, короче. Она быстренько от него свинтила. Через месяц он приезжает опять, давай, говорит, еще кого-нибудь возьму. Возьми, говорю. Выбрал Таньку.

— С порядочностью как? — уточнил Леонид.

— Порядочная, ничего не скажу. Но сука последняя. Тоже себе на уме. Она его называла Папик. “Папик-Папик, Папусек”. И что ты думаешь? Через месяц он опять за свое: “Мы с Танюшей женимся”. Ну, Лёнь?

— А сейчас она где? — спросил Леонид.

— А что случилось? — перебил его Вадик.

— Ограбили квартиру твоего Илюши. А сам он пропал.

— О Боже! — Мелкий схватился за голову. — Я так и знал!

— Только без истерик, Вадя. Давай спокойно вспоминай — с кем она была связана, кого могла навести?

— Лёня! Друг! Поверь — ни-ко-го! Три месяца назад приехала из Калуги, к нам сама подошла, попросилась. Серьезным людям я ее не предлагал, так — разовые поездочки. Верь мне, Лёнь, ты ж меня знаешь.

Леонид поверил, но радости ему это не прибавило.

Старший оперуполномоченный Коновалов отнесся к информации младшего оперуполномоченного Зосимова на удивление спокойно:

— Я и не надеялся на твоего Мелкого. Сутенер — он и в Африке сутенер. Не помню ни одного стоящего дела, в раскрытии которого мы могли бы опереться на людей этой славной профессии.

Леонид согласился, но внес одну поправку:

— Зато ты неоднократно опирался на подведомственных Мелкому девушек.

— Ну, не опирался, а так... в целях оперативной работы...

— В целях оперативного отдыха, — уточнил Леонид. — Что делать-то будем?

— Надоели мне эти скрывающиеся бизнесмены, — признался Василий. — Устал я от них. Надо отдохнуть, переключиться.

— Позвонить Мелкому? — с готовностью предложил Леонид. — Он мне предлагал сегодня...

— Нет. — Старший оперуполномоченный брезгливо отмахнулся. — Лучший отдых — это перемена рода деятельности. Вот что нужно.

— Пойдешь снег разгрести во дворе? — В голосе Леонида отчетливо прослушивалось недоверие.

— Нет. Займусь Саниными делами. Она, как всегда, собралась с треском вляпаться в препротивную историю, а я хочу ей помешать.

— Возьмите меня в долю, дяденька, — попросил Леонид. — Мне Саня тоже не чужая, и мне тоже надоело искать пропавших новых русских.

— Если будет необходимость. За предложение — спасибо. Бог наградит вас, лейтенант, за доброту и заботу о ближнем.

Старший оперуполномоченный на минуту задумался, еще на пару минут углубился в изучение своей записной книжки и позвонил в прокуратуру. Искомый абонент оказался на месте.

— Морг беспокоит, — басом произнес Василий. — Вскрытие показало, что жить вы будете, если, конечно, не помрете.

— До патологоанатома дослужился? — ответил Юра Журавлев, бывший однокурсник Василия, а ныне — следователь прокуратуры. — Поздравляю. Я всегда в тебя верил. Как дела, Васек?

— Видишь ли, Юра... — Василий протяжно вздохнул. — Меня беспокоит Огурцов.

— Тьфу ты, гадость какая! — Журавлев выругался. — Зачем тебе он?

— Боюсь, нарушает правила дорожного движения и коммунального общежития. Надо бы проверить, что и как, — попросил Василий.

— Не удивился бы, — сказал Журавлев. — С этого гада станется. Кстати, видел его недавно — на "лексусе", сволочь, ездит, представляешь?

— Да что ты? — обрадовался Василий.

— Говорю тебе. Ну, подворовываешь — Бог с тобой, но зачем же выпендриваться? Я ему так и сказал: "Скромнее надо быть, Петюня". Он, по-моему, не понял, слово незнакомое. У тебя-то какой транспорт?

— "Жигули", не волнуйся, — успокоил приятеля Василий. — А у тебя?

— А у меня — трамвай. Так что там на Огурцова у тебя?

Василий на секунду задумался, пытаясь сформулировать, чем же провинился перед ним и перед законом его бывший однокурсник.

— Да так... пока ничего конкретного, но предчувствие есть, что рыло у него в пуху.

— Удивил! — Журавлев присвистнул. — У меня такое предчувствие появилось еще на первом курсе. И что же ты от меня хочешь? Ордер на обыск? Или сразу на арест?

— Нет, это позже. Пока я хочу пообщаться с ним в неформальной обстановке.

— Так пообщайся! — Журавлев явно не понимал, чего от него хочет Василий.

— Уже. Но я случайно на него нарвался и засветился. Если буду проявлять активность и набиваться на встречу, я его окончательно напугаю. Понимаешь? Встретиться мне с ним надо, но только как-то так, чтобы не спугнуть.

Журавлев помолчал.

— Не знаю даже. Ну... Давай устроим вечер чудных встреч. Заодно и повидаемся. Соберем пять-семь наших однокурсников, и Петьку тоже. Как бы нечаянно. Я всех соберу, чтоб он тебя не испугался. Давай в бане все это устроим, идет? Только... Новый год завтра. Отложить нельзя?

Василий протестующе заскрипел.

— К чему такая спешка? — стоял на своем Журавлев.

— Надо мне! — рявкнул Василий. — Надо!

— Хорошо, хорошо, — Журавлев задумался. — Ну, тогда только завтра. В предновогодний вечер, очень романтично.

Глава 11. Василий

Местом встречи старых друзей была назначена Новоселовская баня, а конкретнее — ее часть под названием “Кабинеты”. Компания предполагалась проверенная — время от времени бывшие однокурсники, а ныне представители враждующих течений одной и той же юридической профессии: следователи, прокуроры, оперативники, адвокаты и чиновники от юриспруденции, собирались в бане попариться и повидаться.

Спешно обзванивая друзей, Юра Журавлев испытывал немалые трудности, пытаясь объяснить им, почему встречаться нужно именно в новогодний вечер, ни днем позже. Главным и единственным аргументом Журавлева было то, что планируется не просто баня, и не просто пьянка, а проводы Старого года.

Впрочем, студенческие друзья не особо ломались и быстро соглашались изменить свои планы на вечер. Спрашивали, кто придет. Юра Журавлев честно признавался: “все наши плюс Огурцов”. Реагировали примерно одинаково: “Огурцов?! Это еще зачем?” или “Огурцов? Ну, вы даете!” Но кате-

горически никто не возражал: надо — так надо. О достигнутых результатах Юра уведомил Василия — все в порядке, народ не против.

— С кем проводишь Старый год, с тем Новый год и проведешь, — злорадствовал Журавлев. — Так что сидеть тебе в новом году с Огурцовым в одной камере.

— И тебе того же, Юраня, — веселился Василий. — Не один я в поле кувыркался.

Все собрались вовремя. Выпив, как положено, по две рюмки, отправились в парилку. За стол сели через час. Огурцова не было.

— Бойтся Петька тебя, — подзуживал Журавлев. — Не хочешь твою поганую морду видеть.

— Еще не вечер, — утешал себя Коновалов.

И, действительно, вскоре Огурцов влетел в предбанник. Он сразу же осыпал своих бывших однокурсников щедрыми дарами: выставил на стол бутылку “Хенесси” и две бутылки виски. На фоне всего этого дорогостоящего великолепия непоправимо меркла и блекла принесенная Василием батарея бутылок кристалловской водки и пива “Балтика”. Растерялся бы кто угодно, но не находчивый капитан Коновалов. Василий смог “сохранить лицо” и даже победить в непростом столкновении двух батарей спиртного, двух миров и двух весьма различных материальных достатков. На вопрос: “Что тебе налить?”, Коновалов гордо ответил: “Разумеется, водки”. Журавлев его поддержал, попросив себе, “разумеется”, того же. Остальные оказались не такими идиотами и налегли на виски.

— Ну, мужики! — Юра Журавлев поднял стопку. — Проводим старый год, пусть валит к чертям собачьим. Помянем Славику, пусть земля ему будет пухом. Все там будем. — (Слава Рамусов — оперативник РУОПа — был любимцем курса и три месяца назад погиб в перестрелке) — Пока живы, и хорошо. Денег мы за год не нажили и вряд ли разбогатеем в следующем году (Юра выразительно посмотрел на коньяк)...

— Не обобщай, — меланхолично перебил его Игорь Дробышев — удачливый и потому весьма состоятельный адвокат, — и типун тебе на язык. Пусть деньги будут, они еще никому не мешали.

Журавлев кивнул и продолжил:

— Лучшие из нас денег не нажили, чинов особых — тоже, зато людьми остались.

Тут вмешался Коля Кормухин, следовательно городской прокуратуры:

— Интересно ты трактуешь. Получил бы майора — по-другому бы пел. Славик, кстати, успел звание получить. Давайте, не чокаясь.

Выпили, помолчали.

— Закусывайте. — Юра принялся раскладывать еду по тарелкам. — Коновалов предлагал сосисок сварить или мойву пожарить, но я проявил бдительность и пресек, потому как считаю, что травить вас пока преждевременно. Так что, заметьте, питание на уровне: винегрет, беляши, яблочки. Петюня, ты бы разделся, здесь, как никак, баня. Костюмчик твой приличный все уже оценили и позавидовали.

Огурцов, который и до этого беспокойно ерзал и явно нервничал, залился краской. Он, действительно, был разодет не под эту компанию и не под эту гастрономию, и уж совсем не под баню.

— Праздник, все же, я думал... — он сбился.

— Да ты ешь, ешь. — Журавлев щедро шмякнул ему половник винегрета. — Кушай, то есть.

— Петь, ты так на моего последнего насильника похож, — радостно хлопнул Огурцова по плечу Кормухин. — Ну, один в один.

— Может, это он и есть? — предположил Игорь Дробышев. — Петь, я всегда к твоим услугам. Плати денежку, а уж мы тебя отмажем.

— Перестаньте. — Огурцов совсем скис.

— Между первой и второй перерывчик... — Женя разлил виски. — За нас с вами и хрен с ними. И по-быстрому, парилка стынет.

После пара, предварительно обмакнувшись в бассейн, компания вернулась к столу. На виски никто уже не реагировал, зато водка полилась рекой. Василий довольно потирал пузо и умиротворенно сопел.

Часа через полтора Огурцов как бы невзначай подсел к нему и вяло поинтересовался:

— Разобрались с бабушкой стажера?

Василий, сконцентрировав остатки воли и актерского дарования, удивленно уставился на него:

— Какая бабушка?

— Ты мне звонил про нее. — Огурцов явно нервничал.

— Да? — Василий страдальчески наморщил лоб. — Петюня, извини козла старого, не помню.

— Ты просил проверить одного нашего бывшего.

— Да? Петь, ну что ты, как маленький, не бери в голову. Ну, забыл я, забудь и ты.

— То есть проблемы уже нет? — Огурцов был сама настойчивость.

— Ни-ка-кой! Новый год, ежики зеленые, радуйся, празднуй.

— Ладно. — Огурцов слегка повеселел. — Я просто думал, тебе надо.

— А что там было-то? — вяло спросил Василий, и Огурцов опять затосковал.

— Да так...

— Напомни, а то меня чего-то мой склероз начинает беспокоить. Звонил, тебя напрягал — и вообще ничего не помню, хоть убей. — Старший оперуполномоченный Коновалов был хитрым сыщиком. Огурцов заметался. Сам же виноват, сам разговор начал, и как теперь?

— Ты говорил, что бабушка твоего стажера повздорила с одним... ну, как сказать, ну, с одним деятелем по поводу... ну, там с собаками что-то.

— Да? — Василий задумался. — Занятно. А что может быть с собаками? Покусили кого-то?

— Не знаю. — Огурцов обреченно налил себе водки и залпом выпил. — Ты не сказал.

— Но ты же узнавал про него? Про нашего бывшего?

— Да, он занимается благотворительной деятельностью, животных охраняет.

— От кого?

— От людей, надо думать.

— Смотри, какой молодец! Вообще, удивительно, куда только судьба ментов не забрасывает. Интересно. Я тоже, пожалуй, потом к нему подамся. Словечко замолвишь? — Василий старательно изображал вдруг вспыхнувший интерес к странному зигзагу судьбы не известного ему человека.

— Замолвлю, — мрачно пообещал Огурцов.

— Ты чем так расстроен? — Василий заботливо заглянул Огурцову в глаза. — Случилось что?

— Нет, Бог миловал. — Огурцов сделал еще одну попытку улизнуть. И — опять не удалось.

— А на что он живет? Благотворительность ведь денег не приносит, насколько я знаю.

Огурцов побледнел.

— Там, насколько я понимаю, есть платные услуги, есть бесплатные. Так и живет.

— А платные какие? — Василий тянул из коллеги информацию, наматывал ее на кулак, и Огурцову казалось, что каждый новый вопрос затягивает на его шею удавку.

— Вась, да не вникал я! Зачем? Мне-то что за дело?

— Ну, интересно же. Твой же приятель.

— Не приятель он мне, так, сослуживец.

— И все-таки?

Огурцов понял, что Василий не отстанет.

— Собачья гостиница, вроде, если я ничего не путаю. Уезжаешь в отпуск, а собаку оставляешь. Ее там холят, лелеют, развлекают. Или поиск потерявшейся собачки, тоже платить надо, кажется... А может все не так, кто его знает?

Василий посмотрел на Огурцова ласково-ласково, и именно с этим выражением лица нанес последний сокрушительный удар. Капкан захлопнулся, и деться капитану Петру Огурцову было больше некуда.

— Познакомь меня с ним, Петюня, будь другом.

Огурцов еще не понял, что попался окончательно, он еще пытался барахтаться, надеялся выплыть. Зря! Старший оперуполномоченный Коновалов расставил силки мастерски, и единственное, что оставалось в такой ситуации — покориться судьбе. Когда дар речи вернулся к Огурцову, он с потрясающе фальшивой легкостью, которая внешне выглядела как натуга, поинтересовался:

— Зачем?

— Мне интересно, как это делается. Я имею в виду, как регистрируются такие конторы? Честно говоря, я подумывал, не открыть ли частное сыскное агентство. Собачий бизнес, человеческий, куриный — какая разница, главное схему правильно придумать. Для меня твой сослуживец просто новогодний подарок. Мент мента всегда поймет и, я надеюсь, поделится частью секретов. Тем более, ты говоришь, что он хороший парень. Не могу я больше, Петя, устал. Не уйду сейчас — через год меня этот МУР доконает. Я позвоню тебе второго января, и ты меня на него... как его фамилия?..

— Морозов, — просипел Огурцов почти беззвучно.

— ...вот, ты меня на этого Морозова выведешь. Идет?

Огурцов попытался кивнуть, но шея не слушалась. Даже радикулит не смог бы придать ей такой стойкой неподвижности. Впрочем, Василия не очень волновало окостенение Огурцова, он трактовал происходящее однозначно в свою пользу.

— Вот и славно, трам-пам-пам. Я позвоню.

Из парилки доносилось равномерное шмяканье веников; из бассейна — плеск и сладостные стоны; из “комнаты отдыха” — чавканье и чоканье. Огурцов ничего этого не слышал. Он сидел бледный и жалкий; он проклинал судьбу и мучительно пытался понять, что бы все это значило и каковы истинные намерения Коновалова. Но не понимал, а потому еще сильнее боялся.

Глава 12. Александра

...Я брела по улице, с упорством истинного мазохиста подогревая свое плохое настроение, и, для того, чтобы не дай Бог не отвлечься от мрачных мыслей, старалась нарываться на мелкие встречные неприятности: наступала в лужи, подходила поближе к краю тротуара, рискуя (подставляясь) быть обрызганной грязью, летящей из-под колес проезжающего транспорта, шла при этом по левой стороне дороги, чтобы меня пихали прохожие. И грязь летела, прохожие пихали, а ноги промокли и мерзли. И вдруг... Рядом затормозила упоительной красоты и чистоты машина, переднее стекло бесшумно сползло вниз, и я увидела Вениамина Гавриловича Ильина. Он был в лыжной шапочке, толстом белом свитере ручной вязки и выглядел очень уютно. К тому же он улыбался, как бы это ска-

зять? — заразительно. Несколько секунд мы смотрели друг на друга, а потом он протянул руку, взял с соседнего сиденья букет роз — так, на глазок, килограмма в три весом, и протянул его мне.

— Кому-то этот букет не достанется, — сказала я, вроде бы жалея этого “кого-то”.

— “Кому-то” — точно не достанется, — заверил меня Ильин.

— Нехорошо, — сказала я. — И вы нехорошо поступаете, и я, беря букет, который предназначался не мне.

— Хорошо, — возразил Вениамин Гаврилович. — Отлично!

— Что-то вы себе противоречите: то “хорошо”, то “отлично”.

Выберите одно из двух.

Он расхохотался:

— Букет предназначался вам, Саша, и я исколесил полгорода, пока вас нашел.

Было совершенно ясно, что он врет, и что встретились мы случайно, но такое вранье было приятно слушать.

— Вы думаете, Вениамин Гаврилович, что я живу на улице, и что, прочесывая город, не наткнуться на меня невозможно. Что-то вроде бездомной собаки...

— Я, Саша, фаталист, и твердо знаю, что если чего сильно-сильно захотеть, то оно обязательно случится. Можете не верить, но я захотел вас увидеть, купил цветы и поехал куда глаза глядят. Как видите — получилось.

— Спасибо. Розы классные. Мне таких никто никогда не дарил.

— Не верю. — Он открыл дверь и подбородком указал на сиденье рядом. — Заходите, гостем будете.

Я села в машину.

— Пристегнитесь.

Я перекинула ремень через плечо, и машина тронулась. Ильин сосредоточенно смотрел вперед, в салоне было тепло, играл джаз. Плохое настроение испарялось с каждой минутой, а точнее, с каждым километром, но мне оно уже не было так дорого, как полчаса назад.

— Куда едем? Случайно не знаете, Вениамин Гаврилович?

— На дачу. — Ильин не смотрел на меня. — Встречать Новый год.

— А если у меня другие планы? — Я постаралась изобразить твердость.

— Придется отменить. — Он пожал плечами.

— А вкусно ли у вас кормят? И что там насчет развлечений?

Ильин рассмеялся:

— Вкусно. И развлекательно.

— Только мне надо позвонить маме.

Он кивнул и достал из бардачка телефон.

— А еще мне надо заехать за щенком.

— Уже едем.

Дома я быстро попихала в сумку все необходимое, схватила Георгина подмышку, и через полчаса мы уже были на даче. Все, увиденное там, потрясло меня до самого основания.

Если не считать большой кавказской овчарки, которая встретила нас во дворе и выказала настойчивое желание сожрать Георгина-Гошу, компания насчитывала двадцать шесть персон. Именно персон, потому что назвать их просто людьми я бы не рискнула. Сначала меня познакомили с известнейшим политологом, который был чрезвычайно галантен, в меру любезен и бешено сладкоречив.

— Саша, моя гостья, — представил меня Ильин. — Прошу любить.

Политолог отставил в сторону лопату, которой он до этого чистил дорожку, стянул зубами пуховую варежку, согнулся в три погибели и поцеловал мне руку.

— Чтоб любить такую девушку, просьб не надо. Или под “прошу” ты подразумеваешь “разрешаю”?

— Не разрешаю, — строго и серьезно сказал Ильин. — Даже и думать не могли.

— Понял. — Политолог горестно вздохнул. — Жаль.

Далее мне были показаны и допущены Вениамином Гавриловичем к моей руке трое популярных артистов с женами, один телеведущий, пять (!) депутатов Госдумы и два чиновника высокого ранга, тоже все с женами, один народный художник России (без жены), один до ужаса известный адвокат, тоже, как и художник, без пары, и один воротила нефтяного бизнеса. Просто вип-зал какой-то.

Самого по себе перечня гостей было достаточно, чтобы привести меня в смятение. Но куда сильнее их чинов и званий меня потрясло то, во что гости были одеты. Мне, по глупости, казалось, что загородная прогулка или дачное времяпрепровождение предполагают простую и удобную форму одежды — лыжные штаны, свитера, джинсы и т.п. Оказалось, что к бревенчатой избе, дубовым лавкам и просмоленным деревянным потолкам куда больше подходят смокинги, бабочки, вечерние платья, туфли на высоких тонких каблуках, жемчуга и меховые манто. Собственно, в свитерах и джинсах были только мы с Вениамином Гавриловичем.

Стол был под стать нарядам: икра, севрюга, языки, крабы, молочные поросята. Но, похоже, завораживающий продуктовый набор подействовал только на нас с Гошей. Он, кокетливо виляя задом (сам-то, наверняка думал, что хвостом), прогуливался вдоль стола и со свистом принюхивался. Ильин взял с тарелки кусок языка и дал Гоше. Кусок был большой, а щенок — маленький, поэтому Георгин улегся под лавкой и, урча, приступил к ужину.

— Для овчарки своей раскармливаете? — спросила я, но Вениамин Гаврилович с пылом запротестовал:

— У меня элитная собака, из суперпитомника! У нее на бездомных щенков аллергия!

— Он уже почти домашний, — возразила я.

— Вот когда будет совсем домашним, тогда поговорим, — пообещал Ильин. — А пока пусть погостит у меня пару дней, а там и достойные хозяева для него найдутся.

Что касается остальных гостей, то они собрались у стола в половине двенадцатого.

После десерта Ильин отвел меня в маленькую комнатку на втором этаже. Мне было страшно интересно, что же сейчас произойдет, и мысленно я насчитала двенадцать вариантов дальнейшего развития событий. Ни один из них воплощен не был. Вениамин Гаврилович пожелал мне спокойной ночи, показал, где ванная, поставил на столик у кровати стакан с соком и ушел. Просто ушел.

Спала я крепко и сладко, но, могу ручаться, дверь моей комнаты ночью ни разу не скрипнула по той простой причине, что никто не пытался ее открыть. Вот как бывает в жизни. А некоторые не верят. И почему девушки боятся зубных врачей? Не такие они страшные.

Василий позвонил мне четвертого января вечером. Паузу, которую он выдержал, я оценила по достоинству.

— Предлагаю поучаствовать, — коротко сообщил он.

— Отлично. Я готова.

— Завтра, в 14.00, ты должна прийти в N-ское отделение милиции и напроситься на прием к капитану Огурцову.

— Именно к нему? — уточнила я. — У него что — завтра с 14.00 часы приема населения?

— Нет, к сожалению, — вздохнул Вася. — Теоретически его может не быть на месте. Тогда... — Вася задумался.

— Тогда мне нужно найти капитана Помидорова, — подсказала я.

— Ну... типа того, — кивнул Вася. — Тогда идешь к кому попало и оставляешь телегу на твоего живодера. Все пишешь, как есть: берет щенков, вымогает деньги, имеет лицензию на отстрел... Но лучше, конечно, если ты оставишь свое заявление конкретно Огурцову. И ему же расскажешь, как ты разоблачила Морозова. Требуешь немедленного реагирования. Спекулируй тем, что ты журналистка. Далее, когда выйдешь из кабинета, потусуйся в коридоре у окошка и, как только увидишь Морозова, а он где-то около 15.00 должен прийти в отделение, так вот, как только увидишь его, камнем падай вниз...

— ...из окна?

— Нет, по лестнице, и выскакивай на улицу так, чтобы он тебя заметил. Столкнувшись с ним, изобрази панический испуг. Все.

— А если он войдет в отделение пятью минутами раньше, чем я выйду от Помидорова?

— Твои проблемы. Не засиживайся у Огурцова, не тяни резину. Настучи — и к окошку. — Васе надоело быть трогательным и он вернулся к своей любимой тональности. — Мне нужно, чтобы он увидел, как ты выходишь из милиции, и как ты испугалась. Все.

— А зачем все это, Васенька?

— Затем, что лучший способ подтолкнуть подозреваемого к неосторожным, разоблачающим его поступкам, — это напугать. Мы заставим их суетиться, и они себя выдадут. Понятно? Это мой собственный метод, — хвастливо закончил Вася и повесил трубку.

На следующий день, без четверти два, я вошла в двухэтажное здание N-ского отделения милиции и для начала спросила у дежурного, на месте ли товарищ капитан Огурцов. Дежурный, окинув меня пристальным взглядом, ответил, что товарищ капитан на месте, но настоятельно просил его не беспокоить. И тут же поинтересовался, а по какому, собственно, я вопросу. Я, томно вздохнув и слегка изогнув спину, сказала, что по личному. Дежурный прореагировал странно. Он сначала нахмурился, потом криво улыбнулся, потом сказал: “Тоже? Во, Петюня дает!”, и лишь потом ткнул пальцем куда-то в небо, бросив мне сквозь зубы: “Шестой кабинет”.

Шестой кабинет оказался на втором этаже, и дверь его была заперта. Сначала я постучала слегка, костяшками пальцев, — никакой реакции. Потом я треснула кулаком — в кабинете опять сохранялась мертвая тишина. Наконец мне пришлось прибегнуть к более сильнодействующим средствам, а именно, к ногам: повернувшись спиной к двери с номером шесть, я начала долбить в нее каблуком. Кое-какой результат был — открылись двери трех соседних кабинетов, и оттуда высунулись трое разного вида и возраста мужчин в милицейской форме.

— Ага! — сказала я как можно более злоуще. — Наконец-то. Я уж думала, что никогда не дождусь и что все у вас тут оглохло. Человек там почти уже помер, а вам и дела нет.

Менты переглянулись, и один из них неуверенно спросил:

— А кто помер-то?

— Кто, кто, Огурцов! — заорала я. — То ли сердце, то ли прободение язвы. К двери подойти не может.

Наверное, на милиционеров произвел впечатление набор диагнозов (все-таки язвенные симптомы несколько отличаются от сердечных), а, возможно, я достаточно убедительно и громко орала, но один из них, разбежавшись, попытался плечом выбить Огурцовскую дверь. Но не выбил. Отбежав назад, он совсем было собрался шархнуть по двери своим крепким телом еще разок, но тут дверь распахнулась сама, и на пороге возник чрезвычайно недовольный человек. Огурцов (а я не сомнева-

лась, что в дверях шестого кабинета стоял именно он) выглядел каким-то непричесанным. Волосы его были всклокочены, пуговицы рубашки застегнуты через одну, а галстук, красивый форменный милицкий галстук лежал на плече эдаким аксельбантом. На заднем плане в глубине кабинета металась крашеная блондинка, тоже как-то наспех одетая. Во всяком случае, заглянув за плечо Огурцова, я увидела, как блондинка судорожно застегивала молнию на правом сапоге.

Никогда не слышала, чтобы при входе в кабинет сотрудника райотдела милиции посетители снимали обувь. А еще говорят, что нашим гражданам культуры недостает. Вот, казалось бы, обычная посетительница, пришла сюда, чтобы оставить жалобу на соседа, или заявление о пропаже кошелька, а боится наступить в присутственном месте.

Пока я мысленно восторгалась манерами крашеной блондинки, полузастегнутый Огурцов уже открыл рот и набрал полную грудь воздуха, и что-то подсказывало мне — не для того, чтобы поблагодарить своих товарищей за манипуляции с дверью его кабинета.

— Ну, что я говорила! — поспешно заорала я, обращаясь к несостоявшемуся взломщику и двоим его коллегам. — Еще бы минута...

И, пользуясь тем, что Огурцов так и замер в дверях с открытым ртом, я, не прекращая орать какую-то чушь, втокнула его в кабинет и захлопнула дверь изнутри.

Огурцов медленно, но все же пришел в себя, сухо попрощался с блондинкой, пообещав ей “заняться ее делом сегодня же”, после чего задал мне три вопроса подряд:

— Кто вы? Что это вы здесь устроили под моей дверью? И почему вы ломились именно ко мне?

Я протянула ему руку и чопорно представилась:

— Александра Митина, журналист, газета “Вечерний курьер”, отдел происшествий.

Он помялся, но руку мне все же пожал. Как я и ожидала, рукопожатие у него оказалось слабое, как кисель, а ладонь влажная и слишком мягкая.

— Под дверью мы устроили... простите, просто я такая впечатлительная. Там внизу, ваш сотрудник сказал, что вы точно у себя в кабинете. Я постучала, а никто не открывает. И мы, то есть я и ваши коллеги, я с ними посоветовалась, вот, и мы решили, что вам плохо. Только волнение...

— Понятно, — перебил он. — Вам нужен я?

— Видите ли, лично про вас я ничего не знаю. Но когда я решила обратиться в милицию, то позвонила и спросила, кто из сотрудников вашего отделения наиболее квалифицированный. Мне порекомендовали вас. Вот я и...

— Хорошо, — опять перебил он. — Что у вас?

— Тревожное заявление!

Далее я сделала все, как велел Вася, — вкратце рассказала о злодеяниях Морозова, потребовала зарегистрировать мое заявление, поблагодарила за понимание и чуткость, хотя это было чистым враньем: Огурцов во время моего монолога не произнес ни слова. Он сидел, упершись в меня мрачным взглядом, и тяжело дышал.

Прощаясь, я заверила, что намерена активно помогать ему в розыске опасного преступника Морозова, и выразила готовность выступить в суде общественным обвинителем.

Затем я заняла наблюдательную позицию у окошка, из которого хорошо был виден вход в здание. Уже, вроде бы, разыскиваемый милицией преступник Морозов не заставил себя долго ждать. Как только он приблизился к отделению на расстояние пятнадцати (примерно) метров, я метнулась к дверям, высочила на крыльцо, уронила сумочку, и из нее высыпался в снег весь тот косметический хлам, который я натолкала туда утром: пудреница, расчески, тубики со старой помадой и прочее. Морозов при виде меня замер. Я же шустро запихивала в сумку все то, что из нее только что вытряхнула, и пока его, вроде, не видела. Но когда я поднялась с колен и встретилась с ним взглядом, испугалась страшно. Между прочим, я действительно испугалась. Последнюю (она же первая) нашу с ним встречу приятной назвать было трудно, к тому же за время разлуки я успела такого себе про Морозова напридумывать, что даже мысли о нем тревожили и напрягали.

Сначала я попыталась к дверям, но потом в ужасе рванула через сугроб вокруг отделения. Все, роль была сыграна, и талантливо. Забежав за угол, я поклонилась воображаемой публике и поехала на работу.

Глава 13. Морозов

...Утром шестого января Саша приехала в клинику к своему новоиспеченному воздыхателю Вениамину Гавриловичу, где в течение часа обсуждала с ним дерзкий план выслеживания и выведения на чистую воду мерзкого живодера Морозова. Секретный план (скрыть его надлежало от всех, но в первую очередь, от капитана Коновалова, потому что он гадкий предатель) был составлен, и Саша, вдохновленная, окрыленная и предвкушающая, двинулась в сторону редакции "Вечернего курьера". Ей и в голову не могло прийти, что женщина, с которой она столкнулась в дверях клиники — подруга, или, пользуясь юридическим языком, сожительница живодера Морозова.

Ильин, как радушный хозяин, проводил Сашу до самого выхода. Лялька, заметив их, спряталась за дверь и вошла внутрь только после того, как Вениамин Гаврилович отбыл в свой кабинет. Убедившись, что Саша ушла, Лялька отправилась к Ильину.

— А твоя девчушка ничего! — заявила она прямо с порога. — Даже очень. Мне нравятся такие востроносенькие, светленькие. Ты ее уже совсем охмурил?

— Тебя это совершенно не касается, — мрачно ответил Ильин. — Насколько я помню, мы уже обо всем договорились, и мне было бы очень приятно, если бы ты не вмешивалась в мою жизнь так же, как я не вмешиваюсь в твою. Я же не спрашиваю, с кем ты живешь и как, так что и ты будь любезна...

— А-а, так ты уже с ней живешь! — Лялька хлопнула в ладоши. — Быстро. Шустро.

Ильин поморщился.

— Ляль, чего тебе надо? Что я сделал не так? Понравилась мне девушка, и что с того? Ты бы хотела, чтобы я всю жизнь сидел и оплакивал тебя?

— Чего меня оплакивать? Я, слава Богу, жива-здоровая. — Лялька плюхнулась в кресло и достала сигареты. — Доктор, у вас здесь курят?

— Нет. У нас медицинское учреждение. — Ильин с каждой минутой злился все больше.

— Вижу, вижу. — Лялька выразительно посмотрела на пепельницу с окурками. — Нельзя курить, говорите? А я покурю.

Пока она закуривала, в кабинете висело тяжелое молчание.

— Веня, познакомь меня с ней, а? — Лялька была настроена на хулиганский лад. — Я с ней опытом поделюсь, ей, да и тебе, легче будет.

— Мне по-прежнему не очень понятна суть твоих претензий. Я должен согласовывать кандидатуры своих девушек с тобой? — Ильин смотрел на Ляльку тяжелым взглядом, но она упорно этого не замечала, была бодрa и весела.

— Хм, неплохая идея. Кстати, и риска никакого. ЭТУ я бы одобрила. Хочешь, я тебе своего сожителя покажу? — Она открыла свою сумку и принялась что-то искать в ней.

— Фотографию ищешь? — ехидно спросил Ильин. — Или самого сожителя?

Лялька отбросила сумку и вдруг резко, безо всякого перехода, запечалилась:

— Ты груб со мной.

— А ты чего ожидала? — Ильин вылез из-за стола, подошел к окну и открыл форточку.

— Ожидала? — Лялька задумалась. — Я ожидала любви и нежности. Ожидала сострадания. Хотя бы интереса к себе мимального ожидала.

— С чего бы? — Ильин смотрел в окно, а Лялька ела глазами его спину.

— С того, что так было. Было! — Она закричала и тут же заплакала. Ильин повернулся к ней, но не подошел, остался стоять у окна.

— Ты меня даже не поцеловал, — уже всю рыдала Лялька. — Ведешь себя, как чужой.

— Что значит — “как чужой”? А какой я тебе?

Лялька перестала плакать и заговорила быстро и зло:

— Имей в виду, Веня, я не намерена тебя отпускать. Да! Я, если хочешь знать, буду за тебя бороться.

— Тогда и ты имей в виду, Ляля, я не переходящий приз, и бороться за меня бесполезно. Равно как и не отпустить меня ты не можешь по той простой причине, что я не твой заложник, да и вообще ничей. И предпочитаю самостоятельно решать, как мне жить и чем заниматься. Поняла?

— Кое-какие возможности у меня все же есть... — попыталась встрять Лялька.

— ... только две. Записывай, дорогая. Первая — не ссориться со мной, и жить себе припеваючи. Вторая — ссориться, вредить и трепать мне нервы, и тогда я тебе не позавидую. Я отдаю должное силе, но только тогда, когда она сопоставима с моей. Боюсь, у тебя, Ляля, силенок поменьше будет.

— Посмотрим. — Лялька встала и вышла, хлопнув дверью.

— Посмотрим, — сказал Ильин тихо.

А утром следующего дня Вениамин Гаврилович, сидя в своем роскошном “саабе”, уже сигналил под окном Сашиной квартиры. На заднем сиденье машины, как водится, лежал букет красных роз, а на переднем пассажирском — маленькая плюшевая собачка. Защитник животных дарит игрушечную собаку девушке, за которой ухаживает, — и трогательно, и символично.

Но Саше и Вениамину Гавриловичу предстояло отнюдь не романтическое свидание; они собирались шпионить и вывести на чистую воду Морозова.

— “Наружка” подана, — сказал Ильин, открывая Саше дверь машины.

К дому Морозова они подъехали около девяти часов утра, и успели вовремя. Валерий Юрьевич как раз выходил из подъезда. Притаившись за торговыми палатками, Саша и Вениамин Гаврилович стали свидетелями целых трех встреч подлого живодера с доверчивыми гражданами, отдавшими ему на растерзание двух щенков и одну взрослую беспородную собаку. Морозов погрузил живность в свою красную “девятку” и медленно двинулся в направлении так называемого заводского квартала. Саша и Ильин поехали за ним. Впереди показался массивный бетонный забор, за которым, судя по всему, располагались заводские цеха. “Девятка” доехала до железных ворот, посигналила, ворота открылись, и Морозов с собаками исчезли внутри.

Саша выскочила следом, подбежала к воротам и пару раз стукнула по ним кулаком. Ворота отозвались гулким утробным звуком: “у-у-ух”, и чуть приоткрылись. В образовавшуюся щель выглянул мирного вида старичок:

— Чего тебе, девочка?

— А там у вас — что? — спросила Саша.

— Склады, — ответил старичок. — Был завод раньше, а теперь — склады.

— И вот сейчас мужчина проехал — он тоже на склад?

— Этот? Нет. Этот в приют. Собаки у него там. — Старичок пожал плечами, демонстрируя, что никакого смысла в “собаках там” он не видит.

— Живодерня?! — ахнула Саша.

— Что ты, что ты! — замахал руками старичок. — Гостиница. Живут в тепле, в сытости, сам видел.

Саша вернулась к Ильину в глубоком недоумении.

За бетонным забором Морозов не задержался, вскоре его “девятка” выехала из ворот, собак в ней уже не было.

— Не густо, — подвел итог Ильин, подвозя Сашу к редакции “Вечернего курьера”. — Но ведь это только начало. Завтра начнем шпионить спозаранку. В восемь утра я у ваших ног.

— Спасибо. — Саша посмотрела на Вениамина Гавриловича с благодарностью. — Мои ноги будут в восемь утра стоять у подъезда.

Договоренности выполнили оба, и в половине девятого Ильинский “сааб” уже притаился неподалеку от Морозовского дома.

Морозов тоже на заставил себя долго ждать. Не прошло и часа, как он объявился около своей машины, немного повозился под капотом и отправился туда же, где был вчера. Там, забрав вчерашних собак, он, как принято выражаться у гаишников, двинулся в сторону области. “Сааб” дисциплинированно висел у него на хвосте.

Дальнейшие события удивили как Сашу, так и Ильина. Морозов не только не причинил никакого вреда собакам, не только не зарезал их в ближайшей подворотне, но даже не выбросил их по пути. Более того, он проделал довольно длинный путь до подмосковного города Видное, и там, у входа на городской рынок, водрузил огромный плакат с надписью: “Объединение по защите животных с благодарностью отдаст в добрые руки собак, потерявших хозяев”. Желающих предложить свои добрые руки было немного, и Морозову пришлось торчать на морозе целых два часа, пока нашелся претендент на первого щенка. А последнего забрали и вовсе через три часа. После чего Морозов с видимым облегчением уселся в “Ладу” и укатил домой. Все.

Подобное поведение живодера настолько не вписывалось в придуманную Сашей схему, что она впала в настоящую тоску. К тому же она чувствовала себя чрезвычайно неловко перед Ильиным. Вениамин Гаврилович тоже был определенно смущен. Он, правда, говорил, что рад за собак и что любой результат полезен.

Разочарование обоих доморощенных сыщиков было столь глубоко, что и Ильин, и Саша совершенно не обращали внимания на внешнюю среду. А между тем, за ними внимательнейшим образом наблюдали. За рулем старенького "опеля", припарковавшегося в ста метрах от "сааба", сидела Лялька, которая тоже провела насыщенный и полный впечатлениями день. Она случайно выглянула в окно после ухода Морозова и с удивлением обнаружила на улице недалеко от дома знакомую машину Ильина. Трех минут ей хватило, чтобы одеться, выскользнуть из подъезда и сесть за руль своего автомобиля, очень кстати подаренного ей Морозовым на Новый год. И то время, как Ильин с Сашей следили за Морозовым, Лялька трудолюбиво следила за ними. Ее, Ляльку, душила злоба, но не только: она явно была удивлена, и даже очень.

Как только Ильин, попрощавшись с Сашей, отъехал, она пулей выскочила из машины, добежала до подъезда, в три прыжка преодолела пролет лестницы и, задрвав голову вверх, попыталась определить, на каком этаже остановился лифт. Саша в это время гремела ключами у двери в свою квартиру.

— Пятый! — уверенно сказала Лялька. — Значит, пятый.

Прозвучали эти невинные, в общем, слова более чем зловеще.

Глава 14. Василий

Объявление о покупке дорогой дачи появилось в рекламной газете уже на следующий день. Следователь Малкин трудился над текстом объявления целый час, хотел даже его зарифмовать, но Сергей Иванович Зайцев выразительно показал следователю кулак, и Гоша перешел на прозу.

Объявление гласило: "Куплю комфортабельный загородный дом в престижном месте со всеми удобствами, садом, участок не менее 40 соток, цена решающего значения не имеет". На встрече с предполагаемым бандитом решено было послать Колю Бабкина, которого в преступном мире столицы не знал никто.

— Будешь нашим Шарповым, — грустно шутил полковник Зайцев, глядя на Колю с тоской и нежностью одновременно.

Чтобы встретить врага во всеоружии, Василий приступил к созданию "легенды" для Коли.

— Не придумывать легенду, а взять ее из реальной жизни — вот наша задача! — с пафосом сказал он и принялся обзванивать своих многочисленных приятелей с просьбой найти ему "очень молодого, но очень состоятельного человека, бизнесмена, не женатого, и, главное, который в ближайшие день-два собирался бы уехать за границу дней эдак на семь, не меньше".

И, представьте, нашли. Человека, которого должен был изображать Коля, звали Роберт Кунц, он был владельцем огромного и процветающего автосалона. Кунц был постарше Коли, но ненамного.

Через день Роберт Кунц планировал уехать на охоту в брянские леса. Василий несколько минут подумал, подходят ли для их легенды отечественные охотничьи угодья, и решил не привередничать. В конце концов, почему обязательно за границу? Главное, чтобы его здесь не искали.

Продавец позвонил вечером. Точнее, не продавец, а представитель риэлторской фирмы "Ключи". За каких-то жалких 450 тысяч долларов Коле, который уже привычно называл себя Робертом, предлагался роскошный дом в Барвихе. Коля Роберт, страшно волнуясь, задал риэлтору сорок восемь вопросов относительно убранства дома, сорта мрамора, которым был отделан "зал", качества паркета и формы джакузи, и договорился о встрече на завтра. Для правдоподобия Коля слегка поторговался и сбавил цену на пятнадцать тысяч, за что получил потом нагоняй от капитана Коновалова, который горячо заверил его, что покупатель начинает торговаться только после просмотра дома. Риэлтор оставил свой номер телефона.

— Вот будет цирк, — говорил Василий, — если окажется, что этот продавец — просто продавец. Но чуёт мое сердце...

Сердце старшего уполномоченного чуяло добычу в основном потому, что, как выяснили сыщики, риэлторской фирмы под названием "Ключи" в природе не существовало, во всяком случае, ни в российской, ни в московской гильдиях риэлторов о такой фирме никогда не слышали. Еще сердце капитана Коновалова пророчески замирало от цены домика. Но в особенности обнадеживал тот факт, что номер телефона, оставленный риэлтором, принадлежал глухой, как пробка, пенсионерке Грудиной. Посланный по месту жительства пенсионерки все тот же Коля Бабкин выяснил, что старушка живет одиноко, никто к ней не ходит, никакая риэлторская фирма в ее квартире угол не снимает. Между тем, стоило набрать телефон гражданки Грудиной, как приятный мужской голос сообщал вам: "К сожалению, сейчас никого из сотрудников нет на месте. Поэтому оставьте, пожалуйста, свое сообщение и номер телефона, мы перезвоним вам в течение двух часов".

Утром следующего дня к двенадцатому подъезду высотки на Котельнической набережной, где, по легенде, проживал молодой бизнесмен Роберт, был любезно подан бандитский джип с водителем. В том, что джип именно бандитский, сомнений не оставалось: эту марку, этот цвет и этот номер называли свидетели. Василий, карауливший представителей "риэлторской фирмы" в холодных "Жигулях", еле сдерживал охотничью дрожь.

— Может, прямо сейчас и повяжем, а? — предлагал он Леониду. Но тот был тверд: "Ни в коем случае! Выследим, гада, пусть в логово приведет, там и повяжем".

Коля в назначенный час вышел из подъезда, чинно поздоровался с риэлтором, и кортеж из роскошного джипа и грязных дребезжащих “Жигулей” Василия выехал из двора.

Коля, точнее пуговица его пиджака, была оснащена “жучком”, а Василий, в свою очередь, радиоприемником, и весь экипаж “Жигулей” находился в предвкушении интересной радиопередачи.

Поначалу все шло хорошо: Василий держал джип в поле зрения, и, что приятно, тот не предпринимал никаких попыток улизнуть.

Коле было велено изображать клинического труса, который боится быстрой езды. “Сто десять — мой потолок, — напутствовал Колю накануне Василий. — Помни. Если он возьмет хотя бы сто пятьдесят, а я на его машине сделал бы это в обязательном порядке, то наш “жигуль” развалится, а пешком мы вас догнать не сможем. Понял? Для верности, как только разгонится до восьмидесяти — девяноста, начинай бледнеть и возмущаться”.

С этого тезиса Коля и начал:

— Знаете, если можно, не очень быстро. Я не люблю, когда гоняют.

В ответ “риэлтор” разразился хриплым кашлем.

Василий и Леонид отпрянули от динамика и переглянулись.

— Если так пойдет, — недовольно заметил Василий, — он нам стажера заразит.

— Если так пойдет, — подхватил Леонид, — он нам “жучок” сломает. Прибор хрупкий, ломкий, срок годности вышел лет двадцать назад. Наша антикварная техника может не выдерживать таких нагрузок...

Обсуждать низкое качество морально и физически устаревшей МУРовской прослушивающей аппаратуры оперативники могли часами, но “риэлтор” опять появился в эфире.

— Извините меня, ради Бога, — хрипло прорычал он, — я страшно простужен.

— Да ничего страшного! — ответил Коля бодро. — Я понимаю.

— Я ценю ваш такт, но, полагаю, деловым людям вроде вас тратить время на болезни совершенно ни к чему... — “Риэлтор” опять зашелся в приступе кашля.

— Куда он клонит? — Василий с тревогой посмотрел на Леонида. Тот скорчил недоуменную мину и пожал плечами.

Кашель опять внезапно оборвался.

— Зараза к заразе не пристаёт, — сказал Коля, — если, конечно, вы это имеете в виду.

— Да. Я имею в виду это, — прохрипел “продавец”, — и потому, если вы позволите, я хотел бы опрыскать салон нашего автомобиля эвкалиптовой настойкой.

— Опрыскать? — В голосе Коли явственно послышалась растерянность. — Думаю, это совершенно ни к чему.

“Риэлтор” расхохотался, и, естественно, хохот через несколько секунд перешел в кашель. Просмеявшись и прокашлявшись, он терпеливо объяснил:

— Моя настойка просто обеззараживает воздух. Запах у нее скорее приятный, впрочем, вы сами можете понюхать. Не понравится, захотите подвергать себя риску заразиться ОРЗ — ваше дело.

Далее динамик зашипел — этот звук вполне можно было расценить как помехи. Но Василий и Леонид хором крикнули:

— Брызнул!

— Ну как? — заботливо поинтересовался “риэлтор”. — Запах не противный?

— Да вроде нет... — неуверенно протянул Коля, — но больше брызгать не надо. У меня аллергия на травяные ароматы.

— Аллергия?! — всполошился “риэлтор”. — О Господи! Что ж вы сразу не сказали? У меня есть “тавегил”, не хотите выпить таблеточку?

— Нет, спасибо, — твердо отказался Коля, и Василий с Леонидом одобрительно закивали:

— Правильно. Не пей отравы, Коленька, козленочком станешь. Только... чем он брызгал-то в него?

— Вряд ли это отравы, — неуверенно начал младший оперуполномоченный. — Он же и себя тогда траванет.

— Бывают же противоядия... — протянул Василий.

Далее события приняли не самый приятный для сыщиков оборот. “Риэлтор” посетовал на то, что с такой скоростью они будут добираться до места слишком долго. Коля сказал, что не видит в этом ничего страшного, потому что никуда не торопится. Голос его в динамике звучал как-то вяло и грустно.

Последующие десять минут прошли в тягостном молчании: джип скоростной режим не нарушал, ехал, в соответствии с пожеланиями пассажира, медленно, и Василий постепенно успокоился, расслабился. И вдруг джип, шустро прошмыгнув между двумя грузовиками, умчался вперед. Коля при этом не сказал ни единого слова. Когда Василий смог обогнать впереди идущий “МАЗ”, ни Коли, ни умчавшего его в даль транспортного средства обнаружить не удалось. До поздней ночи Василий и Леонид прочесывали окрестности, но безрезультатно.

“Жучок” не подавал признаков жизни, и это значило, что в радиусе километра Коли нет. На следующий день от Коли тоже не было никаких вестей. Полковник Зайцев грозил страшными санкциями и служебными расследованиями, мама Коли оборвала все телефоны в МУРе, допытываясь, в какой это ее мальчик такой командировке, что не предупредил об этом заранее. А начальник ХОЗУ зловеще обещал, что если мобильный телефон не найдется и не будет возвращен на склад, он за себя не ручается.

Глава 15. Александра

Сказать, что мне было неловко перед Ильиным, — ничего не сказать. Я чувствовала себя полной дурой. Всех накрутила, напридумывала страшных историй, а все оказалось липой. И тем не менее я никак не могла убедить себя в том, что Морозов — хороший человек, и что его рыло не в пуху. Нет, я не собиралась больше мотаться по префектурам и выводить на чистую воду всех встречных и поперечных, но понять, в чем же я ошиблась, хотелось.

И я решила избрать компромиссный вариант поиска истины — ничего не говорить Ильину, ничего не говорить Васе, ничего не говорить вообще никому, и провести еще одну проверку Морозова на честность.

Впрочем, “никому” — это слишком сильно сказано. Напарник мне нужен хотя бы для того, чтобы не умереть со скуки. А самым надежным увеселительным персонажем в моем ближайшем окружении был, без сомнения, мой сослуживец Пьер Гуревич. Ему-то я и предложила составить мне компанию.

— Подвергать опасности свое, э-э, брэнное существование? — начал ломаться Гуревич. — Оправдана ли, э-э, цель?

— Да кому ты нужен! — утешила я его. — Мы же не на абордаж идем, а так, подсматривать.

— Сугубо, чтобы, э-э, защитить прекрасную даму, — мило-стиво согласился он.

Утром десятого января мы погрузились в мамин “Москвич” и поехали к дому Морозова. И хотя обычно присутствие Гуревича являлось залогом полной невезухи, в этот раз нам повезло. Не прошло и часа, как объект вышел из подъезда, сел в “девятку” и резко рванул с места. Мы сделали то же самое. По городу мы еще как-то ухитрились за ним поспевать, а вот на шоссе нам пришлось туго. Мамин “Москвич”, при всей моей любви и к нему, и к маме, трудно было назвать гоночной машиной. Зато “девятка” неслась, как бешеная. Наша машина надсадно выла в знак протеста против того, что я пыталась выжать из нее все и даже больше, но это бы ладно. Гуревич выл куда жалобнее, и чем дальше мы отъезжали от Москвы, тем протяжнее становились его стоны:

— В такой, э-э, отдаленности от цивилизации... я просто не могу осознать... э-э, твой душевный порыв сопряжен... — и так далее, все жалобнее и жалобнее. Заткнуть его удалось только бутербродом с колбасой.

Но протестующие крики возобновились, как только “девятка” свернула на проселочную дорогу. Нам пришлось отстать, чтобы не засветиться. Настроение у меня упало, но решимости не убавилось. И надо же — через пять километров тряски по ухабам мы заметили “девятку” — она стояла около глухого забора, из-за которого виднелись крыши двух длинных барачков.

Мы остановились, и Гуревич, высунув из окна свою патлатую голову, пугливо огляделся:

— Похоже, геоморы, э-э, укрылись внутри своих владений.

— Кто такие “геоморы”? — уточнила я.

— Землевладельцы. Э-э, сейчас объясню поподробнее. — Гуревич открыл рот, принял важный вид, но с лекцией ему пришлось повременить. К нам направлялся сурового вида человек в телогрейке и кирзовых сапогах, а на плече у него, что было особенно приятно, болталось ружье. Откуда он взялся, было совершенно непонятно.

Человек с ружьем дошел до нас и постучал костяшками пальцев в окно. В ответ на это умный Гуревич быстро нажал на кнопку, блокирующую дверь.

— Перестань! — попробовала я призвать его к порядку, но Пьер в состоянии панического страха оказался практически невосприимчив к звуку человеческого голоса. Пользуясь тем, что мужик еще не успел прореагировать на истерические жесты моего напарника, я выскочила из машины и, скорчив максимально страдальческую мину, принялась охать и ахать:

— Ох, как хорошо, что мы кого-то встретили, ну, слава Богу. Вы нам не поможете? Мы заблудились, а бензин кончается. Деревня Чехвостово, вы не слышали о такой?

Мужик переступил с ноги на ногу, перекинул ружье с одного плеча на другое, отчего Гуревич повалился на пол “Москвича”, и, наконец, произнес:

— Проезжайте. Здесь нельзя.

— Спокойного несения службы! — кричал Гуревич в окно, пока я разворачивалась.

Всю дорогу до редакции Гуревич тараторил без умолку, сожрал двенадцать бутербродов и восемнадцать раз с помощью разных иностранных терминов объяснил мне, что героически спас меня от неминуемой гибели. Мне было все равно, потому что бараки, забор, собачий вой, тупой охранник, вкупе с Морозовской “девяткой” меня очень заинтересовали. Под трескотню и чавканье Гуревича я раздумывала о том, что бы это все значило и что мне теперь делать.

Место там неприятное, даже жутковатое, и лезть туда было страшно. Но не лезть — не в моих правилах. Оставалось найти нормального напарника. И я почему-то не сомневалась, что среди мужчин, работающих в “Вечернем курьере”, найдется хотя бы один, желающий совершить со мной загородную прогулку.

Морозов подошел к сторожке, но она была закрыта.

— Евгений! — позвал он охранника, только что впустившего его в ворота. — Женя, ты где?

Тот не отзывался. Морозов пошел обратно к воротам, но охранника не было и там. Наконец, он увидел Евгения, который стоял и тупо смотрел вслед удаляющемуся “Москвичу”. Стоп! У

Морозова даже перехватило дыхание: так и есть, ошибки быть не может. Серый "Москвич" с битым бампером и с плюшевой обезьянкой, прилипшей лапками-присосками к заднему стеклу... Совсем недавно у своего метро он как раз по этой обезьянке пытался найти "Москвич", на котором уехали девчонки с его документами.

— Кто был за рулем? — спросил он охранника, хотя прекрасно знал, что услышит в ответ. Знал, но немножечко, капельку все же надеялся на чудо. "Девка... пигалица... худая... на актриску какую-то похожа", — как эхо повторял он за Евгением приметы своей недавней знакомой. И не выдержал, заорал на ни в чем не повинного охранника: — Не на актрису, а на крысу она похожа! На драную крысу!

Что же ему теперь делать?

Морозов бросился за "Москвичом", но на узком загруженном шоссе разогнаться не удалось и погони не получилось. Домой он вернулся раньше обычного. Лялька, увидев его лицо, пулей выскочила из ванной, где она занималась мелкими постирушками.

— Ухожу, уже ухожу, вот тебе твоя ванна, Барбосина.

Лежа в ванне, он совсем не думал о том, что ему предстоит сделать сегодня вечером, и поэтому удивился, когда Лялька, заглянув к нему, сказала:

— У тебя сейчас такое лицо, Барбосина, как будто ты собираешься кого-то убить.

— А обычно у меня какое лицо? — спросил он сонным голосом.

— А обычно... — Лялька на секунду задумалась, — обычно такое, как будто ты уже кого-то убил.

Она засмеялась, а он разозлился. Впрочем, здоровая злость очень даже кстати, когда отправляешься на убийство.

— Ладно, — Лялька посмотрела на себя в зеркало и поправила челку. — Я, собственно, заглянула сказать, что ухожу. Увидимся вечером.

Морозов дернулся, было, предупредить её, что вечером его не будет, но тут же передумал: Ляльку это никогда не интересовало, так зачем зря воздух сотрясать?

Собирался Морозов быстро, но тщательно. С собой взял традиционный шпионский набор, многократно описанный в боевиках, но не ставший от этого менее актуальным: пистолет, набор отмычек и трикотажные перчатки. Одежда соответствовала — темная куртка, спортивная шапочка до бровей, большие очки с дымчатыми стеклами, широкий шарф на шею, в который можно спрятать всю нижнюю часть лица аж до носа. Посмотрев на себя в зеркало, он остался доволен: грима никакого, а родная мама не узнала бы. И пойдя разбери, какое лицо там за этими очками, шарфом и шапкой — человека, собирающегося кого-то убить или уже убившего?

Бумажку с адресом девчонки, написанным рукой ее же сестры, он сунул в карман куртки. К дому журналистки Морозов добирался на общественном транспорте, и в восьмом часу был уже на месте. Окна ее квартиры были темными. Поднявшись на лифте на пятый этаж, он осмотрел площадку, дверь квартиры, достал связку ключей и отмычек и подобрал подходящую... В квартиру заходить не стал, а поднялся к окну между пятым и шестым этажами и пристроился на подоконнике.

Девчонка появилась около дома только в девятом часу. Морозов, до этого неуклюжим мешком сидевший на подоконнике, превратился в гибкую тень. Он еле слышно спустился по лестнице и притаился за дверью, отделяющей лестничную клетку от мусоропровода. В подъезде было тихо, и он хорошо слышал, как Саша вошла в подъезд и открыла дверь лифта.

— Второй, третий, четвертый... — беззвучно шептал Морозов, отсчитывая этажи, мимо которых кабина лифта уже проехала.

Когда дверь лифта открылась на пятом этаже, он глубоко вдохнул, спустил пистолет с предохранителя и шагнул вперед...

Глава 16. Общежитие

Коля Бабкин, то бишь Роберт Кунц, легко и быстро влился в разношерстный коллектив барака. У женщин он вызвал почти материнские чувства, они сразу бросились его опекать и развлекать. Особенно понравилось дамам то, что Роберт был один, без пары.

— В холостых мужчинах, даже таких молоденьких как Роберт, есть что-то пьянящее, — томно закрывая глаза, прошептала Люда Максимова. — В них чувствуется полет.

— В том смысле, что пока они еще нигде не приземлились, — подхватила Маша Зуб. — Болтаются в воздухе неухоженные, неприкаянные и всегда готовые к спариванию.

— Вот! — Люда подняла указательный палец кверху. — Вот что нас манит — запахнутость объятий! То, что они всегда готовы, как юные пионеры.

— Да вы что, обалдели? — возмутилась Танечка, подруга Гинзбурга. — А женатые — не всегда готовы? Да они все, что хочешь, запахнут, еще больше, чем холостые. У меня спросите. Что женатые вытворяют... Вспомнить противно.

— Нет, повспомин-а-а-ай! — заныла Маша. — Ну, повспоминай, Танюш! А то мы тут совсем закиснем. Что они вытворяют?

Маша сделала большие страшные глаза, но Таня, давась от смеха, отмахнулась от нее:

— Да иди ты...

Виолетта в разговоре участия не принимала, и только недовольно фыркала, всячески демонстрируя, что ни сам мало при-

личный разговор, ни, тем более, новый юноша Роберт, ее нисколько не интересуют.

Коля, сидя в окружении мужчин, чувствовал, что разговор в женской части барака идет о нем, и смущался. А когда дамы обращались к нему с вопросами, а они делали это каждые пять минут, он густо краснел.

— Роберт, миленький, — кричала ему Люда, — а сколько вам лет?

— Двадцать шесть, — врал он, не моргнув глазом.

— Неужели?

— Просто я молодо выгляжу, — начинал оправдываться Коля.

— Отчего же, — возражала Маша, — я думала, что вам под сорок.

— Нет, правда двадцать шесть. — Коля заливался краской и старался говорить басом, причем прокуренным, — вы не представляете, как это мешает бизнесу. Потенциальные партнеры видят меня и сразу говорят: "Нет, с детским садом дел не имеем". Хоть паспорт показывай, ей Богу.

— И показываете? — с интересом спросил Тропин. — На переговорах, я имею в виду.

— Пока до этого не доходило, я так говорю, к слову, — пояснил Коля.

Тропин поглядывал на Колю с явной иронией, и все время задавал вопросы о торговле автомобилями. Коля отвечал бойко — не зря он целый вечер накануне похищения провел с заместителем Кунца, внимательно слушая рассказы о деятельности автосалона.

— Роберт, миленький, а вам нравятся женщины ВАШЕГО возраста, — вклинивалась в разговор Маша. — Которым двадцать шесть.

— Нравятся. — Коля опять краснел.

— А мне как раз столько. — Маша старательно тупила взгляд, изображая девичью стыдливость.

— Я чего-то... ты чего... не понял, — растерянно, но с чувством грозил кулаком Зуб. — Я те дам!

Поздно вечером, когда вся компания заложников разбрелась по своим углам, Тропин взял Колю за локоть и тоном, не терпящим возражений, предложил:

— Пойдем покурим, бизнесмен. В предбанник.

Коля открыл, было, рот, чтобы сообщить об отсутствии у себя означенной вредной привычки, но Тропин не дал ему слова:

— Я тоже не курю, родной, но больше здесь посекретничать негде.

Они вышли в то помещение, где располагалась кухонька, и присели у стола. Через минуту к ним присоединился Илья Дмитриевич Гинзбург.

— Что скажете, доктор? — обратился к Гинзбургу Тропин.

— Скажу, что мальчику от силы двадцать два, — ответил психолог. — Заметь, волосы на подбородке у него еще не растут. Усики и те еле-еле пробиваются.

— Это у нас генетическое... — попробовал встрять Коля, но Тропин с Гинзбургом перебили его и продолжили беседовать, как будто его, Коли, здесь не было.

— А ты что скажешь, Сережа, как эксперт?

— А я скажу, — начал Тропин, — что никакой он не бизнесмен, в бизнесе ничего не смыслит, а особенно плохо разбирается в торговле автомобилями.

— И откуда ж на нас свалилось такое чудо? — строго спросил Гинзбург.

— Одно из двух, Илюша, одно из двух, — задумчиво ответил Тропин. — Либо бандиты его сюда послали, чтобы провентилировать обстановку среди узников, либо менты. Бандиты, думаю, не такие идиоты, да и негде им было такой экземпляр достать, а вот с ментов станется.

И оба посмотрели на Колю. Он понуро сидел, вжав голову в плечи и глядя в пол.

— Ну? — Тропин слегка пихнул Колю в плечо.

— Менты, — признался Коля, не поднимая глаз.

— Идиоты! — Тропин вскочил и принялся ходить из угла в угол. Учítывая, что размеры кухоньки не позволяли особо разогнаться, Тропину удавалось сделать не более двух шагов в одном направлении, после чего он разворачивался, дважды шагал в другом направлении, опять разворачивался.... Так и мелькал туда-сюда, туда-сюда. У Коли, еще не вполне оправившегося от усыпляющего газа, закружилась голова.

— Идиоты! Они что же думают, что Психолог его не расколет? Что он поверит в сказку про автосалон? Да одного взгляда на это недоразумение, — Тропин ткнул в Колю пальцем, — достаточно, чтобы убедиться: перед нами акула капитализма.

— Мы не думали, что я сюда попаду, — прошептал Коля. — План был другой.

— План! Плохи дела у нашей милиции, если у них теперь уже дети воюют.

— Я не ребенок! — возмутился Коля.

— А кто? — прикрикнул на него Тропин.

— Подожди, Сережа, не кипятись. — Гинзбург поймал Тропина за рукав и силой усадил рядом. — Раз мальчик здесь, значит, о нашем бедственном положении знают. Согласись, факт отрядный.

Тропин кивнул.

— И значит, мы можем выстроить хоть какую-то стратегию.

— Илья! — Тропин опять повысил голос. — Я уже подумал об этом час назад, когда он прикидывался автоторговцем. — Сначала обрадовался: вот хорошо, на воле про нас знают, а Пси-

холог, судя по всему, не знает, что про нас знают... Тьфу, я уже заговариваюсь. Но ведь его же расколют!

— Тихо, тихо, тихо, тихо, — замахал руками Гинзбург. — Подумаем, покумекаем и выкарабкаемся.

— Рассказывай, мальчик, — попросил Тропин, — про кого из нас в вашей милиции известно, и что.

— Про всех, — Коля улыбнулся счастливой детской улыбкой, — про всех, кто здесь.

— А ты говоришь, у нас милиция плохая, — бросил Гинзбург Тропину. — Вон, молодцы какие.

Коле хотелось немножко поваляться на лаврах, но врать он не стал:

— Случайности. Просто все ваши квартиры обокрали, и это заметили ваша домработница, — Коля кивнул Тропину, — и ваш сосед, — кивок Гинзбургу.

— Обокрали?! — вскрикнули оба.

— Да, — Коля виновато пожал плечами, — ничего не поде- лаешь. Так же и у других. Случайно наткнулись на кражу, по- том выяснили, что вы никуда не уезжали, а просто раствори- лись в пространстве.

— Ну?

— Потом догадались, что вы все искали себе дачи.

— Дачи, — высокомерно перебил его Тропин, — очень мяг- ко сказано.

— Хорошо, — согласился Коля, — коттеджи. Нашли теле- фон риэлтора. Я прикинулся Робертом Кунцем — это настоя- щий владелец автосалона.

— А на самом деле как тебя зовут? — ласково спросил Гинз- бург.

— Николай.

— Ясно. Иди-ка ты, дружок, спать, а мы тут с Сережей по- думаем. Утро вечера мудренее. Только пока никому из наших ничего не говори. Роберт ты и Роберт.

Глава 17. Морозов

То, чего он так боялся в последнее время, все-таки случи- лось.

Вернувшись домой ни с чем, усталый и опустошенный, Мо- розов решил рассказать обо всем Ляльке. Зачем? Раньше он ни- когда не навязывался ей со своими переживаниями. Лялька предпочитала легкие разговоры, болтовню, но никак не копа- ние в его темной душе.

Хотя бывали моменты, когда ему хотелось выговориться, хотелось излить душу, пожаловаться на обидчиков. Но, глядя в Лялькины холодные глаза, он замолкал на полуслове.

Сегодня все было не так.

— Мне бы поговорить с тобой, — несколько выпренно про- изнес он.

— Правильно, — кивнула она, — давно пора.

— Ты ведь представляешь, чем мы занимаемся?

— Собачьей смертью, — ответила Лялька, и он в который уже раз поразился точности ее определений. Действительно, можно долго объяснять, на чем он строил свой полукриминальный бизнес, но весь он легко попадал под определение “собачья смерть”.

— Рассказать, как? — спросил он.

Лялька кивнула.

Начал Морозов издавека, с тех незапамятных времен, когда они с приятелем и сослуживцем Петей Огурцовым придумали чудную схему прикармливания бюджетных денег. Огурцов предложил в качестве компаньона заместителя префекта Олега Зеленского — тот прозябал в своей Окружной префектуре при сильном префекте, взявшем всю власть в свои руки, и сильно страдал. Страдал он, по словам Огурцова, как от второстепенности своего положения, так и от недостатка обыкновенных дензнаков.

Схема была проста и гениальна: при префектуре создается предприятие, своего рода “Рога и копыта”, но не совсем. Предприятие обслуживает округ и получает бюджетные деньги. Реально “на нужды территорий”, как выражались московские чиновники, оно тратит десятую часть этих денег, а остальные честно делятся на троих.

Зеленский пробил статью в бюджете “на охрану животных”, в которую входило: “отлов”, “создание пунктов передержки”, “стерилизация бездомных животных”, “уничтожение больных и опасных животных”, “утилизация трупов больных животных”.

Прибыль делилась поровну: треть заказчику Зеленскому, который добыл деньги и нанял исполнителя благородной миссии — Союз по защите животных; треть автору идеи и “крыше” Союза Огурцову; и треть исполнителю — директору Союза Морозову. Сам исполнитель считал, что на его долю выпадает несоизмеримо больше работы: он создал предприятие, нашел людей, оборудовал офис и показательный приют, куда всегда можно было привести любую комиссию, купил ловцам животных машины, снял за городом брошенную ферму для передержки собак, которая располагалась рядом с зоо-крематорием Академии наук. В прежние времена там сжигали лабораторных животных, преимущественно крыс и мышей. Сейчас многие институты могли позволить себе опыты над животными, и печь простаивала. Морозов нашел ее, заключил договор с хозяйственным управлением Академии наук, и его команда принялась создавать видимость бурной деятельности. Машины с красивыми надписями на боках “Зоопомощь” курсировали по территории округа, сонные ловцы иногда совершали набеги на окрестности гаражных кооперативов, где скапливалось много

собак и возникала опасность образования стаи, собаки вывозились на ферму, где благополучно умирали и подвергались утилизации.

Дело приносило приличный доход и, как всякое успешное начинание, требовало расширения. Окружная префектура была пройденным этапом — впереди призывно сияли огни большого столичного города.

Однако стоило Огурцову дернуться в поисках подхода к префектуре соседнего округа, как ему вежливо, но твердо дали понять: место занято. А через неделю позвонили и предложили встретиться с неким серьезным человеком для обсуждения, как было сказано, “ваших благотворительных дел”.

Огурцов, еще не потерявший надежду на расширение своего бизнеса за пределы одного округа, попытался изобразить крутизну, заявив, что в ближайшие три дня он, увы, никак не может, на что ему коротко ответили: “вас ждут завтра там-то и там-то во столько-то”, и повесили трубку. Было в голосе звонившего нечто такое, что Огурцов не рискнул послушаться и на встречу не явиться.

О состоявшемся разговоре Огурцов рассказывал другу Морозову сбивчиво и невнятно. Морозов понял только, что новый знакомый Огурцова — “не так прост”, и даже “совсем не прост”, и что “имеет концы повсюду”. Морозов понял также, что этот загадочный тип уже прибрал к рукам не один округ и “охраняет там животных”, подобно Огурцовско-Морозовско-Зеленковской шайке.

Стороны договорились о нейтралитете и непроникновении на территорию друг друга, чему Огурцов был несказанно рад и на что, честно говоря, не рассчитывал. Казалось, все решено, и волноваться не о чем. Но однажды в офис Союза по защите животных, где Морозов как раз в тот момент проверял липовую бухгалтерию, ворвался гневный гражданин и потребовал немедленного возвращения трех собак, проживавших на их автомобильной стоянке. Гражданин настойчиво порывался сначала “набить Морозову морду”, а затем “задушить его своими руками”.

В течение последующей бурной и нервной беседы, насыщенной взаимными обвинениями и оскорблениями, выяснилось, что собаки были любимы всеми автовладельцами, хранившими свои транспортные средства на той самой автостоянке. Более того, собаки охраняли этот объект и не вызвали никаких нареканий ни с чьей стороны. Но вчера, откуда ни возьмись, появился фургон “Зоопомощь”, принадлежащий, как вскоре выяснилось, Союзу по защите животных, откуда вывалились три запойных негодяя, поймали собак и увезли.

Автолюбители встали на уши и разыскали офис проклятого Союза. Представитель автостоянки обещал пойти до суда, если псы не будут немедленно возвращены на место прежнего жительства.

Морозов пообещал разобраться, намекнув, что придется ехать за собаками черт знает куда. Гражданин без разговоров выложил на стол деньги и ушел, хлопнув дверью.

Собак вернули. Морозов собрал всех ловцов, провел с ними совещание и... собаки с автостоянок, гаражных кооперативов и просто из дворов стали пропадать в десятки раз чаще. Правда, на половине принадлежащих Союзу фургонов надпись "Зоопомощь" была старательно закрашена, а в газете бесплатных объявлений, в телефонных справочниках и в базе данных "09" появился телефон новой фирмы "Бюро поиска потерявшихся животных". А еще через некоторое время — телефон фирмы "Ищу хозяина", которая за деньги бралась пристроить щенка, взрослую собаку или кошку в "хорошие руки". Что интересно, организации были разные, а номер телефона у всех один и тот же.

Клиентов было много, особенно весной. Собаки в большом городе терялись часто, а обезумевшие от горя хозяева не жалели денег: "Только найдите!"

Морозов находил. Иногда тех, которых сам похищал, иногда тех, которые потерялись без его участия.

Таинственный незнакомец, так запавший в душу Огурцову, объявился через два месяца, и на этот раз пожелал встретиться с Морозовым.

Он оказался почти таким, каким Морозов его себе представлял: холеным, наглым, умным и жестким.

— Валерий, — представился ему Морозов.

Тот в ответ кивнул.

— Как мне вас называть? — спросил Морозов.

— Зовите меня просто — Шеф, — ответил тот.

— Как? — растерялся Морозов.

— А так: здравствуйте, шеф, как себя чувствуете, шеф, не хотите ли чего, шеф?

Морозов, понимая, что над ним смеются, озверел, но виду не подал, наоборот, ласково улыбнулся и ответил:

— Понятно, шеф.

— Молодец! Похоже, сработаемся.

Морозов кивнул, но про себя подумал, что при первой возможности, при малейшем проколе этого пижона, он его достанет. А пока... сработаемся, конечно. Куда деваться.

Шеф наложил лапу на обе фирмы Морозова, и половина прибыли и от поиска потерявшихся зверей, и от их пристраивания уходила шефу.

На очередную гениальную идею Морозова опять натолкнул случай. Позвонила девица с просьбой пристроить "чудного песика", которого она нашла под дверью своей квартиры. Морозов сказал: "Привозите, только это будет стоить..." "Ах, оставьте, — томно сказала девица, — деньги значения не имеют. Только вот приехать я не могу, приезжайте вы".

Он приехал. Квартира, под дверью которой был найден пёсик, поразила его своим величием: картины, антиквариат, серебряная посуда. Золотые украшения хозяйки были разбросаны повсюду, деньги за щенка она на его глазах вынула из верхнего ящика комода, где они, вероятно, и хранились.

— Красиво у вас, — искренне восхитился Морозов. — Ценностей много.

— Да, — согласилась девица, — вот думаю, не поставить ли квартиру на охрану. А то мало ли...

Накаркала! Через день все самое ценное было из квартиры вывезено. Идею подал Морозов, руководил операцией Огурцов, благо, богатая девица проживала на подведомственной ему территории. Он же, кстати, прибыл потом на место кражи и возглавил расследование. Не халтурил, заметьте, не отлынивал — всех соседей опросил, все отпечатки снял, но никого так и не нашел.

Шеф и об этом узнал, и страшно разгневался. Он кричал, что не допустит уголовщины, что не позволит дискриминировать благородное звание защитников животных и ставить под удар налаженное дело. Он говорил, что вычислить наводчика, на роль которого претендовал Морозов, — проще простого. Один раз выяснится, что незадолго до кражи в квартире побывал Морозов, второй раз выяснится, а на третий раз даже самые тупые менты сделают правильные выводы.

Огурцов выслушал все, согласился и пообещал, что это было в первый и последний раз. Но не прошло и недели, как в сети Морозова попался фантастически богатый человек, такса которого сбежала с кобелем неизвестной породы.

— Но вот что характерно, — рассказывал Морозов Огурцову, — сам мужик богат, как шах, а квартирка скромненькая, брать особо нечего.

— Почему ты думаешь, что он так уж богат? — спросил Огурцов.

— Потому что он собирается покупать загородный дом за поллимона баксов, — ответил Морозов. — Он сам мне сказал. Говорит: “Затянул я со сделкой. Вот если бы оформили все неделю назад, мы бы уже там жили, и Фуня бы не пропала. Такса, то есть”.

А через два дня шеф поинтересовался, не замыслил ли Морозов очередной кражи. Огурцов горячо заверил, что нет, ни в коем случае. И рассказал про таксу Фуню и ее хозяина — вот, попался, мол, богатый человек, а Морозов гордо и законопослушно прошел мимо. Шеф прореагировал странно. Он долго молчал, а потом похвалил Огурцова “за идею” и велел им с Морозовым прибыть к нему завтра.

Новый план шефа был прост и гениален: они дают объявления в газеты о продаже дорогих домов и ловят на эту удочку ну-

воришей. Из всех потенциальных кандидатов на похищение выделяют тех, кто собрался уехать куда-нибудь на Рождество.

— Сейчас это модно, редкий новый русский сидит во время рождественских каникул в Москве, — говорил шеф. — Так что исчезновения их, Бог даст, никто не заметит. Если правильно проведем переговоры, они предпочтут отдать деньги, жизнь-то дороже. Позвонят, велют перевести на наш счет, мы деньги снимем — и заживем широко без собачьей помощи. Можете уехать, если захотите. Возьмете деньги, и — прощай, страна огромная...

— Я, вообще-то, не собирался эмигрировать, — вслух подумал Морозов.

— Дело твое, — пожал плечами шеф. — купишь себе домик за городом, живи, радуйся, забот не зная.

— А с этими? Которых мы растрясем?..

— Да пусть идут на все четыре стороны, — великодушно разрешил шеф. — Кто мы — им сроду не узнать. Что у них на нас? Номер телефона, по которому они будут с нами связываться? Да квартиру снимем у алкаша какого, или что-то в этом роде. А найти человека по лицу почти невозможно. В конце концов, тот из нас, кто будет вести с ними переговоры, может заgrimироваться — паричок там, очечки, борода, все дела.

— А как мы узнаем, что они собираются уезжать на рождественские каникулы? — спросил Морозов.

— Тоже проблема, — фыркнул шеф. — Из разговора может стать ясно. Ты спрашиваешь, когда вам, дорогой товарищ, удобно посмотреть загородную виллу: завтра, через три дня или в конце недели? А тот отвечает: через три дня не могу, уезжаю. Или берешь у покупателя рабочий телефон и наводишь справки в офисе.

...Лялька слушала Морозова с каким-то болезненным вниманием, подавшись вперед и закусив губу. И когда он вдруг прервал рассказ, замолчал и опустошенно откинулся назад, она чуть не бросилась на него с кулаками:

— А потом?! Что потом?!

— Потом, — Морозов произнес это так, как будто ему было больно говорить и каждый звук доставлял ему физические мучения, — потом я все испортил.

— Как?

— Жадность фраера сгубила. А еще... знаешь, я все время боялся, что они меня кинут. Огурцов, он... в общем, дерьмо он. А шеф... с ним тоже все понятно. Им ничего не стоило. Я все организовал, мои люди похищали, охраняли, а они возьмут деньги со своего счета где-то в Прибалтике — и адью.

— И что ты сделал?

— Я, чтоб добру не пропадать, грабанул квартиры всех похищенных.

Лялька не поняла:

— Ну и что?

— Может, и ничего. А может, кто-нибудь заметил. Но самое неприятное, что шеф, похоже, про это знает.

— Ты уверен? — Лялька покрутила головой, как будто у нее затекла шея. — Откуда ему знать?

— Без понятия. Но он сегодня со мной странно разговаривал. Он был злой, как собака, и пригрозил, что если я все испорчу, то плохо будет. Мне.

— А он ... кто? — спросила Лялька.

— Не знаю. — Морозов пожал плечами. — Огурцов, по моему, тоже не знает. Он возник ниоткуда и собирается исчезнуть в никуда.

— Я все равно не понимаю, что такого страшного ты сделал. Ну, вынес из пустых квартир имущество, и что?

— А то, что шеф строго-настрого велел ни к чему там не прикасаться.

— Ладно, — махнула рукой Лялька. — Не паникуй. Откуда ему знать? Так, для профилактики пугает.

— Надеюсь. — Морозов посмотрел на нее с благодарностью. — Но, видишь ли, сегодня я привел хвост к базе, где спрятаны наши надежды на лучшую жизнь.

Глава 18. Александра

Миша, сотрудник охраны "Вечернего курьера", заехал за мной, как мы и договаривались накануне, в пять вечера — я не видела никакого смысла ехать в то опасное место, где мы были с Гуревичем, при свете дня. Миша сам был за рулем, и просто лопался от восторга. Он горячо заверил меня, что тихая сонная жизнь охранника редакции ему страшно надоела, и что он жаждет приключений. Я пообещала, что опасностей и страхов будет в избытке.

К заброшенной ферме мы прибыли уже в полной темноте, причем последние два километра наш "жигуль" ехал с потушенными фарами.

— Класс! — шептал Миша. — Просто класс! Спасибо тебе, Сашка.

Для того, чтобы он не разочаровался раньше времени, я всю дорогу сочиняла "рассказы очевидца". В результате моих стараний количество вооруженных людей возросло с одного до трех, а двустволка одного из охранников объекта превратилась в три автомата Калашникова.

— Разделимся на группы, — шепотом сказал Миша, — ты заходишь справа, а я — слева. Чуть что — кричи.

— Согласна. — Я заговорщицки подмигнула, хотя в темноте Миша все равно не мог увидеть моей гримасы. — Только, чур, командиром правой группы буду я.

— Разумно. — Миша вылез из машины и пошел к забору. Я — за ним. — Но сначала надо оценить обстановку. Итак, нам

на руку, что здесь все затоптано, значит, следов мы не оставим. Темно, это тоже хорошо. Плохо то, что здесь негде спрятаться — ни сугробов, ни кустов. Поэтому, если кого увидишь, просто падай на снег и лежи неподвижно, как мертвая.

— Думаешь, посторонний труп, который валяется у забора, их не насторожит? — спросила я.

Миша посмотрел сквозь меня, сосредоточился и тихо командовал:

— Ну, вперед.

Он пошел “вперед”, а я, соответственно, назад, поскольку двигаться нам надлежало в строго противоположных направлениях. Но не успели мы отойти друг от друга на пять шагов, как где-то совсем близко грубый и надтреснутый мужской голос злобно гаркнул:

— Куда?!

Миша немедленно продемонстрировал мне, как надо прикидываться мертвой — он, как подкошенный, рухнул в снег и замер в странной причудливой позе.

— Так ты больше похож на кучку мусора, — прошептала я.

Миша молча показал мне кулак и жестами предложил улечься рядом с ним. Пока я осматривала место для лежки, тот же голос, уже не столь агрессивно, произнес:

— Куда ты опять поперся? Хватит. Пошли греться.

Заскрипел снег, и через секунду я уже лежала рядом с Мишей. Кстати, я присоединилась к нему очень своевременно, потому что в то место, где я только что стояла, уперся луч фонарика. А еще через пару секунд мимо нас прошли два здоровенных амбала и, завернув за угол, исчезли в темноте.

Мы продолжали лежать, тесно прижавшись друг к другу, и со стороны черте что можно было бы подумать. Не сказать, что настоящая эротическая сцена, но и не без развратного душка. Заботясь прежде всего о своей и без того подмоченной репутации, а также с целью не замерзнуть окончательно, я тихонько поинтересовалась:

— Мишь, ты спишь?

Он не ответил. Я подергала его за куртку — и опять безо всякого толка.

— Они ушли, Миша, — сказала я злобно. — Ушли греться. Так что хватит здесь валяться. Если ты так страшно перепугался, иди в машину и отъезжай к дороге.

Этого доблестный охранник пережить не мог. Он вскочил и возмущенным шепотом принялся объяснять мне правила ведения зимней разведки. Оказалось, что эти правила предписывают нам двигаться не двумя группами, а одной, сплоченной, и не в разных направлениях, как было задумано первоначально, а в одном. При чем — ползком.

Ползти я категорически отказалась, но Миша обрадовался и тому, что мы пойдем на разведку вместе. Шли мы медленно,

вплотную к забору, и вернулись к месту нашего недавнего залегания минут через десять.

— Большая территория, — констатировал Миша. — Солидная.

— Ценное наблюдение. Хорошо, что я взяла тебя с собой. Ты, Миша, молодец.

— Что ты злишься? — удивился он. — Я просто изучаю обстановку.

— А делать-то что будем? — Я решила быть требовательной. — Давай через забор перелезем.

— Ладно, лезь. — Миша сел на снег и подставил мне свои плечи. Я быстро, пока он не передумал и пока боль от моих оскорблений не стихла в его душе, вскарабкалась ему на спину. Он с видимой натугой поднялся на ноги и уперся руками в забор. Пирамида оказалась не самой высокой, но у меня появилась возможность схватиться руками за верхний край забора и заглянуть на охраняемую территорию. Миша кричал где-то у меня под ногами, бетонный забор неприятно охлаждал руки, а глаза мои упирались в непроглядную темноту. Я могла еще сколько угодно "осматривать" окрестности (точнее, столько, сколько выдержит Миша) — толку в этом не было никакого. Я их, окрестностей, в упор не видела, хотя точно знала, что они где-то там есть.

— Придется перелезть, — проинформировала я отважного напарника.

— А как же ты обратно? — осипшим голосом спросил он. Характерно, что он ни на минуту не усомнился, что перелезть придется именно мне, а не ему, к примеру.

— Не знаю. — Я пожалала плечами, отчего Миша покачнулся и чуть не упал. Во избежание падения с высоты Мишиного роста, я подтянулась на руках и уселась на забор верхом. Миша с видимым облегчением вздохнул и уже вполне бодрым голосом пожелал мне успеха:

— Я подожду тебя в машине, Сашенька. В случае чего — зови на помощь.

— И ты придешь? — спросила я с сомнением.

Миша не ответил.

Бывают же на свете отважные люди! Больше мне не хотелось с ним разговаривать, к тому же сидеть на заборе было холодно и жестко, поэтому я осторожно легла на живот, перевернулась внутрь, потом повисла на руках и плюхнулась вниз.

В принципе, все прошло нормально. Даже отлично. Учитывая мою везучесть, внизу вполне могла оказаться куча металлолома с острыми краями, или бетонные плиты, или еще какая-нибудь жесткая дрянь. Но я упала в снег, чему несказанно обрадовалась. Радость моя, впрочем, была недолгой — сидя по уши в снегу, я вдруг со всей очевидностью поняла, что теперь вряд ли могу назвать себя свободным человеком. Свобода оста-

лась там, с Мишей, за забором. Если все нормальные люди стремятся убежать из тюрьмы, то я зачем-то с нечеловеческими усилиями следовала в прямо противоположном направлении.

Где-то вдалеке загорелся огонек и послышались голоса. Тогда я и пошла, причем вело меня не столько чувство долга и даже не желание показать этому жалкому трусу там, за забором, как надо совершать подвиги, а дурацкая надежда на то, что где огонек, там и тепло, а где тепло, там и люди добрые. Увы, но моя филологическая мама слишком часто читала мне, маленькой наивной девочке, сказки, и добились-таки того, что я полюбила сказочных героев, поверила им.

Огонек погас так же неожиданно, как и зажегся, и темнота навалилась на меня с удвоенной силой. Теперь я уже совсем ничего не видела и брела вперед (хотя, может быть, и назад — в темноте разве поймешь?) безо всяких ориентиров, пока вдруг не заметила прямо над собой тоненькую полосочку света. Даже не то чтобы полосочку, а так, еле видимую щелочку, и не то чтобы света, а, скорее, полумрака, но на фоне окружающей полной тьмы она выглядела приветливо и притягательно. Я не стала противиться ее зову и, вскочив на ноги, прильнула к щелке. Оказалось, что свет пробивается из-под деревянной ставни, закрывающей маленькое зарешеченное окошко. Ставня была прибита к стене намертво, но она треснула посередине, и образовался просвет, шириной в полсантиметра. Увидеть мне ничего не удалось, зато я кое-что услышала.

В доме были люди, и они разговаривали. Слов я не разобрала, но уловила интонации. Сначала до моего правого уха, прижатого к щели, донеслось монотонное “бу-бу-бу-бу”, — говорил явно мужчина. Потом встряла женщина — она чем-то возмущалась и предпочитала изъясняться на повышенных тонах. Далее послышался глухой мужской голос, потом — женский смех... Интересно. Я пошла вдоль дома в поисках другой щели и нашла ее! Но по дороге совершила еще одно важное открытие — нащупала дверь. Дверь была железная, и на ней висел огромный амбарный замок.

С новой позиции (через новую щель) я увидела очень занимательную картинку — в глубине помещения стоял стол, на нем — настольная лампа, а вокруг стола сидели трое мужчин и две женщины. Одеты они были по-рабочему — в телогрейках, тулупах и спецовках, но даже издали не производили впечатления строителей или фермеров. Было в их облике что-то неправильное, нелогичное. Странно выглядела норковая накидка, закутывающая шею одной из женщин, в сочетании с телогрейкой. Не очень гармонировала женская ажурная шаль с тулупом одного из мужчин. Одна из женщин все время по-балетному отводила руку в сторону и вяло помахивала ею — нет, точно не доярка.

Лампа освещала только стол и небольшое пространство около него, и понять, что это за помещение, было трудно. Но складывалось впечатление, что все, сидящие за столом, что-то усердно рассматривают на его поверхности... Да, точно, судя по жестам, компания играла в карты.

Я задумалась. Странные, по-клоуновски одетые люди сидят в холодном (судя по тому, что все они в верхней одежде) помещении, мирно играют в карты. Снаружи — замок, вокруг — забор, а вдоль забора ходят вооруженные охранники. Что бы это значило?

Собственно, я пришла сюда искать несчастных собак — голодных и замерзших; я даже подготовила себя морально к тому, что найду горы собачьих трупов, но то, что я увидела, никак не вписывалось в придуманный мною сценарий.

Сбоку от меня опять зажегся огонек, и я, наконец, смогла разглядеть, куда меня так влекло последние полчаса. А влекло меня к покосившейся сторожке, или, как говорят иногда, к бытовке — в городах в подобных сооружениях обычно переодеваются строители, а в садово-огородных товариществах в них хранят лопаты. Сторожка, судя по всему, была пристроена к забору снаружи, но попасть в нее можно было только изнутри, войдя через ворота на охраняемую, огороженную забором, территорию. Вероятно, поэтому охранники время от времени совершали внешние обходы. Сейчас оба охранника стояли на железном крыльчке сторожки и подслеповато щурились.

— Колотун, — глубокомысленно заметил один из них. — Че-то я...

— Давай-давай, — подтолкнул его другой. — Погрелись уже. Не зли командира.

Вид у них был скорее жалкий, чем страшный. Одинаковым жестом натянув шапки поглубже, они побрели в темноту. Я побежала за ними.

Они дошли до ворот, долго возились с запорами, брякали ключами и лениво переругивались. Из их обрывочных реплик можно было заключить следующее: в сторожке сидит некий страшный шеф, который принуждает их совершать постоянные вооруженные прогулки вокруг территории, огороженной забором.

Вернувшись к сторожке, я заглянула в окно. В ней, спиной ко мне, сидел мужчина внушительной комплекции — на глазок, килограмм под сто весом. Сказать о нем что бы то ни было еще не представлялось возможным, потому что сидел он неподвижно и лицо свое тщательно скрывал.

Я проторчала у окна минут двадцать в надежде, что он повернется, но мужик не шевелился.

Вскоре появились охранники, с громким топотом поднялись на крыльцо, отчего сторожка затряслась, как стакан в едущем поезде. Я своевременно спряталась и дождалась, когда они

войдут внутрь. После этого, метнувшись к окну, я смогла насладиться только их синими мордами — командир по-прежнему сохранял неподвижность и демонстрировал мне только затылок и упитанную спину.

Между тем, ноги мои уже потеряли всякую чувствительность по причине низкой температуры окружающей среды, и самое время было подумать о возвращении домой. Но как? Впрочем, особого выбора не было, и я решила дожидаться очередного выхода в свет охранников.

На этот раз они засиделись в сторожке и выскочили на крылечко виноватые и взъерошенные, понукаемые выкриками изнутри.

— Давай, Евгений, шевелись! — неслось из сторожки. — Давай, давай!

Похоже, командир гневался и осуждал их пагубное пристрастие к теплу.

— Че... орать-то? — обиженно пробормотал один из них, вероятно, он-то и был Евгением. Другой злобно посмотрел на дверь сторожки и выразительно плюнул под ноги. Дальше мне оставалось уповать только на их тупость и замедленность реакции. Я надеялась на то, что поговорка “внешность обманчива” в корне неверна, и что под их топорными мордами не может скрываться высокий интеллект.

Догнав охранников у забора в тот самый момент, когда ворота уже были открыты, я, не скрывая своего волнения, бросилась прямо под луч их фонаря.

— Ребята! Ребята! — крикнула я. — Командир просит вас вернуться! Скорей, там что-то случилось, скорей.

Один из охранников крупной рысью понесся обратно. Другой же оказался не так прост. Он направил фонарь мне в лицо и неприятным подозрительным тоном спросил:

— А ты кто?

— Ну здра-а-асьте! — обиженно протянула я. — Ты что, совсем обалдел?

Лицо охранника исказила болезненная гримаса — он старался вспомнить, старался изо всех сил, но не мог.

— Да Зина я! — И я бодро зашагала к приоткрытым воротам. Он протянул руку с тем, чтобы схватить меня за куртку, я сделала вид, что не замечаю его приставаний, и еще более активно принялась зазывать его наружу:

— Пойдем, пойдем, не тяни.

В этот момент из темноты выскочил первый охранник Женя и еще некто, в кроличьей шапке-ушанке и кашемировом пальто, — видимо, здесь, на охраняемой территории, был принят смешанный стиль одежды: если телогрейка, то с норковым манто, а если смокинг, то с валенками.

Выбора у меня не оставалось, и я рванулась к воротам с невиданной для себя резвостью, ни секунды не сомневаясь, что

сейчас, вот-вот, за моей спиной послышатся выстрелы, после чего мой хладный труп рухнет к ногам кровавых убийц. Господи, грустно-то как! И как не вовремя!

Между тем за моей спиной послышалась какая-то возня, скрип снега, кто-то грязно выругался, и я поняла, что командир решил меня сначала поймать, а уж потом убить. Они бежали за мной, и бежали быстро, уж потом быстрее, чем я. Короче, надежды на спасение не было никакой, я так себе и сказала: "Ну, все". Тут кто-то схватил меня за руку и с силой рванул в сторону. Я упала и провалилась в узкую яму. "Молчи, — прошептал Миша мне в ухо, — и пригнись посылней".

Я потом долго думала, как Мише удалось отыскать в крошечной темноте эту дырку, полностью, к тому же, засыпанную снегом? Похоже, здесь когда-то росло большое дерево, которое зачем-то выкорчевали, или оно само ушло в ближайший лес, истосковавшись по общению с себе подобными, а в земле осталось приличное углубление почти в человеческий рост. Миша толкнул меня туда и втиснулся рядом. На головы нам посыпался снег с краев нашего окопчика, и мы притихли. Преследователи мои продолжали метаться по полю, шарили фонариком и громко спрашивали друг друга, куда это я могла деться.

Устав от беготни, они остановились в нескольких метрах от нас.

— Я знаю эту девку, — сказал кашемировый командир. — Я ее знаю. И она от меня не уйдет.

И тут я узнала голос. Морозов! Живодер! Так вот кто у нас здесь командиром работает! Только он сам на себя не похож — борода, волосы из-под шапки длинные торчат — чудеса!

Недооценила я скромного любителя ножа и топора, когда предлагала ему щенка. Я-то приняла его за шестерку, за исполнителя, а он, гляди-ка, — целый командир!

Наконец наши преследователи ушли, а мы с Мишей, подождав для верности еще несколько минут, выбрались из окопчика, короткими перебежками добрались до машины и тихонечко поехали к шоссе. Миша держался хорошо, хотя его слегка потрясывало, я же впала в транс, и первое, о чем попросила Мишу, — отвезти меня к маме. Сегодня мне хотелось, чтобы обо мне заботились, чтобы меня кормили и гладили по голове.

— Я не понимаю одного, — рассуждал по дороге Миша, — допустим, там собачья тюрьма, как ты говоришь. Но зачем так ее охранять и на людей с ружьями кидаться?

— Я думаю, что там живодерня, а не тюрьма. А издевательство над животными — это уже статья.

Миша бросил на меня косою презрительный взгляд:

— Сащ, вроде взрослая уже девица, про бандитов пишешь, про криминал, про ментов, а чушь несешь несусветную. Где и кого у нас судили за то, что собаку убил. Да еще бездомную. Нет, что-то там они посерьезнее прячут. В милицию поедем?

— Я сейчас туда позвоню, своему знакомому оперу, — ответила я. — Спасибо тебе.

— И тебе. — Миша по-отечески похлопал меня по плечу. — Развлекла, ничего не скажешь. Да, этот бандюга сказал, что он тебя знает. Значит, и ты его знаешь. А?

— Знаю. Его-то я и выслеживала все время, но в шапке и в бороде не узнала. Потом только, по голосу.

Глава 19. Общежитие

А утром этого дня, еще задолго до приезда Саши, сразу после завтрака появился “тюремщик Евгений”, как называли обитатели барака своего стража, и велел новенькому явиться на беседу. Ответом ему было гробовое молчание и скорбные лица.

— Видите ли, юноша. — Гинзбург взял тюремщика под руку и принялся прогуливаться с ним по бараку. — Психическая организация новенького оказалась слабовата. Вероятно, произошел иммунный сбой или что-то вроде этого. Стрессы, юноша, стрессы всему виной.

— Чего? — наконец очнулся тюремщик. — Чего?

— Он говорит, что все болезни от нервов, — крикнул Тропин из глубины барака. — И вчерашний наш гость слег. Заболел, то есть.

Тропин показал пальцем на топчан, стоящий в темной части помещения. Тюремщик Евгений подошел к топчану и принялся внимательно разглядывать лежащего на нем Колю Бабкина. Зрелище было грустное. Тюремщика неприятно поразили цвет лица новенького — землисто-серый. Не лучше смотрелись бледные потрескавшиеся губы, темные круги под глазами и красные пятна на щеках. А уж нездоровый лихорадочный блеск глаз... Удивительно, но факт — болезненный вид состарил Колю на несколько лет, и скажи он сейчас, что ему двадцать шесть, Коле не поверили бы, и запросто могли бы добавить: “А выглядите на все тридцать”.

— А он не заразный? — заволновался тюремщик Евгений.

— Нервы у него, тебе же объяснили, — раздраженно дернула плечом Люда. — А нервные болезни не заразные.

— Как сказать, — задумчиво протянул Тропин.

— А почему у него ... вот здесь, — тюремщик ткнул себя пальцем в щеку.

— Пятна? — уточнил Гинзбург, а Маша испуганно замахала руками и закричала:

— Ой, на себе-то не показывайте.

Тюремщик отдернул руку и уже собрался уходить, и тут Коля подал голос. Слабый, но решительный:

— Я на все согласен, — четко произнес он. — Сколько нужно денег, я все переведу. Немедленно. Только бы здесь не оставаться.

После этой речи Коля зашелся в припадке хриплого кашля, под звуки которого тюремщик спешно покинул барак и уже через минуту докладывал Морозову:

— Парень-то вчерашний заболел. Страшный, как... Хрипит, трясется, говорит, согласный на все.

Морозов молчал и смотрел на тюремщика брезгливо. Тот помялся, повздыхал и счел нужным добавить:

— Заразный он, думаю. Как бы они не перемерли там все.

— Думаю! — Морозов плюнул на пол. — Заразный! Тащи его сюда, не мне же туда идти.

— Так он лежит, не ходит.

— Ясное дело — раз лежит, значит не ходит. Пойди и приведи. Ноги-то у него не сломаны? Не может идти — приволоки. — Морозов уже почти кричал.

— Иду. — Евгений счел за благо не спорить. — Трогать его только боязно.

В бараке в это время царило радостное оживление.

— Молодец! — Тропин потирал руки. — Молодец, Роберт. Так держать. Умирай и дальше.

Женщин тоже распирала гордость.

— Вот что значит правильный макияж, — с гордостью говорила Люда. — Только мой Максимов этого не понимает. Он, дурак, всю жизнь мне талдычит: что мажься, что не мажься, роза та же самая.

— Руку, руку вперед протяни, — просил Колю Гинзбург. — Проверим.

Коля вытянул руку, и все захлопали в ладоши: рука тряслась, как у запойного алкаша перед опохмелкой.

— Отлично!

В офисе автосалона Роберта Кунца в это самое время мирно попивали кофе старший оперуполномоченный Коновалов и младший оперуполномоченный Зосимов. Секретарша Кунца Ларочка усиленно строила глазки обоим:

— Все-таки какая мужественная у вас профессия. И благородная, — мечтательно говорила она. — И опасная, правда ведь?

— Не то слово, — кивал Василий, недрогнувшей рукой беря седьмое по счету пирожное.

— Ужас! — продолжала восхищаться Ларочка. — Ведь ни сна, ни отдыха...

— Ни росинки маковой во рту, — подхватил Леонид, выразительно глядя на горку воцеленных оберток от пирожных около чашки Василия.

— Не могу принять твой несправедливый упрек, товарищ, — укоризненно качал головой Василий. — Тебя ведь тоже угощают. Ларочка — добрая душа. Кушай сладости, от них люди добреют.

Поедание дорогостоящих сладостей, однако, не принесло оперативникам долгожданного душевного покоя. Оба с тоской

и надеждой поглядывали на телефон, вздрагивали от каждого звонка и матерились про себя по поводу того, сколько никчемного постороннего народа звонит в приемную Кунца и занимает линию.

В бараке, между тем, жизнь тоже не стояла на месте.

Тюремщик Евгений, оборвав своим появлением всеобщее веселье, виновато распорядился прямо от дверей:

— Командир велел ему прийти. — И тут же добавил нервно: — Ничего не хочу слышать.

— Ну, знаете, — возмутился Гинзбург. — Одного мы его не отпустим. Я как врач просто обязан сопровождать больного.

Тюремщик пожал плечами, но не нашел, что бы можно было возразить. А скорее всего, не захотел — ему же лучше, не придется тащить парня на себе.

Коля с видимым усилием поднялся, встал, ноги его подкосились, но он не упал. Гинзбург кинулся к нему, подставил плечо, и они медленно двинулись на беседу. Тюремщик предусмотрительно держался чуть в стороне.

На Морозова внешний вид Коли тоже произвел впечатление. А поскольку почти каждое слово, сказанное Колей, сопровождалось отвратительным кашлем, Морозов согласился на посреднические услуги Гинзбурга. В результате Коля полусидел-полулежал на стуле, закрыв глаза, а беседу вел Гинзбург.

— Вы, надеюсь, сами видите, что срочно нужен врач, — агрессивно начал Гинзбург.

— Вам и карты в руки, — огрызнулся Морозов. — Насколько я помню, вы ведь не слесарь?

— Я гинеколог! — Гинзбург возмущался вполне искренне. — А перед нами, во-первых, мужчина, а во вторых, у него болезнь несколько иного рода, нежели те, которые приходится лечить мне.

— Ничем не могу помочь, — усмехнулся Морозов. — Считайте, что жизнь вашего товарища в ваших руках. Принимайте решение, соглашайтесь на наше предложение, и вперед. Но только все вместе, одновременно.

— Что ж, — Гинзбург гордо выпрямился. — Теперь у нас нет выбора. Здесь собрались порядочные люди, то есть не здесь, а там, — он кивнул в сторону барака. — И мы не можем рисковать человеческой жизнью. — Гинзбург поддержал покачнувшегося и готового упасть Колю, посадил его поудобнее и продолжил: — Вот, Роберт предлагает начать с него. Он позвонит к себе на фирму и деньги вам тут же переведут.

— Нам без разницы, кто будет первым, — сказал Морозов. — Очередность не играет роли. Тем более, что между первым звонком и последним, как мне кажется, не пройдет и нескольких минут.

Гинзбург подошел к Морозову и тихим, злобным шепотом сказал ему в ухо:

— Пока молодой человек может разговаривать — ловите момент.

— Неужто помрет? — недоверчиво ухмыльнулся Морозов.

— Нет. Просто вырубится на недельку. Я видел, чем кончаются сильные потрясения у людей с подобной уязвимой нервной системой. Вы, надеюсь, понимаете, что реагирует на все происходящее он явно неадекватно. Явно чересчур.

Оставив Евгения присматривать за пленниками, Морозов с улицы позвонил шефу, и тот дал добро на звонок Коля на фирму.

— Ларочка, это я, — хриплым голосом сказал Коля, с трудом удерживая в руках мобильный телефон — руки его дрожали, пальцы не слушались, и трубка так и норовила вывалиться. Коле было бы легче, если бы он мог прижать трубку к уху, но Морозов категорически настаивал на том, чтобы телефон был повернут к аудитории, чтобы присутствующие слышали не только то, что говорит Коля, но и то, что ему отвечают на том конце провода.

— Кто это я? — строго уточнила секретарша Кунца Лариса.

— Роберт Михайлович, — рявкнул Коля.

— Ой! — Ларочка испуганно вскрикнула. — А я вас сразу не узнала. Голос какой-то охрипший.

— Я приболел, — жалобно произнес Коля.

— Вот беда, — заохала Ларочка. — Надо же, во время отпуски. Как же вы так?

— С погодой не повезло, — объяснил Коля. — Лариса, найди мне Фридмана.

— Он на месте.

— Соедини.

В трубке послышалась музыка — симфонический оркестр играл “У самовара я и моя Маша”, и вскоре Коля услышал до боли родной голос капитана Коновалова:

— Слушаю, Роберт Михайлович.

— Марк Петрович, будь другом, переведи деньги с моего счета, с того, на котором деньги для покупки дома, в банк “Полаза”. Сейчас скажу, на какой счет.

— Что-то срочное? — уточнил Василий.

— Да. Сегодня сделай, если успеешь.

— Чего ж не успеть-то, утро еще. Сколько денег?

— Все.

В трубке наступило глухое молчание. Гинзбург вжался в кресло и думал только об одном: только бы менты не переиграли. Только бы удержались в зоне золотой середины.

Впрочем, волновался гинеколог напрасно — пауза была в меру долгой, но не слишком.

— Все? — в голосе Василия было одно сплошное удивление. — Все? Там пятьсот тысяч долларов.

— Я помню. — Коля, справившись с очередным приступом кашля, заговорил строже: — Вы же знаете, я дом покупаю.

— В Брянской области? — Василий, прекрасно игравший роль коммерческого директора автосалона Фрийдмана Марка Петровича, не собирался сдаваться после первого предупреждения. — За такие деньги?

— Нет, дом в Подмосковье. Просто я не успел вас предупредить перед отъездом. — Коля вдруг заговорил быстро, судорожно. Он не сводил испуганных глаз с Морозова, и было видно, как он хочет убедить своего коммерческого директора, как хочет развеять его дурацкое упорство. — Сделать это нужно срочно, я хочу этот дом, а желающих на него много.

— На дом, стоимостью в пятьсот тысяч? — продолжал упираться капитан Коновалов.

— Да!!! — заорал Коля. — Это, в конце концов, мое дело.

— Хорошо, Роберт Михайлович, — ледяным тоном произнес Василий. — Но я не могу это сделать на основании телефонного звонка.

— Вот как? — в голосе Коли появились ядовитые интонации. — Вы, может быть, сомневаетесь, что я — это я?

— Нет, не сомневаюсь. Но такие деньги...

— Мне это надоело. Делайте, что вам говорят.

— Только после письменного распоряжения.

Морозов интенсивно закивал головой: соглашайся!

— Хорошо, я перезвоню. — Коля нажал кнопку, отключающую связь, и все-таки уронил телефон.

— Я вернусь к вечеру, — пообещал Морозов. — Вероятно, подобные проблемы могут возникнуть у всех, так что готовьте письменные распоряжения.

— А вы готовьте липовые договоры и счета, — подытожил Гинзбург.

Потом он, почти волоком, притащил Колю в барак, где их с нетерпением ждали. Операция единогласно была признана удачной, в связи с чем компания немедленно приступила к распитию спиртных напитков, и даже Виолетта милостиво разрешила налить ей "капельку".

Василий с Леонидом тоже пребывали на седьмом небе от счастья. Развязка была совсем близко, им казалось, что осталось всего-ничего: повязать гонца, который привезет письменное распоряжение Кунца на перевод денег.

Глава 20. Василий

Проклинать судьбу — занятие бесперспективное. И все же Морозов больше всего бесился от сознания близости развязки. Вот, все согласились, завтра, в крайнем случае — послезавтра, все деньги должны были уйти в Литву в банк "Полаза". И тут эта девка! Что ей стоило явиться сюда на денек по-позже?

Отдав распоряжение охране "готовить базу к эвакуации", он позвонил шефу. Разговор получился на удивление спокойным.

— Что я могу тебе предложить? — сказал шеф после того, как Морозов закончил свой рассказ о невесте откуда взявшейся и невесте куда исчезнувшей девчонке. — Вези базу ко мне на старую дачу. На старую, ты понял? В Заречное. В подвале их там размести.

— Спасибо, — неожиданно для себя бросил Морозов.

Он не участвовал в погрузке обитателей барака в машину, но внимательно наблюдал за происходящим издали. Как только закрытый фургон покинул территорию фермы, Морозов бросился к своей машине и рванул к дому той, которая в последние несколько дней с таким сокрушительным успехом отравляла ему жизнь. На этот раз у него не было с собой пистолета, но он был уверен, что вполне хватит и ножа.

Но Сашу он дома не застал. В это время она, сидя на маминной кухне, запивала успокоительные таблетки водой и, действительно, как обещала Мише, пыталась дозвониться своим милейшим приятелям. Василия не было ни дома, ни в МУРе. И Леонид куда-то пропал. А у Гоши было занято.

— Мам, пока ты разогреваешь ужин, я полежу немножко, ладно? — спросила Саша, забираясь на диван. Телефон она поставила рядом с собой, намереваясь во что бы то ни стало дозвониться.

— Полежи, детонька! — донеслось из кухни. — Я тебя позову, когда все будет готово.

Но когда через пятнадцать минут мама зашла в комнату, Саша уже крепко спала. Переставив телефон на тумбочку, мама накрыла Сашу вторым пледом и решила девочку не будить.

Морозов, между тем, убедившись, что окна Сашиной квартиры темны, тихо поднялся по лестнице, вставил в замок ключ, который он подобрал накануне, открыл дверь и вошел внутрь. Нож он держал в правой руке, а левой рукой шарил впереди себя, как слепой.

Прикрыв за собой входную дверь, он прислонился к ней спиной, дожидаясь, пока глаза привыкнут к темноте. И в этот момент в лицо ему грохнул выстрел. Потом еще один. Он умер почти сразу, но перед смертью все-таки успел удивиться: кто?

Следующим утром, разместив засады в офисах пропавших предпринимателей, оперативники Коновалов и Зосимов вместе с прилипшим к ним следователем Малкиным прибыли на совещание к начальнику второго отдела МУРа.

Полковник Сергей Иванович Зайцев угостил троицу чаем и проявил отеческую заботу. О субординации он временно забыл, что было ему свойственно в минуты удач, и сам ухаживал за подчиненными, подливал им чаек, намазывал хлеб маслом и хвалил, хвалил, хвалил:

— Можете ведь, если захотите. Но расслабляться рано. Душайте и над другими вариантами.

— Мы ищем джип “ниссан-патрол”, — чавкая, докладывал Василий. — Оцепили все.

— Джип! — полковник всплеснул руками. — В Москве проще найти месторождение нефти.

— Что — и нефть пропала?! — трагически завопил Гоша. — Ну не город, а воровской притон.

— Не паясничай! — одернул его Зайцев. — Думай лучше. Что делать будем, если здесь не выгорит?

Гоша придал лицу задумчивое выражение, оперативники тоже попытались изобразить на своих лицах нечто подобное. В таком непривычном состоянии их и застала Саня.

— Ой, — она испуганно прижалась к двери. — Что это с вами?

— Кто тебя пустил сюда?! — заорал Василий. — Ты уже к товарищу полковнику приходишь, как к себе домой!

— Я по делу, — быстро сказала Саня. — У меня оперативное сообщение.

— Сообщай, — разрешил полковник. — Нам все равно пора отвлекаться.

Саня быстро, но не опуская подробностей, рассказала о своей вчерашней прогулке за город. Она увлеклась собственным рассказом: о себе говорила с видимым удовольствием (вот, какая я храбрая!), напарника Мишу описывала снисходительно, но с благодарностью, над людьми в бараке посмеивалась, над охранником откровенно издевалась... Прервалась Саня на полуслове, почувствовав, что вокруг творится что-то неладное. Все молчали.

— Что-то... не так? — испуганно спросила она.

— Какого черта ты не позвонила мне вчера?! — прохрипел Василий. — Сколько там людей? Которые в тулупах?

— Я звонила, но тебя не было... — начала оправдываться Саня. — А потом нечаянно заснула.

— А Коли? Коли Бабкина ты там не видела? — выдохнул Гоша. — Нашего Коли?

— А при чем тут Коля? — Саня ничего не понимала. — Коля — это же ваш стажер.

— Скорей! — заорал Василий. — Что мы тут рассиживаемся?! Скорей, берем омовцев! Быстро, Саня, рисуй Гоше схему — где этот забор и этот барак, как туда добираться?

К месту они прибыли в рекордно короткий срок, но открытые настежь ворота, створки которых слабо покачивались на ветру и противно скрипели, как нельзя лучше свидетельствовали о том, что оперативники опоздали. Барак, правда, был заперт, но пуст — сбив ударом приклада висячий замок, Василий с Леонидом смогли в этом убедиться. Было件нятно, что совсем недавно здесь находились люди; было件нятно, что они жили здесь довольно продолжительное время — на маленьком столике стояла стопка посуды, на крючке висели два не-

свежих полотенца, на топчанах вдоль стен лежали одеяла и подушки.

— Тарелок, между прочим, одиннадцать, — раздраженно заметил Леонид. — Все сходится. Пострадавшие плюс Коля.

Мрачный, как туча, Василий изо всех сил треснул кулаком по притолоке, взвыл от боли, и, с трудом взяв себя в руки, принялся раздавать распоряжения.

— Леня, собаку вызывай, будем обнюхивать. Рома, — Василий схватил за рукав эксперта-криминалиста, — осмотри каждый сантиметр. Перетряси одеяла, режь подушки, лупу в зубы — и под топчан. Они могли оставить весточку, нацарапать где-то что-то...

— Ладно, ладно, — эксперт недовольно высвободился из цепких рук старшего оперуполномоченного. — Не психуй. Пошукаем, чего-ничего найдем.

Не пригодившиеся омовцы вяло курили на свежем воздухе и, похоже, были вполне довольны мирным характером пейзажа. Нет бандитов — и отлично, целее будем.

Василий с Леонидом, оставив эксперту широкое поле деятельности, пошли к следующему барaku, стоящему на отшибе и призывно зияющему проемами окон, забитых фанерой.

Остановившись в двух метрах от некоего подобия двери, Василий перекрестился.

— Ого. — Леонид не верил своим глазам. — Давно ли о душе стал задумываться?

— Только что. — Капитан Коновалов не решался сделать последние три шага. — Я только одного боюсь — как бы там не оказались все наши пропавшие, только... только...

Трупов не оказалось, но картина, открывшаяся перед оперативниками, была более чем печальна. Вдоль стен барака стояли огромные клетки, а в них лежали собаки. Живые, но доведенные до крайней степени истощения. Когда Василий и Леонид вошли, овчарка в крайней клетке попыталась встать на ноги, но не смогла — лапы разъезжались, а голова болталась на тонкой шее, как на ниточке.

— О Господи! — Леонид отшатнулся к дверям. — Кто ж вас так?

Омовцы проявили неожиданную сердобольность и занялись кормлением собак чуть ли не с ложечки. Было решено, что сразу много еды им давать нельзя, сначала чуть-чуть. Но главное, что несказанно обрадовало животных, — это вода. Все пили долго и жадно.

— Они их даже не поили, — зло сказал Леонид. — Твари! Хорошо, что в стенах щели огромные и снег задувало внутрь, а то бы они и двух дней здесь не прожили.

— Куда их теперь? Здесь бросим? — спросил один из омовцев.

— Отпустим. — Василию явно не нравилось слово “бросим”.

— Они же на ногах не стоят.

Все задумались.

— Вернемся, позвоним Сане, она как раз влезла в собачью тематику, пусть занимается.

Эксперт, между тем, предупредил оперативников, что работы ему здесь на весь день, и Леонид с Василием решили его не ждать.

Перед отъездом капитан Коновалов еще раз посетил собачий барак, удовлетворился осмотром его обитателей, многие из которых уже ходили по своим клеткам, и, не удержавшись, забрал с собой маленького рыжего щенка.

— Ты становишься сентиментальным, — ехидно заметил Леонид, глядя, как старший оперуполномоченный трогательно прижимает собачку к груди, — это радует. Еще год-другой, и человеком станешь.

— Я? — Василий плотоядно усмехнулся. — Это совершенно исключено.

— Не советую вам вести себя так агрессивно. — Капитан Коновалов ласково улыбнулся. — Бесплезно. Ваш муж — преступник, и мы не уйдем отсюда, пока он не вернется домой.

— Я не замужем. — Лялька скорчила презрительную мину. — Но это вовсе не означает, что я могу позволить себе проводить ночь вместе с незнакомым мужчиной. Тем более — с таким.

— Каким таким? — уточнил Василий. — Таким привлекательным?

— Ой, Господи! — Лялька расхохоталась.

— Знаете, я иногда боюсь подвергать женщин такому искушению. Есть совсем необузданные. Видите, приходится все время носить с собой оружие. — Василий покрутил на пальце пистолет. — А то бросятся, бывало, на шею, и душат, душат меня в объятиях. Вся шея в шрамах.

— От объятий? Боже, вы меня утомили, — сказала Лялька. — Помолчать можете?

— Могу. Но не хочу. Вы огрызаетесь, а я должен выполнять ваши просьбы. — Василий заговорил жестче.

— Я огрызаюсь? С чего вы взяли? — Лялька налила кофе только себе, присела к столу и закурила.

— Ясен пень! — Василий встал и сам налил себе кофе. — Спорить вы будете со следователем. Наше дело простое — задержать и доставить. Наручники, там застегнуть, отстегнуть. Мордой в сугроб уложить. Коленкой по зубам.

— За что, хотелось бы спросить? — враждебно процедила Лялька.

— С удовольствием отвечу: за соучастие, за укрывание преступника, за отказ от помощи следствию, — елейным голосом

ответил Василий и тут же рывкнул так, что его собеседница чуть не выронила чашку. — Понятно?!

Лялька молчала, а капитан Коновалов не переставал удивляться. Его хваленая интуиция настойчиво подсказывала: все не то, все неправда. Ей бы послать его куда подальше, рассмеяться ему в лицо, пригрозить жалобой прокурору. Между прочим, подобное поведение было бы не только естественным для такой девицы, но и правильным. Ничего у МУРа на нее нет, прицепиться не к чему, а сожительство с преступниками у нас ненаказуемо. Или она и вправду его подельница?

— Ольга Викторовна, — Василий опять перешел на отеческий тон, — давайте все же попробуем договориться. Вы взрослый человек и не хуже меня знаете, что помочь следствию — лучшая защита от неприятностей. Вы поможете нам, мы поможем вам. Вашего друга мы все равно найдем, так что никакого смысла молчать и скрывать его местонахождение у вас нет. Помогите, а?

Лялька молчала.

Впрочем, у капитана Коновалова было такое хорошее настроение, что капризы и неадекватность Морозовской сожительницы его задевали мало. Он, как охотничья собака, чувствовал близость добычи и наслаждался этим чувством. Он твердо знал, что Валерий Юрьевич Морозов, подозреваемый в похищении одиннадцати граждан, среди которых один сотрудник МУРа, будет задержан с минуты на минуту, а его жертвы, соответственно, вскоре выпущены на свободу.

Василий не мог ответить себе на вопрос: почему злодей такого масштаба, куш которого в случае успеха равнялся бы пяти миллионам долларов, занимался мелкими аферами с бездомными животными и зачем в двух шагах от таких сумасшедших денег работать мошенником, обманывающим доверчивых сердобольных граждан, обещая им пристроить за гроши кошечек и собачек? Возможно, думал Василий, это синдром Шуры Балаганова, который, даже имея кучу денег, не может устоять перед искушением украсть пяточок в трамвае. Он думал о том, что Саня каким-то неведомым путем опять помогла им раскрыть преступление, и, конечно, она будет злорадоваться и говорить ему гадости: "Вот, Васечка, а ты отмывался от меня". Ну и пусть. О Сане он думал с нежностью и надеялся, что она не откажется встретиться с ним старый Новый год.

Короче, старший оперуполномоченный МУРа Коновалов был совершенно не готов к дурным новостям, и потому звонок младшего оперуполномоченного Зосимова совершенно выбил его из колеи.

— У нас ЧП, — траурным голосом сказал Леонид в ответ на бодрое "слушаю вас внимательно" Василия, — у Сани в квартире труп.

— Да что ж такое! — Василий выругался, не смущаясь присутствием дамы. — Сейчас еду. Пусть меня кто-нибудь подметит, омовцев пришли, что ли. Злодея-то упустить нельзя.

— Боюсь, мы его уже упустили, — перебил его Леонид. — Потому что это он и есть.

Василий не понял:

— Кто — он и есть?

— Труп. Санин труп. Тьфу, Господи, что я говорю, типун мне на язык, я имею в виду, что наш фигурант и покойник в Саниной квартире — это одно и то же лицо.

Смотреть на старшего оперуполномоченного в этот момент было просто страшно. Во всяком случае, Лялька испугалась по-настоящему. Она стала белее снега и вжалась в стул изо всех сил.

— Я уезжаю, дорогая, — мертвым голосом сказал Василий. — Но вернусь в самое ближайшее время. На прощание могу пообещать тебе о-о-очень большие неприятности.

И Василий понесся к Саше. Вся компания была уже там: и Леонид, и Гоша, и эксперт Жилин, и какой-то неизвестный мужик, которого Василий сначала принял за врача. И даже успел задать ему несколько вопросов по существу:

— Огнестрельное?

Мужик кивнул.

— Когда наступила смерть?

— Я полагаю, около суток назад, — ответил мужик.

— Полагаю! — заорал Василий. — А ты поточнее определи, градусник в задницу вставь! У нас тут не “Что, где, когда”.

— Прекрати, — одернул его Леонид. — Человек тут ни при чем, он Санин приятель, и вместе с ней обнаружил труп.

— Пардон. — Василий сделал примиряющий жест руками. — Обознался. А где судмедэксперт, мать вашу?!

— Едет. — Леонид потащил Василия на кухню, где сидела испуганная Саша с опухшим от слез лицом и мелко тряслась. Старший оперуполномоченный понимал, что девочку надо бы пожалеть, успокоить и забрать отсюда немедленно, но для этого он был слишком расстроен.

— Допрыгалась? — прошипел он. — Доигралась в сыщиков? Молодец. Трупов у тебя раньше не водилось. Так что растешь. Поздравляю.

— Я его не убивала, — стуча зубами, прошептала Саша. — Это не я.

— Дура! — заорал Василий. — Что ты несешь?!

— Хватит орать, — попросил Гоша. — Мы все не в восторге от случившегося. Ори — не ори, лучше не станет.

— Подожди, — Василий посмотрел на Сашу. — А где ты была прошлой ночью, когда его шлепнули? И что это за тип? — Василий кивнул в сторону двери. — Я так понял, что сегодня ты позвала его в гости на ночь глядя.

— Ну, самое время для сцен ревности, — протянул Леонид. — Я не устаю тобой восхищаться, начальник. Ты совсем сдурел.

— Вениамин Гаврилович меня просто проводил. — Саня испуганно глянула на дверь кухни. — Он мой стоматолог, я вечером была у него в клинике. А вчера я была у мамы. И мама может подтвердить. Еще меня видела соседка тетя Валя.

— Твой стоматолог? — Возмущению Василия не было предела. — Твой? Во-на какой сервис-то у нас теперь! У тебя так болел зуб, что ты идти не могла. А костылей под рукой не было, пришлось везти домой.

— Значит, так. — Гоша попытался перевести разговор в конструктивное русло. — Почему его грохнули здесь? И как он вообще сюда попал? Вот что неплохо бы понять. Хотели подставить Саню? Зачем? Значит, она им помешала. Вот отсюда и давайте плясать.

— У него при себе что? — Василий, наконец, взял себя в руки.

— Нож. — Гоша положил на стол целлофановый пакет. — Он залез сюда, будучи вооружен холодным оружием. Так-то.

— Так он убивать тебя пришел?

— Наверное, — кивнула Саша, и губы у нее опять задрожали.

— Интересное кино. — Василий вскочил и пошел осматривать труп. Осмотр его не удовлетворил. — Кустарщина. Один выстрел вообще никуда. Как с такого расстояния можно было попасть в плечо?

— Зато второй — в десятку, — возразил Леонид. — Видел дырку во лбу?

— С трех шагов даже эта курица, — Василий ткнул пальцем в Сашу, — не промахнулась бы.

— Я не убива-а-ала! — завывала Саша.

— Простите, — вступил в разговор Сашин приятель. — Вы не будете против, если я заберу отсюда девушку? Или она вам еще нужна?

— Как это — заберу? — Василий грозно выпрямился. — Куда?

— Неважно куда, — миролюбиво ответил незнакомец. — Важно, что отсюда.

И, чувствуя, что настроение вновь прибывшего опера довольно склочное, предложил всегда и всех устраивающий компромиссный вариант:

— К маме, например.

— Сначала мы запишем ваши показания... — начал, было, Василий, но Леонид опять не дал ему договорить:

— Уже. Все уже записали. Забирайте, действительно, Саню, нечего ей здесь делать.

— Сильно все жалостливые. — Василий все еще пытался огрызаться, хотя возразить ему было нечего.

Саша, узнав о том, что можно уезжать, обрадовалась, насколько это было возможно в ее состоянии.

— Здесь еда в холодильнике, — быстро заговорила она, с благодарностью глядя на Леонида. С Василием она старалась не встречаться глазами. — Суп, курица, ну, вы сами разберетесь. Если проголодаетесь, то кушайте. Пока. Спасибо. Целую вас всех.

— Завтра утром чтоб была у меня, — кровожадно сказал Василий на прощание. И добавил, обращаясь к Леониду, когда за Сашей и Ильиным закрылась дверь. — Завтра все мне про этого типа узнаешь, все-все. Не нравится он мне.

В машине Саша опять начала плакать. Ильин молча вел “сааб”, и время от времени гладил ее по плечу. Она успокоилась минут через пять и поняла, что едут они отнюдь не к маме.

— Вообще-то лучше было бы...

— Нет. — Ильин покачал головой. — Не придумывай. Зачем волновать твою маму среди ночи? Сейчас приедем на дачу, ты примешь душ, я тебя покормлю и уложу спать. Не волнуйся, все будет хорошо.

— Но...

— Все, дискуссия закончена.

Саша вздохнула с облегчением. Ей и вправду было спокойнее с ним.

Оперативники провозились в Сашиной квартире еще около трех часов, и лишь под утро Василий вспомнил про Ляльку.

— Что-то с этой девкой не то, — поделился он с Леонидом своими подозрениями. — И знает она много больше, чем говорит.

— Ты намекаешь, что и про убийство своего сожителя она знала?

— Нет, вряд ли. — Василий почесал лоб. — Но про делишки его — знала определенно. Колоть надо, хотя, чуёт моя поджелудочная железа, непросто нам придется.

Глава 21. Общежитие

Переезд внес панику в ряды заложников. Женщины даже расплакались от страха, и убедить их в том, что перемена места обитания вовсе не равносильна смертному приговору, никому не удалось. Честно говоря, и представители сильной половины человечества были напуганы и озадачены. Никто не понимал — зачем? Трясаясь в закрытом фургончике, где нещадно дуло из всех щелей, но ни в одну щель ничего невозможно было рассмотреть, заложники перебрасывались короткими репликами, смысл которых сводился к следующему: убить нас могли бы и на старом месте, а раз везут куда-то, значит, их спугнули.

Переезд занял около часа, но их еще заставили минут двадцать просидеть в машине после того, как они доехали до нового

места. Потом, под дулами двух пистолетов, вывели из машины и проводили в дом. По внешнему виду — типичная подмосковная дача. Над дверью — выцветшая вывеска: “Починка примусов”.

Заложников провели в подвал и заперли там, сообщив на прощание, что утром придет человек и заберет письменные распоряжения на перевод денежных средств. Охранники оставили им стопку бумаги и ведро воды, а на вопрос: “Как насчет ужина?”, вежливо ответили: “Обойдетесь”.

— Заметьте, — сказал наблюдательный Тропин, — Психолог не участвовал ни в погрузке, ни в выгрузке.

Тропин хотел еще что-то сказать, но его совершенно неожиданно перебила подружка Гинзбурга Татьяна, чем всех несказанно удивила. Все прошедшие дни она была крайне молчалива, погружена в себя и в общих дискуссиях участия не принимала. И вдруг не только заговорила, но и перебила Тропина, к которому все и всегда прислушивались с особым вниманием.

— Я здесь была, — сказала Татьяна. — Месяц назад.

— Здесь живут твои знакомые? — быстро спросил Тропин.

— Нет. Меня сюда привезли. Двое. А потом выгнали, даже до станции не проводили. Вадим, наш сутенер, хотел потом с ними разбираться, ездил сюда, но никого не нашел, дом был пустой.

Все почему-то повернулись к Гинзбургу, чем невероятно его смутили.

— А я что? — забормотал он. — Я-то что?

Насладившись его потеряннным видом, все опять обернулись к Татьяне.

— Два парня, студенты, кажется. Приехали сюда, выпили, потом... ну, как обычно, а часов в одиннадцать вечера, поздно уже было, они говорят: “Все, до свидания”. Они уже пьяные были. Я им: “Довезите до станции, ночь скоро”, а они: “Сама доедешь, здесь недалеко”. Ну и вот. Сволочи. Зима же, холодно. И темно, страшно.

— Конечно, — гнусно пошутила Наталья, — еще изнасилуют.

И тут же замолкла под укоризненными взглядами присутствующих. Только Татьяна не обратила внимания на выходку Натальи и продолжила:

— Я попросилась переночевать, а они хохочут: “Ага, а потом мы без штанов проснемся, знаем мы вас”. И я ушла. До станции — минут двадцать. Станция “Веселовская”, а деревня, где дом вот этот, называется “Заречное”.

— Еще что помнишь? — Тропина даже трясло от возбуждения.

— Ничего. — Было видно, что Татьяна действительно пытается вспомнить. — Ничего. Кажется, один из них говорил, что это дача его дяди. Кажется, но не уверена.

Тропин обменялся с Гинзбургом выразительными взглядами, и, прихватив Колю, они ушли шептаться в дальний угол.

— Думай, Сережа, думай, — наседал Гинзбург на Тропина. — Нам повезло, мы знаем, где находимся. Надо придумать, как послать весточку.

— Ясно как, — Коля радостно потирал ладони, — в платежных поручениях.

— Действительно, ясно. — Гинзбург поморщился, досадуя, что Коля преподносит в качестве собственного открытия такую банальную мысль. — Проблема одна: чтобы наши мучители ничего не поняли, а наши доблестные сыщики смогли расшифровать. Какие будут предложения?

— Есть такой старый учебник, — быстро заговорил Коля, — называется "Особенности шифровой техники". У нас даже был такой факультатив на юридическом.

— И что же вам приходится шифровать? Донесения начальству? — уточнил Тропин.

— Расшифровывать. Хотя донесения тоже можно, из камеры, например, куда тебя посадили. Правда, никто не пользуется этим сейчас. Так вот, автор учебника Блюмберг. Если его упомянуть, могут сообразить.

— Допустим. — Тропин кивнул. — Но нам же еще надо название станции, деревни, нужно сказать, что это Казанское направление и указать примерное расположение дома...

— Достаточно про починку примусов, — перебил Гинзбург.

— Да, но как?

— Разбросать по текстам. И надеяться, что в спешке они не заметят, — сказал Коля.

— Слово "примус" не заметят? — возмутился Тропин. — Или слова "станция Веселовская"?

— Во-первых, слово можно запрятать в текст так, что оно никого не насторожит. Во-вторых, часть географических названий можно замаскировать под фамилии. Фамилии бухгалтеров. Или еще кого. Могут и не заметить. Они торопятся. — Гинзбург ободряюще улыбнулся. — А что нам остается? Попытка не пытка.

Остаток ночи прошел в совместном, уже с подключением всех остальных, сочинении платежных распоряжений.

Коля давал указание своему коммерческому директору М.П.Фридману и главному бухгалтеру Ю.Э. Блюмбергу срочно перевести на указанный счет пятьсот тысяч долларов. Если указанных денег не окажется на счету, он советовал попросить о помощи партнеров автосалона В.Ф. Коновалова, Л.Л. Зосимова. Тропин требовал от своего коммерческого директора пятьсот тысяч, но просил согласовать вопрос со своим компаньоном С.Т.Веселовским под его, Тропина, гарантии. Гинзбург написал более лирическое послание, в котором несколько раз изви-

нил за то, что просит исполнить его просьбу срочно, и умолял не принимать в расчет возможные возражения “этой деревенщины Заречного, а то я знаю, как он относится к моим планам относительно покупки загородного дома”. Кузнецов сухо и очень по-деловому приказывал перевести деньги на покупку дома. Он сообщал о том, что поселок, в котором находится покупаемый дом, находится всего в пятнадцати километрах “по нашему шоссе”.

Но истинным шедевром стало послание Пал Палыча Зуба. Оно было пропитано блатной лексикой, приказами “метнуться Барсиками” в банк и “перевести бабки”, обещаниями “порвать всех, как Тузик клизму” в случае задержки. Далее Зуб, пользуясь доступными ему лексическими средствами, запрещал принимать в расчет мнение некоего тухлого Петровича, а в случае, если тот начнет гнать, велел передать ему, что не намерен ни минуты больше оставаться в той жалкой загородной конуре, где он раньше проводил свои выходные дни, бегал в сортир на улице, топил буржуйку и разогревал харч на покоцанном примусе. “Петрович, — говорилось в письме, — если ему не в падлу, пусть сам срет на холоде и чинит примус”.

Решение о том, что слово “примус” должно быть упомянуто в тексте Пал Палыча дважды, было принято коллегиально, с перевесом в один голос.

В тексте Максимова подробно описывался внешний вид и внутреннее убранство замечательного трехэтажного коттеджа в ближайшем Подмосковье, такого, о котором он всегда и мечтал и за который ему ничуть не жалко пятисот тысяч долларов. Он сообщал своему финансовому директору, что окружающая коттедж природа напомнила ему пригороды родного города Казани, где он родился и вырос.

— Должны же они сообразить, что нет у нас таких бухгалтеров, что нет у Ильи никакого Заречного, и что даже в самых глухих деревнях никто уже не пользуется примусами, — мечтал Тропин.

— Не знаю, как ваши, — протяжно пищал Максимов, — но в моей фирме каждая собака знает, что я родился в Москве, и что первый раз меня кинули в Казани. Я до сих пор ненавижу этот город.

...Пока заложники сочиняли шифровки, Петр Огурцов сидел в кабинете заместителя префекта Окружной префектуры и нервно пил минералку. Сам Олег Наумович, как водится, носился по кабинету и орал:

— Ты должен мне все объяснить! Почему? Зачем? Кто? Я ничего не понимаю.

— Я тоже, — слабым голосом откликнулся Огурцов.

— Так узнай! Подключись к расследованию! Найди концы! Кто из нас в милиции работает?

— Все, что связано с милицейской стороной дела, я узнал. Но она ничего не проясняет, — отмахнулся Огурцов.

— Тебе! — заорал Зеленский. — Тебе не проясняет! А мне, может быть, прояснит. Так что там?

— Его пристрелили, как собаку, в упор... — начал Огурцов.

— Не надо про собак, — взвизгнул Зеленский.

— ...но не это самое интересное. Пристрелили его в квартире той самой девчонки, которая все время ему досаждала.

— Она и у меня была, — кивнул зам. префекта. — Хитрящая — ужас. Про собачек все расспрашивала.

— Не надо про собак, — улыбнулся Огурцов, но улыбка получилась жалкая и беспомощная. — Так вот, у него при себе была финка. В руке. То есть, видимо, он пришел ее подрезать.

Зеленский кивнул.

— Вы знали? — удивился Огурцов.

— Точно не знал, но он мне намекал, что собирается с ней “разобраться”. Так что можно было догадываться. Ты ж его методы знаешь: ножом по горлу и в колодец.

— Чем же она его так допекла?

— Здрасьте! — Зеленский опять перешел на визг. — Она его выследила, он вынужден был базу эвакуировать на старую дачу. Куда уж больше!

— Сначала ведет себя, как последний обормот, — Огурцов стукнул кулаком по столу, — а потом разыгрывает супермена! Всех зарезу, всем кровь пуццу! Лучше бы смотрел по сторонам, направо-налево, когда улицу переходит. Девчонка его выследила, мыслимо ли?

— Что сейчас об этом говорить? — устало произнес Зеленский. — Ты лучше напрягись и подумай, кто мог его пристрелить?

— Я уже весь изнапрягся. — Огурцов обхватил голову руками. — И так прикидывал, и эдак. Знаете, что получается? Никто не мог. Никто. Он никому не мешал. Он всем был нужен. Он — та самая шестеренка, без которой все летит к чертовой матери.

— Но ведь его же убили?!

— Да. Более того — в чрезвычайно странном месте и при очень странных обстоятельствах. Загадка без разгадки.

— Загадок без разгадок не бывает, — оборвал Огурцова Зеленский. — Слушай, а эта девка не могла его шлепнуть? Ну, в порядке самообороны?

— Нет, — покачал головой Огурцов. — У нее алиби.

— Не липовое?

— Нет, самое что ни на есть. Я проверял.

— Слушай, — Зеленский опять принялся расхаживать по кабинету, — а почему он решил ее подрезать? Почему не взял пистолет?

— Не знаю!!! — закричал Огурцов. — Это еще одна загадка.

— Кому-нибудь он мог рассказать, что пойдет к ней вечером? Мог? — Зеленский уставился на собеседника воспаленным взглядом.

— Обычно граждане, решившиеся на преднамеренное убийство, не информируют окружающих о своих планах.

— Хорошо. — Зеленский заговорил спокойно и рассудительно. — Оставим пока шарады и ребусы, представим, что его шлепнул случайный грабитель.

Огурцов выразительно пожал плечами, в том смысле, что в такую дикую версию он поверить просто не в состоянии.

— Грабители с пистолетами не ходят к полунищим журналисткам. Тем более, в такое время, когда хозяева уже должны быть дома. Тем более, что в течение рабочего дня ее никогда дома не бывает, а дверь в ее квартиру открывается ногтем.

— Но ничего другого мы не можем придумать! — возмутился Зеленский. — Думай, как быть. Нам-то ничего не угрожает?

— Надеюсь, что нет. — Огурцов протянул вперед дрожащую руку и принялся загибать пальцы: — Девчонка раскручивала собачью линию, так? Так. Следила за Морозовым из-за этого, так? Так. Собачек жалела, ой, извините, про собак больше не буду.

— Да ладно, — махнул рукой Зеленский.

— Рискнем. Надо ехать туда и брать у них бумажки.

— Зачем ехать? — насторожился Зеленский. — Пусть охранники подвезут.

— Они не соглашаются оставаться там поодиночке, — с раздражением пояснил Огурцов. — Боятся. Говорят, что им и вдвоем неудобно — не получается наладить охрану, как надо.

— Ладно, поезжай ты. — Зеленский не то чтобы успокоился, но поутих. — Поезжай. Но осторожнее! Осторожнее, прошу тебя.

— Сам боюсь.

Огурцов приехал на дачу ранним утром, бегло пробежал их послания, сквозь зубы заметив, что “слов многовато”, но страх определенно застил ему глаза, и потому, наверное, он не насторожился и ничего не заподозрил. После его отъезда все заложники заметно повеселели, но нервы и у них были на пределе. Дошло до того, что Маша Зуб тихонечко начала бормотать “Отче наш” и креститься, а застарелый атеист Тропин счел подобное поведение более чем уместным.

— Только бы пронесло, — говорил он, глядя вверх, — только бы поняли...

Глава 22. Василий

Саша не приехала ни в девять утра, как он ей приказал, ни позже, но Василий почему-то не удивился. Усталый и заторможенный после бессонной ночи, он вяло реагировал на окружа-

ющее, но спать не хотел. После убийства Морозова главной его надеждой стала ночная приятельница Ольга Викторовна Гузева, или, по-простому, Лялька.

— Сам поеду посмотрю за ней, — решил Василий. И, разминая затекшие мышцы, пояснил коллегам: — Не доблести ради, а любопытства для.

— Зачем же самому-то мараться? — попробовал возразить Леонид. — Послать, что ли, некого?

— Поеду, — упрямо сказал Василий. — Да и здесь нечего высиживать, с тоски подохнешь.

Надо отдать должное терпению старшего оперуполномоченного Коновалова, Ольгу Викторовну он дожидался довольно долго, почти три часа. За это время его “Жигули” превратились в небольшой сугробчик, потому что снег шел не переставая. Впрочем, с точки зрения маскировки, осадки были только кстати.

Лялька вышла из дома, села в свою машину и рванула с места, как заправский гонщик. Василий висел у нее на хвосте и всю дорогу громко разговаривал сам с собой, одновременно возмущаясь и радуясь тому факту, что бдительность и осторожность девушке, судя по всему, не ведомы — она даже не удосужилась проверить, следят ли за ней.

Лялька привезла Василия к маленькому ресторанчику на западной окраине Москвы. Внутрь старший оперуполномоченный заходить не стал — помещение ресторана было небольшим, и спрятаться там было негде. Пришлось зажигалкой размораживать пяточок окна и подсматривать в образовавшийся глазок. Василий пережил немало неприятных минут, наблюдая, как сожительница Морозова ест горячий суп и выпивает водку. Что творилось в желудке промерзшего капитана Коновалова и в его бессмертной, но истосковавшейся по теплу душе, трудно описать словами. Правда, сам Василий, прикинув к заледеневшему окну, комментировал происходящее весьма красноречиво. Помимо настойчивых пожеланий обжечься и подавиться супом, Василий рекомендовал Ляльке “сдохнуть”, причем немедленно.

Она, вопреки пожеланиям, вяло ела супчик, попивала водочку и вскоре разругалась и похорошела, что довело бедного старшего оперуполномоченного буквально до истерики.

— Гнида, — цедил сквозь зубы Василий, — только бы жрать!

Каково же было ему, бедному, когда Лялька, доев и допив, преспокойно вышла из ресторана и уселась в свою машину.

— Что-о?! — заревел Василий. — Что происходит?!

Отчасти утешило его то, что после обеда Лялька поехала за город. Миновав две деревушки, расположенные прямо за кольцевой дорогой, она въехала в коттеджный поселок и остановилась у большого красивого дома. Василий проехал

дальше, оставил машину за поворотом и бегом вернулся назад. Ляльки уже видно не было. Василий прошелся вдоль забора и, убедившись, что улица пуста, легко, несмотря на солидный вес, перемахнул через двухметровое препятствие. Плухнувшись в сугроб, он прислушался и аккуратно высунил голову из снега. То, что увидел капитан Коновалов, удивило его настолько, что он начисто забыл о конспирации и так и застыл в полусогнутом положении с торчащей из сугроба головой и с широко открытым ртом. А картина была следующая: у ворот стояла Лялька, прижав руки к лицу, будто защищаясь от удара, а на крыльце дома сидела Саня в накинутой на плечи пятнистой шубке и смотрела, как огромная кавказская овчарка поглощает что-то из миски, размером близкой к тазу. Ни Ляльку, ни Василия Саня не видела, потому, вероятно, что была всецело поглощена кормлением собаки, а Лялька, казалось, видела только Саню, никого и ничего больше.

— Все? — спросила Саня, когда собака, облизнувшись, просительно подняла голову. — Доел? Еще хочешь? Не знаю, не знаю, пойду спрошу у твоего хозяина.

Повернулась и ушла в дом.

Василий сел обратно в снег и обхватил голову руками.

— Ничего не понимаю, — сказал он себе. — Хоть убейте. Что она здесь делает? И почему эта сюда приперлась?

Очнулся он от тяжких раздумий только тогда, когда створка ворот громко хлопнула — это Лялька выскочила за пределы участка и побежала к своей машине. Василий решил больше не лазать по заборам и последовал ее примеру. Крадучись, он добрался до ворот, вышел на улицу, надвинул шапку поглубже и медленно пошел в сторону Лялькиной машины. Ему удалось подойти достаточно близко, настолько, чтобы увидеть Ляльку, сидящую на водительском сиденье и бурно рыдающую.

— А веселенькая у них здесь жизнь, — заметил Василий, возвращаясь к своим "Жигулям".

Домой Василий вернулся, когда уже стемнело. Телефон разрывался, и звонил, разумеется, Леонид.

— У нас новости, — начал он, — сейчас расскажу, а лучше — подъезжай в контору.

— Плохие? — не столько спросил, сколько констатировал Василий.

— Нет.

— Хорошие? — Василий искренне удивился.

— Не знаю. Пришли распоряжения о переводе денег в прибалтийский банк "Полаза". От всех наших пропавших. И что делать теперь, не совсем понятно.

— Что значит "пришли"? Они с ногами или с колесами?

— Начальник, ты не о том думаешь. В один офис письмо принес мальчик, его наняли на улице за сто рублей. В другой

офис — водитель такси. И так далее. Или ты надеялся, что сами злодеи явятся? — возмутился Леонид.

— Знаешь, я уже ни на что не надеюсь. Сейчас приеду.

В отделе народу было много. В центре комнаты, развалившись, восседал Сергей Иванович Зайцев, на подоконнике примостился Гоша, за столом Василия, прижавшись друг к другу боками, сидели два эксперта. Было шумно и накурено.

— О чем базар? — спросил Василий от дверей.

— О том, переводить деньги или нет, — пояснил Зайцев.

— Можно подумать, у нас есть возможность для маневра, — пожал плечами Василий. — Ясен пень — переводить. И караулить злодеев в банке. Арестовать счет, на который придут деньги, и все дела.

— А если их после этого — того? — крикнул Гоша с подоконника. — Они ведь будут уже не нужны. Злодеев-то мы повяжем, а людей можем утратить. У меня по этому поводу есть хорошее стихотворение: “Узелок завяжется, узелок развяжется, столько граждан пропадает, мало не покажется”.

— Но и тянуть больше нельзя. Сроки их каникул практически истекли. Гинзбург должен вернуться на родину завтра, Тропины — тоже. А Максимовы вернутся завтра.

— Знаешь, что мы обсуждаем, — сказал Леонид. — Не перевести ли нам только часть денег. Мало ли — задержка при прохождении таких сумм весьма вероятна. Ну, не будут же они отстреливать людей по частям. Хотя я продолжаю надеяться, что таких планов у них вообще нет. Отпустят, думаю.

— Размечтался! — Василий жестом приказал экспертам освободить его рабочее место, и они послушно отправились к Гоше. — Завтра утром переводим деньги, и спорить тут нечего. Фирмы готовы?

— Готовы, хотя и не в восторге, — сказал Гоша.

— Стоп! А Коля? Коля-то? — вдруг всполошился полковник Зайцев.

— Что Коля? — хором спросили все.

— За Колю-то мы денег перевести не можем! Старый я козел!

— Я не уверен, — мягко сказал Гоша, — но, в принципе, почему бы не попросить нашего приятеля Кунца сгонять денежки туда-сюда. Насколько я знаком с азами бухгалтерского искусства, фирма практически ничего не теряет от перевода средств со счета на счет.

— Теряет, — покачал головой Леонид. — И сумма слишком большая.

— Но делать-то нечего, — опять взялся за свое Василий. — Позвоню-ка я своему двойнику Фридману, навру, что, в крайнем случае, мы возместим им потери из бюджета.

Он набрал номер, извинился за поздний звонок и объяснил ситуацию. Фридман посочувствовал, пожалел бедного мальчика Колю Бабкина, но наотрез отказался принимать решение в

отсутствие владельца фирмы и еще ряда лиц. Правда, пообещал завтра же утром обзвонить всех и тут же доложить.

— Если надо, я сам готов переговорить с каждым, — сказал Василий, — и Роберту позвоню в брянские леса, и Блюмберга вашего поугovarиваю.

— Кого? — деловито уточнил Фридман.

— Блюмберга. Главного бухгалтера вашего автосалона, кого же еще?

— Не знаю, на что вы намекаете, — обиделся Фридман, — но нашего главного бухгалтера зовут Петр Петрович Иванов. До смешного наоборот.

— А кто такой Блюмберг? — задал Василий идиотский вопрос.

— Не знаю, — честно ответил Фридман. — У нас, во всяком случае, такого нет.

Василий растерянно посмотрел на коллег, и, зажав мембрану ладонью, пояснил то, что и так всем было понятно:

— У них нет никакого Блюмберга. А Коля пишет...

— Мало ли? — пожал плечами полковник Зайцев. — Коля и тебя с Леонидом называет своими партнерами.

— Да? — Василий почесался, попрощался с Фридманом, пообещав перезвонить ему "в самое ближайшее время", на что Фридман ворчливо заметил, что в самое ближайшее время наступит глубокая ночь, а многие люди в это время суток имеют привычку спать. Василий пропустил справедливое замечание коммерческого директора мимо ушей.

— Сели, взяли тексты и тряхнули мозгами, — приказал полковник Зайцев. — Коля нам что-то хочет сообщить. Он, наивный мальчик, надеется, что не все здесь, — полковник выразительно посмотрел на Василия, — полные идиоты.

— Блюмберг, Блюмберг, Блюмберг... — Леонид принялся расхаживать из угла в угол. — У нас такого нет, факт. Книжечка мальчик не читает, но любит американские боевики. Предлагаю заняться просмотром самых свежих шедевров.

— Ерунда! — Зайцев стукнул кулаком по столу. — На все готовы пойти, только бы не работать. Он не мог рассчитывать, что мы узнаем фамилию его любимого киногероя. Потому что он прекрасно знает — мы этих поганых фильмов не смотрим. Да? Это имя, которое должно быть нам известно!

— Единственное, что приходит в голову, — Коля только что со студенческой скамьи. И Блюмбергом может оказаться его преподаватель, — предположил Гоша.

— Логично, — кивнул Зайцев. — Придется будить Петю.

Петя или Петр Евгеньевич Дуров — заместитель декана юридической академии, был давним приятелем Сергея Ивановича Зайцева, но поздний телефонный звонок не вызвал у него никакого воодушевления. Довольно злобно он сообщил, что "никаких Блюмбергов нет и не предвидится", и посоветовал

Зайцеву принимать на ночь снотворное. “И сам поспишь, и людям дашь возможность выспаться”, — сказал Дуров и бросил трубку.

Приунывшие оперативники уже совсем было стали склоняться к тому, что Коля упомянул загадочного Блюмберга просто так, изображая свою осведомленность о служащих автосалона, но тут за стеной в кабинете полковника Зайцева зазвонил телефон.

— Двенадцатый час ночи, — с возмущением сам себе сказал полковник и, тяжело оторвав свое тело от кресла, пошел в кабинет. Все потянулись за ним — не столько потому, что возлагали на ночной звонок какие-то надежды, сколько хотелось размяться и сменить обстановку.

Полковник нажал кнопку громкой связи, и из динамика полилась квалифицированная брань в исполнении Петра Евгеньевича Дурова.

— Старый ты козел! — орал он. — Склеротик, каких мало!

Полковник быстро отключил громкую связь и снял трубку, однако, вопреки ожиданиям подчиненных, не пресек сквернословия, не оборвал его и не ответил ему тем же, а, наоборот, расплылся в довольной улыбке и от души поблагодарил друга Петю за помощь.

— Так вот, — сказал он, повесив трубку, — Блюмберг — это автор учебника по шифрованию. Поняли?

Всю ночь оперативники Коновалов и Зосимов, а также следователь Малкин провели за изучением пяти посланий, поступивших, как выразился Гоша Малкин, из мест лишения свободы. Василий, не спавший уже вторую ночь подряд, чувствовал себя отвратительно и утешал себя только тем, что не они одни провели эту ночь в бдениях: для расшифровки текстов сыщикам пришлось потревожить многих. Леонид звонил ближайшим коллегам Тропина, Зуба, Максимова, Кузнецова и Гинзбурга, зачитывал им послание шефа, спрашивал, нет ли в тексте какой-либо странности. То, что под сказки в основном спрятаны в фактах, противоречащих действительности или в явно излишней информации, которую незачем было вставлять в распоряжение о переводе денег, сыщики уже не сомневались. Оставалось выяснить, где бизнесмены врут и где они слишком многословны. Сонные люди, которых Леонид поднимал с кровати, соображали вяло, но под натиском младшего оперуполномоченного кое-какие странности все же замечали. К утру был готов перечень под-сказок.

Им удалось узнать, что никакого компаньона С.Т.Веселовского у Тропина не было. Ни о какой “деревенщине Заречном” в клинике Гинзбурга никто не знал. В послании Кузнецова сыщики выделили указание на пятнадцать километров от МКАД “по нашему направлению”, а учитывая, что офис Кузнецова

располагался на Рязанском шоссе, то направление поиска стало более-менее понятным: Ново-Рязанское шоссе и Казанская железная дорога. На эту же железнодорожную ветку указывала и выдумка Максимова, что он, якобы, родился в Казани. "Он не только не там родился, — возмущенно сказала секретарша Максимова, — но и ненавидит этот город всей душой. Его там крупно подставили". А вот из яркого письма Зуба они не поняли ничего. Дважды упомянутый в письме "покоцанный примус" озадачил их более всего, но предположение Гоши, что под примусом Зуб подразумевает лидера "Отечества" Примакова, было решительно отвергнуто.

Станцию Веселовскую Казанской железной дороги Василий нашел на карте без труда. "Деревенщина Заречный" помог отыскать на той же карте деревню с аналогичным названием. Никаких указаний на расположение дома в посланиях бизнесменов сыщики так и не нашли. Оставалось надеяться только на то, что домов в указанном населенном пункте не так уж много — перспектива обыскивать все дома в большой деревне вселила в сыщиков тревогу.

В седьмом часу утра "рафик" с омовцами выехал из МУ-Ра. Леонид, Василий и Гоша двинулись следом на "Жигулях".

Деревня "Заречное" состояла всего из трех улиц, расходящихся тремя кривыми лучами от старого колодца с подъемным механизмом для ведра типа "Журавль".

Дом, украшенный выцветшей вывеской, сразу привлек их внимание, а навязшее за прошедшую ночь слово "примус" окрылило. Омовцы ворвались внутрь с таким грохотом, как будто они штурмовали не небольшую дачку, а крепость с мятежниками. Когда они вышибли дверь, оба несчастных охранника предусмотрительно улеглись на пол лицом вниз, сцепив руки на спине. А заложники, сбившись в кучку в углу подвала, испуганно смотрели на дверь, не решаясь поверить в то, что кошмар уже позади.

А потом все было очень мило и трогательно. Женщины обнимали людей в масках, плакали у них на груди, мужчины жали всем руки, а Гинзбург все время приговаривал: "Жен своих, ребятки, ко мне в клинику в любое время. И рожать будем, и аборт делать, кто что любит. И без разговоров, только без разговоров, я вас прошу". Зуб, дабы не отстать от старшего товарища, пообещал залить всех водкой "по самые помидоры". Тропин не стал предлагать омовцам по слитку цветных металлов, но заверил, что в долгу не останется, и что давно уже подумывал об оказании спонсорской помощи родной милиции. Кузнецов с Максимовым горячо его поддержали.

Потом все принялись с нервным смехом обмениваться телефонами — оказалось, что за время заточения они не записали координаты друг друга.

“Рафик” уехал, и Василий, Леонид, Гоша и Коля, а также пара омовцев, которым предстояло остаться в доме в засаде, обосновались на кухне покурить и выпить по чашке кофе.

— Дело сделано, — вздохнул Василий. — Теперь, товарищи, остался сущий пустяк — поймать преступников.

— Преступники в наручниках валяются на полу автомобиля “РАФ”, — сказал Гоша.

— На этом полу валяются два жалких наемника. А вот главные исполнители нам куда не известны. — Василий вздохнул. — Ну, по коням. Сдадим Колю товарищу полковнику, пусть целуются-милуются, и спать!

Глава 23. Александра

Василий проспал четыре часа, и проснулся оттого, что хорошие сны сменились кошмарами. Он потряс головой, медленно спустил ноги с дивана и несколько минут сидел в тяжелой задумчивости. Вопросов было много. Что могло связывать Сашу с сожительницей Морозова? Что делала Саша в том доме? Зачем туда явилась Ольга Викторовна Гузева? И почему она так испугалась и расстроилась, увидев Сашу?

Все было очень странно, и вывод напрашивался один-единственный: без Сашиного участия ему не разобраться. Значит, нужно встряхнуться, выпить крепкого кофе и ехать в тот самый загородный дом.

На всякий случай Василий позвонил Саше домой, но к телефону никто не подошел. Тогда он позвонил ее маме, но и там никого не было. И он набрал номер Даши, Сашиной старшей сестры.

— Насколько я знаю, — помявшись, призналась Даша, — она в гостях у своего ухажера, или жениха, простите, Вася, за пошлость этого слова.

— Жениха? — Василий не верил своим ушам.

— Типа того. Насколько я поняла сбивчивые объяснения моей сестрицы, она собралась замуж.

— Она что, давно его знает? — спросил Василий упавшим голосом.

— Вась, вы прямо, как наша мама: “Девочки, не надо торопиться, надо проверить свои чувства...”

— Чувства?! — Василию казалось, что его бьют ногами. — Но... ваша мама права!

— Наша мама всегда права, — согласилась Даша. — Но это не мешает нам с ней не соглашаться. А уж Шуруп-то всегда все делает наоборот.

— Вот и плохо!

— Телефончик дать? — хитро спросила Даша. — А то Сашка наверняка томится в отсутствии мудрых наставлений. Записывайте...

Василий позвонил.

— Але, — услышал он Сашин голос, — але-але, вас не слышно.

— Привет. — Он старался, чтобы голос его звучал спокойно. — С трудом тебя отыскал. Ты что — в бегах? Боишься уголовной ответственности?

— Васька-киска, — обрадовалась Саша. — Вот что значит настоящий опер! Никуда от тебя не скроешься.

— А ты от меня скрываешься?

— Нет, — просто сказала Саша.

— Раньше ты мне оставляла свои телефоны и адреса.

— Не успела, а ты был занят. Кстати, как дела?

— Все отлично. Но мне срочно нужно кое-что прояснить, а без тебя не выходит. Ты не приедешь сегодня?

Саша молчала.

— Ты слышишь меня? Ты мне нужна.

— Слышу, — тихо произнесла Саша. — Но сегодня мне бы не хотелось. Ой, если можно, конечно.

— Нельзя! — отрезал Василий. — И не прикидывайся, пожалуйста! Ты все прекрасно понимаешь. У тебя человека в квартире убили, а ты по дачам разъезжаешь. “Давайте, люди добрые, разгребайте грязь за мной!”

Саша тоже разозлилась:

— Ты, что ль, добрый человек? Вот новость! Что ж ты раньше это скрывал?

Василий бросил трубку. Что делать?

Капитан Коновалов был гордым человеком, и не мог позволить никому, даже Сане, говорить ему гадости. Вместе с тем он чувствовал, что во вчерашней реакции морозовской сожительницы Гузевой на Сашу скрывается какой-то подвох, что-то ненормальное, и разобраться в этом нужно побыстрее.

— Пусть Гоша расхлебывает, — сказал сам себе Василий. — Он-то вне подозрений.

Гошу он нашел в прокуратуре.

— Видишь ли, тут наша Саня замуж собралась, — начал Василий.

— Поздравляю! — Гоша замурлыкал мелодию траурного марша.

— Не тот музон, — перебил его Василий. — На свадьбах играют Мендельсона.

— А-а, это смотря какая свадьба. Бывают такие грустные, такие безысходные. Впрочем, у вас с Санечкой, разумеется, ситуация другая. Поздравляю.

— Спасибо, — с чувством сказал Василий. — Тронут. Только замуж она выходит не за меня.

Гоша присвистнул:

— Опа! Непорядочек. На это мы пойтить не можем. Прокуратура добро не даст.

— Боюсь, прокуратуру никто не спросит.

— А прокуратуру и спрашивать не надо. Она сама приходит к людям, как праздник, как весна. — Гоша искренне хотел утешить, но не знал — как. — Раз ты мне звонишь, значит, я могу чем-то помочь?

Василий вкратце рассказал о вчерашнем приезде фигурантки Гузевой к дому, где сейчас гостит Саша. Гоша все понял и пообещал заняться проблемой немедленно.

Василий еще с час послонаялся по квартире, выкурил с десяток сигарет и, плюнув на гордость, все же решил поехать проведать Сашу.

Перед въездом в поселок он притормозил и задумался. Подъезжать к дому в открытую или понаблюдать из засады? Выбрал второе и свернул на проселочную дорогу, ведущую в лес. Каково же было его изумление, когда, въехав в лес, он увидел на обочине дороги знакомый автомобиль, принадлежащий Ольге Викторовне Гузевой.

— Ба, так все уже в сборе! — воскликнул Василий. — Гости съезжались на дачу. Тем лучше. Люблю я очные ставки, хлебом не корми.

От дома, интересующего старшего оперуполномоченного, веяло покоем и благополучием. Подтянувшись на заборе, Василий убедился, что двор пуст, только кавказская овчарка грелась на нежарком зимнем солнышке, раскинув лапы в стороны. Дорожка к дому была расчищена от снега, так что определить по наличию следов, есть ли в доме гости, не представлялось возможным. Гоша, судя по всему, еще не приехал, хотя и пообещал “срочно подключиться”.

Подойти к дому незаметно не удалось бы — овчарка, несмотря на ее нынешний мирный вид, все же вселяла тревогу. Не съест, так разорется. И Василий пошел вдоль забора, надеясь, что с другой стороны дом никто не охраняет. Он только-только свернул за угол, как услышал за спиной шум двигателя. Насколько можно было судить по звукам, машина остановилась как раз у ворот дома. Василий осторожно выглянул и чуть было не вскрикнул от удивления — да-а, плотность сюрпризов на один день превышала все мыслимые пределы: из роскошного “мерседеса”, украшенного двумя синими мигалками, медленно вылезал известный всей стране лидер одной из фракций Государственной Думы.

— Нормально, — сказал Василий. — Кажется, мы доросли, наконец, до большой политики. Вероятно, это такое место, куда приезжают все. Абсолютно все. Интересно, кто будет представлять на этой дачке Совет Федерации?

Депутат Госдумы, между тем, вяло топтался перед воротами, а его охранник жал на кнопку звонка. Овчарка, услышав звонок и почуяв постороннего, зашлась оглушительным лаем, но из дома никто не вышел.

— Странно. — Василий забеспокоился. — Почему Саня не реагирует? Не слышать это чудовище она не может.

В этот момент на улице появилась поцарапанная с многочисленными вмятинами на крыльях и дверях "Волга", которая последние двенадцать лет эксплуатировалась городской прокуратурой. Рядом с водителем сидел Гоша, а за его спиной маячил Леонид.

— Ну! Что я говорил! — сказал Василий.

Ему было страшно любопытно, как его коллеги будут разбираться с высоким думским чином, но, пользуясь тем, что внимание овчарки было полностью приковано к депутату, он быстро побежал вдоль забора, еще раз свернул за угол и перемахнул на участок. К его радости, дверь в дом была и с другой стороны. Легко открыв ее посредством карманного ножа, Василий крадучись пошел по комнатам. Нигде никого. Тишина пугала его все больше и больше, а увидев на вешалке у входа Сашину шубку, он испугался всерьез: значит, она здесь, но почему-то не подает признаков жизни.

И тут прямо над его головой что-то звякнуло. Василий вздрогнул и бегом бросился на второй этаж. Он шел на случайный звук, как на приманку. Дверь комнаты, откуда донесся звук, была приоткрыта, и он сразу увидел Сашу. Она стояла, вжавшись в стену, бледная, как бумага, и мелко мотала головой, а глаза ее были черными от страха. Василий улыбнулся, помахал рукой и сразу понял, что она его не видит. Она смотрела мимо него, в тот угол комнаты, который был скрыт от него дверью.

Раздумывать было некогда, и Василий со всей силы ударил по двери ногой. Тяжелый форменный ботинок капитана Коновалова с таким убедительным грохотом шарахнул по двери, что звук падения безжизненного тела показался слабым шелестом листвы в безветренный день. Василий вбежал в комнату и осторожно заглянул за дверь. У его ног без сознания лежала Ольга Викторовна Гузева, и на лбу у нее стремительно набухла сизая шишка. Впрочем, большой знаток женской красоты капитан Коновалов не обратил внимания на изменения во внешности своей фигурантки, его гораздо больше заинтересовал пистолет, валившийся в непосредственной близости от тела.

Саша стояла в той же позе, не шевелясь, только теперь она во все глаза смотрела на Василия.

— Все уже, отлипай от стены, — небрежно бросил он ей. — Хочу обратить твое внимание на то, что я тебя спас. От неминуемой смерти. Как ты есть тварь неблагодарная, приходится тебе все объяснять. Я! Тебя! Спас! Поняла?

— Я ничего не понимаю, — прошептала Саша. — Ничего. Кто эта женщина, Васенька? Почему она хотела меня убить?

— А-а, — кровожадно протянул Василий. — Уже Васенька? Не поздновато ли? Тамбовский волк тебе теперь Васенька.

— Кто это? — опять спросила Саша. — И что я ей сделала?

— Вот это предстоит выяснить следствию. — Гоша стоял на пороге комнаты и с любопытством смотрел на Ляльку, которая потихоньку приходила в себя. — Ты уверена, что она конкретно за тобой пришла?

— Она так сказала. — Саша пожала плечами. — Она сказала, что ненавидит меня и что я сама напросилась.

— Она обращалась к тебе по имени? — спросил Гоша.

— Нет. Она говорила “девушка”. Хотя... мне почему-то знакомо ее лицо, где-то я ее видела. Не помню, где.

— Так всегда, — опять зарычал Василий. — Наворотит делов...

— Хватит! — прикрикнул Гоша на Василия, обнял Сашу и повел ее вниз. — Менты — они, Санечка, все такие — нечуткие, грубые.

Надев на Ляльку наручники и положив пистолет в целлофановый пакет, Василий тоже спустился на первый этаж.

— А куда ты, жалобный наш, дел депутата? — спросил Василий у Гоши.

— Кого?

— Того типа, который у ворот торчал.

— На “мерседесе”? — уточнил Гоша. Василий кивнул. — Отпустил. Я себе не враг. Увидел, что этот деятель отчаялся дожидаться хозяев и собрался уезжать, и решил не мешать. Не гнаться же нам за ним.

— Жаль, — вздохнул Василий. — Я бы его проводил до дома. То есть — до Думы.

— И ты всерьез думаешь, что моя прокурорская “Волга” угонится за “мерсом”? — расхохотался Гоша.

— Не угонится — значит, не судьба. Потом и на “мерсах” не все гоняют, как ненормальные. Бывает, люди соблюдают скоростной режим.

— Бывает? — Гоша почесал голову. — С мигалками? Ты, дорогой, или недоспал, или переел.

— Ладно, поехали, — велел Василий Саше. — Собирайся, дорогая. Возьмем сейчас твою подружку, и в тюрьму.

Саша безропотно пошла одеваться.

В отделе Леонид тут же принялся варить кашу для щенка и очень при этом возмущался.

— Какие вы гады! — орал он. — Бросили собаку голодную, невытую. Он уже восемь раз описался...

Щенок радостно бросился к Саше и блаженно замер, обхватив ее ногу лапами.

Саша взяла щенка на руки и быстро заговорила, обращаясь именно к нему.

— Знаешь, Гоша, мистика какая-то. Сначала зачем-то убивают живодера, того, помнишь, который хотел тебя убить? Потом меня хочет убить его подружка. Зачем? Что происходит?

— Да, занято. — Василий переглянулся с Гошей, не со щенком, конечно, а с Малкиным. — Знаешь что, красавица наша? Пока мы этот кроссворд разгадываем, ты, пожалуй, здесь посиди. Целее будешь. И щенком займись, а то он у нас в беспризорника превратится.

— Я его заберу отсюда, — сказала Саша. — Не место здесь приличной собаке.

— Так тебе его и отдали, — возмутился Василий. — В тех местах, где ты в последнее время бываешь, приличной собаке тем более не место.

Глава 24. Гоша

Следователь Малкин — песенник МВД СССР, был любителем находить красивые выходы из запутанных уголовных лабиринтов. Все это знали. И когда он выходил на финишную прямую, никто не смел ему мешать и навязывать свои варианты и версии. “Гоша взял след, — говорили в МУРе, — все быстро отошли в сторонку”.

Вот и сейчас Гоша, почуяв близкую развязку, полностью взял инициативу в свои руки, а Василий, Леонид и даже Сергей Иванович Зайцев покорно и тихо выполняли все его указания. Строго говоря, с чисто процессуальной точки зрения, Гоша брал на себя работу оперативников — не положено следователю колоть подозреваемых и устраивать им ловушки. Но — так уж повелось, и начальство смотрело на эту самостоятельность сквозь пальцы.

— Веди сюда свою красотку, — велел Гоша Василию. — Посмотрим, что за птица.

Лялька вошла в кабинет полковника Зайцева и, не дожидаясь приглашения, села в кресло. Сергей Иванович засуетился, собрал бумаги со стола и со словами: “Не буду вам мешать”, вышел. Гоша взял стул и сел напротив подследственной.

— Как себя чувствуете, Ольга Викторовна? — заботливо спросил он. — Я готов пригласить врача прямо сейчас, если пожелаете.

— Вы очень любезны, — мрачно ответила Лялька. — Спасибо, пока не надо.

— Поверьте, — продолжил Гоша, — наш сотрудник не хотел причинить вам вреда. Просто, он не знал, что за дверью находится очаровательная хрупкая женщина. Согласитесь, ситуация не оставляла ему выбора.

Лялька кивнула.

— Вы позволите несколько вопросов? Уточняющего характера, так сказать. Первый: почему вы хотели убить Александру Митину? Не из праздного любопытства спрашиваю, а потому только, что правильно выбранный мотив способен существенно облегчить вашу участь.

— Это та девчонка, которая была на даче? — глухо спросила Лялька.

— Вот те раз! — удивился Гоша. — Вы даже не знакомы с ней? Не знаете, как ее зовут?

— И знать не хочу! — огрызнулась Лялька. — Она сломала мне жизнь.

Гоша поежился — столько ненависти было в голосе подследственной.

— Представьте, Митина тоже утверждает, что не знакома с вами. Но я вот чего в толк не возьму: как можно, будучи совершенно не знакомыми, что-то там сломать. Жизнь, кажется, вы так выразились?

— Зато она знакома с близким мне человеком, почти мужем. И если бы не она... — Лялька прикусила губу и отвернулась.

— Понятно! — обрадовался Гоша. — Тогда у меня для вас хорошая новость — ревность является смягчающим обстоятельством при попытке убийства. Я так всем всегда и говорю — если убивать, то только из ревности. И только в состоянии аффекта. А ведь вы были именно в таком состоянии?

Лялька кивнула.

— Ага, ага, так и запишем. И еще вопросик: не знаете, случайно, зачем ваш сожитель Валерий Юрьевич Морозов пытался убить Митину? Ему она тоже что-то сломала?

Лялька молчала.

— Только не пытайтесь выгораживать эту вероломную Митину, — попросил Гоша. — Я ценю ваше благородство, но, согласитесь, человек, который направо и налево ломает всем жизни, не достоин сострадания. Итак, что она сделала Морозову?

— Очень жаль, что он ее не убил, — сказала Лялька. — Если бы он мне сказал, что собирается... — она недоговорила и испуганно посмотрела на Гошу.

— То вы бы... — Гоша понял, что подследственная едва не проболталась, и сказал первое, что пришло в голову: — то вы бы не стали ему мешать.

— Я не хотела! — вскрикнула Лялька.

“Господи, что ж ты не хотела?!” — с отчаянием подумал Гоша. Он понимал, что темп беседы нельзя снижать, и что блеф — единственное спасение.

— Я все понимаю, — сочувственно сказал он. — Я уверен, что вы этого не хотели. Но, видите, как все ужасно получилось.

Он так горько и так натурально вздохнул, что Ляльку затрясло.

— Но я не хотела в него стрелять! — закричала она. — Точнее, я не думала, что это он. Я пришла к этой девчонке, ждала ее там, а пришел почему-то он. Темно было, вот и вышла такая глупость.

Гоша даже вспотел от радости — вот уж кого они никогда бы не заподозрили в убийстве Морозова, так это Гузеву.

— Да, кстати, а где вы взяли пистолет? — уточнил он.
— У него и взяла, у Морозова. В ящике стола.
— Ага, ага, стало быть, неумышленное убийство. Да вам сегодня определенно везет! Еще одно смягчающее обстоятельство. И последнее: как вы относились к противоправной деятельности своего сожителя по похищению людей и вымоганию у них денег? Вам ведь не нравилось то, чем он занят? Я прав?

Лялька внимательно посмотрела на Гошу и промолчала.

— Вы можете сказать, что ничего не знали о его проделках. — Гоша замахал руками, как бы защищаясь от такой наглой лжи. — Но — не советую. Ничего не видеть, ничего не замечать с вашим-то вниманием и вашим интеллектом вы не могли. А помощь следствию, как ни крути, еще одно смягчающее обстоятельство. Грех не воспользоваться.

— Всего не знала, — обреченно проговорила Лялька. — Так, кое-что. Про собак знала. Про Зеленского. Про Огурцова.

— Вот-вот-вот, с этого места поподробнее, — обрадовался Гоша. — Кто такой Зеленский?

— Какой-то префект, вроде, точно не знаю. А Огурцов — его бывший сослуживец. Морозов говорил, что он плохой человек, что может кинуть его, сбежать. Он им не верил.

— А кто у них главный? — безразлично уточнил Гоша.

— Не знаю. Морозов кого-то называл шефом.

— Ага, ага. Давайте так. Вы сейчас все напишете подробно, что знали, о чем догадывались. А я уж постараюсь создать вам условия. Кофе? Чай? Минералки?

— Сто грамм водки и пачку сигарет, — сказала Лялька. — “Яву” только не предлагайте, я не привыкла курить всякую дрянь.

— Ничего, дорогая, скоро привыкнешь, — тихо сказал Гоша, закрывая дверь кабинета. — “Ява” еще не худший вариант.

Огурцова взяли прямо дома. Он, правда, все отрицал, смотрел на Гошу высокомерно и зло, и обещал, что дело развалится в суде, как карточный домик. Гоша хохотал до слез, выслушивая подследственного, чем разозлил того еще больше.

— Ты дурак, капитан, — сказал Гоша, вытирая слезы. — Тебя видели все ваши заложники, когда ты приезжал за их платежными поручениями. Подвел тебя Морозов, ничего не скажешь. Не вовремя отошел в мир иной, пришлось тебе за него работу доделывать. Они видели тебя и запомнили. Одиннадцать свидетелей — это серьезно. Ты же сам юридически грамотный, понимаешь. Мне от тебя и показаний никаких не надо.

Огурцов тоже расхохотался:

— Ну, приехал за их бумажками, попросили меня. Знакомый попросил. Какой знакомый? Зовут Иван Иванович, фамилии не знаю.

— И ты не заметил, что люди заперты в подвале, и что их охраняют два вооруженных бандита?

— А вот это не мое дело! — заорал Огурцов. — Откуда я знаю, зачем они забились в подвал? Может, скрываются от налогового инспектора.

— Приятно посмотреть, как человек трудолюбиво роет себе могилку, — сказал Гоша. — Если даже допустить, что шефа никто не знает или что его вообще в природе нет, то ты и получаешься главный заказчик. Валяй, бери на себя, нам только легче. Дело закроем, благодарность получим. Думай.

Огурцов думал. И не торопился принимать решение. Он хорошо усвоил мудрую истину уголовников, прошедших через его милицейские руки: “Расколоться никогда не поздно. Главное — не спешить”.

Гоша, в свою очередь, понимал, что Огурцов не будет торопиться с чистосердечным признанием, но верил, что деваться ему некуда. Нужно подождать и заинтересовать подследственного.

В самый неподходящий момент в кабинет следователя Малкина ввалился Василий.

— Я от шефа, — заговорщицким тоном сказал он. — Он просил передать, что операция начнется завтра на рассвете. Сигнал к атаке — два зеленых свистка.

— Я дальтоник, — сквозь зубы ответил Огурцов. — Зеленый цвет не вижу.

— Ладно, красных, — легко согласился Василий. — Только давай позвоним в штаб, надо предупредить товарищей о твоём дефекте. Дальтоник! Как таких только в органы берут? Не дури, Петюня, кайся по-хорошему. Не сегодня мы твоего шефа возьмем, так завтра. Не завтра, так при получении денег. Лови момент.

Огурцов молчал.

— Ну, как знаешь, — пожал плечами Василий. — Я-то считал, что ты человек практичный и от хорошей сделки не откажешься. Условия такие: либо ты каешься, и тогда я договариваюсь о четырехместной камере, сам привожу тебе классного адвоката, Гоша тебя проводит по делу как второстепенную фигуру, и все основное сваливает на шефа твоего и на Морозова. Он же сдаст тебя с рук на руки своему судье, ты знаешь, у него хорошие связи в судах. Вариант другой: ты молчишь, как дурак, и тогда проходишь по делу организатором похищения людей, подозреваемым в убийстве подельника...

— Вот этого — не докажете, — прохрипел Огурцов.

— Не докажем, — легко согласился Василий. — А может, и докажем. Мотив-то был — все деньги себе захватить. Не суть. Если доказательств не хватит, то такое подозрение, наверняка, украсит дело и настроит судью на кровожадный лад. Судью, кстати, мы подберем строгого, если, конечно, ты до суда дотянешь. Потому что во время следствия будешь ты, Петюня, проживать в камере на шестьдесят человек, тьфу, то есть, что это

я? Не человек, а уголовников. Как они ментов любят, ты знаешь.

— Предполагается, что я должен тебе верить, — медленно проговорил Огурцов.

— Не надо, Петя. Ты меня не первый год знаешь. Наверное, есть и у меня недостатки, хотя я лично пока не замечал. Но то, что я слово держу, тебе каждый скажет. Мы тебе поможем, но только при условии, что ты поможешь нам. Не просто все расскажешь, но и сможешь.

— Мне надо подумать, — уже безо всякой агрессии попросил Огурцов.

— А-а, это я понимаю. Сам любитель. — Василий уселся на диван и с видом мученика “начал ждать”. Гоша показал ему глазами на дверь, и они вышли в коридор.

— Молодец! — похвалил Гоша. — Врал, как песню пел.

— Я и вправду ему помогу, — возразил Василий. — Все-таки не посторонний человек, хотя и гад.

— Да нет, — отмахнулся Гоша, — я об убийстве Морозова. Ловко ты ему чужое шьешь.

— Грех было бы не воспользоваться, — улыбнулся Василий.

В коридор выглянул Огурцов:

— Ладно, уговорили, — мрачно сказал он. — Пишите телефон. Вам ведь доказательства на него нужны, я правильно понял? Тем более, что человек он влиятельный, с большими связями.

— Умник! — Василий послал Огурцову воздушный поцелуй. — Нам надо его с личным взять. Давай, родной, оговорим подробности операции...

...Через полчаса Огурцов звонил по телефону шефу. Он был бледен, руки дрожали, но роль свою он сыграл неплохо, даже натурально.

— Алло. Это я. У нас неприятности. Евгений... да, охранник, сломал ногу. Плохо сломал, со смещением. Не знаю, говорит, с лестницы свалился. Кирилл его увез в больничку и категорически отказывается возвращаться туда один. Не знаю! Ну, такие вот пуганые, других-то нет... Нет, выбраться они не выберутся, но и без еды-питья долго не протянут.... Вот, я собрался поехать, но... Да, дело в том, что у меня тоже проблемы. Нет, нет. Касается моих прошлых дел. Нет, служебное расследование. Дело одно закрыл, хотя не следовало бы. Да. По-моему, меня пасут. — Он помолчал, послушал и опять быстро заговорил: — Нет, я ничего не предлагаю. Наоборот, не могу придумать, как теперь быть. Да, да, деньги, по идее, должны прийти завтра... А как? Не-ет, вам я этого не предлагаю, но... Кого же я найду, когда за мной... И телефон слушают. Сейчас звоню из автомата... Ладно, понял. У меня надежных людей нет... Думаю, не сложно. Там всего и делов-то — вывести их под дулом пистолета из дома и отвезти в лесок подальше. Сами по-

едете? Не советовал бы. Да, делать нечего. — Огурцов повесил трубку.

— Молодец, — похвалил Василий. — А чья это дача?

— Его, — ответил Огурцов.

— На него и записана?

— Нет, записана на его тетку. Он осторожный человек.

— Неужели ты всерьез надеешься, что он туда поедет? — спросил полковник Зайцев, только что появившийся в кабинете Гоши. — Ведь главным в его гениальной комбинации было как раз то, что никто из заложников его не видел.

— Поедет, — вяло сказал Огурцов. — Загримирруется и поедет. Ему сложнее будет разбираться с одиннадцатью трупами, когда они все перемрут от голода и жажды. Вот и вяжите его с полочным.

— А кто будет получать деньги? — спросил Зайцев.

— Деньги будет получать не он, а подставное лицо, — усмехнулся Огурцов. — Вот с кем вы намучаетесь. Редкая гнида. Поляк литовского происхождения. Счет открыт на его имя. Кстати, шеф сегодня ждет его звонка.

Зайцев понимающе кивнул и поехал в МУР — звонить прибалтийским коллегам, просить, умолять, договариваться. На долю Василия выпала задача посложнее — уговорить недавних пленников барака вернуться в место их заточения. Внутренний голос подсказывал ему, что услышать однозначное “да, когда ехать, начальник?” он может только от Коли Бабкина. Но ошибся. Маша Зуб не просто согласилась, но и несказанно обрадовалась предложению. Когда Василий позвонил Зубам, она взяла трубку и засыпала его вопросами:

— Уже всех поймали? А на суд можно будет прийти? Ой, как интересно!

— Почти, — сдержанно ответил Василий. — Остался самый главный злодей. Но без вас мы не сможем доказать его вину.

— Все, что угодно! — пообещала Маша.

— Задание сложное, — осторожно начал Василий.

— Ух! — Машу просто распирали восторженные чувства.

— Нам необходимо, чтобы вы все на полдня собрались в той самой даче, где вас держали...

— Ой, вот здорово! — перебила его Маша. — Повидаемся, воздухом подышим. Правда, Паша?

Пал Палыч что-то протестующе закричал в глубине квартиры, но быстро стих, и Василий от души порадовался, что начал переговоры не с ним, а с его очаровательной супругой.

Илья Дмитриевич Гинзбург тоже вызвался помочь:

— Было бы черной неблагодарностью отказать вам, после того, как вы нас спасли. Конечно, можете на нас с Таней рассчитывать.

Зато Максимов отказался наотрез.

— Об этом не может быть и речи! — визгливо вопил он в телефонную трубку. — Я и так чуть живой, мне плохо, у меня одышка!

Бросив трубку, Василий требовательно уставился на Гошу:

— Что делать?

— Найди похожего жир-треста с красной рожей и подсунь вместо Максимова. Вряд ли наш любимый шеф так подробно знает их в лицо. А скорее всего, вообще не знает, — беспечно посоветовал Гоша.

— Тогда зачем мы всех сгоняем в кучку? — обрадовался Василий. — Найдем маленькую актерскую труппу и разыграем спектакль с трогательным названием: “Мамочка, нас похитили!”

— Не перебарщивай, — погрозил пальцем Гоша. — Твой покойный живодер мог достаточно подробно описывать пленников, докладывая, как продвигаются переговоры по вымоганию денег.

Василий вздохнул и набрал номер Кузнецовского офиса.

— Хочу пригласить вас завтра на дачу. С женой, разумеется. Компания хорошая — Тропины, Гинзбурги, Зубы и так далее.

Кузнецов помрачнел:

— Не хотелось бы. Я бы еще ничего, а вот Виолетта... Она до сих пор в себя прийти не может.

— Поймите, Игорь Владимирович... — заныл Василий.

— Все понимаю. Попробую. Позвоню вам вечером.

Василий по крохам собирал команду заложников, был то покладист, то напорист, то грозен, но Александр Максимов и Виолетта Кузнецова не сдались и ехать на дачу категорически отказались. В результате роль Виолетты была поручена симпатичной девице из управления по борьбе с экономическими преступлениями, а Максимова взялся сыграть приятель Леонида по школе-студии МХАТа. Он работал в каком-то Богом забытом маленьком театре и даже там почти не получал ролей, так что предложение сыграть нового русского воспринял как подарок судьбы.

— Гамлет отдыхает! — радовался он. — Вот роль так роль, предел мечтаний!

Леонид с некоторой тревогой наблюдал за артистом, когда тот сосредоточенно выписывал “концепцию образа” Максимова.

— Только не переиграй, — просил он. — Я думал, что твоя роль вообще может быть без слов. Так, сидишь в углу, страдаешь.

— Без слов я уже в театре настрадался, — сердито возражал актер. — С меня достаточно. Нет уж — играть так играть.

...В маленькой кухоньке, где расположились оперативники, было жарко и пахло мятой. Василий давал участникам операции последние наставления:

— Вы смертельно устали, думаете только о том, как бы выбраться отсюда. Как можно меньше разговоров, чем тише вы будете себя вести, тем лучше. Появиться он может в любой момент — час назад ему позвонил его сообщник из Прибалтики и сообщил, что деньги получены, так что держать вас здесь дальше не имеет никакого смысла. Прямо сейчас вы спуститесь в подвал и затихнете.

— Вы уверены, что он приедет нас отпускать, а не убивать? — на всякий случай уточнил Гинзбург.

— Абсолютно уверен! — затряс головой Василий. — Он — не убийца, а просто предприимчивый человек, это во-первых. Он и стрелять-то не умеет — это во-вторых. И, в-третьих, подобная кровавая акция лишена всякого смысла. И, наконец, Колю Бабкина мы вооружили, так что вы не так уж и беззащитны. Ну, удачи!

Просидеть в подвале бывшим заложникам пришлось до вечера. И, если первый час все были напряжены, взволнованы и вздрагивали от каждого шороха, то (так уж устроен человек) постепенно расслабились, отвлеклись и стали вести себя так же, как и раньше, когда запоры на дверях были не бутафорскими, а самыми что ни на есть настоящими.

Мужчины уселись играть в преферанс, женщины затеяли дискуссию по поводу конкурса красоты, показанного по телевизору вчера вечером.

— Королева красоты! — негодовала Наталья Тропина. — Только детей пугать. Роба тупая, сама плоская, ноги кривые.

— Зато она намного выше человеческого роста, — вступилась за победительницу конкурса красоты Маша Зуб. — Так, на глазок, метра два с половиной.

— Зря вы. — Люда Максимова укоризненно покачала головой. — Польза от этих конкурсов огромная. Я вот смотрю и думаю каждый раз: какая же я красавица!

— А я! Я-то и вообще! — скромно заметила Наталья.

— Ты-то — конечно, — засмеялась Маша. — Ты — вне конкурса.

— Вот именно, что вне конкурса, — опять завелась Наталья. — В конкурсе принимают участие такие крокодилы, как вчера.

— Крокодилки, — поправила Люда. — Или крокодилицы. Как правильно?

— Правильно их вообще туда не подпускать на пушечный выстрел. А то у людей все ориентиры сбиваются, — опять завелась Наталья. — Им показывают черте что и говорят: вот как выглядит красота.

— Понятия о красоте со временем меняются, — философски заметила Маша. — Красавицы из прошлого века у нас были бы дурнушками. А красавицы с конкурса, не исключено, будут очень даже котироваться в следующем веке.

— Вот пусть их в следующем веке и показывают, — оборвала ее Наталья. — Нам-то зачем на них смотреть? Мы-то в нашем веке!

— Господи, да не смотри, — не выдержал Тропин, тасуя колоду. — Выключи телевизор и не смотри.

— Но мне же надо быть в курсе дел, — крикнула ему Наталья.

— А мне телки понравились, — пожал плечами Зуб. — Я бы их...

— Паша! — грозно крикнула Маша. — Замолчи.

— Зачем же? — Тропин рассмеялся. — Так вы бы их — что?

В подвале стало шумно, диспут на животрепещущую тему женской привлекательности набирал обороты. Поэтому когда открылась дверь и на пороге показалась странная фигура в длинном плаще, никто ее не заметил. Наталья кричала, что мужики — грубые скоты, Маша ругалась на Зуба и требовала соблюдать приличия, а Гинзбург, как всегда, пытался всех утихомирить. Первым заметил гостя наемный актер, который в дискуссии не участвовал, потому что «настраивался на роль». Увидев человека на лестнице, ведущей из подвала к двери, он встал, расправил плечи, вытянул вперед руку и горланно произнес:

— Входи, странник, преломи с нами хлеб.

Тропин удивленно вскинул брови и чуть было все не испортил:

— Коллеги, а наш вице-Максимов, похоже, с ума сошел. Фу, какая неприятность.

На Тропина зашикали, и Люда молча указала ему пальцем на пришедшего.

— С добром ли ты пришел к нам, о странник? — не унимался актер. — Нет ли у тебя, брат, камня за пазухой?

— Нет, — глухо ответил человек в плаще. — Зато у меня есть пистолет, о чем я вас и предупреждаю. Сейчас вы все выйдете, сядете в машину и поедете со мной.

— Не многовато ли переездов? — ворчливо спросил Тропин. — Надоели, знаете ли. Мы здесь только-только обосновались. Что вы нас таскаете-то туда-сюда?

— Я намерен вас отпустить, но не здесь, — ответил гость.

— О-о, добрый человек! — взвыл актер. — Красота души твоей мерцающим звездопадом...

— Извините. — Маша подбежала к актеру, зажала ему рот рукой и с мольбой заглянула ему в глаза. — Извините, он у нас не в себе.

— Вижу. — Человек сделал шаг в сторону и крикнул: — Выходите по одному с интервалом в десять секунд и садитесь в фургон.

— А вы кто? — спросил Тропин. — У нас теперь — что не день, то новый начальник.

— Я — никто. Выполняю поручение, не более того. Прошу, уже пора.

Заложники медленно поднялись по лестнице, дошли до машины и расселись в кузове закрытого фургончика. Лже-Максимов по-прежнему простирали руки к спасителю и с пафосом произносили странные тексты, надерганные, вероятно, из различных театральных постановок:

— Смею ли признаться в большой братской любви к тебе, о странник? Пусть благодарность наша, омытая слезами, сделает твой путь чистым и высоким.

— Чур, я у окошка! — кричала Маша.

— Нет, я! — запротестовала Люда.

В фургоне не было окон, и, запирая дверь, человек в плаще горестно вздыхал: «Да они здесь все с ума посходили».

Машина тронулась, и все набросилось на актера.

— О, дорогой мой, — прошептал Тропин, давась смехом. — Боюсь, вы плохо знакомы с лексиконом современных предпринимателей. Настоящий Максимов изъяснялся несколько иначе.

— Да уж, — согласилась Люда. — Я бы сказала: строго наоборот.

— А мне кажется, я был неплох, — гордо сказал актер. — И зря вы пытались выдать меня за психа.

— У нас не было выхода, — заметила Маша.

— Дорогие мои. — Гинзбург хлопнул в ладоши, стараясь переключить компанию на другую тему. — Нам было велено его рассмотреть и запомнить. Но это весьма затруднительно, потому как он скрыл от нас свою внешность: темные очки, явно приклеенная борода, шляпа.

— А ты бы как хотел? — спросил Тропин. — Чтобы он специально засветился? И документы еще тебе предъявил? Вот, запоминайте, граждане, я такой-то и такой-то, выгляжу так-то.

— Я понимаю, — протянул Гинзбург, — но все же...

Машина резко затормозила, загремел замок, и поступила команда: «На выход». Заложники вышли и принялись растерянно озираться. Вокруг был темный заснеженный лес, над которым жутковато зависла огромная полная луна.

— Красота-то какая! — воскликнула Маша. — Просто дух захватывает.

— Я рад, что вам здесь нравится, — сказал загримированный «странник». — Отсюда до ближайшей станции — пять километров. Больше я вас не задерживаю.

— Пардон! — Наталья вышла вперед. — Вы хотите сказать, что нам придется идти пять километров по сугробам? Да за кого вы нас принимаете?

— Не обязательно по сугробам, можно и по дороге. Впрочем, как вам будет угодно.

— Ну, уж нет! — возмутилась Наталья. — Мы не альпинисты и не полярники. Вы просто обязаны нас довести до трассы.

— Увы, это в корне противоречит моим интересам. — Он достал из кармана пистолет и грубо скомандовал. — Отойдите подальше от машины.

— О, благодетель, не бросай нас здесь, в царстве тьмы и ветров! — взвыл актер и бросился к машине. Маша побежала за ним, Зуб — за Машей. Орала она при этом, как резаные. Все остальные с замиранием сердца наблюдали за возникшей у машины свалкой. Больше всех растерялся бандит. Он пятился назад и вертел головой то вправо, то влево, пытаясь удержаться на прицеле всех, что было совершенно невозможно, потому что сплоченная прежде группа заложников распалась на две части. Прижавшись спиной к толстой березе, он изо всех сил закричал на Машу, актера и Зуба, приказывая им вернуться к остальным. Они нехотя, но повиновались. Бандит немного успокоился и с видимым облегчением опустил руку с пистолетом.

— Так-то лучше, — сказал он.

И в этот самый момент из-за березы показалась черная тень. Со стороны сцена захвата имела до ужаса мирный вид: капитан Коновалов, а это именно он вышел из-за березы, опустил руки на плечи бандита, легко развернул его и почти дружески обнял. Тот, правда, протяжно вскрикнул, выронил пистолет и, как только Василий ослабил “объятия”, рухнул на колени.

— Ну, вот и все, — спокойно произнес Василий, аккуратно, двумя пальцами, поднимая пистолет со снега. — Всем спасибо. Сейчас снимем с товарища грим, все друженько посмотрим на него, запомним его неотразимую внешность — и по домам.

Василий наклонился к человеку в плаще, резко дернул за фальшивую бороду, содрал с него очки, и присев на корточки, добродушно поинтересовался:

— Не ушиблись? Я не слишком вас помял? — И, помогая ему подняться, добавил: — Безмерно рад нашей встрече. Давно хотел познакомиться поближе.

Бандит держался мужественно, с достоинством.

— Давно бы и зашли, — ответил он. — Зачем же было себя сдерживать? Я работаю ежедневно с девяти до шести.

— Повода не было. Хотелось убедиться в вашей профпригодности. Но зато теперь мы проведем вместе много упоительных часов. В беседах, конечно, поймите меня правильно.

— Надеюсь, — его собеседник вздохнул. — Много часов в кулачных боях с вами мне, пожалуй, уже не по силам, а вот в беседах я еще ничего. Особенно вместе с адвокатом. Так что поборемся.

— Только не говорите, что дело развалится в суде, как карточный домик, — встрял Гоша. — Я этого уже слышать не могу.

Эпилог

— Ваше имя, фамилия, отчество?
— Зеленский Олег Наумович.
— Место работы? Должность?
— Окружная префектура, заместитель префекта.
— Вам знакомы эти люди? Посмотрите на фотографии и выберите тех, кого знаете.

— Вот и вот, и этот.

— Кому из вас принадлежала идея создания преступного сообщества по похищению людей?

— Мне об этом ничего не известно. Сам факт знакомства с преступниками, насколько я знаю, ненаказуем. Я не имею к этому отношения.

— Ваши сообщники говорят обратное. Они называют вас...

— Мне на это наплевать. Понятно, что люди, подозреваемые в совершении тяжкого преступления, стараются спихнуть вину на других. Они лгут. У них нет никаких доказательств.

— А что вы скажете об отмывании бюджетных денег под прикрытием вывески о защите животных?

— Скажу, что инициатива о защите животных действительно исходила от префектуры. Однако допускаю, что конкретные исполнители могли злоупотреблять нашим доверием и тратить часть денег не по назначению. Считаю, что таких людей следует наказать.

— Ваше имя, фамилия, отчество?

— К чему эти формальности? Вы прекрасно знаете мое имя.

— Я повторяю вопрос...

— Ильин Вениамин Гаврилович.

— Место работы, должность?

— Зубоврачебная клиника "Улыбка", директор и владелец.

— Кому принадлежала идея создания преступного сообщества по похищению людей?

— Первоначальный импульс исходил от Морозова, а доработал, довел идею до блеска Зеленский...

— Он и руководил бандой?

— Да.

— В чем заключалось ваше участие?

— Я не принимал никакого участия в их деятельности.

— Но знали о ней?

— Догадывался.

— Как вы объясните факт приезда на дачу за заложниками?

Не буду напоминать вам, что в суде они засвидетельствуют, что вывозили их с дачи именно вы.

— Как только я узнал, что на даче заперты люди, я немедленно отправился туда, чтобы их освободить.

— Я правильно понял, только из благородных соображений?

— Разумеется. Меня волновала исключительно их безопасность.

— Вероятно, поэтому вы “освобождали” их под дулом пистолета?

— История знает немало примеров, когда уставшие и разозленные люди вымещали обиду на своем спасителе. Увы... да, вопрос собственной безопасности меня тоже волновал.

— Откуда вы узнали, что на даче находятся похищенные люди?

— От Зеленского.

— Зачем он вам рассказал?

— Случайно.

— И ни Зеленский, ни Огурцов не просили вас съездить на дачу?

— Нет.

— Точно?

— Точно.

— Прочитайте и подпишите вот здесь, пожалуйста. Ага, теперь, когда протокол подписан, хотелось бы получить комментарии вот по какому вопросу. Сейчас мы дадим вам послушать запись телефонного разговора с Огурцовым. Да-да, того самого разговора, в котором он просит вас съездить на дачу и выпустить заложников.

— Мне требуется консультация адвоката.

— Это ваше право, сейчас мы оставим вас наедине. Не хотите ли, пользуясь случаем, передать кому-нибудь привет? Какой-нибудь своей знакомой?

— Надеюсь, она все сама поймет. Очень надеюсь.

— Ну-ну. А если чего не поймет, мы поможем. Уж вы не сомневайтесь.

Из кабинета полковника Зайцева доносились странные речи:

— Вот скажи мне, дружище, можно ли работать с такими людьми? Ты уже в наших делах разбираешься, и должен понимать, что это обормоты, а не люди. Третий час дня, а все уже пьяные. Ну? Поверь мне, Георгий, я их этому не учил. Они мне такие вот достались. Они радуются, видишь ли! Бандитов поймали! А то, что все в отказе, что никто не колется — им на это наплевать. Главный их — стоматолог, ну, ты с ним знаком, так он умнее их всех вместе взятых. С чем они в суд пойдут? Как докажут, что он все замутил? Не-ет, Георгий, они об этом не думают, они радуются и водку пьют. Ну? А ты что такой вялый? Что ты улегся у батареи? Нет, дружище, мы еще не закончили.

Иди-ка сюда, вот так. Теперь — лежать! Лежать, я сказал! Вот. А теперь сидеть! Сидеть! Молодец. На печеньеце. Теперь стоять! Стоять! Что-о? Ты команды "стоять" не знаешь? Да это самая главная милицейская команда. Просто стоять. Я же не говорю: "Лапы за голову", я просто по-хорошему тебя прошу — встань на ноги. Вот, молодец.

Саша заглянула в кабинет полковника и тут же прикрыла дверь — Сергей Иванович наверняка рассердился бы, если бы она сейчас зашла. Саша с минуту потопталась около кабинета и громко постучала. Полковник Зайцев, который стоял на четвереньках посреди своего кабинета нос к носу со щенком Гошей, быстро вскочил, отряхнул колени и строго произнес:

— Войдите.

— Это я. — Саша выглядела смущенной. — Я заберу его?

— Нет-нет, голубушка. — Зайцев погрозил Саше пальцем. — Поздно. Пока ты с бандитами романы крутила, мы тут успели подружиться. Да и куда тебе? А я уже с женой договорился, сегодня заберу собаку к себе.

— Ладно, — Саша кивнула. — Я еще хотела спросить: как дела у...

— У хахеля твоего?

— Он просто мой знакомый.

— Ну да, ну да. Хитрый, гад. Вертится как уж, и не уцепишь.

— Мне бы хотелось с ним поговорить, — жалобно попросила Саша.

— Ну, знаешь! — возмутился полковник.

— Пожалуйста, Сергей Иванович!

Полковник хитро прищурился:

— А Ваську не боишься? Он же загрызет.

Саша тоже хитро прищурилась:

— А мы ему не скажем, ладно?.. Понимаете, Сергей Иванович, я просто попрощаться с ним хочу. Он ведь не убийца, правда?

— Ага. Просто вор и похититель людей, — хохотнул полковник.

— Я все понимаю, — продолжала клянчить Саша. — Но мне он ничего плохого не сделал, только хорошее. Я попрощаться хочу, а то не по-человечески получается.

— Ладно, попробуем, — полковник ободряюще улыбнулся. — Позвони мне завтра.

— Ты спала с ним? — голос Василия звучал одновременно жалобно и грозно.

— Я?! — Саша с возмущением отмахивалась. — Ты что, обалдел?

Она твердо решила, что ни при каких обстоятельствах не признается Василию в содеянном.

— Ты жила у него в доме и не спала с ним? — Опытного сыщика Коновалова не так просто было обвести вокруг пальца.

— Я, между прочим, помогла тебе раскрыть преступление.

— И ты признаешься, что спала с ним...

Разговор обещал быть долгим и содержательным, но на пороге кабинета неожиданно возникла бледная мужская фигура.

— Мне сказали, что у вас можно получить информацию об Ольге Викторовне Гузевой, — сказал он. — Я разыскиваю ее уже не первый день.

Егор Златковский, очередной сожитель Ляльки, действительно пережил два непростых дня. В субботу днем он проснулся с тяжелой головой и с удивлением обнаружил, что любимой женщины с ним нет, и, что особенно странно, квартира заперта снаружи. Приехавшие по его вызову спасатели три часа срезали железную дверь с петель, и, выйдя на свободу, Егор пустился на поиски Ляльки. Не обнаружив ее дома, он обратился в милицию, и там узнал страшную новость: она задержана и находится под следствием.

— Мне сказали, что вы можете объяснить, что случилось.

Василий рассеянно посмотрел на посетителя и торжествующе ткнул пальцем в Сашу.

— Вот видишь, что бывает, когда спишь с кем ни попадя? Эта Гузева, может, потому и оказалась за решеткой.

— Я — с кем ни попадя?! — закричала Саша.

— Я — кто ни попадя? — удивился Егор.

Рабочий день убойного отдела МУРа начинался на высокой творческой ноте. ■

**Вам никогда не приходилось...
исключать кого-то из своей
жизни, отлучать от дома?
Или, напротив, — случайно
обнаружить в семейной истории
родственника, которого
вычеркнула из нее —
для вашего, мол, блага —
еще бабушка? А как насчет
родственников,
не украшающих "имидж"
семейства, — вы о них
говорите вслух? Прогнать
и не пускать на порог. Забыть,
как кошмарный сон.
И поделом!**

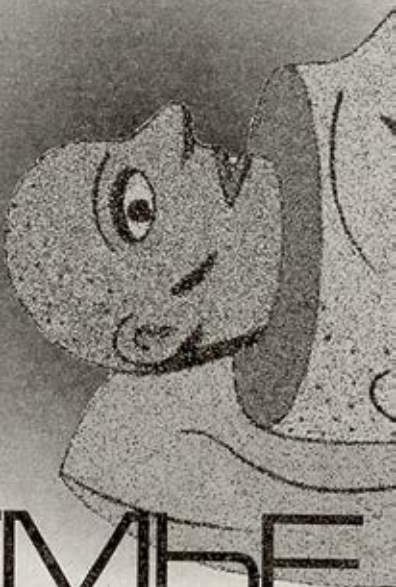
**Но вот вопрос: какую цену
за это платит тот,
кто исключает?**

**С неожиданной стороны
рассматривает
эти ситуации психолог
Елена КРАСНИКОВА —
член экспертного совета
Всероссийского общества
семейных консультантов
и психотерапевтов.**

Насилие забвением

— Однажды девочка, жалуюсь мне на маму, закричала: "Она меня молчала!" Понимаете, мама ее... была своим молчанием. Нечто подобное происходит, когда семья как бы говорит кому-то из родственников: "Я тебя молчу," — рассказывает Елена Ивановна. — Это тоже похоже на избивание молчанием. Наверное, во многих семьях есть люди забытые или потерявшиеся в эмиграции, презираемые или ненавидимые и, замалчивая их, семья совершает психологическое насилие. Насилие забвением.

Красникова не устает повторять: системная семейная психоте-



Галина КАЛИНИНА

В СЕМЬЕ НЕ БЕЗ

НО ДАЖЕ ЕГО НЕ СТОИТ

рапия считает, что **все** мысли, чувства, поступки человека обусловлены влиянием семьи. А особое внимание Елена Ивановна обращает на исключенных, забытых членов семьи. Точнее, ее интересуют не столько как-то выпавшие из гнезда родственники, сколько некое равновесие всего семейного клана, общий энергетический баланс. Она говорит, что семья — это некая система, мозаика, узор (дело не в том — красивый или нет, но — именно рисунок, а не хаос). В этой мозаике каждый человек играет свою роль. Исключение хотя бы одного штриха, одной детали в ней меняет всю картину, на-

рушает баланс. И тогда появляются... болезни. Или не складываются судьбы.

Понятно, что факт принадлежности к семье того или иного человека невозможно отменить замалчиванием, игнорированием — факт просто становится тайной. А тайное, как утверждает психотерапевт, проявляется в судьбах потомков. Так действуют законы функционирования закрытой системы, которой является семья.

Прежде всего, что означает "исключение" родственников? В первую очередь на ум приходят те, кого исключили в результате развода — "Я больше не хочу с тобой жить!". Это родственники, отправленные в дом престарелых — "Мама, нам тяжело с тобой. Поживи там". Это те, кто "мотает срок" в местах не столь отдаленных, а близкие не хотят их знать. Это младенцы, от которых отназались уже в роддоме.

Но из семьи людей вырывают не только смерти и разводы, не только тюрьмы, эмиграция, революции, войны или репрессии.

— Нередко люди сами как бы "исключают" себя из реальности, уходя в алкоголизм, в наркоманию, — размышляет Елена Ивановна. — Сейчас появился новый вид зависимости — компьютерная, ко-



УРОДА,

выбрасывать из гнезда

гда человек уходит в некий параллельный — виртуальный — мир. Вы не задумывались над тем, что, когда люди "всецело", "без остатка" посвящают себя какому-то делу, фанатически служат какой-то идее, "с головой уходят" в написание, например, диссертации, — это тоже очень похоже на... бегство? Не случайно слово "трудоголик" так похоже на "алкоголик", правда? Фактически такие люди перестают быть членами семьи, появляется странная отчужденность их от жизни. К тем, кто вырывает себя из реальности, я отношу и фанатиков, сектантов, и, конечно же, психически больных, тех, кого раньше называли юродивыми, блаженными. Людей, которые различными способами (сознательно или бессознательно) как бы "исключают" себя из жизни, очень часто презирают, "вычеркивают" из памяти, стараются забыть...

— Елена Ивановна, а "просто забыть" о человеке и "исключить" его — это разные вещи?

— Нет, с психотерапевтической позиции это одно и то же. Часто причины того, что человека не хранят в памяти — вина, стыд, тщеславие потомков. Помнить — не значит каждый день говорить о ком-то. Главное — в сердце держать. Мы же все знаем, чувствуем значение слов "память сердца", правда? Человек не исключен, если его навещают в психиатрической больнице, или, скажем, если помнят о годовщинах его смерти, рассказывают о нем — тогда он как бы присутствует в семье. А вот когда женщина заявляет мужу: "Ноги твоей в нашем доме не будет и ты никогда не увидишь своего ребенка!", то этот человек именно исключен

из семьи — он "вычеркнут" оттуда женой. "Мы тебя молчим". И ребенок, ни разу не видевший фотографии отца (даже если у него появился новый, "хороший", папа), находится в большой опасности. Потому что болезнь начнет... предъявлять ему вот этого исключенного мамой члена семьи. Отец будет представлен у ребенка какой-то болезнью. Причем ребенок может даже не знать о его существовании, но энергетическая система это знает и чувствует.

— То есть из семьи, из дома человека уберут, а в другом месте — в теле — он появится в виде болезни? Просто мороз по коже...

— Те, кто исключают родственника из своей жизни, несут все последствия этого поступка.

— А не тот, кого "исключили" и таким образом "наказали"?

— Да, хотя "наказанный" и не прав, и имеет свою вину. Это очень тяжкое бремя — исключать кого-то. Женщины, которые бравируют: "Не он меня бросил, а я его, я сама от него ушла", не понимают, какая это беда.

— То есть, раз женщина мужа прогнала, "исключила" из семьи, значит ей и... отвечать за это? И он может вернуться к ней или к ребенку в виде какой-то болезни?

— Не случайно религиозные традиции противятся разводам. А что если он пьет, бьет, все проматывает? Психолог, казалась бы, должен сказать: "Спасай себя, разводись". А священник говорит: "Терпи". Мол, пусть не ты его прогонишь, а если уйдет, пусть сам.

— То есть нужно довести до того, чтобы сам ушел?

— Женщина вольна принять любое решение, но она должна знать его цену.

— А если у кого-то родственник — предатель, преступник... злодей, наконец?

— Я не говорю о том, что надо обязательно любить этого человека, но надо как бы... регистрировать его в семье, замечать его, отдавать дань факту его принадлежности к семье. "Да, у нас есть родственник, который психически болен". "Да, у нас есть родственник, который сидит в тюрьме". Рассказывать ли об этом детям и как: с презрением и неодобрением или с сожалением, с пониманием, что человек может ошибиться? Быть может, это повод поговорить с ребенком о том, что на свете есть и зло, что в отношениях бывает зло. В любом случае, если ребенок спрашивает, что это за дядя на фотографии в альбоме, надо найти слова, чтобы объяснить ему — кто это.

— Обычно люди стыдятся таких родственников...

— Я недавно смотрела по телевидению интервью с писательницей Татьяной Толстой. Она рассказывала о том, что ее предок, который жил во времена Петра Первого, выдал царевича Алексея, и царевич на дыбе проклял всех Толстых до шестого колена за это предательство. Они знают, что один из их предков предатель. Татьяна Толстая так это для себя переформулировала: "Вот мы и пишем все, как проклятые". Мол, да, есть и такое в жизни. Это жизнь. Если ты игнорируешь реальность, она от этого не перестанет существовать.

— Не все мы и не всегда бываем так мудры... Ну вот так случилось, представим, что семья "исключила" кого-то из родственников, "вычеркнула" его. Получается, всей семейной системе этим драматическим событием нанесен

удар. Понятно, что семья пытается затянуть рану, но, думаю, у большинства это получается "криво-носо", больно...

— Как восстановить хороший баланс, уравновесить ситуацию? Один из эффективных способов восстановления предложил известный австрийский психотерапевт, психоаналитик Берт Хеллингер. Сейчас ему 82 года. Его метод "растворения семьи" позволяет исследовать проблему человека, коренящуюся в семье, найти ее исключенных членов, восстановить баланс... Хеллингер объясняет феноменологию семейных отношений, семейные правила и порядки.

Идея про исключенных членов семьи, по словам Елены Ивановны, знакома науке, это — не открытие Хеллингера. А вот правила и порядки — это то новое, что Хеллингер привнес в системную семейную психотерапию, опираясь на этнографический материал. Эти правила как раз и позволяют соблюдать некое равновесие всего семейного клана. Метод Хеллингера — это не только и не столько какие-то психологические приемы, но — свой взгляд на мир, потрясающая диалектика добра и зла, определенная философия.

Уйти, чтобы остаться?

Симпатичная женщина бальзаковского возраста. Светлана. Замужем. Двое сыновей. Ее почему-то "выносит" из семьи: она набирает много-много работы, а дом от этого страдает. Неглупая женщина, она начинает понимать, что это неспроста. Дома — сложные отношения с мужем и сыновьями, но к Красниковой Светлана пришла по другому поводу. Врачи нашли у нее миому.

— Метод "расстановки семьи" — групповой, и заключается он в том, что человек, обратившийся за помощью (в данном случае Светлана), выбирает из людей, сидящих в зале, тех, кто будет "представлять" членов его семьи и его самого, — рассказывает Елена Ивановна. — Речь не идет о том, чтобы, как в театре, играть их, нет, просто "представить". Светлана расставляет их в соответствии с собственным пространственным чувством семьи. "Себя" с "мужем" она ставит напротив друг друга и мальчигов — между ними. По Хеллингеру, эта ситуация свидетельствует об эмоциональном разводе. Но в таком состоянии можно прожить до самой смерти (терпят люди друг друга по наним-то причинам). Я попросила Светлану выбрать человека, который "представлял" бы ее... миому. Странная, конечно, задача, но еще не было случая, чтобы кто-то не смог ее выполнить. Иногда я предлагаю выбрать предмет, "представляющий" недоумение, чтобы кто-то постоял с ним. Так вот Светлана берет эту "миому" — и ставит ее себе за спину. Всех "представителей" ее родственников я спрашиваю, как они себя чувствуют на том месте, куда их поставила Светлана, об ощущениях в этом пространстве. И начинается то, что Хеллингер называет феноменом. Они говорят странные вещи, со стороны малопонятные. Когда даю слово "миоме", она порождает такой текст: "Я чувствую, что это мое пространство, мое хозяйство, я — как царица здесь. Только я должна стоять не за плечами, я должна выйти вот сюда на середину, и они все меня будут слушаться". Спрашиваю Светлану, кто это, кого ей это напоминает, и она рас-

терянно отвечает: "Это свекровь. Когда она приходит к нам в дом, она командует, переставляет настурюли, она готова и мебель переставить, она всех учит, как жить, как любить. Словом, царица".

Я видела, как в словах "представителей" тех или иных болезней люди вдруг узнавали голоса и лексику своих исключенных родственников — презираемого всеми алкоголика-отца, брата, в двухлетнем возрасте сданного в спецлечебницу, свекрови, с которой не смогли договориться, а потому предпочли выжить со своей территории, сделать вид, что ее вроде бы... нет. А она — есть. Если не в семье — то в теле. В виде болезни.

Интересно наблюдать, как люди расставляют "представителей" членов своей семьи: кого — напротив друг друга, а кого — рядышком, кого-то ставят спиной друг к другу, а кого-то отводят в самый дальний угол и просят отвернуться. Для психотерапевта все это — открытая книга, в которой можно читать... диагнозы и пути коррекции поведения. Обратите внимание, говорит Елена Ивановна, если мать ставит ребенка между "представителями" родителей вот таким образом, значит, у него, как минимум, нейродермит. Да, удивленно подтверждает женщина, у сына нейродермит, а как вы догадались?

Олег, мужчина, обратившийся за помощью, выбирает "представителей" отца и матери, затем ставит их недалеко друг от друга. И вдруг выясняется, что "мать" Олега чувствует глухое раздражение к его "отцу". Да, подтверждает Олег, у родителей были очень плохие отношения друг с другом. Случайную женщину из зала он просит "представить" сослуживицу отца. "Сослужи-

лица" выходит, становится рядом с "отцом" и... И говорит, что ей стало жарко. Да, подтверждает Олег, они — отец и эта женщина — любимы друг друга.

"Меня тянет к этому человеку", "вдруг стало душно", "хочется бежать отсюда", "я чувствую себя на этом месте царицей"... Так "представители" родственников говорили о своих ощущениях там, куда их поставили.

— Откуда это, почему?

— Работает феномен. Этот метод феноменологический.

— Елена Ивановна, простите, а все это как-то укладывается в... материалистические позиции?

— Это вы решайте сами. Я вам отвечу, как Берт Хеллингер отвечает: я вижу, что это работает, для меня этого достаточно, моя цель — помочь человеку. Если после того, как я иду вот за этой мыслью, за этой идеей, человек получает облегчение и у него в жизни начинаются позитивные изменения, для меня этого достаточно. За мной — четыре года работы методом "расстановки семьи", сотни благодарных людей. За Хеллингером — тысячи.

Многие на сеансе благодарили за то, что их выбрали "представлять" чьих-то родственников: "У меня с отцом были точно такие же проблемы. Ваша ситуация помогла мне многое понять в себе". Удивительно, что вы выбрали именно меня "представлять" вашу первую жену, ведь я тоже ушла от своего первого мужа, как и она от вас". Действительно, феномен...

Порой, чтобы найти выпавшее звено, восстановить энергетический баланс семейной системы, Красниновой приходится "расставлять" огромный семейный клан. Я

наблюдала, как мужчина мучительно выбирал "представителей" для трех своих жен, многочисленных детей, братьев и сестер... Это завораживающее зрелище. Но более всего поразило то, как он "нечаянно" — так ему подсказала интуиция — поставил мужчин своей семьи друг за другом — погибшего деда, вслед за ним — рано ушедшего из жизни отца, а в затылок ему уже дышит пьющий брат. Реальный, зримый "поезд смерти"... По словам психотерапевта, такие поезда обычно идут вслед за самыми презируемыми членами семьи.

— Раскрывая феноменологию семейных отношений, Хеллингер называет три правила. Первое: я так тебя люблю, что ухожу за тобой. Классический пример — Ромео и Джульетта. В реальной жизни все бывает, на первый взгляд, не так явно, не так зримо. Нередко похоронивший любимую человек как бы перестает жить, отказывается от своих целей. Он живет, но при этом... не живет. Он постепенно уходит вслед за любимой. Думаю, многим людям, потерявшим близких, знакомо это состояние. Второе правило: я так тебя люблю, что уйду вместо тебя. Ушедшие (или уходящие) — это не обязательно усопшие, но и хронически больные, паралитики... Очень часто тот, кто ухаживает за больным, умирает раньше того, за кем ухаживает (речь, конечно, не идет о профессиональных сиделках). Очень часто встречается ситуация, когда женщина так любит тяжело заболевшего мужа, что уходит вместо него. И третье: ты виноват, а я так тебя люблю, что искуплю твою вину. (Быть может, Гамлет уходит, чтобы искупить вину своей матери перед его отцом?)

Однано, мурашки идут по спине... Невольно вспоминается трагически погибший недавно молодой актер из известной актерской семьи. Все газеты с придыханием вспомнили об ушедшем из жизни отце артиста, о его знаменитом брате, умершем в том же возрасте, — вслед за отцом... Редкое издание не упомянуло слово "рок". Актеры мне вспомнились не случайно. Почему-то нередко они повторяют в жизни судьбы сыгранных ими героев. Начиная с того, что популярная антриса, в фильме вышедшая замуж за иностранца, вскоре повторяет этот поступок в жизни, и кончая тем, что актер, погибающий в кадре, после съемок тоже попадает под автомобиль. Где игра, а где — реальность? Не случайно некоторые артисты отказываются от ролей умирающих героев. Почему-то те порой оказывают влияние на реальную жизнь антеров. Лия Ахеджнова в одном из недавних интервью утверждает, что сыграть чью-то судьбу, значит накликать ее на себя. Нечто подобное происходит и на психотерапевтическом сеансе: человек, сбалансировавший семейную систему здесь, восстановивший исключенных членов семьи и отдавший им дань уважения, вдруг обнаруживает, что мучившая его долгие годы ситуация и в реальной жизни "отпускает" его как бы сама по себе. Как-то иначе вдруг складываются обстоятельства, другой рисунок судьбы ложится на песок.

— Прадед умер молодым, — рассказывает случай из своей практики Елена Ивановна, — оставив двух дочерей и молодую жену. Она горевала по мужу, но не сетовала (как это обычно бывает) на то, что

он оставил ее одну. Она решила: "На мужчин нельзя положиться". Мы называем это семейным посланием, которое было передано прабабушкой потомкам. В результате все последующие поколения женщин из этой семьи разводятся и одни поднимают детей, а сыновья этих женщин либо пьют, либо болеют, либо не могут заработать на жизнь, подтверждая тем самым ту прабабушкину правду. На психотерапевтическом сеансе мы восстановили память о забытом в далекой деревне прадеде, отдали ему дань уважения и благодарности за жизнь, которую он дал роду. Так женщина из этой семьи, обратившаяся ко мне за помощью, вместо горькой прабабушкиной еще обиды пустила в свое сердце понимание и доверие к мужчинам. И меня совсем не удивляют те позитивные изменения, которые сейчас происходят в ее жизни. Так тайное — забытый предок — может проявляться в судьбах потомков.

Река, текущая в одну сторону

...Ирина. Молодая, очень красивая женщина, но с букетом болезней. Растит сына. Живет отдельно от родителей. Отец — запойный алкоголик. С родителями видится, как ей кажется, довольно редко.

Елена Ивановна начала искать, зачем Ирине нужно болеть. Выясняется, что "исключающий" себя из жизни, презираемый всеми член семьи — отец Ирины.

— Ты его так любишь, что готова уйти вместо него?

— Я должна его спасти. Я обязана что-то сделать. Я должна удерживать его, помочь родителям, — рыдает женщина.

— Видишь, зачем нужна болезнь? — *говорит Красникова.* — Ты *не можешь* помочь родителям — это просто не в твоих силах. Ты *не можешь* удержать своего слабого, безвольного отца, но в душе полагаешь, что должна это сделать. И только болезнь как бы освобождает тебя от этой невыполнимой обязанности, которую ты сама на себя навесила — спасти, удержать его. Ирина, ты, как атлант, пытаешься весь мир удержать на своих руках, но его невозможно удержать. Ты не можешь решить проблемы отца. Что тебе остается? Остается заболеть. Болезнь — твоё алиби перед собой. Она **спасает** тебя, вырывая из твоих-нетвоих обязанностей. Когда ты болеешь, ты никому ничего *не должна* — у тебя "справка". Понимаешь, **зачем** ты болеешь?

— Что же делать?

— Или болеть (и тогда ты никому ничего *не должна* — ты же болеешь), или иначе посмотреть на ситуацию, чтобы понять: ты и так *не должна*. Ты хочешь уйти или остаться? Птенцы, которые заботятся о своих родителях, умирают. У них не бывает потомства. Я понимаю, накому колоссальному культурному мифу противодействую, но это тот порядок, который скрыт за поверхностью вещей.

Вспомните грузинскую притчу про орла. Вылупились птенцы, их уже пора ставить на крыло. Тогда орлица берет одного и несет над пропастью: "Ты будешь обо мне заботиться так же, как я о тебе заботилась?" — "Да" — и птенец падает в пропасть. Она берет второго и держит над бездной: "Ты будешь обо мне заботиться так же, как я о тебе заботилась?" — "Да!" — и этот птенец тоже гибнет в бездне. А

третий отвечает так: "Мамочка, так же хорошо, как ты обо мне заботилась, я буду заботиться о своих детях". И он остается жить. Это порядок. Когда вы его ломаете, приходит болезнь и говорит: "Ты что делаешь?!"

Признаюсь, я цитирую эти слова не без некоторой робости. Я тоже понимаю, какой колоссальный культурный миф противостоит этой притче. Но я ее уже слышала. От моей мамы.

— Это совершенно потрясающая идея Хеллингера. Отношения долженствования, отношения "брать-давать" между родителями и детьми — это река, текущая в одну сторону. Родители должны своим детям, а те — своим, и другого нет.

*Дмитрий, мужчина средних лет. Три года назад умер его отец и с тех пор мать лежит парализованная. У него двое мальчинов. Когда он говорит, что пойдет с сынишкой в цирк, слышит от мамы: "Кание там дети — у тебя **мать** больная!" Пришел к Красниковой с жалобами на стойкую бессонницу и депрессию.*

— Елена Ивановна, и что же его мама и на станан воды перед смертью из его рук не может претендовать?

— О родителях надо заботиться, быть им *должными* — не надо. Поймите, "река, текущая в одну сторону" не отменяет моральных обязательств, но каждый все равно берет их на себя в меру своей совести. Дима продолжает заботиться о своей маме, но теперь он ей *не должен*, он перестал умирать, перестал разрушаться. Он делает все то же, что и раньше, ухаживает за мамой еще лучше, но — без надрыва, без чувства вины, которое его сопровождало все эти го-

ды. Теперь он ведет детей в зоопарк или в кино без чувства вины за это перед матерью, потому что он им должен. Он остается здоровым, если ухаживает за мамой потому, что любит ее, а не потому, что должен.

Кто кому должен?

— Не раз приходилось слышать о том, как "она ему всю жизнь посвятила, в люди его вывела, благодаря ей он институт окончил" и так далее, а он, "мерзавец, бросил ее" или еще что-то в этом духе. А сколько историй про коллег, про то, как один другого "вытащил, столько для него сделал", а тот, неблагодарный, потом переметнулся к соперникам и прочее-прочее. Очень трудно порой разобраться, кто кому должен...

— Все очень просто: я даю тебе — ты мне возвращаешь немножко больше. Я даю тебе немножко больше, чем ты мне дал, — ты возвращаешь немножко больше... И тогда у нас формируются равные отношения. Если же я тебе только даю, а ты только берешь, наши отношения не выстраиваются. Когда я только даю, а мне не вернули — это для меня уже сигнал лонных, невротических отношений. Если ты дал человеку больше, чем он способен тебе отдать, то будь готов к тому, что приобрел врага. Я должна обеспечить человеку ощущение, что он мне не должен. Иначе то, что я даю, пойдет мне во вред. Он меня возненавидит. Если я даю, а вы мне не можете отдать — это для вас чрезмерная тяжесть.

Есть болезни, которые появляются у нас исключительно "от нервов", например, язва 12-перстной кишки. Объясняя мне это, Елена

Ивановна заметила, что в учебниках по медицине есть даже такое понятие "язвенно-генная мать". Она не сказала, что мама возвращает в ребенке предрасположенность к тому или иному заболеванию, нет, по ее словам, мама "формирует у него именно такой характер взаимодействия с миром".

— Язва — это способ взаимодействия с миром? — переспросила я.

— Получил взбучку от начальника, поругался с женой — и слег. Что это, если не способ реакции на внешнее воздействие, ответ жене или начальнику? Супруга теперь обязана за ним ухаживать, на работе его должны беречь — а вдруг опять слянет? Ну, и появился аргумент пожалеть себя-родного. Это называется "вторичная выгода симптома", — пояснила Красникова.

Елена Ивановна показывает, как при помощи болезни люди бессознательно как бы уравнивают ситуацию в семье, которая, не заболев кто-то из ее членов, была бы невыносимой, невозможной. Болезнь может примирять с чем-то, с чем невозможно примириться, или напротив, безжалостно обнажать ситуацию, которую все друг от друга тщательно скрывают, и в этом потрясающая диалектика добра и зла. Елена Ивановна не устает повторять, что симптом — это друг, помощник. "Головная боль или боль в спине, температура — это помощники. Это тело уже вопит тебе: "Ты живешь неправильно, ты живешь не так, ты думаешь не так!" Болезнь — это разговор тела со своим хозяином, наша задача — это послание прочитать, отгадать".

Нуда там отгадать — захотеть бы услышать... Говорят, врать мо-

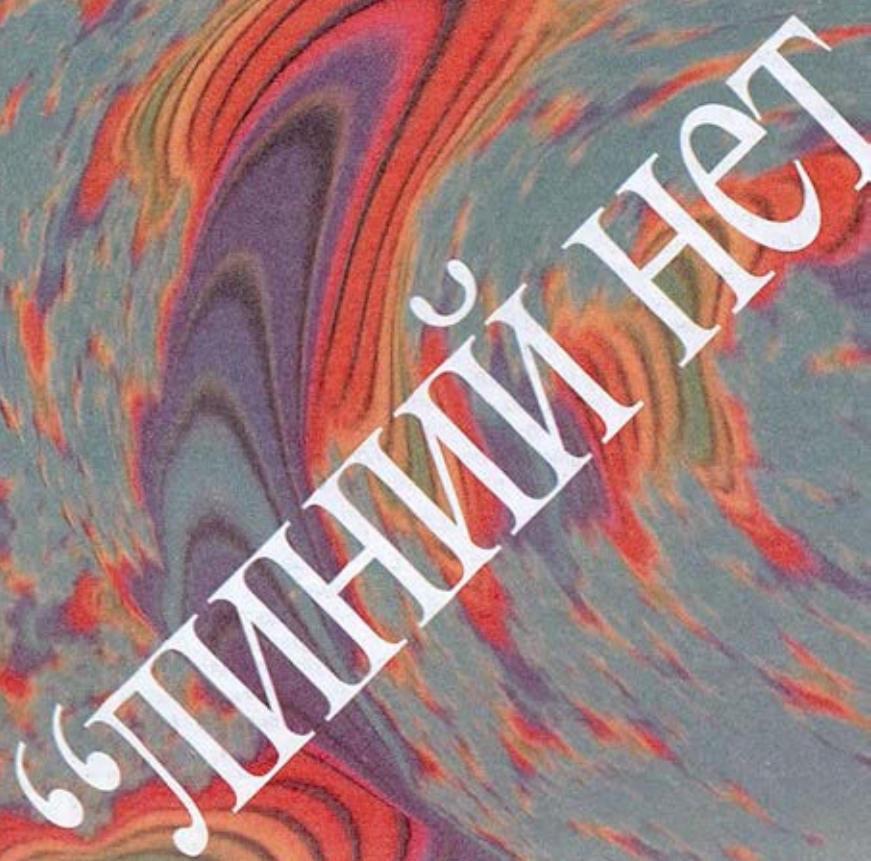
жет все — наш ум, наши эмоции, не врет только тело. Куда-то сплешь, а ноги вдруг почему-то делаются ватными, "не хотят идти". И, что поразительно, потом ведь выясняется, что действительно не надо было идти. В комнату зашел вроде бы хороший человек, но почему-то пересохло в горле, заныл желудок... Кто на это обращает внимание? Знакомый психолог однажды рассказывал, как он помогал другу выбрать машину. Приятель его разрывался между двумя поддержанными автомобилями одной марки. Психолог присел на минуту в одну из них, потом — в другую. Вот и вся экспертиза. И дал совет. Впоследствии выяснилось, что отвергнутая им иномарка оказалась ворованной. "Как вы догадались?" — допытывалась я у него. Где-то у него, понимаете ли, что-то нольнуло, в боку слегка заныло и запершило в горле. Бог мой, да кто же обращает на это внимание? Мы привыкли жить со своим телом в режиме борьбы.

Каждый вечер по телевизору реклама настойчиво предлагает таблетки, которые, "попадая точно в цель, уничтожают боль". Мы редко задумываемся над тем, что реклама навязывает нам не просто те или иные товары или услуги, но — определенный взгляд на мир, тот или иной способ взаимодействия с ним. Реклама лекарств обычно напористо предлагает заставить молчать тело, "заткнуть ему глотку", когда оно пытается разговаривать с тобой. Нам не оставляется возможности дане предположить такую крамолу, что болезнь — это наш способ взаимодействия с миром и, быть может, надо менять его, а не таблетки? Я не предлагаю отказываться от лекарств и не агитирую

против их рекламы. Я только хочу сказать, что есть и другой подход к гармонизации наших ощущений в этом мире.

Постоянно слышу по моей любимой радиостанции рекламу препарата "от алкоголизма", который предлагают... родственникам алкоголиков. Мол, пьющему мужу можно подсыпать в суп лечебный порошок — он безвкусный. Стало быть, есть лекарство против мужа-алкоголика! А как насчет мужа-ревнивца, "гулящего" мужина, "мота"? А вот еще кому-то постоянно "мерзавцы" попадают и "подлецы", может, и против них есть лекарство? Знаю даму, которая уже вылечила троих мужей-алкоголиков. Кроме шуток, действительно вылечила. После чего все они благополучно ее покинули и процветают в новых семьях. В конце концов она пришла к психологу, поняв, что дело — в ней, в том, что ей зачем-то надо, чтобы рядом оказывались именно такие мужчины. Попутно она поняла, зачем ей нужен был еще "вагон и маленькая тележка" болезней, которые много лет лечила по разным клиникам. Так что реклама препарата "от алкоголизма родственников" — не такая уж безобидная вещь. Нам постоянно внушают, что все очень просто: "съел — и порядок" — и при чем здесь какой-то там способ взаимодействия с окружающим миром?

Нога что-то занозит — в душе или в теле, может, и в самом деле не стоит немедленно глушить эту боль, пытаюсь избавиться от нее привычными способами... Может, стоит прислушаться и спросить себя: "Зачем мне это надо?", свое тело: "Что ты, любимое, хочешь мне сказать?" И внимательно выслушать ответ... ■

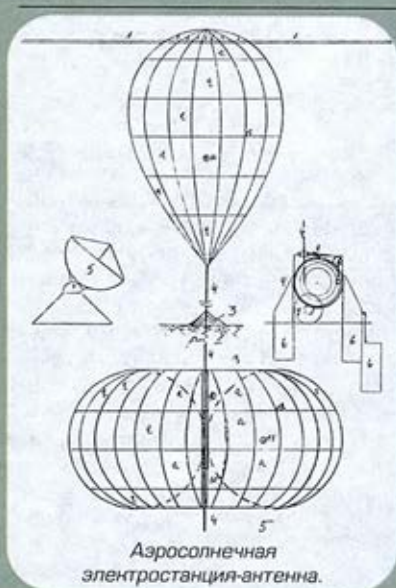


„ЛИШЬ НЕТ“

Лет семь назад довелось мне трудиться в одной забавной конторе, которая находилась на площадке дверь в дверь с психо-неврологическим диспансером районного масштаба. Мы занимались изданием небольшой научно-популярной газеты, они — сами знаете чем... И по странному стечению обстоятельств частенько наши клиенты — изобретатели вечных двигателей заглядывали к нам, а их пациенты — с жалобами на облучение ПСИ-лучами — к нам. Так мы и жили, регулярно обмениваясь информацией о посетителях, в свободное от работы время читая письма, присылаемые в редакцию зацикленными на почве всевозможных научных открытий читателями. Жили тихо, мирно и почти спокойно...

Но однажды наш безмятежный покой был потревожен густым рокошущим басом, вслед за которым в двух крохотных редакционных комнатенках появилась, заполняя собою все пространство, огромная колоритная фигура то ли вольного художника, то ли очередного вечного изобретателя. А быть может, и... пациента наших соседей. Не успел я так подумать о необычном пришельце, как он учтиво представился и удобно расположился на стуле, стоявшем у моего стола.

— Сударь Соронин, — проронотал необычный посетитель, — "господин" для меня не подходит, а "товарищ" нынче не в моде... И пришел я к тебе с небольшой просьбой... Понимаешь, я вот уже третий месяц веду переписку с



Аэросолнечная

электростанция-антенна.

Нобелевским комитетом и узнал, что для получения их премии мне нужно официальное ходатайство от какой-нибудь общественной организации. Ваша газета мне нравится, вот я и подумал...

— А в какой области вы сделали открытие? — только и смог робко поинтересоваться я.

— В математике. Понимаешь, я решил задачу трисекции угла. — Сударь Сорокин извлек из своего видавшего виды портфеля несколько исчерченных и анкуратно исписанных листов бумаги и положил их передо мной на стол, — сделал сенсацию в науке и ты можешь первым опубликовать ее в своей газете...

И, не дав мне опомниться, сударь Сорокин толково и внятно, а главное — коротко рассказал и показал на чертеже изящное решение этой "неразрешимой" задачи и скромно заметил, что это и есть его сенсация. Неплохо зная

геометрию еще со школьной скамьи, буквально ошеломленный простотой показанного мне изящного решения, я только и нашелся что спросить у этого оригинального посетителя:

— Сударь, но ведь эту задачу уже шесть столетий не могут решить лучшие умы человечества! И зачем это понадобилось вам?

— Вот это меня и заело, — не принужденно ответил мой визави. — Такой пустяк, а решить никто не может. Вот я взял и решил... Можешь об этом в свою газету статейку тиснуть: нанни-нак, а на сенсацию мое открытие тянет... А мне по такому случаю ходатайство в Нобелевский комитет организуй.

...За ходатайством в указанный адрес дело не стало, и сударь Сорокин ушел от нас вполне удовлетворенный, а я тем временем пригласил в редакцию одного известного профессора, доктора наук, и попросил его ознакомиться с решением, оставленным Сорокиным, и написать короткую заметку по данной проблеме.

Профессор появился в редакции через неделю, рассказал, что он и его коллеги все это время разбирались в доказательствах, представленном Сорокиным, и самый молодой доцент на его кафедре первым определил, что задачу эту решил очень малограмотный и почти необразованный человек, что, в общем-то, не меняло сути, и заметку о сударе Сорокине и его сенсации можно печатать в ближайшем номере газеты. Что и было мною осуществлено незамедлительно.

А потом, после публикации, в редакцию хлынул поток откликов со всего пространства СНГ и да-

же из дальнего зарубежья... Самое интересное, что среди писавших автору сенсации было много его однофамильцев, а парижанин Виктор Соронин прислал даже книгу своих прелестных рассказов и "приглашение сударю Соронину посетить Францию в любое удобное для него время".

Тем временем наши редакционные будни, потревоженные данной сенсацией, незаметно вошли в свою колею и все мы потихоньку начали забывать о том необычном посетителе. Но однажды теплым сентябрьским днем я и несколько моих коллег были заняты углубленным обсуждением одного из постулатов (или аксиом) евклидовой геометрии... Помните, это когда через одну точку, лежащую на плоскости, можно провести только одну линию параллельно другой прямой линии, уже имеющейся на той же плоскости.

Впрочем, заняты мы были не столько самой этой аксиомой, сколько возникшими гораздо позже геометриями Лобачевского и Риммана, и всем тем, что из этого проистекает. Заберясь в дебри сверхвысоких математических рассуждений и повысив тональность спора, никто из нас не заметил, как во все те же крохотные редакционные комнатки никем не замеченный вошел высокий, стройный, элегантный, отлично экипированный пожилой человек и начал внимательно прислушиваться к нашему спору. И ко-

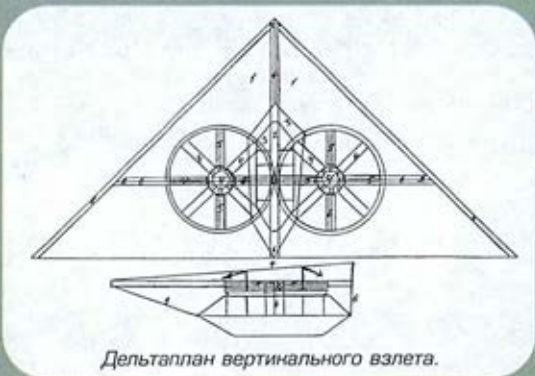
гда в осеннем воздухе запахло точной кипения, всех нас остановил могучий бас, который вызвал в нашем ограниченном пространстве сцену из заключительного акта бессмертного "Ревизора", только с меньшим количеством действующих лиц...

— Линий нет, ребята! По крайней мере — прямых! И никогда не будет!!!

Спор моментально стих и мы все уставились на не знакомого нам джентльмена, несказанно удивленные его неожиданным появлением. А он, спокойно выдержав паузу, приветливо улыбнулся и пробасил:

— Вот, ребята, пришел сказать вам большое спасибо и... попрощаться!

Окружающие меня сотрудники ничего не понимали, и только я, прислушавшись к роноту баса, уловил в нем знакомые интонации сударя Соронина. Но вид, внешний его вид мог кого угодно ввести в заблуждение: модная причёска, темный в полоску элегантный костюм, шинкариные ботинки и главное... умопомрачительный галстук с однотонным платочком в нагрудном кармане. О кейсе и



Дельтаплан вертикального взлета.



Туннелепроходчик для твердых и мягких пород.

зонте-трости и говорить было нечего...

— Александр Алексеевич! Тут вам скопилось полмешка писем, — только и нашелся я что сказать.

— Михалыч, оставь все у себя, — добродушно отмахнулся от моего подарка сударь Сорокин и, раскрыв на моем столе кейс, вынул добротную кожаную папку и протянул ее мне, — и прими от меня этот небольшой подарок...

Раскрыв папку, я обнаружил там папку анкуратно исчерченных листов с короткими сопроводительными надписями на каждом из них и... ничего не понял...

— Вот, уезжаю я, — пояснил сударь Сорокин, — в Германию. Ихнее инженерное общество пригласило меня прочесть им курс лекций по моим разработкам... Понимаешь, Михалыч, нашли они меня после твоей публикации... И не только нашли, но и паспорт заграничный мне оформили и вишь как придели... Дома еще плащ модный остался... А к тебе приехал сказать большое спасибо и передать часть моих работ, с которыми я к немцам еду... Может, они и в родном доме, в России, кому пригодятся...

— Они у вас запатентованы?

— Нет, так как я считаю, что все мои разработки, как и моя сенсация, принадлежат всему человечеству!

Сударь Сорокин протянул мне руку, пожимая которую я все же успел спросить:

— Александр Алексеевич, если это не секрет, какое у вас образование?

— Два курса ЦПШ, — быстро ответил он.

— Центральной партийной школы?

— Избави Бог, — насмешливо откликнулся сударь Сорокин, — церковно-приходской и еще вот... трехмесячные курсы транскриптов, — полез было за документом наш удивительный гость, но я остановил его жестом руки.

И, уже направившись к выходу, сударь Сорокин неожиданно остановился в дверях и обратился ко всем нам с коротким монологом:

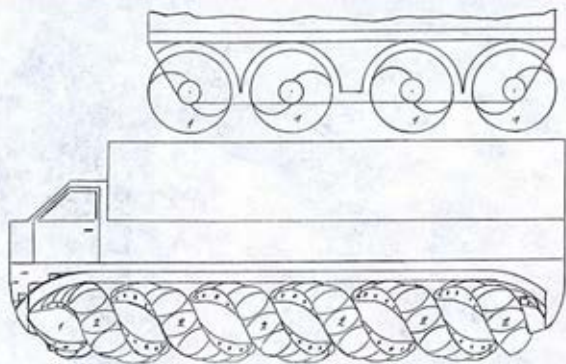
— Повторю для маловеров: линий нет, ребята! По крайней мере — прямых... Их придумал Евклид, или кто-нибудь до него... И луч света кажется нам прямым только в пределах видимости, а там, за горизонтом, и еще даль-

ше — в просторах Вселенной, на этот луч действуют такие огромные космические силы, что никто в этом подлунном мире не представляет его истинного искривления! Никто! Кроме меня!

Судьба, которая подарила мне такую неожиданную встречу, после этого развела нас навсегда, но память об этом человеке я храню до сих пор вместе с толстой папкой с его работами. Проекты сударя Сорочкина многоплановы и интересны, но я остановлюсь лишь на нескольких.

Вого шнекохода два десятилетия назад в более упрощенном варианте была испытана в северных широтах Аляски американцами. Но вариант русского изобретателя более универсален, так как позволяет машине двигаться по слабым грунтам Заполярья без ущерба для верхнего слоя почвы.

Что касается дельтаплана вертикального взлета и туннелепроходчика, то, помимо оригинальных конструкций, каждый из этих проектов вообрал в себя много новаторских идей, и при их внедре-

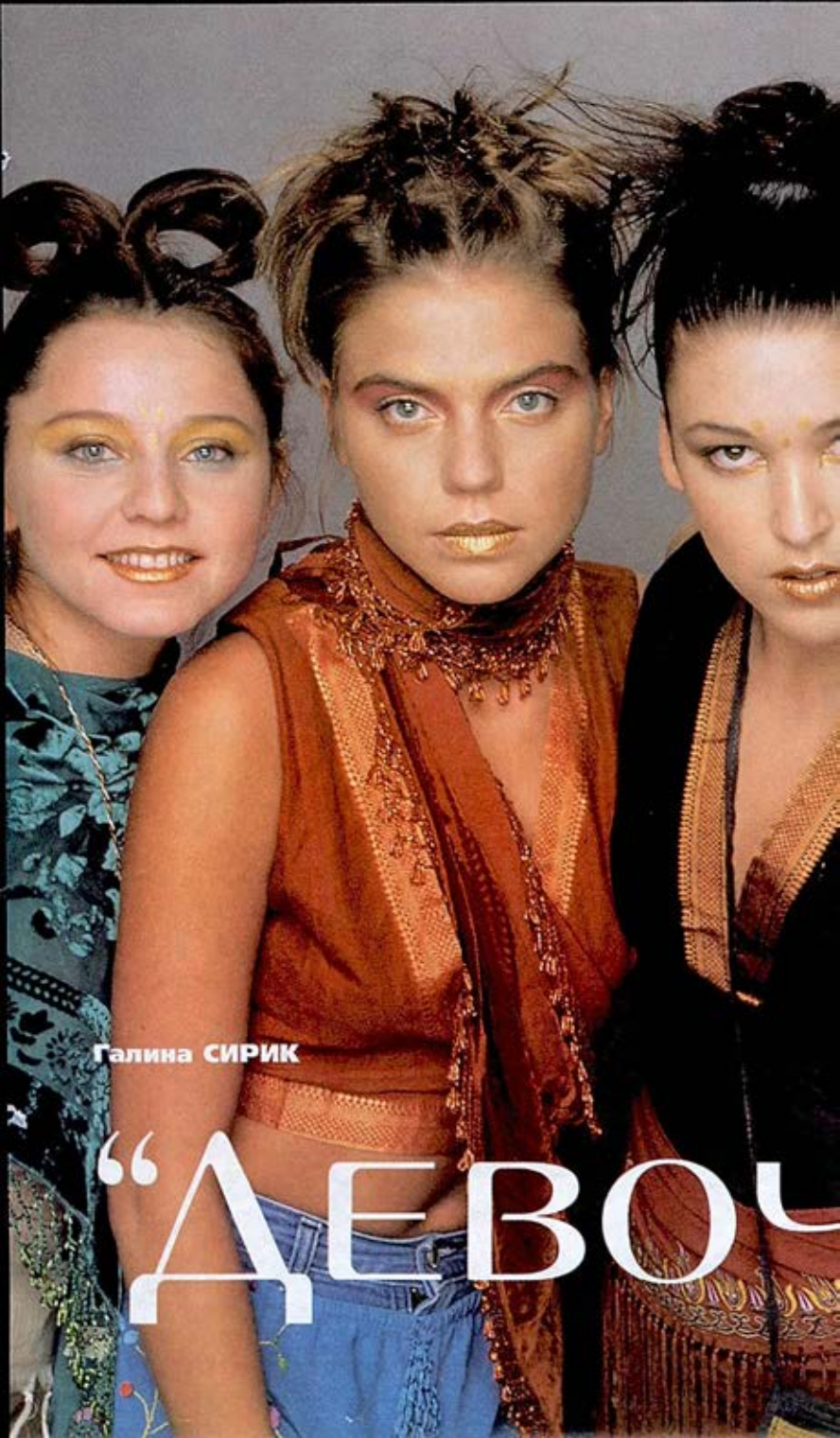


Роликовый шнекоход.

Сударь Сорочкин не обозначал на чертежах даты разработок каждой из своих конструкций: они могли быть сделаны и 20, и 30, и 40 лет назад. Но вот что характерно: многие из его работ были осуществлены (естественно, без заимствований) в разное время и в разных странах, например, предложенная им конструкция ролико-

нии мог бы быть полезным в своих отраслях хозяйства, повышая производительность и в небе, и под землей.

Так что теперь, когда я изредка перебираю проекты сударя Сорочкина, я всегда думаю о том, что чудачки не только украшают мир, но и приносят ощутимую пользу всему человечеству. ■



Галина СИРИК

“ДЕВОУ



О чем чаще всего мечтают девчонки? О "принцах" с телеэкрана или о карьере фотомодели либо певицы.

У некоторых эти мечты со временем превращаются в реальность.

Поп-группа "Девочки", созданная продюсерским центром композитора Игоря Матвиенко, начала свой путь в шоу-бизнес с... влюбленности в солиста группы "Иванушки-интернешнл" Андрея Григорьева-Аполлонова, среди фанатов известного просто как Рыжий.



Больше всех мечтала познакомиться с Рыжим **Татьяна**. Она посещала все без исключения концерты "Иванушек", часто удавалось проходить и за кулисы, чтобы поболтать с ребятами. Тanya настолько приглянулась руководителю Игорю Матвиенко, что он пригласил ее сначала сняться в клипе "Иванушек", а затем вообще выступить в роли бэк-вокалистки на одном из концертов, кото-

рый долго "крутили" разные телевизионные каналы. Но пригласилась Таня Игорю не "за красивые глазки". Она выиграла конкурс на лучшее исполнение песен группы, который устроил фэи-клуб при продюсерском центре.



Валя училась на первом курсе ГИТИСа, когда прочла объявление, что продюсерский центр Игоря Матвиенко проводит отбор девушек для своей новой группы. Она решила рискнуть, пришла на конкурс, спела песню из предполагаемого будущего альбома группы, станцевала, подробно рассказала о себе, ровно через месяц была приглашена на повторное прослушивание и сразу же стала солисткой новой группы.



Ира была студенткой музыкального училища в Волгограде и пела в эстрадном ансамбле. Их коллектив дружил с московской группой "Класс", подарившей шоу-бизнесу "Блестящих". Когда в очередной раз "Класс" приехал на гастроли в Волгоград, руководитель группы Андрей Пряжников, друг Игоря Матвиенко, предложил Ирине попробовать себя в конкурсе. Так появилась третья "девочка".



Лиля стала солисткой самым фантастическим образом. "Иванушки" давали концерт в воспитательно-исправительной колонии для девочек, где

уже два года Липа отбывала срок за кражу в московских супермаркетах. Игорь Матвиенко сразу заметил ее — природа наделила девушку не только красивой внешностью, но и голосом. Олимпиада — дочь бегуна из Зимбабве, участница Олимпиады-80, в честь которой ее и назвали. Мама Липы долго скрывала историю появления на свет красавицы-дочери, но когда та подросла, рассказала ей о своей любви к мулату-бегуну, занявшему в те далекие 80-е пятое место на соревнованиях. О существовании дочери он не подозревает и по сей день.

Липа очень надеется, что папа найдется, когда "Девочки" станут еще популярнее. Все может быть: ведь в жизни Липочки происходят чудеса самые невероятные. Кто еще в нашем шоу-бизнесе имеет такую биографию?..

Вот эти четыре девочки и являются солистками популярной сегодня группы с довольно простым, но запоминающимся названием. О том, как назвать группу, спорили очень долго, даже забыли о приближающихся сроках показа первого клипа. Видеокассета с клипом попала на телевидение, и кто-то просто пометил ее — "девочки", чтобы не спутать с кассетами "Любэ" и "Иванушек". Случайная пометка девочкам очень понравилась, поэтому они и решили так себя называть.

О личной жизни девочки рассказывают неохотно, лишь дружно вторят о любви к Рыжнему

Аполлонову и шутят по поводу своего репертуара. Говорят, что автор исполняемых ими песен Андрей Зуев не только талантливый человек, но и маг. Якобы после исполнения нескольких песен о несчастливой любви у девочек начались неудачи в личной жизни, особенно после песни "Говорила мама, не ходи ты с этим рыжим, у него глаза словно льдиночки". Но напрасно поклонницы "Иванушек" умирают от зависти к "Девочкам" — у них своя жизнь, а у Григорьева-Аполлонова — своя. И видятся они не часто, и на гастроли ездят каждый со своей программой.

Осенью, наконец-то, выходит первый диск группы, девочки работают много и с полной отдачей, и, конечно, гастроли, гастроли, гастроли...

Когда я спросила у них, на что они потратили свой первый гонорар, девочки дружно рассмеялись и ответили, что он "растаял" очень быстро, в основном ушел на модную одежду и обувь. Правда, Ира отличилась: гонорар она потратила на огромный мешок собачьего ланомства. Ее четвероногий друг до сих пор еще не осилил весь "вкусный" подарок.

Девочкам многое удалось в жизни: они молоды, красивы, удачливы и уже популярны. Впереди — новые песни, новые диски и новые гастроли. Кажется, все у них получится. Только бы не слазить!

Беседовала
Галина СИРИК.



■ В наше время все чаще и чаще молодые люди ругают семейный уклад жизни. Кто-то ворчит, что жена — это обуза на шее у мужа, кто-то считает, что муж — это безразличное и чужим проблемам существо. Дети — это вообще сплошные траты и убытки, и обзаводиться ими следует как можно позже. Еще в 80-е годы "атомное чувство любовь" и студенческие свадьбы были приметой времени, в 22-24 года незамужняя девушка считалась "старой девой", а холостых парней можно было по пальцам пересчитать.

Сегодня все наоборот. Студенты в большей мере нацелены только на учебу, юноши и девушки стремятся к качественному образованию, им гораздо важнее укрепить фундамент своей карьеры, нежели цементировать свои отношения с противоположным полом. По данным опросов, проведенных среди студентов Пензенской сельхозакадемии, у молодых людей в возрасте 17-20 лет возрастает значимость таких ценностей, как здоровье, работа, перспектива карьерного роста, связи. Семья, увы, главенствующего места не занимает.

О семье начинают задумываться ближе к 30-ти, когда что-то в профессиональной или финансовой сфере состоялось. На помощь родителей сегодня уже не всегда рассчитывают, молодым не терпит-

ся доказать, что со всеми трудностями они справятся сами. Молодые семьи живут отдельно от старших, стараясь не зависеть от них материально. Не потому ли так быстро развивается новый для России институт нянь и гувернанток?

Одна из недавних выпускниц сельхозакадемии вышла на работу, когда ее ребенку было восемь месяцев. Нашла добрую, аккуратную женщину, которая присматривает за ее сыном в течение всего рабочего дня. Сегодня полугодовалый малыш на вопрос, кого он любит, отвечает: "Няню!" А маму провожает на работу радостно. Встречает, правда, тоже.

Что же будет с нашей семьей лет эдак через 10-20? Как будет выглядеть семья XXI века?

Во-первых, русская семья не станет многодетной. Несмотря на усилия правительства изменить демографическую ситуацию в стране, рожать больше детей женщины вряд ли станут. Изменения в Федеральном законодательстве о труде, где время декретного отпуска и отпуск по уходу за ребенком исключены из общего стажа, не помогают женщине ощутить себя матерью. Экономическая ситуация тоже не способствует рождению второго ребенка, отсутствие гарантированной материальной помощи со стороны местных властей пугает женщин. А система здравоохранения и родовспоможения напрочь отбивает желание вернуться в роддом еще раз. Женщины бегут от этого кошмара всю свою оставшуюся жизнь. На подвиг — родить и воспитать ребенка — решаются не более 15-20 россиянок из 100.

Во-вторых, в ближайшее время изменится роль мужчины в семье. Из добытчика и охотника он может превратиться в нухарну и няньку. И все из-за женской эмансипации. Новое поколение отцов гораздо охотнее остается сидеть с младенцем: уже не пугают трудности с купанием и переодеванием ребенка. Памперсы и многочисленные средства по уходу "за нежной кожей малыша" сделали свое дело и в России: они полностью изменили портрет современного среднестатистического папы. Сейчас это, прежде всего, подтянутый, спортивный молодой человек, гордо кормящий из бутылочки свое чадо. И мамы не боятся оставить ребеночка наедине с его отцом. Им гораздо интереснее определиться в жизни и через два-три года уверенно подняться вверх по служебной лестнице.

Истати, уже появляется поколение женщин, которые сознательно решаются в одиночку завести ребенка. Причем, прослеживается та же тенденция, что и в полных семьях — помощи от родителей не ждать.

Многообразие форм семейных отношений хочется закончить еще одной формой, пока не распространенной в России — однополой семьей. "Толубая" и "розовая" культуры сегодня настолько популярны в столичных городах и в шоу-бизнесе, что этот дух однополой любви потихоньку начал проникать и в российскую глубинку. Пока подражающие моде молодые люди не стремятся к прочным отношениям, но через 5-10 лет им тоже захочется обзавестись семьей. Еще 2 года назад о каждой свадьбе представителей сенсуальных меньшинств сообщали центральные СМИ, сегодня страсти вокруг этого

поутихли. Люди просто сыты по горло этими "лавстори", а геи продолжают жить своей жизнью и даже усыновляют детей. Наверно, скоро все черты этого западного образа жизни дойдут и до нас.

**Александр Морозов,
Наталья Козак,**

Пенза

■ Период отпусков закончился, и уже через час после подключения первого канала с экранов телевизоров повеяло знакомым запахом информационного экскременты. Да, да. Из отпуска вернулся Сергей Леонидович Доренко. Первая же передача внушает оптимизм. Российский флот приобрел нового могущественного покровителя. Народ может спать спокойно. Морские границы отныне будут надежно защищены.

В помощь благородной инициативе мы даем Сергею Леонидовичу наводку. Поезжайте на Тихоокеанский флот. Там, правда, еще никто не затонул (в период правления нынешнего Президента), но условия быта в Совгавани, Промысловне, на Русском острове еще похлеще, чем на Северном флоте. Странно, что Сергей Леонидович не проанализировал ЧП, когда несколько лет назад матросов с Русского острова помещали в госпиталь с диагнозом "дистрофия".

Мы же поясняем то, о чем забыл сообщить С.Л.Доренко своим трагическим голосом: в таком плачевном состоянии флот оказался из-за нехватки денег. А куда уходили деньги все минувшие годы, он может узнать у одного из своих нарчаевских друзей, который располагает полной информацией. Задайте ему вопрос, Сергей Леонидович: "Где деньги, Зин?". То есть,

Борь. Не останавливайтесь на достигнутом в благородном деле. Выясните, куда уходили флотские деньги, и Россия вас не забудет.

Хочется выразить восхищение не только патриотизмом, но и военным талантом Сергея Леонидовича, который, пробыв несколько дней на флоте, уже знает азы военно-морской тактики. Он мастерски использовал огневой маневр, который на морском сленге называется "вилка". "Вилка" — это когда снаряды падают с правого и с левого борта. Любой маневр корабля заканчивается его поражением. Только очень опытный рулевой может вывести судно из "вилки". В субботу вечером в положении корабля, попавшего в "вилку", оказался Президент. Как выяснилось, назначив пособие семьям подводников, он "откупился" (неизвестно за кого) от родственников погибших моряков. А вот если бы он это пособие не выделил, то это означало бы, что он бросил на произвол судьбы семьи, лишившиеся кормильцев. Типичная "вилка", и браво артиллеристу! Здесь голова прочь, а там голова долой. Только вот команды перепутал. Команда была "мочить в сортире", а он — в эфире. Кстати, говорят, тот же нарчаевский джигит собрал немалую сумму семьям моряков. Может, тоже откупиться решил? Вы не знаете случайно, Сергей Леонидович, деньги до Видяева дошли?

Шутки шутками, но непросвещенный зритель может принять славного парня Сергея Доренко за какого-то информационного злодея, не упускающего возможность сделать себе популярность на телах погибших моряков. Они только-только затонули, а наш пострел и тут поспел. Это не так. Мы берем

под защиту Сергея Леонидовича и разъясняем то, о чем ему не позволяют сообщить зрителю некие джентльменские договоренности с фантическими хозяевами канала.

Сергей Леонидович Доренко — телевизионный "диний гусь", наемник от пера. Ему все равно, ного мочить в эфире. Было бы заплачено. А платят за одну передачу, по некоторой информации, столько, сколько командир атомной субмарины не получает за весь срок службы. И это понятно. Труд Доренко и ему подобных гораздо более тяжок с моральной точки зрения, чем ратный труд офицера. Его нужно пожалеть, как жалеют сердобольные люди девчонку, вышедших на панель торговать своим телом.

Ведь не по злобе Сергей Леонидович бросает в нас экскремент с экрана, а за деньги. Заплатите необходимую сумму, и он покажет перед теленамерой голый зад. Без всякого злого умысла. Заплатите побольше и... он вам такое покажет, что дух захватит.

Когда Николаю II жаловались на хамство генерала Климовича, тогдашнего директора ФСБ, то культурный и всегда безукоризненно вежливый царь пояснил: "Климович не может быть вежливым. Работа у него такая. Простим его сиволопого, господа".

Последуем совету императора и простим Сергея Леонидовича. Может, и Бог простит.

В заключение приводим его любимую песню:

"Над нами небо голубое.
Мы — не сторонники разбоя.

На дурака не нужен нож. Ему с три короба наврешь.

И делай с ним, что хошь".

Сергей Антипенко,
Москва

■ Статья "А душу можно ль исцелить?" в № 7 "Смены" перевернула мою душу. Моя 25-летняя дочь погибает. Героиновая зависимость. Вот уже второй год я пытаюсь что-то предпринять, очень много размышляю о своей жизни, о нашей семье. Я пытаюсь понять, что толкнуло мою девочку в эту компанию, где ее приучили к наркотику. К героину, страшнее которого ничего нет! Я интуитивно пришла к тому же, о чем говорит в статье психолог Юлия Власова. И, знаете, ведь действительно запугивать молодежь страшными последствиями употребления наркотиков абсолютно бесполезно. Говори не говори — как об стенку горох! Я наизусть помню слова из статьи в вашем журнале про то, что надо не запугивать ребят, а учить их решать свои проблемы без наркотиков. Боже мой, как это верно. И как страшно осознавать, что время учить мою дочь

жить упущено. Я всегда хотела ей только добра, я готова последнюю рубашку с себя снять ради ее благополучия, я всю жизнь работала не разгибаясь, чтобы она была одета и обута не хуже других. Я скрывала от нее, что в доме не хватает денег, что мне тяжело — оберегала ее от проблем.

Только сейчас, столкнувшись с этой ужасной бедой, понимаю, что не научила дочь чему-то самому главному, упустила что-то... Размышления Юлии Власовой очень близки мне и понятны. Спасибо вам, что вы не осуждаете таких несчастных, как я и мой ребенок, не призываете выставить нас "к позорному столбу", как недавно написала одна наша местная газета. Вот прочитала ваш журнал и как будто с давним другом поговорила, который может все понять...

Мария Владимировна К.,

Минск

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы признательны вам за письма. Не все мы имеем возможность опубликовать, но каждое внимательно прочитываем, а предложения и критические замечания стараемся учесть при подготовке очередных номеров. Письма с вопросами, откликами, пожеланиями вы, как и прежде, можете присылать обычной почтой по адресу:

**101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14,
но можете воспользоваться и электронным адресом журнала:
smena@garnet.ru**

Масло льняное — наше здоровье сегодня, завтра и всегда

Время неумолимо: с возрастом мы замечаем ослабление памяти. Этот процесс может прогрессировать и приводить к самым тяжелым формам заболевания, вплоть до появления признаков глубокого склероза. Одна из причин ослабления памяти — ухудшение обмена веществ в клетках нервных тканей и мозга. Такие изменения в работе клеток наблюдаются у большинства людей в возрасте 50-65 лет.

Традиционные профилактические лечебные средства по причине их дороговизны малодоступны для большей части населения. Кроме того, они имеют побочные эффекты. Надежным средством профилактики и лечения таких заболеваний является **масло льняное пищевое**.

Льняное масло уникально тем, что содержит незаменимую жирную кислоту "Омега-3". Эта кислота легко усваивается организмом и входит в состав клетки в качестве основного компонента ее мембраны. Она стимулирует работу клеток и нормализует кровяное давление мозга, что обеспечивает восстановление памяти человека.

Льняное масло может предотвращать и другой недуг — мозговой удар (инсульт), который чаще всего происходит в утренние часы (с 7 до 10). Именно поэтому льняное масло лучше принимать по утрам, чтобы подпитать клетки кислотой "Омега-3" и тем самым активизировать их работу, что и способствует предотвращению инсульта.

Одобрено и рекомендовано институтом питания РАМН.

Внимание! Указанные лечебно-профилактические свойства характерны только для льняного масла, изготовленного по защищенной технологии директора предприятия "Вера" — Л.Г. Болобана (товарный знак — летящий сокол балобан).

Кстати, о производстве масла. Поскольку сегодня всем ясно, что льняное масло — это здоровье, появилось много желающих такое масло выпускать. Но дело это не настолько простое, как кажется. У льняного масла своя формула, и для получения продукта высокого качества необходима особая технология. И состав масла, и технология его производства запатентованы. Те, кто берется за дело, не зная этого, нарушают патентное законодательство. (Нарушением исключительного права патентообладателя признается несанкционированное изготовление, применение, ввоз, предложение к продаже, продажа или иное введение в хозяйственный оборот.)

Так что тем, кто хочет действительно укрепить и поправить здоровье, рекомендуется внимательно смотреть на этикетку. У истинного производителя на этикетке имеется товарный знак, указаны номера патентов. Если этого на этикетках нет, масло лучше не брать.

**Производство ООО "Вера",
г. Кашин Тверской области.
Тел.: (08234) 6-26-18, (095) 237-86-74, (0742) 46-22-80.**

Аудиотеатр "Чистые пруды" предлагает записи литературных и литературно-музыкальных произведений:

"ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН".

Музыкально-поэтическая композиция по роману в стихах А. С. Пушкина и одноименной опере П. И. Чайковского.

Читает **Яков Смоленский**, участвуют солисты, хор и оркестр ГАБТ СССР.

Дирижер **Марк Эрмлер**.

Продолж. зв. 1 час 56 мин. 36 сек. В 2-х кассетах.

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО.

Рассказы.

Читает **Александр Котов**.

В сборник включены рассказы:

"День человеческий", "Под столом", "Костя", "Страшный мальчик".

Продолж. зв. 1 час 07 мин. 1 кассета.

"СРЕДЬ ШУМНОГО БАЛА".

Литературная композиция по произведениям А. К. Толстого.

Читает народный артист России **Рафаэль Клейнер**.

"Средь шумного бала", "То было раннею весной", "Колокольчики мои" и другие стихи, отрывки из романов "Князь Серебряный", "Царь Борис", "Смерть Иоанна Грозного".

Продолж. зв. 1 час 29 мин. 40 сек. 1 кассета.

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО.

Рассказы о любви.

Читает **Александр Котов**.

"Рассказ о старом дураке",

"Жениться — не напасть, как бы не пропасть", "Мелкий случай из личной жизни", "Свадебное происшествие", "Забавное приключение". Послесловие.

Продолж. зв. 57 мин. 1 кассета.

"НИОТКУДА С ЛЮБОВЬЮ".

Стихи Лауреата Нобелевской премии Иосифа Бродского.

Автор композиции и исполнитель народный артист России **Рафаэль Клейнер**. В сборник включено 21 стихотворение.

Продолж. зв. 1 час 21 мин. 56 сек. 1 кассета.

САША ЧЕРНЫЙ.

Солдатские сказки.

"Штабс-капитанская сласть", "Солдат и русалка".

Читает **Виктор Шимановский**.

Продолж. зв. 55 мин. 48 сек. 1 кассета.

"РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА"

(на русском языке).

Аудиоспектакль по трагедии Вильяма Шекспира

в переводах **Александра Соколовского** и **Бориса Пастернака**

Продолж. зв. 2 часа 10 мин. 37 сек. В 2-х кассетах.

По вопросам приобретения обращайтесь письменно по адресу: 117218, г. Москва, а/я 95 или по телефону: (095) 125-03-08.

НАШИ ЦЕНЫ ДОСТУПНЫ!

Новое в лечении храпа

В результате кропотливых исследований в последние 20 лет было доказано, что храпом страдает чуть ли не каждый пятый взрослый человек. Тот, кто спит рядом, сможет во всех красках описать "эстетическое наслаждение", которое храпящий доставляет по ночам своими "богатырскими трелями". И немногие могут терпеть храпуна каждую ночь. Бывает, дело доходит до развода. Но проблема храпа имеет не только бытовое, но и социальное значение.

По данным разных авторов около 80 процентов храпящих пациентов из-за повышенной сонливости днем потеряли трудоспособность, а у 50 процентов возникают препятствия для нормальной жизни в семье.

Оказывается, храп обычно сопутствует более тяжелым нарушениям сна. Храп является симптомом остановок дыхания во сне или обструктивного апноэ во время сна. Храп возникает во время расслабления мягких тканей дыхательных путей. И, как правило, обусловлен большими размерами мягкого неба, язычка, аденоидов. Эти образования и препятствуют свободному прохождению воздуха, а в результате колебаний создают шумные храпящие звуки и порой полностью перекрывают дыхательные пути. Результатом храпа и неполноценного ночного дыхания становится дневная сонливость, которая может привести к дорожному травматизму и снижению работоспособности, раздражительности и ухудшению настроения, а иногда и к депрессии. Храп и затрудненное ночное дыхание служат причиной расстройств половой сферы, сердечно-сосудистых заболеваний (ишемическая болезнь сердца, мозга, сердечно-легочная недостаточность и другие).

Лечение храпа стало возможным совсем недавно, всего каких-то 20-25 лет назад. В общую концепцию лечения храпа включены как нехирургические методы: снижение веса, отказ от алкоголя и курения, специальные загубники для сна, масочный метод продолжительного положительного давления воздуха, нагнетаемого через микрокомпрессор, применение некоторых медикаментов, так и хирургические. К хирургическим относится ряд традиционных операций по увеличению просвета дыхательных путей. Но в настоящее время революцией в хирургии мягкого неба называют метод **сомнопластики**.

Сомнопластика — это амбулаторный метод лечения, проводимый под местной анестезией. Он основан на использовании малоинтенсивной низкотемпературной радиочастотной энергии для уменьшения и уплотнения ткани мягкого неба и язычка. Радиочастотная энергия подается по электроду в подслизистый слой мягкого неба. В результате этого в течение месяца лишние ткани уменьшаются в объеме и уплотняются, повышается эластичность мягкого неба, ночное дыхание становится свободным и бесшумным.

Особо нужно подчеркнуть, что **сомнопластика** — это стабильность результатов лечения (90 процентов);

- безболезненность манипуляции;
- быстрота выполнения (20-30 минут в амбулаторных условиях);
- отсутствие осложнений;
- возможность нормального приема пищи уже через 3 часа после процедуры.

Все это выгодно отличает **сомнопластику** от других хирургических методов лечения храпа.

О. МЕРКУЛОВ, оториноларинголог,
кандидат медицинских наук,
И. БАХРЕВСКИЙ, сомнолог.



ГУТА КЛИНИК

МЕДИЦИНСКИЙ ЦЕНТР ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ

Уникальное ультрасовременное западное оборудование в руках высококлассных специалистов "Гута Клиник" поможет Вам и Вашим близким решить любые проблемы, связанные со здоровьем.

Диагностика и лечение головокружения, расстройства равновесия и укачивания

Оториноларингология:

Эндоскопические исследования и операции
Исследование слуха и подбор слуховых аппаратов
Современный метод лечения храпа (амбулаторно)

Неврология:

Диагностика и лечение патологии сна, головных болей
и остеохондроза

Неврологическая и вестибулярная реабилитация, в том
числе постинсультных больных
Мануальная терапия

Терапия:

Терапевтическая кардиология
Пульмонология
Гастроэнтерология и диетология
Аллергология и иммунология
Эндокринология, в том числе компьютерная диагностика
остеопороза

Педиатрия, в том числе

Детская неврология, оториноларингология,
гастроэнтерология, иммунология-аллергология и
травматология

Гинекология

Урология и андрология

УЗИ внутренних органов, сердца и сосудов

Физиотерапия, в том числе грязе- и водолечение

Косметология

Рефлексотерапия

Психотерапия

Лабораторная диагностика

Лечебная физкультура

Профилактические прививки детей и взрослых

Выезд специалистов на дом

И многое, многое другое.

Приобретение годового абонемента дает право на
неограниченное количество лечебно-диагностических
мероприятий в нашей клинике, а также вызов врача на дом.



Более подробно на все Ваши вопросы ответят наши администраторы
по тел. 250-26-40, 251-80-02 или 250-58-03,
факс: 251-66-76, Звоните, мы ждем Вас!
Государственная лицензия ЦЛМД №6780/6776

МЕТА-НАВЫКИ И ВАША КАРЬЕРА

Почему при прочих равных обстоятельствах (образование, возраст, стаж и т.д.) у одного человека быстрее и качественнее получается работа, легче происходит процесс обучения, а другой тратит на те же операции значительно больше времени и энергии? И при этом первый зачастую еще выдает букет свежих идей и решений.

Один из ответов на этот вопрос может состоять в том, что у этих двух людей разный уровень развития **МЕТА-НАВЫКОВ**.

Что такое **МЕТА-НАВЫКИ**? Вы впервые слышите такое словосочетание? Возможно. Хотя многие западные менеджеры по персоналу уже давно при приеме на работу тестируют уровень развития **МЕТА-НАВЫКОВ** у претендента на вакансию, и при прочих равных достоинствах место получает тот, чей суммарный уровень развития мета-навыков выше, чем у остальных претендентов. Конечно, ведь они понимают, что человек с высокоразвитыми **МЕТА-НАВЫКАМИ** будет работать в десятки раз эффективнее и принесет компании ощутимую прибыль. Даже если человек с высокоразвитыми **МЕТА-НАВЫКАМИ** и не обладает всеми необходимыми для данной должности знаниями и умениями, то все равно могут предпочесть его, так как такой человек очень быстро и легко обучается. Одним словом, наиболее ценными работниками считаются те, кто обладает высоким уровнем мета-навыков, увеличивающим темпы обучения и облегчающим профессиональную деятельность.

Итак, что же такое **МЕТА-НАВЫКИ**? Это те навыки, которые не связаны со спецификой какой-либо деятельности, а являются базой, основанием для осуществления любых других более специализированных операций. Традиционно к мета-навыкам относят **ПАМЯТЬ, ВНИМАНИЕ, СКОРОСТЬ ЧТЕНИЯ, СПОСОБНОСТЬ К САМОРЕГУЛЯЦИИ**, сюда иногда добавляют скорость печати и быстрый счет в уме. Кроме того, на современном этапе к мета-навыкам относят еще три, которые раньше называли метаспособностями. Это мобильное мышление, творческое (нестандартное) мышление, а также логическое мышление. Без высокого уровня развития всех этих качеств в современном мире, с его постоянно ускоряющимся информационным потоком, просто не обойтись.

Вам интересно узнать, каким уровнем развития мета-навыков обладаете именно вы? Можно ли вас назвать человеком с нестандартным мышлением?

На эти и многие другие вопросы вы получите ответы, пройдя тестирование уровня развития **МЕТА-НАВЫКОВ** в московской фирме "**ЗЕЛЕНый ОСТРОВ**". Тестирование для читателей журнала "Смена" проводится бесплатно по предварительной записи.

Кстати, там же, в "Зеленом острове", вы сможете существенно развить память, внимание, скорость чтения, мобильное и нестандартное мышление, воображение и способность к саморегуляции. Причем все эти навыки вы можете улучшить одновременно и за короткий срок, пройдя семинар-тренинг "Глобал Т.Э.М.П." или занимаясь с одноименной мультимедийной компьютерной программой.

Более подробную информацию вы получите, позвонив по телефону 176-9655, 8-901-759-89-34 или посетив сайт в Internet по адресу: <http://www.gi.ru> e-mail: gi@gi.ru



Вниманию подписчиков!

В первом полугодии 2001-го года цена за один номер журнала — 31 руб., за три — 93 руб., полугодичная подписка — 186 руб. (по каталогу "Роспечати" без стоимости доставки).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи России и стран СНГ с любого месяца.

Ф. СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на журнал

70820

(индекс издания)

"СМЕНА"

Количество комплектов

на 2001 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ

место

ли-
тер

на журнал

70820

(индекс издания)

"СМЕНА"

Стои-
мость

подписки
пере-
адресовки

руб.

руб.

Количество комплектов

на 2001 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

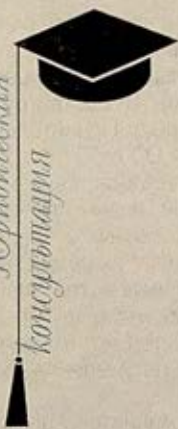
**ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ
АБОНЕМЕНТА!**

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ – МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Роспечати».



Льгота для продавцов

"Мой родственник собирается продать мне автомобиль. Кто из нас должен платить налог и какой"

В. Федорчук,

Смоленск

Когда один гражданин продает другому имущество, обязанность уплатить подоходный налог возлагается на продавца, то есть на лицо, получившее доход в денежной форме. Закон РФ от 7.12.91 г. "О подоходном налоге с физических лиц" (в ред. от 4.05.99 г.) в п.п. "т" п.1 ст.3 устанавливает льготу для тех, кто в течение года получил денежные суммы от продажи движимого имущества. В этом случае налогооблагаемый доход уменьшает-

ся на сумму, не превышающую тысячекратный минимальный размер оплаты труда.

Кто отвечает за регистрацию?

"Мы заключили договор купли-продажи загородного дома. Должны ли все, кто подписывал договор, ехать в регистрационную палату или это можно поручить одному человеку?"

А. Бондарев,

Тульская обл.

Ответ на данный вопрос зависит от того, производилось ли нотариальное удостоверение договора купли-продажи. В соответствии с ч.1 ст.16 Федерального закона от 21.07.97 г. "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним", если право возникло на основании договора, не требующего обязательного нотариального удостоверения, заявление о регистрации подают все стороны. В случае уклонения одной из сторон, переход права регистрируется судом по иску добросовестной стороны.

Если же договор не требует нотариального удостоверения по закону, но удостоверен нотариусом по желанию сторон, то с заявлением о регистрации может обратиться одна из сторон.

В любом случае стороны договора вправе произвести регистрацию через своего представителя на основании доверенности.

Только для несовершенно- летних

"Несколько лет получала ежемесячное пособие на ребенка, который сейчас зананчивает школу.

Будет ли пособие выплачиваться и дальше?"

Л. Семенова,

Волгоградская обл.

По общему правилу ежемесячное пособие на ребенка назначается и выплачивается одному из родителей (усыновителей, опекунов, попечителей) на каждого проживающего совместно с ним ребенка до достижения возраста шестнадцати лет.

Вместе с тем, п.37 Положения "О порядке назначения и выплаты государственных пособий гражданам, имеющим детей" в редакции от 5.05.2000 г. предусматривает, что на ребенка, обучающегося в общеобразовательном учреждении, пособие выплачивается до окончания обучения. При этом срок выплаты пособия не должен превышать возраста семнадцати лет.

Кроме того, в новой редакции Положения установлено ограничение: пособие выплачивается на детей в семьях, имеющих размер среднедушевого дохода, дающий право на получение пособия в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Кто оплатит переезд?

"Мой муж — военнослужащий. Его переводят в другой город. Наши средства весьма ограничены, а предстоит еще и переезд на новое место жительства. Должно ли начальство мужа компенсировать, хотя бы частично, эти расходы?"

М.А. Булгак,

Воронежская обл.

Министерство обороны РФ и иные федеральные органы, в которых предусмотрена военная служба, обязаны возмещать рас-

ходы, связанные с проездом железнодорожным, воздушным, водным и автомобильным транспортом (кроме такси). В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 20.04.00 г. "О порядке возмещения расходов, связанных с перевозкой военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, а также их личного имущества" при переезде к новому месту службы оплачивается не только проезд военнослужащих, но и членов их семей.

Кроме того, министерство и другие органы возмещают расходы, связанные с перевозом до 20 тонн личного имущества в универсальных контейнерах железнодорожным транспортом и другими видами (кроме воздушного). В случае перевозки имущества багажом и мелкой отправкой возмещаются фактические расходы, но не выше стоимости перевозки 20 тонн в контейнере.

Требуйте заключение врача

"Я был лишен водительских прав на несколько месяцев, так как, по мнению сотрудника ГИБДД, управлял машиной в нетрезвом виде. При этом проверка проводилась с помощью "трубни", которой, по-моему, доверять нельзя. Разве не должны были меня направить к врачу?"

Н.М. Петров,

Ленинградская обл.

Правила, по которым определяется, находится ли человек в состоянии опьянения, установлены действующей в настоящее время совместной Инструкцией МВД, Минздрава и Минюста СССР от 29.06.83 г. "О порядке направле-

ния граждан на освидетельствование для установления состояния опьянения и проведения освидетельствования". В соответствии с данной Инструкцией, если у работников милиции имеются основания полагать, что водитель находится в состоянии опьянения, то для выяснения этого вопроса сотрудниками милиции должны применяться индикаторные трубки. Применение трубки оформляется протоколом. При этом необходимо присутствие двух свидетелей.

Если водитель согласен с результатом пробы, дальнейшее исследование не требуется. Если же результат расходится с мнением самого водителя, то согласно п. 11 Инструкции водитель направляется на освидетельствование в медицинское учреждение, где будет произведено более детальное исследование состояния водителя.

Таким образом, при несогласии с выводами сотрудников ГИБДД вы могли требовать направить вас в медицинское учреждение для получения квалифицированного заключения о состоянии вашего здоровья.

Вознаграждение или вымогательство?

"Несколько дней назад я потеряла бумажник с личными документами. После этого мне позвонил нашедший документы гражданин и потребовал выплатить ему вознаграждение. Имеет ли он право требовать деньги за возврат моих же документов?"

В.А. Лукашева,
Калужская обл.

Несмотря на то, что потерянные документы принадлежат вам,

а не нашедшему их лицу, гражданин, сообщивший о находке, имеет право получить от вас вознаграждение. В соответствии с ч. 2 ст. 229 Гражданского кодекса РФ нашедший вещь вправе потребовать от лица, уполномоченного на получение вещи, вознаграждение за находку в размере до двадцати процентов от ее стоимости. Если найденная вещь имеет ценность только для потерявшего ее лица, размер вознаграждения определяется по соглашению с этим лицом.

Разумеется, вышеуказанное правило действует только в том случае, когда нашедший вещь гражданин сообщил о находке и не пытался ее утаить.

Преимущество при усыновлении

"Обратилась с заявлением об усыновлении ребенка моего мужа от первого брака, так как мальчик остался без матери. Могут ли мне отказать на том основании, что разница в возрасте между мной и ребенком всего 12 лет?"

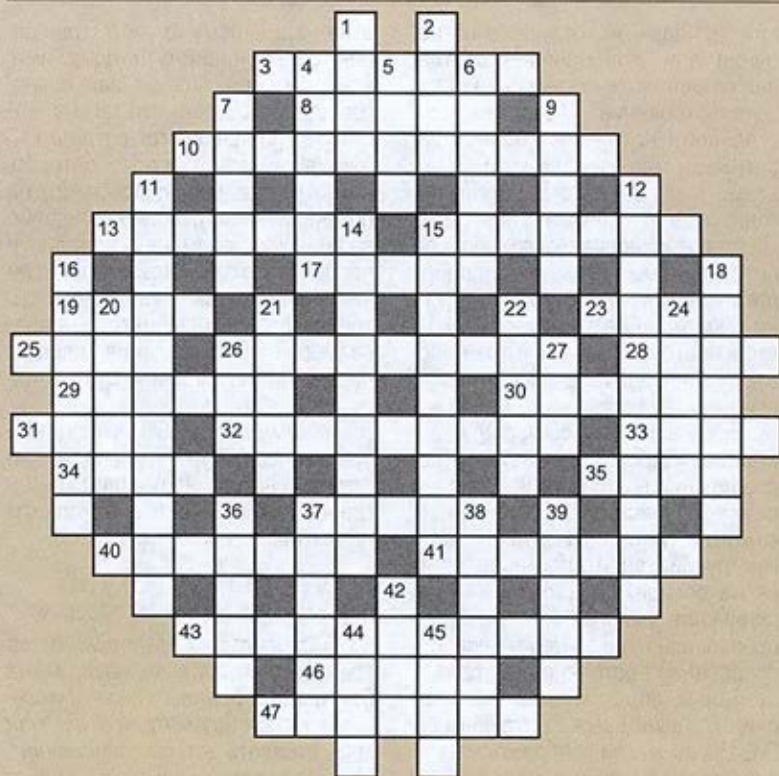
К.Н. Каткова,

Краснодарский край

Законодательством действительно предусмотрена определенная разница в возрасте, необходимая для усыновления ребенка. В соответствии с ч. 1 ст. 128 Семейного кодекса РФ эта разница составляет шестнадцать лет. Вместе с тем, согласно ч. 2 указанной статьи при усыновлении ребенка отчимом (мачехой) наличие разницы в возрасте не требуется. Так что в вашей ситуации возраст учитываться не будет. ■

Ольга КОРЫТКО,

консультант "Смены"
по юридическим вопросам



КРОССВОРД

По горизонтали. 3. Мелкий изюм без косточек. 8. Французский писатель, мастер романа-биографии. 10. Сибирская змея, чей укус болезненный, но не смертельный. 13. Бабник. 15. Тонкая доска или фанера, вставляемая в раму. 17. Некрасовский спасатель зайцев. 19. Ловкость рук — и никакого мошенства. 23. Декоративный сад. 25. Доцветовое обретение кинематографа. 25. Сушеные фрукты из компотной смеси. 28. Серость, клюющая на бесплатный сыр. 29. Лекарство из маточного молочка пчел. 30. Хам в начале пути. 31. Рыбачье счастье. 32. Студент, пишущий выпускное сочинение. 33. Имя киношной комсомолки, спортсменки, красавицы. 34. Переселенец из панциря в банку. 35. "Цвет грязи", прижившийся у военных. 37. О переноске мечей на ... первым сказал пророк Исайя в Библии. 40. Группировка блестящих по-

литиков в конvente революционной Франции, не устоявших, однако, перед курсом насилия Дантона и Робеспьера. 41. Генерал, куратор английского вояжа Левши. 43. Женщина, не ладящая с Уголовным кодексом. 46. Иван Иванович по отношению к Ивану Никифоровичу. 47. Повесть, из которой выжали всю "воду".

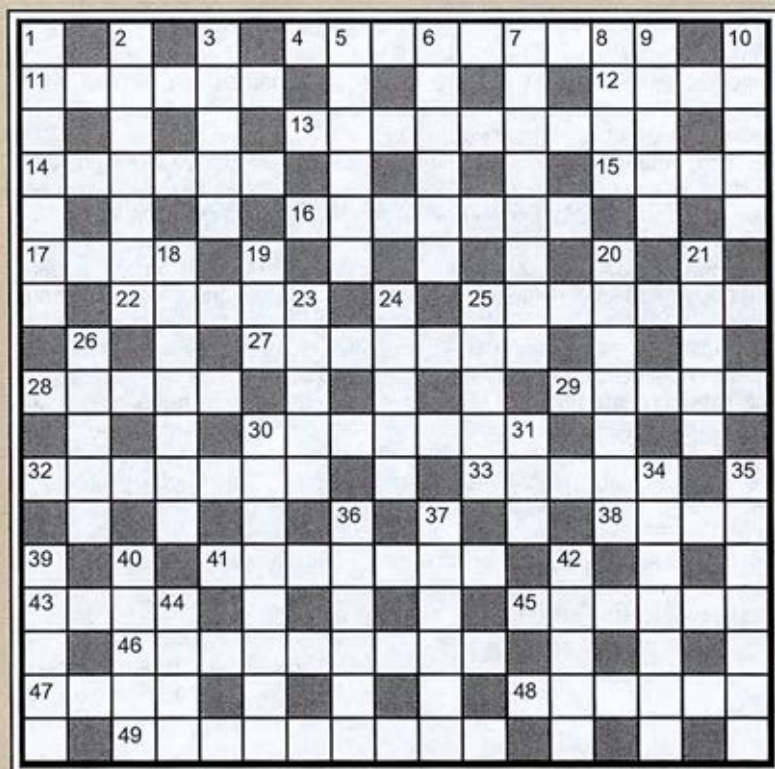
По вертикали. 1. Грозный анкомпанемент. 2. Весьма бинфордово. 4. Коса как орудие и коса девичья (каждое из этих двух слов по отношению к другому). 5. Царь Иудеи в то время, когда родился Иисус Христос. 6. Химический элемент, открытый в аптечной склянке. 7. Самый великий Леонардо. 9. Хмельная сладость. 11. Исполнение колыбельной песни малышу, положенному спать. 12. Специалист по уценке знаний. 14. Вертикальный желобок на стволе архитектурной колонны. 15. Подпись начальника для визирования бумаг, когда его нет на месте. 16. Насыпание террикона у шахты. 18. Дружба, общение. 20. Ручной громкоговоритель. 21. Большая столица, откуда выбежала в мир маленькая собака. 22. Владелец нрава, который не в ладах с общественной нравственностью. 24. Гриб, какой солят сырым. 26. Озеро, где у Н.Гумилева "изысканный бродит жираф". 27. Сорос бабьих лет. 36. "Думцы" во времена Ивана Грозного. 37. Нештановый город куплетистов. 38. Наем земли или имущества во временное пользование. 39. Сибирский народ, в чьем языке нет абстрактных понятий. 42. Сладость в пузырьках. 44. Словесный звон под выпивон. 45. Слово из заклипания Буратино при посеве золотых на Поле Чудес. ■

Составила **Г. АЛЕНТОВА**,
Иязепетровск Челябинской обл.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали. 1. Данте. 4. Беляш. 8. Наюр. 10. Влас. 12. Шахматистна. 13. Эстет. 15. Ангел. 18. Фарс. 19. Трамвай. 20. Гага. 23. Орнамент. 25. Риторика. 26. Дунай. 27. Слав. 28. Щупик. 30. Склеп. 33. Украинна. 34. Цагараев. 36. Мюнш. 39. Маненен. 40. Пиит. 42. Артур. 44. Наяда. 45. Рабиндранат. 46. ...круг. 47. Улан. 48. Пузан. 49. Зразы.

По вертикали. 1. Дюшес. 2. Арат. 3. Тамаринд. 5. Евстахий. 6. Явна. 7. Шланг. 8. Коса. 9. Штамп. 11. Снег. 13. ...эфиоп. 14. Транспарант. 16. Газифинация. 17. Ладан. 21. Омшаник. 22. Попугай. 24. Тучна. 25. Ранец. 29. Хурма. 30. Снважина. 31. Паденатр. 32. Свита. 35. Жердь. 37. Юрок. 38. Шуруп. 40. Патлы. 41. Иден. 43. Рагу. 44. Науз.



ЭРУДИТ

По горизонтали. 4. Растение, чья ветка была изображена на личной печати Р. Бёрнса. 11. Город, где лишь раз побывал армянский поэт Ван Терьян. 12. Певец-сказитель у киргизов. 13. Животное, оставленное Аронаксом в Америке (Ж.Верн. "20 тысяч лье под водой"). 14. Франт, каким стал Адуев из "Обыкновенной истории" в Петербурге. 15. Орудие наказания в России до 1845 года. 16. Процесс умножения амёб. 17. Чешский писатель, заявивший, что "у королев не бывает ног". 22. Его носила Скарлетт О'Хара, когда Ретт Батлер за доллары купил право танцевать с ней. 25. Нафе, где Штирлиц единственный раз увидел свою жену. 27. Каждый из сорока восьми железнодорожных объектов от Болоньи до Флоренции, что посчитал еще А.Чехов. 28. Место смерти Сенени и Марата. 29. Тип развесистой клюквы. 30. Древнегреческий ученый, разделивший математику на четыре части. 32. Синоним идола и кумира, обижаящий людей. 33. Болгарский кинорежиссер, закончивший ВГИК. 38. Самая большая любовь Юрия Никулина. 41. Эмоциональное проявление слабости нервной системы. 43. Бог, частые

жертвы которому приносили палатские чиновники (Н. Гоголь. "Мертвые души"). 45. В Греции — сиртаки, в Венгрии — ... 46. Плотницкий инструмент, чьи следы есть на Преображенской церкви в Нижних. 47. Рена, за которой стоят Индерские горы. 48. Женщина не без них рождает дочь или сына, графоман не без них рождает серость. 49. Прибор, без которого обходился Левша.

По вертикали. 1. Территория Руси, не включенная Иваном Грозным в опричнину. 2. Основоположник учебно-педагогического контроля в физической культуре в России. 3. "Петушинный" народ Европы, у которого была "криковая" телеграфная связь. 5. Древнегреческая монета, равная двум драхам. 6. Постельничий и дворецкий царя Алексея Михайловича, один из самых выдающихся бескорыстных людей своего времени. 7. Математик, первым оценивший работы Э. Галуа. 8. Пытка или допрос под пыткой в старину. 9. Рабочее состояние шамана. 10. Пост атеиста. 18. "... остер и узок, как шлага" (И. Тургенев.) 19. Должность князя Голицына при императрице Анне Иоанновне. 20. Житель азиатской страны, чью независимость первой признала Россия. 21. Псевдоним, под которым писал К. Шанявский, большой знаток еврейского быта. 23. Самоцвет, поэтический аналог губ красавицы на Востоке. 24. Слой глины, наносимый на керамическое изделие до обжига и облагораживающий его. 25. Поэт, чья "Свобода" стала поэтическим знаменем маки. 26. Оношко, где за автограф платят порой хорошие деньги. 30. Постоянный контроль. 31. Одно из старинных названий полотна. 34. Столица страны между ренами Кунене и Оранжевая. 35. Денабрист, познакомившийся с А. Пушкиным у П. Чадаева. 36. Герой греческих мифов, которого называли укротителем лошадей, а ахейцы считали своим предком. 37. Наемный танцор в парижском кабачке. 39. Римский жрец-гадатель. 40. Английский философ, сказавший в Мюнхене императору Людовику Баварскому: "Защищай меня мечом, а я буду защищать тебя пером". 42. Член "секты духов", по определению Екатерины Второй. 44. Индийский праздник в честь весны и ее творческих сил. ■

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали. 1. Ваяние. 7. Указ. 10. Чужбина. 11. Снальп. 13. Елка. 14. Филострат. 15. Овца. 16. Утро. 17. Проституция. 21. Царек. 22. Рис. 24. Снатана. 26. Йог. 28. Бочонок. 29. Ней. 30. Ветвь. 34. Бездомность. 37. Хлев. 38. Лима. 39. Инвариант. 41. ...ринг. 42. Дьявол. 43. Голгофа. 44. Нерв. 45. Карнай.

По вертикали. 1. Восток. 2. Яванцы. 3. Ильф. 4. Жуновский. 5. Обетчик. 6. Аннапурна. 8. Нулья. 9. Зрачок. 12. Пирра. 16. Уистлер. 18. Закон. 19. Щеголев. 20. Юнава. 23. Сон. 25. Конденсор. 27. Гемолимфа. 31. Эмбарго. 32. Стенд. 33. Ахерон. 34. Бернар. 35. Ширван. 36. Манлий. 40. Тьма.



Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
IX международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

112. А. ШОНХОЛЬЦЕР
 Швейцария



2

113. В. КАЛАНДАДЗЕ
 Грузия



2

114. Е. ЦИММЕР
 Польша



2

115. А. МИРОНОВ
 Беларусь



2

116. В. ШАНЬШИН
 Киргизия



2

117. А. ЕПИФАНОВ
 с.Новотроицкое



2

118. В. ГРЕБЕШКОВ
 п.Середка
 Псковской обл.



3

119. В. КАЛАНДАДЗЕ
 Грузия



3

120. Е. БОГДАНОВ
 Украина



3

121. Г. КОЗЮРА*Украина*

3

122. Е. РАКОВ*г. Сосновый Бор
Ленинградской обл.*

3

123. В. СОКОЛОВСКИЙ*Воронеж*

3

124. Л. ПРОНИН*Москва*

б) Крс6-e1

4

125. Е. БОГДАНОВ*Украина*

4

126. В. МЕТЛИЦКИЙ*Украина*

б) Фd1-Cf1

5

127. Г. ЕГОРОВ*Тула*

5

128. В. КОЖАНИН*Магадан*

5

129. Ф. УЛИГ*Германия*

6

130. А. ОГАНЕСЯН*г. Новочебоксарск*

8

131. В. МОРОЗОВ*Москва*

12

132. Н. ЗИНОВЬЕВ*Казахстан*

12



КОНСТАНТИН ШЕВАЛЬЕ

Главный жанр, в котором работает Константин Шевалье, — пейзаж. Романтический, порой мистический, но всегда написанный с лирическим настроением, здесь и фантазия художника, и реальная природа. Бескрайняя синь неба, аллеи, обрамленные мощными деревьями в золотом наряде осени, горы, окутанные мягкими белоснежными облаками, яркая россыпь полевых цветов, беготня солнечных бликов, неуловимо исчезающих в воздухе, медленно рассеивающиеся под первыми лучами солнца туманы... Состояние внутренней сосредоточенности, медитативность — характерное состояние художника. Потому любая его картина — не изолированный миг бытия, а «остановленный миг» жизни.

В художественном институте имени Суринова Константин учился в мастерской В. Забелина, и еще студентом участвовал в выставках. Сейчас сотрудничает с галереями «Вернисаж» и «Москва и русская провинция».

Пишет Константин и натюрморты — в них предметы, зачастую самые обычные, приобретают особое смысловое звучание, вступая между собой в тончайшие образные ассоциативные связи.

В мастерской художника есть масса интересных и необычных предметов — например, макет, склеенный Константином из картона, изображающий городскую диораму с домами, кораблями, фигурками людей и даже детскими игрушками. Чтобы легче пережить разного рода жизненные стрессы, художник занимается детскими игрушками; кроме того, придумывает разные игры

— такие, как «Деревня Удовенкино», «Война в Европе», «Колонизатор». Последняя — военно-стратегическая (выполненная вместе с художником А. Сперанским) — представляет собой географическую карту с материком и островами и карточками, с помощью которых осуществляются разные ходы. Для этой игры Константин делает макеты кораблей, солдатиков, пушек, гор и даже деревьев.



«Весна на даче»



"Голубой натюрморт".

"Но главная "игра на всю жизнь" — это живопись, — говорит он. — Благодаря ей сознание освобождается от суетности бытия и очищается для восприятия красоты. От настроения, выраженного в картине, зависит и решение поставленной задачи, и владение определенными художественными средствами. Оно определяет колорит работы, ее содержательные и эмоциональные стороны. И вообще, живопись помогает мне в этой жизни оставаться человеком".

Людмила КАНДАЛОВА

"Прояснилось".



Интернет

окно в мир информации



RON
STUDIO

OK

Мы делаем
Ваш веб сайт
Ваше лицо в Интернете

студия веб дизайна "Крон"

RON
STUDIO

т. (095)737-705

www.cron.ru